

Дерек

Джармен

Современная

природа

Derek

Jarman

Modern

Nature

With an introduction by Olivia Laing

VINTAGE

Дерек

Джармен

Современная

природа

Предисловие

Оливии

Лэнг

Ад

Маргинем

Пресс

УДК 821.111-821 Джармен Д.
ББК 84(4Вел)6-49я44
Д40

Данное издание осуществлено в рамках совместной
издательской программы Музея современного искусства «Гараж»
и ООО «Ад Маргинем Пресс»

GARAGE

Ad Marginem

Перевод:

Илья Давыдов

Перевод предисловия:

Александра Соколинская

Редактор:

Анна Андропова

Дизайн:

Екатерина Лупанова

Джармен, Дерек.

Д40 Современная природа / Дерек Джармен. — М. : Ад Маргинем Пресс,
Музей современного искусства «Гараж», 2019. — 400 с. — 18+.

ISBN 978-5-91103-480-1

Каждый год сад Дерек Джармена (1942–1994) в Дангенессе привлекает сотни посетителей. Это странное и ветреное место — маленький сад рядом со скромной, черной, как смоль, Хижиной Перспективы. Но на гальке пляжа Джармен вырастил всевозможные растения; одни из них были уничтожены ветром и морскими брызгами, в то время как другие процветали, являя неожиданную красоту посреди пустынного пейзажа. В этих невероятных дневниках своего сада британский режиссер, художник и икона своего времени, Джармен исследует природу искусства, политики, жизни и смерти.

Copyright © Derek Jarman 1991

Introduction copyright © Olivia Laing 2018

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2019

© Фонд развития и поддержки искусств «АЙРИС»/IRIS Foundation, 2019

Предисловие (Оливия Лэнг)

9

Современная

природа

1989

19

1990

280

«Современная природа» — моя самая любимая книга. Я перечитывала ее множество раз, и она повлияла на меня как ничто иное. Впервые эти дневники попались мне в руки год или два спустя после выхода в 1991 году, само собой, это было еще до смерти Джармена в 1994-м. А рассказала мне о них сестра Китти. Тогда ей было десять или одиннадцать лет, а мне — двенадцать, может, тринадцать.

Странные дети. Мама у меня была лесбиянкой, и мы втроем обитали в безобразной новой застройке под Портсмутом, где все тупики назывались в честь уничтоженных ими угодий. Жилось нам вместе неплохо, однако мир за порогом дома казался шатким, неприятным и непроходимо серым. Я ненавидела свою школу для девочек, учениц-гомофобов и докучливых учителей, проявляющих излишнее любопытство к нашей «семейной ситуации». Это была эпоха Статьи 28, запрещавшей местным органам власти пропагандировать гомосексуальность, а школам — поощрять «профанацию семейных отношений». Заклейменные государством как «притворная семья», мы существовали под гнетом этих пагубных правил, в преддверии разоблачений и неминуемой беды.

Сейчас не могу точно припомнить, как впервые Дерек вошел в мою жизнь. Когда «Channel 4» поздно вечером показал «Эдуарда II»? Китти была сражена наповал. Годами она, сидя у себя в комнате поздними вечерами, смотрела и пересматривала его фильмы, самая неожиданная и горячая поклонница Джармена. Особенно ее завораживала сцена, когда Гавестон и Эдуард танцуют в тюрьме, оба в пижамах, под песню Энни Леннокс «Всякий раз, когда мы прощаемся».

А меня покорили книги. Я мигом влюбилась в «Современную природу». Решив перечесть ее этой зимой, я была ошеломлена, насколько большим подспорьем дневники стали в моей взрослой жизни. Именно благодаря им у меня сложилось представление о том, что значит быть художником, иметь

политические убеждения, я даже узнала, как разбить сад (играючи, упорствуя, презируя границы, свободно взаимодействуя).

Под влиянием «Современной природы» в двадцать лет я увлеклась травами, околдованная бесконечным перечнем растений: сладко-горький паслен, ястребинка, стальник — вперемешку с выдержками из старинных травников Апулея и Жерарда о свойствах барвинка и кукушечного арума. Когда я работала над своей первой книгой, «К реке», меня направлял именно голос Джармена.

В начале 1990-х Дерек часто печатался в газетах и выступал по радио. Он, единственный из британских знаменитостей, публично признался, что инфицирован ВИЧ, в итоге сделавшись мальчиком для битья. «Я всегда ненавидел тайны, — так он объяснил свой поступок, — язвы, которые уничтожают». Джармен был подвергнут остракизму, цензуре, лишился финансирования и другой поддержки, но сохранил обаяние, остроумие и замашки озорника.

Он боялся, что заявление поставит под угрозу его будущее как кинорежиссера, отныне ничем не застрахованное. Он также знал, что служит объектом ненависти для бульварной прессы и видимой мишенью для паникеров, испытывающих ужас перед СПИДом. И это была не параноя. В заметке, опубликованной в 2017 году в «Лондонском книжном обозрении», Алан Беннетт вспоминает, как в 1992 году он сидел позади Джармена на премьере «Ангелов в Америке». Направляясь к своему креслу, он чуть задел его за рукав и «взмолился ко всем богам, чтобы Джармен не обернулся и не пожал ему руку. Так я позорно промолчал». В перерыве он помчался наверх и наклеил пластырь, после чего уже смог поздороваться. Беннетт рассказал этот случай, как он объяснил, «дабы напомнить об истерии вокруг Джармена, которой поддался и он сам».

Трудно передать на словах, насколько мрачными и страшными были те года. Тогда еще не придумали

интернет — эту вызывающую зависимость мутацию волшебного зеркала доктора Ди. Люди знали очень мало. Даже будучи больным, Дерек, вспыльчивый и до невозможности шумливый, не изменил своих привычек. Достаточно было взглянуть на него, чтобы понять, что существует другая жизнь — дикая, необузданная, радостная. Он распахнул двери и показал нам рай. Он сам вырастил райский сад, затейливый и бурнорастущий. Я не веру в модели для подражания, но даже теперь, спустя четверть века, спрашиваю себя: а как бы поступил Дерек?

Дерек Джармен начал дневник, со временем оформившийся в «Современную природу», 1 января 1989 года с описания Хижины Перспективы, крошечной смоляно-черной рыбацкой хижины на мысе Дангенесс, которую он купил под воздействием импульса за тридцать две тысячи фунтов на доставшееся от отца наследство. После проведенных в Лондоне десятилетий у него наконец появилась возможность вернуться к своей первой любви — садоводству.

На первый взгляд, Дангенесс мало подходил для садовода-энтузиаста. Прозванное «пятой стороной света», это было особенное место — с тяжелым микроклиматом, сильными ветрами и пересохшей и просоленной почвой, от которой жухли листья. И эту каменную пустыню с маячившей, точно фантом, атомной станцией Джармен задумал превратить в оазис. Как и все его начинания, проект осуществлялся им собственноручно и в рамках маленького бюджета. Возя тачками навоз и выкапывая в гальке ямы, он упрашивал старые розовые кусты и инжир цвести, словно это были актеры, пуская в ход все тот же обезоруживающий шарм.

Первые страницы «Современной природы» читаются точно заметки Гилберта Уйата или Дороти Уордсворт — как научные записки о местной флоре и фауне, приправленные замечаниями собирателя

древностей. У Джармена был глаз художника, и он улавливал, как меняются оттенки моря, неба и камней, зоркое око примечало на берегу невероятные богатства. Глауциум и катран росли прямо на гальке по соседству с колокольчиками, коровяком, синяком обыкновенным, раkitником и утесником, здесь же водились ящерицы и двенадцать разновидностей бабочек.

Но как Джармен объяснил художнице Мэгги Хэмблинг, его интересы не совпадали с пристрастиями сановных натуралистов Викторианской эпохи. «Да, понимаю, — ответила она. — Вы открыли для себя современную природу». Идеальное определение, охватывающее как ночные шатания по лесопарку Хэмпстед-Хит, так и выдергивающий из сна кошмар, навеянный ВИЧ. Из-за его умения писать откровенно о сексе и смерти — на две самые очевидные темы — большая часть сочинений о современной природе кажутся ханжескими и вялыми. Подход Дерека к природе радикален, и мне он представляется лучшим, поскольку не исключает из сферы интересов тело. Джармен описывает обостряющуюся болезнь и нарастающее желание с такими же скрупулезностью и вниманием, с какими осматривает крушинную облепиху или дикую смоковницу.

Замысел разбить сад был своеобразной реакцией на отчаяние, в которое его повергли комплексное лечение и почти стопроцентный смертный приговор. Сад мог стать заделом на будущее и стимулом вспомнить прошлое. Джармен заново познавал себя, возясь с растениями, которые обожал мальчишкой, — незабудками, семпервивумом, гвоздичным деревом, — мысленно переносился в сады своего скитальческого и несчастливого детства.

Его отец был летчиком ВВС Великобритании, и семья часто переезжала. Ребенком Джармен жил на великолепных привольных берегах озера Маджоре в Италии, в Пакистане и в Риме. В Сомерсете из-за

поселившихся на чердаке диких пчел у них рухнула стена дома, окатив двор волной меда.

Чувствительный ребенок, Дерек воспринимал сад как зону волшебства и неисчерпаемых возможностей, готовую альтернативу строго регламентированной жизни военнослужащего. Он вспоминает, как делал гнезда из свежескошенной травы, а дождливыми днями сосредоточенно изучал замечательные цветные иллюстрации в книге «Прекрасные цветы и секреты их выращивания». Отец дразнил его нежной и кислым, как лимон, а однажды, по словам родственника, выкинул маленького сына из окна.

Сад, в особенности запущенный, очень эротичен. В пригготовительной школе жалкий, брошенный на произвол судьбы, по темпераменту явно не дотягивающий до планки «мускулистого христианина», Дерек получил первый сексуальный опыт с таким же, как он, заблудшим мальчишкой; в экстазе они ласкали друг друга на поляне, поросшей фиалками. Парень назвал это «приятным ощущением». Но произошло неизбежное: их застукали, первое мучительное переживание, изгнание из Эдема, травма, которая воспроизводилась из фильма в фильм.

Школа. Он звал ее Извращенным Раем — битье вместо объятий, несчастные мальчики в форме не по размеру, издевающиеся друг над другом, обделенные любовью, отрешенные от собственных тел. Даже на пороге взросления у Джармена сохранилось жгучее чувство стыда и он так и не научился говорить о своих истинных желаниях, не говоря уже о том, чтобы их исполнять. «Испуганный и запутавшийся, я считал себя единственным в мире гомосексуалом».

«Современная природа» полна сожалений о потерянном времени и годах удушья. Лишь решившись поступить в школу изящных искусств и начав — к счастью для себя — заниматься любовью с мужчинами, Джармен вновь обрел рай взаимных желаний, пусть и по-прежнему нарушая закон.

На Джармене благодатно отразилось классическое образование. Даже по зарисовкам неустойчивой погоды видно, что он постоянно колеблется между двумя ипостасями — бунтовщиком и антикваром. Такова уж порочная система: да, он — экспериментатор-гомосексуал, которому нравится доводить до белого каления Мэри Уайтхаус. Но есть еще и традиционалист, не имеющий кредитной карты и прячущий факс в корзине для белья, который сожалеет об утраченных ритуалах и учреждениях, о множестве огородов в Кенте, ставших ненужными из-за засилья супермаркетов, и об елизаветинской медвежьей яме на Бэнксайд, снесенной застройщиками.

Нельзя сказать, что Джармен ностальгирует по прошлому, и уж точно он не сторонник «Малой Англии». Он выступает против стен и заборов, за диалог, сотрудничество и обмен. Как он пишет на самой первой странице: «Граница моего сада — горизонт». Его восхищает геральдическая, романтическая, возможно, наполовину вымышленная Англия. «Средние века рождали в моем воображении рай, — пишет он мечтательно. — Не „Рай поденщика“ Уильяма Морриса, но нечто подземное, как водоросль или коралл, что плавают в галереях украшенного драгоценностями реликвария».

Как студент лондонского Кингс-колледжа, в 1960-е он слушал лекции историка архитектуры Николаса Певснера, чей наметанный глаз примечал временной разницей в любом взятом наобум английском городе или деревенском пейзаже. У Джармена бывали периоды, когда, казалось, его захлестывало прошлое, становясь почти осязаемым, — чувство, роднившее его с Вирджинией Вулф, которое он передал в фильмах «Юбилей» и «Разговор с ангелами», магических путешествиях во времени.

Утраты Англии — меланхолия. Острая бритва — СПИД. Дневник Джармена несет печать смерти, сообщая о преждевременной и катастрофической потере многих друзей. «Старость быстро пришла

к моему замерзшему поколению», — горестно отмечает он и часто сам мечтает о небытии. В четверг, 13 апреля 1989 года он пишет о телефонном разговоре с Говардом Брукнером, блестящим молодым нью-йоркским кинорежиссером, которого он очень любил. К тому времени Брукнер уже не мог говорить, и в течение двадцати минут Джармен «слышал низкий стон раненого», усиленный чудо-технологиями, которые не сумели его излечить, зато благодаря им его голос пересек пол земного шара.

СПИД также усиливал ощущение грядущего апокалипсиса. Ежедневное созерцание зловещей громады — атомной станции Дандженесс Би, которая, казалось, вот-вот взлетит на воздух, превратившись в облако пара, — наводило Джармена на тревожные мысли о глобальном потеплении, парниковом эффекте и озоновых дырах. Есть ли у этого мира будущее? Неужели прошлое безвозвратно кануло в Лету? Что делать? Не терять времени понапрасну. Сажать розмарин, книпхофию, сантолину, обращать страх в искусство.

Но постойте! Нельзя сбросить со счетов и другого Дерека — смутьяна, словоохотливого и неугомонного, как плутоватый ворон его соседки, флиртующего в гей-баре «Comptons», перебивающего косточки и строящего планы насчет пирогов из Maison Vertraux. Он крадет отростки всех растений, попадающихся ему на глаза, яростно обрушивается на бульварную прессу, Британский фонд охраны памятников, билетные автоматы и «Channel 4», а затем как ни в чем ни бывало заключает, что судьба проявила к нему благосклонность, подарив поздние радости.

«ХБ, любовь», больничная записка. Его счастьем был Хинни-Бист — так он прозвал своего партнера Кейта Коллинза. Коллинз, программист из Ньюкасла, был необычайно красив. Они познакомились на фестивале в 1987 году и к тому времени, как был начат дневник, жили и работали вместе, курсируя между Хижиной

Перспективы и домом Феникса — крошечной студией Джармена на Чаринг-Кросс-роад.

«Я престарелый полковник, а он — юный младший офицер», — сказал Джармен в 1993 году журналисту, ведущему колонку «Как мы познакомились» в газете *Independent*, а ХБ вставил: «У нас очень необычные отношения — мы не любовники и не возлюбленные. Скажу, на кого мы похожи: на Джеймса Фокса и Дирка Богарда из фильма „Слуга“. Я постоянно произношу фразы вроде такой: „Позвольте заметить, сэр, мой пирог получил самые лестные отзывы“».

Присутствие ХБ в «Современной природе» весьма ощутимо. Он дает бой теням, выскакивает из машин, точно черт из табакерки, по три часа принимает ванны, пуская по воде коробки с кукурузными хлопьями, и молится, опускаясь под воду с головой. Он поддразнивает и утешает Джармена, готовит ему ужин, блестяще играет в кино, у него даже монтажная работает как часы.

Кино — более непреклонный возлюбленный. «По глупости я желал, чтобы мои фильмы стали домом, содержащим в себе все мои личные вещи», — пишет Джармен, однако, чтобы донести свое видение до мира, требуются несчетные компромиссы и отказ от надежд. И все же он до головокружительного восторга любил киносъёмки, этот импровизированный, великолепно костюмированный хаос, ощущение полета седалищем, воссоздание образов, почерпнутых из сновидений.

Периоды созерцания, связанные с Хужиной Перспективы, все чаще отвлекали его от кипучих трудов, когда он пытался втиснуть десятилетние наработки в пригоршню лет. За два года, отраженные в дневнике, Джармен снял фильм «Сад», подготовил видеоряд для первого турне Pet Shop Boys, равно как и выступил режиссером самого шоу, тогда же он начал работать над «Эдуардом II», параллельно рисуя иногда по пять картин в день. У него было мало времени и множество идей.

Его деятельность резко оборвалась весной 1990 года, когда он оказался в палате больницы Сент-Мэри в Паддингтоне. Он сражался с туберкулезом печени, пока на улицах бушевали погромы, спровоцированные маршем против подушного налога. Записи, сделанные в больнице, необычайно бодрые, в них не ощущается ни страха, ни страдания. Облаченный в «пижаму цвета берлинской лазури и кармина», он с любопытством наблюдает за своим состоянием и не без юмора описывает надвигающуюся слепоту и обильный ночной пот. Оказавшись абсолютно беспомощным, переполненный воспоминаниями о собственном несчастливом детстве, он к своей радости обнаруживает, что окружен любовью.

Дневник заканчивается в больнице, длинные перечни растений уступают место названиям лекарств, поддерживающих жизнь. Азидотимидин, ретафер, сульфадiazин, карбамазепин — унылая колыбельная начала 1990-х. Тем не менее Джармен встанет с больничной койки и продолжит работать, чтобы снять «Эдуарда II», «Витгенштейна» и «Блю», последние и самые глубокие картины. За четыре года он совершает практически невозможное и умирает в возрасте 52 лет.

Очень хотелось бы, чтобы он еще пожил. Хотелось бы, чтобы он был с нами — жизнерадостный и увлеченный, стряпающий нечто практически из ничего. Диапазон и масштаб его работ ошеломляют: одиннадцать полнометражных фильмов, каждый из которых раздвигает границы искусства кино, привнося в него нечто новое, от звучащей в «Себастьяне» латыни до неменяющегося экрана в «Блю»; десять книг, десятки короткометражек и музыкальных клипов Super 8, сотни картин; декорации к балету «Джазовый календарь» Фредерика Эштона, операм «Дон Жуан» Джона Гилгуда и «Похождения повесы» Кена Рассела, к фильму последнего «Дьяволы», не говоря уже

Сейчас уже не бывает таких людей. На днях я прочитала твит журналиста, защищающего тех, кто пишет для изданий вроде *Daily Mail*: «Журналистика — умирающая профессия, работникам пера тоже надо платить за квартиру. Мы, безусловно, не так богаты, чтобы ставить мораль выше потребности выжить».

Воображаю, как смеялся бы над этим Дерек. Вся его жизнь была опровержением подобной жалкой логики. Моральные суждения как роскошь для сверхбогатых! Он считал кино умирающей индустрией, но при этом не прекращал снимать, не дожидаясь финансирования или разрешения, а беря камеру Super 8 и используя вместо актеров друзей. Когда ему и дизайнеру Кристоферу Хоббсу нужно было, чтобы задник в «Караваджо» выглядел как ватиканский мрамор, они зачернили бетонный пол и запрудили его водой — иллюзия полноты, ставшей полноценной благодаря богатому воображению, богатству, состоящему не в наличности, а в смекалке и усердии. За фильм «Военный реквием» он получил всего десять фунтов. На еду ему хватало, а чем еще заняться, кроме любимой работы? Непреложно стремясь вперед, ведь его интересовали «съемки, а не фильм».

Пара строк врезалась мне в память более двадцати лет назад. Она приведена в «Современной природе» и повторяется в «Хроме. Книге о цвете» и «Блю» (Дерек очень любил начинать новым смыслом любимые кадры и строки). Это вольная цитата из «Песни Песней Соломона», слабый отголосок христианства, сделавший его детство столь несчастным.

*Ибо жизнь наша — прохождение тени, и нет нам возврата от смерти,
И наши жизни воссияют как искры, бегущие по стеблю.*

Такова уж наша участь — то погружаться во тьму, то рассеивать мрак, вспыхивая ярким пламенем.

Черная, как смоль, Хижина Перспективы стоит на гальке Дангенесса. Ее построили на краю моря восемьдесят лет назад; однажды ночью, во время шторма, волны ревели у самой двери, угрожая поглотить весь дом... Сейчас море отступило, оставив полосы гальки. Их ясно видно с воздуха; они расходятся от маяка на краю Несса, словно контурные линии на карте.

Окна Хижины выходят к дороге, в сторону восходящего солнца, бросающего блики на серебристый морской туман. Сквозь плоскую гальку цвета охры пробивается маленький темно-зеленый раkitник. Дальше, на краю моря, виднеются силуэты нескольких хижин и рыбацких лодок, а также давно брошенный кирпичный барак, причудливо наклонившийся, словно дамская шляпка; много лет назад в нем кипятили в янтарном консерванте рыбацкие сети.

Здесь нет стен и заборов. Граница моего сада — горизонт. В этом пустынном пейзаже тишину нарушают лишь ветер и чайки, ссорящиеся вокруг возвращающихся с дневным уловом рыбаков.

Здесь больше солнечного света, чем где бы то ни было в Британии; солнце и постоянный ветер, превратившие галечный пляж в каменистую пустыню, где выживает лишь самая стойкая трава, подготовили почву для серовато-зеленого приморского катрана, синего воловика, красного мака, желтого очитка.

Галечный пляж — дом жаворонков. Весной я насчитал дюжину птиц, поющих в голубых небесах. Стайки зеленушек кружатся по спирали, пойманные стремительными порывами ветра. Во время отлива море отступает, обнажая широкий песчаный пляж, на фоне которого морские птицы, летящие близко к земле, исчезают, словно ртуть. Рядом с рыбацкими тралами кормятся чайки. Когда начинаются зимние бури, бакланы едва касаются волн, что режут вдоль Несса и беспорядочно швыряют камни на крутые берега.

Окна моей кухни, расположенной в задней части дома, выходят налево, на старый маяк Дангенесса и железную серую громаду атомной станции, перед которой темно-зеленый

раakitник и утесник, покрытый ярко-желтыми цветами, образуют на гальке маленькие островки; завершает пейзаж рошица низкорослых, побитых штормами ив и тополей.

В центре рошицы можно найти бесплодную грушу, которая за целый век вытянулась на десять футов; под ней — ковер из фиалок. Это тайное место охраняет узловатый шиповник, а на лугу тихими летними днями собираются сотни бархатниц и голубянок, порхающих над острыми верхушками крапивы, усеянной черными черепаховыми гусеницами.

Высоко в небе парит одинокий ястреб, а вдали, на синем горизонте, в жарком мареве то появляется, то исчезает высокая средневековая башня церкви Лидда, собора болот.

Расцвел небесно-голубой огуречник, один из многих, выросших самосевом у задней двери. На утреннем морозе он вянет, но быстро приходит в себя: бодрый, как огурчик.

5-е, четверг. январь 1989

В саду взошел первый крокус; в прошлом году я посадил среди гальки несколько луковиц в маленькие куски торфа. Все утро он пытался раскрыться, притягивая к себе свет, когда солнце начало исчезать за домом.

9-е, понедельник. январь 1989

Посадил розы: *Rugosa double de Coubert Harrisonii*, *Rosa mundi* — несколько старых сортов роз от Рэсселов из Эрл-Корта. Когда я закончу, в саду будет рассеяно около тридцати кустов, насколько возможно не нарушающих его естественность.

Я приехал в питомник, расположенный на маленькой площади под платанами, в сумерках — романтическое место. Прогуливаясь между рядами растений и разглядывая выцветшие фотографии над каждым из них, погружаешься в мечты о долгих летних днях. *Rosa mundi*, роза мира, с ее ало-розовыми полосатыми цветами, была когда-то выведена из лекарственной *Rose officinalis*, розы Прованса.

В двенадцатом веке ее привезли крестоносцы, а Гильом де Лоррис обессмертил ее в поэме «Роман о Розе». Подойдя заплатить за цветы, я встретил за кассой своего старого приятеля Андре. Он посмеялся над моей идеей дикого сада.

16-е, понедельник. январь 1989

Ненасытный кролик сожрал второй из маленьких падубов; чтобы добраться до листьев, он прогрыз стебель. Я подстриг то малое, что осталось. В прошлом году, пересаженный из уютной материковой почвы, он потерял на холодном восточном ветру все свои листья; теперь почерневшие остатки медленно возвращались к жизни.

Эти падубы были первыми посаженными мной растениями — в больших кадках, закопанных в камни. Меня подбадривало то, что они растут на другой стороне Несса в Холмстоуне.

Изуродованные ветрами и приобретшие пугающие формы, эти древние деревья впервые упоминаются Лиландом в «Дневниках»: «Они словно ловчие сети и погубили множество птиц».

18-е, среда. январь 1989

Продолжаю сажать розы: *Rosa Foetida bicolor*, еще один старый цветок, с двенадцатого столетия растущая на Ближнем Востоке, с простыми ярко-желтыми и красными цветами; и *Cantabrigiensis*, бледно-желтая, найденная в 1930-е годы в ботанических садах Кембриджа.

Прекрасный солнечный день; из-за усиливающегося парникового эффекта зима испаряется.

В полдень из местной конюшни привезли удобрения. Разбрасывая их, я осознал, насколько же физически не готов к этому: мне было невероятно сложно поспевать за приветливым фермером из Глазго, которому было явно за шестьдесят. Без тележки мне пришлось целый день таскать тяжелые мешки, чтобы разбросать по саду всего лишь треть груза. Удобрения стоили двадцать четыре фунта, а всё вместе — и удобрения, и розы — обошлось в двести фунтов, наполнив

меня счастьем. К пяти часам у меня так все болело, что я решил остановиться. В 16:30 солнце скрылось за атомной станцией.

По обе стороны от входной двери расположены две аккуратные цветочные клумбы, каждая двенадцати футов в длину и два фута шесть дюймов в ширину: раньше в них лежали старые куски бетона и кирпичи, которые я аккуратно вынул и укрепил ими подъездную дорожку. Машины постоянно проваливаются в гальку, и их приходится вытягивать на буксире.

Во время отлива я собираю большие продолговатые камни, обнажающиеся после сильного шторма, и окружаю ими клумбы, вкапывая вертикально, словно зубы дракона. Перед ними выложены два маленьких круга по двенадцать камней каждый; они образуют примитивные солнечные часы. Несмотря на засушливое лето, цветы в этих клумбах отлично прижились. Помогает небольшое мульчирование.

В них растут молодило, очиток, армерия, гвоздика, камнеломка, смолевка, желтофиоль, пурпурный ирис, календула, бессмертник, рута, ромашка, аквилегия, садовый мак, сантолина, настурции и левкой, вечерами наполняющий воздух тяжелым запахом и влекущий к своему нектару мотыльков.

19-е,

четверг.

январь

1989

В сумерки, под бледной луной, выкопал крепкий побег одного из кустов бузины у Лонг Питс и посадил перед окном кухни рядом с шиповником.

В прошлом марте я сделал то же самое, посадив растение у кухонной стены; оно принялось и к концу лета было уже выше двух футов.

В Нессе бузина образует компактные пирамидальные кусты около девяти футов высотой; вокруг моего дома таких кустов четыре-пять; их обжигают соленые морские брызги, но в остальном они чувствуют себя неплохо — в этом году они заметно подросли, их почки набухают.

Бузина отгоняет ведьм и ее не стоит выкорчевывать, если растет рядом с домом.

Мне исполнилось 47.

Морской туман рассеялся, день солнечный и ясный. Бродя по саду, я слышал пение жаворонка. Перед домом цветут крокусы, у нарциссов уже бутоны. Розы покрылись листвой. Один из кустов розмарина зацвел; проросли круглые семена катрана.

После обеда я целый час просидел на солнце в одном свитере — никогда не делал ничего подобного в свой день рождения, который всегда был холодным, серым днем.

Разбросал по саду горсть семян катрана; они быстро прорастают, за год превращаясь в роскошные растения: большие серо-зеленые листья ловят летнюю, похожую на жемчуг росу; их совершенство не исчезает под челюстями хищных гусениц. Здесь, на краю моря, эти изысканные листья танцуют канкан среди выброшенного на берег мусора. В это время года их практически не видно, но, если присмотреться, можно заметить распускающиеся крепкие фиолетовые листья. В апреле они станут серовато-зелеными, а в июне покроются пеной из белых цветов.

1-е,

среда.

февраль

1989

Цветы появляются и оплетают, словно вьюнки, все тропы моего детства. Самыми любимыми были синие звездочки незабудок, мерцавшие в темноте эдвардианских кустов сада моей бабушки. Чистые снежинки, разбросанные под приветливым солнцем, и один пурпурный крокус, выделяющийся среди золотистых соседей. Дикая аквилегия, чьи цветы были похожи на позвонки, и пугающий рябчик, прячущийся по углам, словно змея...

Эти весенние цветы — мои первые воспоминания, потрясающие открытия; недолго мерцающие перед тем, как умереть, их очарование делило время на дни и месяцы, как гонг, что звал нас к обеду, нарушая мое уединение.

Гонг приносил в сад, где я был один, давящую неотвратимость того, другого мира. В то драгоценное время я стоял

и смотрел, как сад растет, чего никак не понимали мои друзья. Там, в мечтах, цветы раскрывались и закрывались, роза внезапно опала на дорожку, тюльпан терял лишь один лепесток, и его совершенство исчезало навсегда.

Пыльный плющ, страшный из-за покрывавшей его паутины; крапива, вылезавшая летом и жалившая голые колени; я научился обходить белладонну, относясь к ней с неприязненным уважением. Но из всех растений самым большим страхом наполняли меня одуванчики, из которых, если их сорвать, вытекало белое молоко.

Однако, несмотря на свои тени, бабушкин сад был солнечным местом; за ним больше не ухаживали, ограждавший его газон давно растворился в полчищах маргариток и лютиков, и он постепенно дичал.

2-е, четверг. февраль 1989

Утесник с яркими золотистыми цветами превращен ветром в скопище странных форм; перекрученные ветви искривляются, словно выжатое белье. Это единственные зимние цветы Несса; высота некоторых кустов достигает шести футов, они завершаются плотными пучками острых веток, скрипящих на ветру. Другие кусты цепляются за землю, образуя акkuratные конусы и пирамиды; кролики тщательно обглаживают их, словно делают фигурную стрижку. «Когда утесник не цветет, не время для поцелуев». Не стоит волноваться — здесь он всегда в цвету.

3-е, пятница. февраль 1989

В течение двух месяцев после переезда я каждый день часами собирал осколки бесчисленных разбитых бутылок и фарфора, куски ржавого железа. Здесь валялся велосипед, кастрюли и даже старый остов кровати. Мусор был разбросан по всему берегу. Каждый день мне казалось, что я собрал все, но потом выяснялось, что в гальке за ночь вырос еще один мусорный побег.

Для такой уборки лучше всего годились солнечные дни, поскольку стекло и черепки блестели. Много из этого я закопал на месте старого кострища в нижней части сада,

в огромной яме, которую закрыл травой, когда начал строить галечный сад.

На открытии галереи я рассказал о своем саде Мэгги Хэмблинг и добавил, что собираюсь написать об этом книгу.

Она сказала:

— Значит, ты, наконец-то, открыл природу, Дерек.

— Думаю, это не совсем то, — ответил я, думая о Констебле и Кенте Сэмюэля Палмера.

— А, понятно. Ты открыл современную природу.

В июле мой берег украсили два вида дикого мака — *Papaver dubium* и полевой мак-самосейка *Papaver rhoeas*. Я аккуратно собрал семенные шапочки и разрыхлил граблями почву, поскольку маки любят расти в свежевскопанной земле. Остальные семена разбросал по округе... Некоторые всходы уже два дюйма в высоту, но их, похоже, очень любят слизняки; впрочем, побеги выживают и скоро вырастают вновь.

В прошлом году я снимал маки и летавшую над ними пчелу, вставив эти кадры в «Военный реквием». Маки появляются во многих моих фильмах: «Воображая октябрь», «Караваджо», «Прощание с Англией» и «Военный реквием».

Алые маки

Это мак

Цветок полей и пустошей

Кроваво-красный

Два чашелистика

Опадает быстро

Лепестка четыре

Много тычинок

Лучевидное рыльце

Много зерен

Чтоб хлеб посыпать

Хлеб насущный

Вплетенный в венки

В память о мертвых

Приносит грезы

И сладость забвенья¹.

Настоящий летний день; облачная гряда несколько раз то наступала на Несс, то отступала обратно. К трем начался отлив, и я за час по песку дошел до магазина Джека купить сигарет. По пути видел двух испачканных нефтью кайр: одна была уже мертва, другая не двигалась. Почти ежедневно я вижу на берегу мертвых или умирающих птиц. У меня не хватает смелости убить их; завтра, конечно, они будут мертвы и разорваны на части воронами-падальщиками, которые бродят неподалеку от чаек, ожидая конца.

Вернувшись домой, я закурил и отправился в сад, где, к моему удивлению, зацвел розмарин.

В прошлом году ледяной февральский ветер едва не погубил мои цветы — в апреле они были почерневшими, грязными, но лето оживило их, и они превратились в сильные, здоровые кусты около фута высотой. Розмарин — *Ros marinus*, морская роса, — оказался довольно стойким. У моего соседа есть древний кривой экземпляр; во всех садовых книгах непременно упоминается, что он не выносит ветер, но трудно вообразить себе более ветреное и открытое место. Томас Мор, любивший это растение, писал: «Что до розмарина, я позволил ему украсить собой все стены сада, но не потому, что его любят пчелы, а потому, что это растение, посвященное воспоминаниям, а значит, дружбе. Если у кого-то есть веточка, все ясно без слов».

Растение было частью букета Офелии: «Вот розмарин — это для памяти». Позолоченный и украшенный лентами, он появлялся на свадьбах, а также его ветку вкладывали в руки мертвым.

По легенде, эти цветы были белыми до того дня, как Дева Мария решила высушить на кустах свое одеяние, окрасив их в небесно-голубой оттенок.

«Где цветет розмарин, там правят женщины». Много лет назад на острове Патмос старушка, на чьей крыше я спал, выстирала для меня одежду и надушила ее диким розмарином, собранным в холмах. В древней Греции молодые люди носили в волосах венки из розмарина, чтобы стимулировать ум; возможно, симпозиумы тоже были пропитаны ароматом этих цветов. 26

В 1946 году мы улетели в Италию, где несколько месяцев спустя мой отец стал начальником аэродрома в Риме и свидетелем военных судов в Венеции. Для нас была реквизирована вилла Зуасса, большой дом на Лаго-Маджоре с протяженными садами у берега озера.

«Прекрасные цветы и как их вырастить». Через несколько месяцев после моего четвертого дня рождения родители подарили мне большую книгу об эдвардианских садах, полную замечательных акварельных иллюстраций и маленьких аккуратных контурных рисунков: «Чайные розы, колокольчики пирамидальные и львиный зев» Хью Норриса. Моими любимыми были «Китайские примулы» Фрэнсиса Джеймса; они зачаровывали меня долгими дождливыми днями. Не представляю, где мои родители отыскивали эту книгу и почему подарили ее мне, аккуратно написав посвящение? Конечно, я не мог ее прочитать, а даже если б и мог, не знаю, что мне было делать с длинными перечнями акаций, акантов и тысячелистников.

Возможно, отец нашел ее в пыльном углу какого-нибудь миланского книжного магазина. А может, мать отыскала книгу в доме и дала ее мне.

«Прекрасные цветы» много лет оставались моей библией; я разглядывал ее экзотические страницы, раскрашивал цветными мелками иллюстрации и делал собственные первые рисунки-копии цветов.

Через много лет из одной акварели я создал огромный задник для «Ноктюрна» Сибелиуса, короткого балетного выступления: гигантская арка цветущих розовых орхидей, уменьшающая танцоров до размера фей, искусно запечатленных на спиритических фотографиях конца девятнадцатого века.

«Прекрасные цветы» начинаются с роз. Их щедро хвалят; не должно быть ничего застывшего, неестественного или формального ни в способе их выращивания, ни в использовании, ни даже в том, как о них писать, — красота рождает красоту. Кто может смотреть на изображение прекрасного

сада и не испытывать желания выращивать цветы и какие у этого могут быть последствия? Сад, где бедное заблудшее человечество охватывают эмоции, рождающие мир и покой. «Взгляни на розу» — приказывает сад.

*Недолог розы век: чуть расцвела — увяла,
Знакомство с ветерком едва свела — увяла.
Недели не прошло, как родилась она,
Темницу тесную разорвала — увяла².*

Рубаи были первыми стихами, на которые я положил глаз. Вскоре последовали Данбэр и сам Бард; не было лучшего пути к поэзии, чем эта садовая книга.

Отец снимал на камеру, как мать собирает розовые махровые розы у стены сада моей бабушки и как они высыпаются у нее из рук; он снимал нас с сестрой в саду виллы Зуасса, где мы стояли перед клумбой с алыми геранями — зональными пеларгониями, напоминает нам моя старая книга.

Зональные пеларгонии! Для меня герань навсегда останется геранью. «Прекрасные цветы» описывают ее как «некогда царственную королеву цветочных садов, неунывающий цветок, лишившийся благосклонности». Но не для меня: я годами выращивал их на своем балконе в Лондоне, где они цвели постоянно, даже в самых неблагоприятных условиях.

Сейчас это растение встречается наиболее неприятных оттенков, а *Paul Crampel*, истинно алый, единственный подходящий цвет для герани, стал редкостью.

Истинно алый — большая проблема даже в костюмных фильмах; он был предметом многочисленных разговоров с Кристофером Хоббсом, художником, работавшим со мной над «Караваджо». «Я не могу найти настоящий алый, — жаловался он, держа в руках маленький квадрат древнего шелка. — Где в наше время есть такой цвет?»

Сад виллы Зуасса тянулся на целую милю вдоль пляжей Лаго-Маджоре. Он разливался по его каменным террасам — изобилие ниспадающих цветов, заброшенные аллеи могучих камелий, старые розы, спускавшиеся до озера, огромные

золотистые тыквы, каменные боги, перевернутые и усеянные быстрыми зелеными ящерицами, темные кипарисы и леса, полные орехов и съедобных каштанов.

В дальнем углу леса стояла сторожка, где старуха, обитавшая в каком-то своем времени, копалась в больших поддонах, лежавших друг на друге, и носила охапки листьев тутового дерева на корм армии жадных шелкопрядов. В этом раю мы с сестрой, взявшись за руки, ходили голышом вдоль пристани, погруженной в озерные воды.

Погода была изменчивой: солнце быстро исчезало, с гор спускалась грозовая туча. Однажды большая стеклянная дверь захлопнулась с такой яростью, что разбилась на тысячу осколков, и мы пулей выскочили из-за обеденного стола. Но буря скоро закончилась, и те дни остаются в моей памяти наполненными солнцем. С рассветом в мою спальню приходила домработница Сесилия; длинной щеткой она выгоняла ласточек, влетающих в окно, чтобы свить гнезда в углах комнаты. Затем она ставила меня на кровати, смотрела, как я одеваюсь, и аккуратно завязывала мои шнурки.

После завтрака ее симпатичный восемнадцатилетний племянник Давид сажал меня на руль своего велосипеда, и мы отправлялись кататься по сельским тропкам или ехали к озеру и плавали там на старой лодке; я смотрел, как он раздевается на жаре и гребет вокруг мыса к тайной бухточке, смеясь всю дорогу. Он был моей первой любовью.

7-е, вторник. февраль 1989

Я насчитал больше пятидесяти бутонов у нарциссов, посаженных в прошлом году. Ни один из них еще не распустился, но, если теплая погода продлится, они раскроются в течение недели.

Это ранний сорт. Нарциссы *King Alfred*, посаженные в начале сентября, едва пробились сквозь грунт.

«Нарцисс, — пишет Томас Хилл, — подходящий цветок для выставок». Джон Джерард в «Травнике» рассказывает: «По словам Феокрита, нарциссы растут на лугах... он пишет, что прекрасная Европа, выйдя со своими нимфами на луг,

собирала ароматные нарциссы, в стихах, которые мы можем перевести следующим образом:

*Но когда девы выйдут на цветущий луг,
Гуляют стайками, смеются, рвут цветы вокруг,
Одной Нарцисс душистый мил, другую гиацинт пленил»³.*

Луковицами нарциссов пользовался Гален, хирург в школе гладиаторов, для заживления серьезных ранений и порезов; с той же целью их луковицы носили в ранцах римские солдаты. Возможно, так нарциссы впервые попали в страну. Название «нарцисс» — *daffodil, d'asphodel* — вызывает путаницу с асфоделем. Кроме того, их называли лилиями Великого поста.

Нарцисс — «предвестник ласточек, любимец даже ветров холодных марта»⁴. Когда я читаю эти слова, они наполняют меня печалью, поскольку цветоводы разрушили сезонную природу нарциссов, выгоняя их в наши дни задолго до Рождества. Одна из радостей, утраченных нашей технологической цивилизацией, это радость от встречи сезонных цветов и плодов; первый нарцисс, земляника или вишня принадлежат прошлому, как и драгоценный момент их появления. Даже мандарины — ныне клементины — спешат появиться за много месяцев до Рождества. Думаю, однажды я увижу нарциссы на рынке Бервик-стрит в августе в таком же обилии, как и появляющуюся под Рождество клубнику.

Не устояло даже скромное яблоко. Крепкие зеленые волшебные виды уничтожили все разнообразие моего детства — августовские розовые ароматные грушовки, лакстоны, ренеты; в этой бойне выжил только оранжевый пепин Кокса. Возможно, моя ностальгия неуместна — нарциссов сейчас полно, грибы, некогда роскошь, раздают фунтами. Авокадо и манго — обычное явление. Но нарцисс — если бы лишь нарцисс мог вновь появляться весной, я ел бы клубнику с рождественским пудингом.

В четыре выглянуло солнце, создавая длинные тени.
Я наблюдал за тенью Хижины Перспективы, когда оно

3 Перевод А. Андроновой.

4 Перевод П. П. Гнедича.

садилось за атомной станцией, до тех пор, пока конец трубы не коснулся моря.

Электричество гудит в проводах,
Чтобы жарились рыба и картошка.
На закате над галькой до меня доносится голос:
«Владелец автомобиля такого-то, пожалуйста...»

Тихий, спокойный день.

Я заварил свой ядерный чай, починил стены — выдержат бури с залива. В девять тридцать за церковью Лидда садится солнце;

Воздух наполнен ароматом левкоя. В десять включаю фонарь.

Ярко-розовый мотылек мерцает на бледно-голубой стене.

Я быстро переворачиваю страницы книги —

Бражник винный.

8-е, среда. февраль 1989

На рассвете блестит галька, покрытая росой. Бледно-голубой туман окутывает ивы, пробуждаются жаворонки. Золотые крокусы во всей красе, божья коровка купается в бледно-синем огуречнике, распускается краснотал; позже холодным днем я возвращаюсь домой вдоль пляжа. Вокруг мерцающий переливчатый свет. Вермеер окунал свою кисть в такое же радужное спокойствие.

13-е, понедельник. февраль 1989

Первый дождь за много недель, и тот вялый, хотя с сильным ветром. Он едва смочил гальку; за ночь один из кустов розмарина сбросил все листья — тот же, что в прошлом году оказался таким капризным. Крокусы, посеянные кругами, полностью вылезли, сражаясь в неравной битве с порывами ветра; за ними высокие морские волны брызгают белой пеной. К полудню распускаются первые нарциссы, склонившись почти до земли из-за суровой погоды. Мы молились о мощном ливне (прошлым вечером я полил сад у входной двери), а не об этой краткой перемене в изобарах.

Там мы жили в квартире, реквизированной у адмирала Чиано, дяди министра иностранных дел Муссолини.

«И вошел он в рай во время прохлады дня», где посадил «всякое древо, приятное на вид». Каждый парк — это мечта о рае; само слово *Paradise* на персидском означает «сад». Эта тень Эдема стала местом для виллы, которую Шипионе Боргезе выстроил в начале семнадцатого века. Здесь летними прохладными днями я катался среди акантов верхом на крепких осликах, доезжая под старыми кедрами до водных часов, которые хранили время в каскаде камней, укрытых папоротником.

Должно быть, само время началось после грехопадения, поскольку семь дней, за которые был создан мир, являлись, как мы теперь знаем, вечностью. Древние египтяне, измерявшие жизнь ежегодными сезонными колебаниями воды в Ниле, первыми заметили в них систему; сады Боргезе почтили египтян воротами в виде двух пилонов.

Во всех уголках парка отражалась История времени — поляны были уставлены монументами, отмечавшими его ход. Одним из них был круг из мраморных фигур, воздвигнутых в конце девятнадцатого века в честь объединения Италии: множество одутловатых поэтов, политиков, музыкантов и инженеров, проложивших путь современному государству. По-идиотски серьезные, эти молчаливые статуи всегда подвергались нашествиям граффитчиков — у некоторых были красные носы, и лично мне такие нравились больше всего.

Не представляю, что Шипионе со всей своей величиественностью подумал бы обо всех этих фигурах, вставших на руинах его Эдема. Он прогуливался здесь в алой кардинальской мантии, основал династию и свою хвастливую разноцветную виллу — вульгарный позолоченный дворец наслаждений в современном ему стиле, наполненный множеством античных мраморных скульптур. Совсем не похоже на деревянную хижину Адама, без сомнения выстроенную в Раю из древа познания, — самый первый дом, который последующие

поколения пытались воспроизвести в тысячах садовых домиков, сельских летних домах и *cottages ornee*.

Однажды, вернувшись в нашу квартиру на улице Пазиелло, чтобы попить чаю, я обнаружил, что все семь дней недели подчинялись теперь звонкам и урокам в американской школе.

Годы спустя в 1972-м я вновь оказался в садах Боргезе вместе с солдатом, которого встретил в кинотеатре Олимпия. На галерке он обнял меня, и позже мы занялись любовью под звездами моего Эдема.

Сиссингхерст,

сентябрь

1988

Сиссингхерст, изящный содом в саду Англии, превращен в «национальное наследие» казенными руками Британского фонда охраны памятников. Его волшебство растворилось в безжизненных глазах туристов. Если два юноши поцелуются сегодня в серебристом саду, можете быть уверены — им укажут на выход. Тени Сэквилл-Уэстов, преследовавшие обнаженных гвардейцев на газонах, обрамляющих сад, нескоро возвращаются после отбытия последней группы любопытствующих туристов, закрытия кафе и возвращения публики домой, вынюхивая очередную жертву средних лет, оказавшуюся в не таких уж тайных объятиях юноши, жаждущего внимания и любви и выдающего секреты за иллюзорную надежность наличных. «Он спустил с него штаны и отсосал за двадцать фунтов в коридоре кино / общественном туалете / на пустой станции; они встретились в сомнительном клубе / на „Улице полумесяца“, в Дорчестере».

Молодых людей, держащихся на улице за руки, провожают насмешками; за поцелуй их могут арестовать. Важные политики и их последователи, священники и общество вытаскивают их на периферию, во тьме которой их можно будет предать. Иуды в Гефсиманском саду.

Кембридж,

осень

1948

Назад домой, на побитом бурями войсковом транспорте, из мраморных залов старого дома адмирала Чиано в Риме к свинцово-серому ангару под Кембриджем, наполненному

плотными удушающими выхлопными газами и конденсатом, который быстро покрывает одежду плесенью.

На улице отец накачивает старую желтую резиновую лодку — самодельный бассейн. Она воняет резиной и быстро наполняется большими черными жуками-плавунцами, появляющимися словно ниоткуда — возможно, с больших ветвей орехового дерева, отбрасывающего тень на газон.

Осенними днями мы бросали палочки, сбивая твердые маленькие орехи в зеленой скорлупе, а потом, уставшие до головокружения, ложились на спину смотреть в небо, и дерево вращалось над нами, словно огненное колесо фейерверка.

Сад в Кембридже представлял собой одно ореховое дерево и неровную лужайку, из травы которой я конструировал травяные форты, сгнивавшие до такой степени, что разлагающаяся трава становилась скользкой. Сад огораживала старая кирпичная стена, покрытая гусеницами капустниц в разной стадии окукливания, гревшимися на солнце.

Желто-зеленые и черные гусеницы навсегда запечатлелись в моей памяти. Прошлой осенью настурция под окном, за которой я тщательно ухаживал, оказалась в осаде армии этих существ. Когда в октябре ударили первые морозы, гусеницы съели все ее листья и цветы.

тому, кому есть дело
в мертвых камнях планеты, которая уже не земля
он расшифровывает темный иероглиф, применяя
археологию души
к этим драгоценным фрагментам
всему, что осталось от наших ушедших дней здесь, на краю
моря,
я разбил каменный сад, каменные драконьи зубы вылезают
из-под земли, защищая порог
верные воины

14-е,

вторник.

февраль

1989

Темно-синие небеса и ярко-желтый месяц среди звезд над мерцающими огнями атомной станции. Резкий западный ветер в ясном синем небе. Я прогулялся по пляжу, сорвал побег валерианы, растущей вдоль дороги, и посадил ее в уголке передней клумбы.

22-е,

среда.

февраль

1989

Вернулся после недели в Берлине, где в Zoo Palast показывали «Военный реквием». Тень моих ожиданий. Молчание в конце было целых... 30 секунд, которые показались двумя минутами; затем зрители начали тихо выбираться из зала, проходя мимо меня так, словно я был призраком, явившимся, чтобы их испугать.

Пока летел домой над освещенными солнцем облаками, читал описание Плинием его загородного дома:

В дальнем конце сада — анфилада комнат, которые поистине стали моими любимыми, ибо я построил их сам. С одной стороны — солнечная комната, выходящая на террасу и море; есть там и комната с раздвижными дверьми, открывающимися на галерею с видом на море. Напротив в стене — прекрасный альков, который можно превратить в комнату, раздвинув его стеклянные двери и занавески, или же, наоборот, отгородиться, если они закрыты; он достаточно большой, чтобы вместить диван и два кресла. Внизу у его основания — море, позади — соседние виллы, за ними — лес. Все эти пейзажи можно видеть по отдельности или вместе из многочисленных окон; рядом — спальня, в которую не могут проникнуть ни голоса домочадцев, ни шум моря, ни буря, ни встывки молний, ни свет дня, если ставни закрыты.

Я начал уставать от кино, от этого заповедника амбиций и глупости, в вечной погоне за иллюзиями или, возможно, за бредом.

Вчера меня почти семь часов без перерыва забрасывали вопросами; голова кружилась, словно волчок. Сбежал.

завалена очередной стопкой писем. Буду ли я писать? Судиться? Давать советы? Уделять внимание? Одобрять? Помогать? Телефон звонит до тех пор, пока я не сбегаю. Какое счастье приносит эта какофония? И чего я достиг, если чудесная вилла Плиния исчезла без следа?

Пока мы были в Берлине, Пол плохо себя чувствовал. ХБ пришлось тащить его наверх и покупать тьму таблеток, состав которых мы проверили: аконит, белладонна и так далее. Большую часть времени он провел в постели и вернулся домой с легочной инфекцией. Мой дорогой Говард продолжает улыбаться и оставаться в сознании весь год, что болеет, хотя не может ни ходить, ни читать, ни писать. Дэвид сгорел менее чем за неделю. Я не видел его, поскольку тогда мы начинали снимать «Военный реквием».

Тем же вечером гулял вдоль берега. Отлив был далеко у линии горизонта, и вода на песке, словно зеркало, отражала угасающий розовый закат; на краткий миг солнце осветило лодки и дома, а потом исчезло.

23-е, четверг. февраль 1989

Великолепное солнце; небеса столь чистые, что видно до самого горизонта. К концу дня ветер набрал силу, пригнав драматические тучи, которые в конце концов пролились серой пеленой дождя. Над морем изогнулась радуга, и галька в лучах заходящего солнца заблестела, словно миллионы кошачьих глаз. С темнотой пришел град, барабана по гофрированной металлической крыше. Бедные нарциссы, приветствовавшие меня по возвращении, теперь прибиты к земле.

Название «нарцисс» связано не с именем юноши, который встретил свою смерть, тщетно пытаясь обнять свое отражение в прозрачной воде; оно происходит от греческого *narkao* («вводить в оцепенение»), хотя Нарцисс действительно был парализован своей красотой и умер, обнимая собственную тень. Плиний говорит: «*Narce Narcussum dictum non a fabuloso ruero*», выводя название цветка

от *narke*, а не от знаменитого юноши. Сократ называет растение «короной подземных богов», поскольку луковицы, если их съесть, отключают нервную систему. Возможно, римские солдаты носили их с собой по той же причине, по которой американские солдаты курили во Вьетнаме марихуану (а не потому, что растение обладало целебными свойствами).

Это побудило меня позвонить Мэттью Льюису, фотографу-портретисту, и спросить, может ли он сделать фотографию молодого человека с нарциссом в руке. В прошлом году он сделал великолепный портрет красивого, обнаженного по пояс итальянца с лимоном, сок которого тот использовал для разведения героина. Нарцисс, наркотики, поглощенность собой — бесчувственный уход в себя.

24-е, пятница. февраль 1989

Серый ветреный день, холодно. Прошлым вечером вернулась зима, о которой мы почти забыли, и собирается задержаться еще на несколько дней. Я сложил перед домом плавник, отмечая новую клумбу, но для вскапывания решил дожидаться более теплого дня.

Вчера совершил оптимистичный поход в местный питомник в Грейтстоуне, где можно купить растения со скидкой, и вернулся с лавандой, розмарином, камнеломкой, монбрецией, ирисом и вычурной юккой. Упаковывая их в старый деревянный ящик, я услышал, как болтливый владелец лавки проговорил: «Вот черт. Никак не могу их сбавить; только посмотрите на эту клумбу — я не поливал ее с тех пор, как выстроил».

Дома я спрятал растения под навес и сделал из старого ящика парник. Посадил лук и выставил горшки на южное окно вместе с отростками герани, которые ожили после темной зимы в ванной дома Феникса.

Когда черный ураган поднял в воздух маленький дом в Канзасе и в яростном вихре понес в страну Оз, я выскочил из кинотеатра на улицу. Часто в своих детских снах я видел себя на скользком изумрудном полу, преследуемым солдатами Злой Ведьмы, превращенными в фалангу неумолимых марширующих гвоздей.

Детские воспоминания имеют забавную привычку повторяться. Примерно год назад, в ныне знаменитую октябрьскую ночь Великой Бури, я проснулся рано утром от беспокойного сна. Дул резкий ветер. Поначалу я не обращал на него внимания: Дангенесс открыт, и ветер здесь дует постоянно. В темноте я заметил, что стеклянный абажур в центре комнаты сильно раскачивается, а сама комната наполнена пылью, которую ветер выдувает из каждой щели. Я попытался включить свет, но электричества не было.

Меня охватили первые тихие волны паники. Я оделся, путаясь в темноте. Чувствуя озноб и тошноту, я отправился на кухню в задней части дома, отыскивая дорогу в свете маяка, который принял на себя главный удар бури, с каждой минутой становившейся все сильнее. Нашел свечу, зажег ее, но мерцающий свет только усилил чувство незащищенности и одиночества.

Снаружи во тьме светилась атомная электростанция. Я задул огонь. Разрушающаяся рыбацкая хижина казалась в темноте тем самым домом, каждая ее досочка была напряжена до предела. То и дело доска отрывалась от своей соседки, восемь десятилетий краски и смолы разлетались со звуком винтовочных выстрелов. Дом разваливался на куски. Я сидел и ждал, когда сдует мою собственную крышу или выбьет окно.

Ураган усиливался. Низкий несмолкаемый рев сопровождали теперь более высокие ноты: визг, стоны и свист банши приняли симфонические масштабы. Моя Хижина Перспективы никогда не казалась такой любимой, когда по ней, словно по барабану, били порывы ветра, который летел прочь, с воем преследуя другие жертвы. Вдоль берега в воздух взмывали черепичные крыши, опадая керамическим градом. Садовая стена провалилась, изогнувшись, словно змея; старый вяз рассыпался, словно коробок спичек. Хозяйственные постройки скрипели и соскальзывали со своих фундаментов.

Выйдя в серый рассвет, я осмотрел дом и увидел, что на нем нет никаких повреждений; вокруг бушевало море, омывая меня солеными брызгами, замерзавшими на окнах и до

черноты сжигавшими утесник и раkitник. Огромные темные волны словно в замедленном движении катились идеальными рядами; их верхушки превращались в белую пелену, висевшую над берегом, словно туман.

Однако Хижина, в отличие от канзасской фермы, крепко стояла на фундаменте. Проведя всю следующую неделю без тепла и света, я смотрел на сверкающую атомную станцию у горизонта и думал, что, подобно Изумрудному городу и великому Волшебнику, моя жизнь и эта хижина оказались воплощенной мечтой, о которой я грезил в те годы в Риме.

«Волшебник страны Оз» напоминает мне о пугающей способности кино оказывать влияние на реальность. Рад, что все закончилось хорошо.

Я не знаю, сколько мне осталось, и не вижу причин, по которым мое сердце не может печалиться.

Холодный ветер дует на пустынном острове.

Над холмами и долинами, горами и болотами, вдоль больших дорог и тропинок, сквозь деревни, городки, города и столицы.

Он мчится по пустым улицам и сквозь заброшенные дома, стучит в разбитые окна, залетает в живые изгороди, барабанил в запертые двери.

Этот ветер дует среди высоких многоэтажек и колоколен, мчится вдоль рек, сквозь дома и особняки, пролетая по коридорам и лестницам, шурша блеклыми занавесками в спальнях, над коврами, в коридорах и склепах, в общественных и частных местах, среди забытых секретов, кресел, стульев и кухонных столов.

Ветер такой холодный, что кости мертвых стучат в могилах и крысы дрожат в канализации.

Фрагменты воспоминаний кружатся в водовороте и тонут во тьме. Под шквалом ветра переворачиваются желтеющие старые заголовки полузабытых газет, летящих мимо тусклых пригородных домов, уносящих в ничто политиков и некрологи, мусор бездействия. На миг мысль осветилась молнией. Радуги погасли, горшки с золотом ржавеют, забытые, как упавшие деревья, рассыпанные по полям и мертвым лугам.

Я размышляю о жизни воинов, внезапно покидающих свои чертоги.

**Вожди, смелые и благородные,
Трепещу и сожалею о нашем времени.**

Но ветер не задерживается ради моих мыслей. Он летит вдоль затопленных гравийных ям, ударяя по волнам с металлическим отливом, тяжело катящимся в ночи, мчится над галькой, шурша мертвым утесником и тощим воловиком, вдоль ручейков, сквозь выгоревшую траву, пока я сажу здесь, в темноте, держа свечу, которая отбрасывает на стену мою раздвоенную тень и влечет к огню мои мысли, словно мотыльков.

Я не двигался много часов. Годы — целая жизнь — проплывали мимо один за другим. Сейчас ветер поет.

*Вечность, вечность,
Где ты проведешь вечность?
Ад или рай, что это будет?
Где ты проведешь вечность?*

А потом ветер исчез, преследуя сам себя на гальке, теряясь в волнах, накатывавшихся на Несс, бросая шлейфы соленых брызг, растекавшихся по стеклам. От него ничто не скроется. Ни один человек не может считаться мудрым, пока не проживет в этом мире отпущенные ему годы.

Ветер зовет меня по имени, Пророчество.

Давным-давно творец разрушил землю, стихли радостные песни людей, древние здания гигантов оказались заброшены.

Ветер влетает в водосточные трубы, звенит в телеграфных столбах:

*Я как дуну, как плюну —
сразу снесу твой дом.*

Время разбросано, прошлое и будущее, минувшее будущее и настоящее. Целые жизни стираются из книги великим диктатором; царапанье пером по странице, твое имя,

Пророчество, твое имя! Ветер кружит по пустой земле, швыряя пелену пыли; шипит свеча. Кто все это призвал? Я?

По всему миру стоят продуваемые ветром залы, покрытые инеем разрушенные дома; залы пиршеств разрушаются, короли, лишённые радости, мертвы; стойкий отряд гибнет у стен.

25-е, суббота. февраль 1989

Буря стихла к двум, после чего вернулась в четыре с внезапным порывом, освещенная одной яркой вспышкой молнии без грома.

Сирена выла с полчаса, потом стихла.

Во сне меня носит, словно лодку в открытом море, и ночью я всегда просыпаюсь. Не помню, когда было иначе. Почти сорок лет я спал довольно глубоко, затем что-то изменилось. Возможно, я пробуждаю себя сам, боясь умереть без сознания на исходе ночи. Бергмановский час волка.

На следующий день я не могу вспомнить, о чем тогда думал. Не запомнил ничего, кроме смутного беспокойства.

Сегодня вечером холодно, но я поднимаюсь и мочусь в темноте. Вернувшись в постель, я обнаруживаю, что подушки утрамбованы неудобными буграми, простыни разошлись с матрасом. Я задремал.

Утром буря порвала гору ламинарии, которая плавала туда-сюда на краю моря. Вновь начинается ветер, чайки летают еще ближе, будто в этом холоде я излучаю какое-то неощутимое тепло. Бродя вдоль прилива, нахожу три камня для новой клумбы. Рисую для них круг, но возвращаюсь в дом, когда начинается дождь, и сажусь за стол в ожидании холодного, сырого дня.

Прошло много времени с тех пор, как я коротал сырые зимние субботы в одиночестве, зная, что солнце не выглянет ни на секунду. Эти дни в городе заполнены обычной суматохой. Я проживаю детство, испытывая смутное беспокойство, пока дождь стекает по стеклам, приглушая звуки автомобилей с фарами, включенными слишком рано даже для мрачного февральского дня.

В детстве я обожал такие дождливые дни, вырезая из бумаги рыб и пуская их в ванной. Или играя в маджонг бабушки Мимозы, строя крепости из слоновой кости. Или выращивая кристаллический сад с помощью двух дешевых наборов химика.

Дождливые дни. Смотрю в окно, смотрю в окно...

Бесконечные дни в пригороде, проведенные в бесцветных домах моих друзей — блестящие искусственные столетние розы и твердая сверкающая политура, — где я упражнялся в вежливых беседах. Или у себя дома, с энтузиазмом занимаясь хобби, которые были у всех нас: марки, кактусы, бабочки. Или катался на автобусе, чтобы потом бродить по пустым улицам Уотфорда до закрытия магазинов. Я ничего там не находил и знал, что не найду, возвращаясь в сумерках после прогулки, идя мимо серых зубчатых стен газового завода, под арками железнодорожного виадука, мимо одинокой пустой церкви из красного кирпича, слишком большой для своей паствы, мимо чахлах кедров в парке и водопроводной станции, все еще украшенной выцветшим камуфляжем времен войны, назад, к чердаку и краскам, журналам, ножницам и неожиданным сочетаниям коллажей.

Пандемониум

Женский монастырь Святой Юлианы руководил дневной школой, куда в пятилетнем возрасте меня отправили жариться в адском пламени угроз, исходящих из уст крепких монахинь, вооруженных наклейками в виде звезд и святых, которые можно было прилеплять в конце двенадцати соединенных столов — каждому столу назначен свой апостол. Железные девы Бога, вооруженные тисками и кандалами католицизма, наводнили мой невинный сад сладкими обещаниями — ледяными апельсиновыми сочными конфетами. А для непокорных — линейка по запытью.

Приятные, отмытые с мылом лица, выглядывающие из монашеских платков, скрывали характеры столь же странные, как и всё, что позже было придумано на съемках «Дьяволов». Угрожающие роботы, невесты давшего обет безбрачия Бога,

разнесли мой рай на куски, как грабители Амазонки, прорубая пути добра и зла к Раю, Аду и Чистилищу.

Эти змеи не приносили мудрости, лишь глубокое недоверие к арифметике, из-за которого позже, через много лет, я окажусь во власти налогового инспектора.

Когда мне было семь и я учился в школе-интернате в Милфорде, субботний день приносил нам две унции нормированных сладостей, которые мы разыгрывали в мраморные шарики на блестящем полу гостиной. Это занятие имело собственную терминологию: блоки, спирали, кошачьи глаза, хвостатки. Кто-то выключал свет, и мы начинали призрачную игру в салки, носясь в темноте, или играли в мяч; испачканные мальчики в бесформенных серых костюмах, мы могли устраивать балльные танцы, ссорясь из-за того, кто должен вести, и наступали друг другу на пальцы до тех пор, пока не оказывались схвачены одной из трех возвышавшихся над нами матрон, и были вынуждены маршировать.

Субботние прогулки под дождем по разросшемуся парку, который называли «джунглями», с его араукариями и доисторическими сорняками, или поход к обломкам «Ламорны», севшей на мель в одну бурную ночь у утесов в Бартоне по пути в южные моря. «Не подходите близко к скалам».

Глаза прикованы к земле; у ног — розовая приморская армерия. Дождливые субботы, бесконечная печаль детства, горизонты сжимаются, как морось; стоя у окна, когда по подоконникам барабанят капли, желать, чтобы что-то произошло, хоть что-нибудь. Все дома. Пустые улицы и эти огни машин, включенные слишком рано.

Водородные бомбы и спутник, долгоиграющие пластинки, Элвис и бубнящий бесхарактерный Бадди Холли, «Я люблю Люси», «Билко» и другие утомительные американские сериалы, неделя за неделей. Шел дождь, и характер моего отца ухудшался.

В моих записях постоянно возникает личная мифология. Точно так же, как маки, словно гирлянда, пронизывают мои фильмы. Для меня эта археология стала навязчивой идеей; для «специалистов» моя сексуальность — путаница. Вся

полученная информация должна печалить нас, извращенцев. Но прежде чем закончить, я собираюсь воспеть наш уголок рая, часть сада, о котором Господь забыл упомянуть.

26-е, воскресенье. февраль 1989

Девятьсот пятьдесят миллибар, самое низкое давление за последние сто двадцать лет. Долгая прогулка по Нессу к электростанции, затем к домам береговой охраны, которые я прежде никогда не исследовал. Они стоят в центре обнесенной рвом насыпи, в конце большой области, бывшей некогда огородами.

Сложно найти хороший огород; прошлой осенью даже на пустошах я наткнулся только на один, когда путешествовал с камерой, снимая сельскую местность для «Военного реквиема». Супермаркеты уничтожили их. Некогда во всех этих домиках выращивали собственные овощи, еще до того, как во время войны была построена дорога. Сейчас этого уже никто не делает.

Весь день дул свежий ветер, но было довольно тепло.

Разметил и выкопал перед домом круглую клумбу. Напоследок посадил три маленьких отростка цветущего розмарина, забыв, что, в отличие от лаванды, зимой они не принимаются. Наткнулся на эти сведения в «Деревенском саду домохозяйки» Уильяма Лоусона 1617 года:

Розмарин, краса трав, распространен в Англии и других странах. Лучшее время для укоренения побега — сразу после праздника урожая... Привезенный из жарких стран на наш холодный север, он используется для приготовления мяса и в искусстве врачевания, а в основном для пчел. Розмарин и прекрасная эглантерия — подходящие орнаменты для двери или окна.

27-е, понедельник. февраль 1989

Дошел по пляжу до магазина; солнце — мутная вена расплавленного серебра в широком амфитеатре облаков, нисходящие ярусы оттенков серого со слепящими кремовыми

краями, опускающиеся в море маленьких волн, падающих друг на друна в жажде поглотить пески. А пески отражают их, как ленивое старинное зеркало.

Вернувшись по своим следам, я собрался с силами и остаток дня доделывал круглую клумбу, положив компост и украсив ее плавником, галькой и круглыми кирпичами с берега. Мой сосед крикнул: «Когда начнешь вскапывать?»

Когда вся конструкция была закончена, она выглядела настолько привлекательной, что ей, по-моему, не требовались растения, хотя лаванда смотрелась бы хорошо, а у меня было семь свободных кустов. Сел в изнеможении, поставил «Ламентации» Таллиса и смотрел, как неторопливо заходит солнце.

28-е, вторник. февраль 1989

С утра было ясное синее небо; собрал на пляже камни, вернулся и посадил лаванду в клумбу, а юкку — позади, отмечая границу. Прекрасное утро.

Змея в форме §

Кино, словно змея, проползает через всю мою жизнь, буйная повилика, тянущая свои высасывающие жизнь шупальца в каждую щель — несколько дней здесь, и я отлично это чувствую. Оно разрушило золотую тишину, идиллию, в которой я жил на складе в Бэнксайд почти восемнадцать лет назад. Я вновь задерживаюсь на «Военном реквиеме» — он не принес мне радости, опустошив бесконечными болтливymi интервью, в которых работа исчезла под наплывом одних и тех же вопросов. Я закалил себя в те дни в Берлине — 30 интервью за два дня, а в перспективе еще больше.

Кино умирает?

Уже умерло?

В прошлом году вы сказали, что умираете.

В вопросе журналиста слышался упрек.

Этим вечером из Берлина специально для новостей культуры

RAI — призрак на торжественном обеде.

Вечерами я читаю новую биографию Эрика Гилла, который, пусть эксцентричный и даже глупый, пытался объединить искусство и жизнь, целиком отдав себя этой борьбе. Уитмен, Карпенгер, Гилл и, ближе по времени, Ян Гамильтон Финлей и Джон Бёрджер — кажется, все они отправились по тому старому пути, по той дороге, где первыми прошли мистер и миссис Уильям Блейк, обнаженными играя в Адама и Еву в своем лондонском саду. Блейк и Уильям Моррис... все они оглядываются на земной рай. И все они не ладили с окружающим миром. Я чувствую это, выбрав для поиска «новое» средство — кино. Бобины вращаются, каждый фут пленки присвоен рекламой, пока у меня не начинает кружиться голова. Я забыл, с чего начал... если, конечно, вообще начал; путь кино настолько ненадежен, что легко перепутать знаки — идти туда или сюда, пока не начнет подсказывать чутье.

Мое чувство смятения достигло апогея, подстегнутое публичным заявлением о ВИЧ-инфекции. Теперь я больше не знаю, где фокус — во мне или в умах моей аудитории. Реакция на меня изменилась. В ней есть элемент поклонения, который меня беспокоит. Возможно, я навлек его сам.

В любом случае у меня не было выбора, я всегда ненавидел тайны — язвы, которые уничтожают; лучше быть открытым и покончить с этим. Но если б это было так легко! Я изменился; мои безумные ночи с водкой превратились в досадные воспоминания, зуд перед сном. За два года лишь несколько случайных ночей вне дома. Даже с безопасным сексом я чувствую, что жизнь моего партнера — в моих руках. Вряд ли это позволит забыться. Я прошел долгий путь, принимая такие ограничения, и все же мечтаю о маловероятной старости в образе волосатого сатира.

Эта жалоба родилась не от моего настроения, поскольку, если не считать неотступного прошлого — кино, секс, Лондон, — я никогда не был так счастлив, как в эту неделю. Просыпаясь, я видел за окном темно-лазурное море в лучах февральского солнца, а сегодня заметил первую пчелу. Посадил лаванду и несколько штук книпхофии.

Март пришел вместе со штормом. «Kalendarium Hortense» говорит:

Укрепляйте и подвязывайте самые слабые растения и цветы от ветра прежде, чем он станет слишком яростным и в момент разрушит то, над чем вы трудились весь год... прощальные морозы и восточные ветра нанесут ущерб вашим лучшим тюльпанам, поэтому укройте их тканью или покрывалом, чтобы предотвратить пятна и иногда гибель. С той же заботой относитесь к своим любимым анемонам, примулам, ирисам, гиацинтам — ранним цикламенам. Оберните обрезанные верхушки кипарисов соломой, если подует восточный ветер. Раскройте некоторые растения, но будьте осторожны; поскольку медленный уход морозов, резкие ветра с внезапным и кратким солнцем могут сжечь и погубить их в мгновение ока. В такую погоду не сейте и не пересаживайте, поскольку март — месяц высадки семян.

Розы, особенно шиповник, с рваными бутонами, серьезно искалечены постоянным ветром. Осмотрев сад, я вижу, что все остальное выжило. Выходит морская капуста, прорастает приморская чина, несколько настурций и календула. Разрастаются петрушка и мак, ирисы вымахали на девять дюймов, что выглядит довольно впечатляюще посреди гальки. Кролики постоянно обгладывают укроп до самых корней, но другие растения не трогают. Впрочем, желтофиоль объели слизняки.

Взял четыре побега лаванды. Посадил камнеломку.

Осень 1988-го — «Военный реквием»

Снимая сад для начала «Военного реквиема», я специально сделал так, чтобы высадка семян происходила в ветреную «Дангенесскую» ночь, освещенную керосиновой лампой. Вилы, грабли, лейки и сажалки были собраны заранее, найдены на развалах старых садовых инструментов в магазинах подержанных вещей. Сегодня грабли сломались, их ручку

прогрызли личинки. Я сжег ее останки в костре, а потом нашел кусок плавника правильной длины.

Многие свои инструменты я использовал еще ребенком. Когда умер отец, я нашел их в сарае за домом, привез в Лондон, отмыл и смазал маслом.

Абингдон, 1948 год — молодило

В 1948 году отца назначили командиром части ВВС в Абингдоне, недалеко от Оксфорда. Пустые помещения для супружеских пар были окрашены в хаки и черный, как камуфляж; сад представлял неровную лужайку, огороженную колючей проволокой; единственным украшением был бетонный альпинарий, сделанный из старого бомбоубежища.

Я вернулся с водяной мельницы за пабом «Возродившаяся роза», сжимая гроздь молодила, которое подарил мне живший там человек. Они росли на его каменной крыше, покрасневшие от ветра и солнца, с розоватыми цветами в форме звезды и идеально сформированными миниатюрными побегами — каждый цветок покрыт паутиной, в которой прячется росинка. Эти цветы выглядели невероятной экзотикой в его богатом и ярком прибрежном саду, лабиринте из пурпурных ползучих растений и сине-зеленых кочанов капусты, над которыми порхали белые бабочки. Я следовал за мужчиной сквозь эти буйные джунгли к свинарнику, держась подальше от его ручного лебедя со сломанным крылом, который шипел на меня, если я подходил слишком близко (мне сказали, что лебедь может сломать человеку руку, поэтому его травмированное крыло вызывало во мне некоторое удовлетворение).

Мужчина восстанавливал полуразрушенные здания. Из огромного дубового бревна он вырезал каминную полку. Казалось, бузина, огромный бутень, касатики и старые ивы стремились прорваться сквозь толстые каменные стены и разбитые окна, чтобы вернуть себе тусклые, грязные плиты; непрочное равновесие было нарушено. Чтобы не подпустить разрастающуюся природу, человек носил ружье, стреляя в ворон, сидевших на вершине вяза, иногда сбивая одну из них, и та падала между ветвями, в то время как ее подруги поднимались в летний дневной воздух, гневно протестуя.

Симпатичный и уверенный в себе, он носил старый вельветовый пиджак с алым шейным платком, завязанным, словно у ковбоя. Он курил трубку, ходил не спеша, осторожно, прихрамывая из-за старой раны, которая заставляла его опасно наклоняться, что пугало меня, если я шел за его спиной. Он был не слишком разговорчив. Сбив молодило с крыши палкой, он подарил его мне.

Я повторял его название — *семпервивум* — до самого дома в Абингдоне, где посадил этот сложноназываемый дар, и с гордостью показывал его друзьям, которые, совершенно не интересуясь самим растением, прилежно заучивали название, словно литанию: СЕМ-ПЕР-ВИ-ВУМ.

Внимание

Молодило находится под знаком Юпитера-Громовержца и защищает того, кто его выращивает, от бурь и молний; его влияние настолько сильно, что император Карл Великий приказал выращивать это растение на крыше каждого дома. Его можно найти там до сих пор; оно способно пережить засуху и мороз и всегда выживает.

2-е,

четверг.

март

1989

Холодный серый день, без конца идет дождь.

Моему отцу, командиру части, передали этот уродливый кирпичный дом в пятнах камуфляжа, окруженный колючей проволокой. Там мы привечали нескольких неподходящих «приятелей», людей, переехавших туда, чтобы нести военную службу, один требовательнее другого. Все они очень утомляли мою мать.

Во-первых, там была тираническая Кровавая Мэри из женской службы ВВС, похожая на яростного окровавленного снегиря. Был Джонно, непослушный лихач, гонявший вокруг базы на велосипеде со мной на багажнике, изо всех сил хватающимся за его лобковые волосы через несуществующие карманы — эта игра называлась «карманным бильярдом». Еще капризная девчонка, которая в своем безумии придумала дядю Антипода, миллионера, стригущего овец. Когда мы переехали из Кембриджа в Абингдон, она проехала через всю страну

автостопом и тайно поселилась в гараже, живя там до тех пор, пока однажды ранним утром ее не обнаружил отец. Ее при-несли в гостиную, дрожащую, голую, где она расплакалась.

Она оставалась у нас пару недель, водя меня и мою сестру в город и одаряя нас дорогими «неприемлемыми» подарками. Ее последним подарком был букет белых калл, который я принес домой к видимому смущению моего отца. Я бого-творил эти каллы, символ моего помешательства на цветах: блестящие, экзотические, *fin de siècle*. Отец, конечно, предпо-чел бы пару пистолетов.

Недолгая велосипедная поездка с руками, засунутыми глу-боко в карманы Джонно, привела нас в разбомбленный дом в конце дороги. Сад вокруг одичал, руины покрывала крас-ная и белая валериана; идеальное место для поиска жуков и бабочек, которых не было в тусклых скошенных садах нашего участка.

Дальнейшая прогулка по полям приводила нас к старым каштанам, растущим вдоль берега ручья, который в начале года бросался в глаза из-за чистотела и змеевидных головок пятнистого аронника. Чистотел и подснежники отмечали наступление конца зимы. Посланник ласточек, чистотел вхо-дит в одно из самых сложных травяных лекарств:

Возьми альпинуию, гвоздику, кубебу, донник, кардамон, шелуху мускатного ореха, мускатный орех, одну драхму. Сока чистотела восемь драхм. Смешай все это, растолчи, залей упомянутым соком, пинтой аквавиты и тремя пинтами белого вина. Перелей в сосуд для перегонки и на следующий день перегони на медленном огне. Эта вода — великолепное средство от чахотки и любых других заболева-ний, происходящих от водянистых выделений, желчи или мокроты.

**Если это кажется непросто, с аронником еще сложнее;
Джерард сообщает:**

Медведи после сорока дней лежания в берлогах без припасов и пита-ния, только лишь облизывая собственную лапу, выбирают на поверхность и сразу же едят пятнистый аронник. Через его ветреную природу раскрывается голодное брюхо.

Но это растение имеет и более практическое применение, нежели прочистка кишечника медведей. Его использовали для крахмаления воротников, которые носили сумрачные молодые мужчины Тициана, — красота, возникшая благодаря рукам прачки, которые *из-за чистого белого крахмала покрывались трещинами, нарывами, морщинами, грубели и постоянно болели.*

Той зимой мои родители две недели катались в Сент-Морице, оставив нас в нежных руках Кровавой Мэри. Вернувшись глубокой ночью, они пробрались в мою комнату и тихо прикрепили на стену напротив изголовья швейцарские часы — угрюмую маленькую сову, чьи глаза двигались, отсчитывая секунды.

Проснувшись, я был уверен, что в моей комнате оказался демон: перепуганный, я смотрел в беспощадные глаза, проступавшие из полумглы, пока рассвет не придал мне смелости вскочить и, дрожа от страха, помчаться в постель родителей. Отец рассмеялся: «Не будь таким слабаком⁵, Дерек».

Фиалка трехцветная

Viola tricolor, иван-да-марья, анютины глазки, Троица. Капля сока этого растения, упавшая на веко спящего, заставит мужчину или женщину влюбиться в первое живое существо, которое они увидят, как во сне в летнюю ночь. Крепкий чай, сделанный из ее листьев, вылечит разбитое сердце, поскольку фиалка — мощный афродизиак, а ее имя, *pensee*, означает *Я думаю о тебе*. Если это собьет вас с пути, не беспокойтесь: травник говорит, что она лечит гонорею, ибо это «растение Сатурна холодной, скользкой, липкой природы... великолепное средство от венерических заболеваний».

Когда-то фиалки были девственно-белыми, пока Купидон не выпустил стрелу, сделав их всех цветов радуги.

Вам стоит опасаться лишь одного — собирать фиалки в перелучах солнца, особенно если на них роса, поскольку это приведет к смерти возлюбленного.

Была ли эта фиалка, с ее бархатной вызывающей эффективностью девятнадцатого века, фактурой ярких, свободных одежд Оскара, припилена к нам именно в то время? Как

⁵ Слово «рансу» имеет несколько значений: фиалка трехцветная (анютины глазки), слабак, женоподобный мужчина, гей. — *Примеч. ред.*

говорит Фичино, сады Адониса возделывались ради цветов, а не плодов — но как быть с этими плодами? Фиалка — не улыбайтесь — также цветок Троицы. *Не кисни, как лимон.*

6-е, понедельник. март 1989

Очень теплый день; в сад вышел без пиджака. Солнце было ярким, но скрывалось за дымкой. Ветра нет. К обеду температура приблизилась к пятнадцати градусам.

В отлив море ушло дальше, чем я когда-либо наблюдал. Прошелся почти до конца Несса, собирая гальку, обложил перед коттеджем вторую круглую клумбу, съездил в Хэмстрит и вернулся с тачкой. Теперь можно собирать гальку, не используя мешки.

Прополол за домом сад, огородил укроп, на который продолжают посягать кролики, посадил два новых ириса и монбрецию. В 17:30, сидя в старом плетеном кресле, я смотрел на заходящее солнце и читал газеты. Поднялся легкий ветерок; рой мошкеры в золотых искрах ловил последние лучи солнца. Ветер принес запах моря; мимо пролетела красновато-коричневая пустельга.

Удивительное спокойствие.

7-е, вторник. март 1989

Садовник копает в иное времени, без прошлого и будущего, без начала и конца. Времени, которое не раскалывает день часами пик, перерывами на обед, последним автобусом до дома. Ходя по саду, вы переходите в это иное время и не можете вспомнить момент входа. Вокруг раскинулся измененный пейзаж. Аминь за пределами молитвы.

В начале своего путешествия по великой древней спирали Данте вошел в это пространство, оказавшись в сумрачном лесу.

*Nel mezzo del cammin di nostra vita
Mi ritrovai per una selva oscura
Che la dir itta via era smarrita*

Внезапно меня возвращает в здесь и сейчас резкий сварливый голос в телефонной трубке. Мой «человек из Порлока» говорит о времени с началом и концом, буквальном времени, монотеистическом, которым вы неотвратимо обременены.

Дождь, каплями стекающий по окнам, делает пейзаж расплывчатым, из-за него мои вертикальные камни мерцают. Крокусы закрылись плотно, как зонтики; огуречник усеян дождевыми каплями и синими звездами. Мускари гнездятся в кремневой гальке, начали цвести первые золотистые желтофиоли.

В этом году очень уместно старое имя желтофиолей — зимний июльский цветок. Из всех весенних растений этому пахнущему гвоздикой яркому цветку отведено в моей душе особое место. Здесь, на утесах Фолькстоуна, он повсюду. В Сомерсете, где я провел детские годы, он покрывал каменные стены между домами, необычно яркий, желтый, бросающий «пятна золотой краски, на которых так любят отдыхать утренние солнечные лучи».

Трубадуры прикалывали желтофиоли к своим шляпам на удачу; у цветов был прекрасный весенний запах. Джауфре Рюдель с желтофиолью в шляпе избродил всю Священную Римскую империю, пел песни в рощицах у замков, пока его не услышал Ричард Львиное Сердце, сидевший в глубокой темнице. За это цветок называют «Истинная любовь в невзгодах».

Дождь и теплая погода оживили пейзаж, внеся в него яркие весенние цвета. Мертвенность зимы проходит. Сегодня Дангенесс сверкал под небом цвета олова: переливающиеся изумруды, мышьяк, мох, сажа, яр-медянка — вся эта зелень ярко омыла землю; маленькие островки мха на розовой гальке, желтые кусты утесника, темный желтовато-коричневый мертвый папоротник, бледный охристый тростник, пучками растущий на фоне ивовых рощиц глубокого бордового цвета с серебристыми сережками и веерами охристо-желтых тычинок, окаймленных легким оттенком лайма только что раскрывшихся листьев.

Такая симфония цвета мне не попадалась ни в одном другом пейзаже. Дангенесс — предвестие далекого Севера, пейзаж, который южанам может казаться унылым и однообразным, но который поет как березовые рощи в музыке Сибелиуса.

Из дома я вижу солнце, выбирающееся из туманного моря. Оно будит меня через окно спальни и остается на целый день. Здесь нет ни деревьев, ни холмов, которые могли бы его спрятать. Когда оно садится на западных равнинах, я наблюдаю за ним, сидя в кресле, подобном трону, которое нашел в мусорной куче. Я никогда не пропускаю закатов, какой бы холодной ни была погода.

Сегодня оно большое и алое после целого дня низких туч. Прежде чем исчезнуть, на несколько кратких минут появляется идеальный круг, а затем приходит темнота, пробегая по небу и захватывая черную Хижину Перспективы, однако прежде, чем свет исчезнет, дом отражает золото или, как этим вечером, сверкает ослепительно алым, окрашивающим оконные стекла. В этот момент свет такой красный, что любая зелень становится черной, как смола, и большие, печальные силуэты утесника и дрока похожи на черные морские анемоны.

8-е,

среда.

март

1989

Из «Поэтики пространства» Башляра:

Какой непостижимой глубиной обладают детские грезы! Счастливы тот ребенок, которому судьба подарила — именно подарила — минуты и часы одиночества!.. Бывают ведь и такие дети, которые бросают игру, чтобы поскучать, забившись в угол чердака. Чердак моей скуки, сколько раз мне приходилось жалеть о тебе, когда чересчур насыщенная жизнь отнимала у меня самую надежду на свободу!⁶

Здесь я вновь открыл для себя скуку. Поезд может отвезти меня в Лондон — книжные магазины, чай в Берто, вечер в баре, — но я сопротивляюсь.

Кино издевалось надо мной. Когда-то это был наивный риск, горы, взойти на которые казалось необходимым.

6 Цитируется по: Башляр Г. Поэтика пространства / Пер. с франц. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.

И я тащился вперед и вверх, часто против ветра, прибывал к финишу уставшим и обнаруживал, что взбирался на кротовый холм, откуда видно лишь на несколько ярдов вперед, а отнюдь не до горизонта. Повсюду были ловушки. Ловушки ожидания и славы, сотрудничества и коммерции, слухов и удачи.

Казалось, фильмы, разматывающие себя в темноте, несли защиту. Затем появлялась пресса и вторжение. Поначалу нечто приятное, нечто новое. Потом — яростный поток повторов, бесконечные вопросы, разрушавшие и топившие мою работу и саму жизнь. Но сейчас я вновь открыл для себя скуку, и можно перестать бороться с «что дальше».

Вы *ничего* не можете сделать: обвинения в предательстве, ни статей, ни эфира. По глупости я желал, чтобы мои фильмы стали домом, содержащим в себе все мои личные вещи. Но для этого я должен был открыться публике. Сперва предложение приняли несколько искренних энтузиастов, а затем появились полные автобусы.

В Хижине Перспективы четыре комнаты. Эту комнату я называю Весенней: в ней мой кабинет и спальня, десять на двенадцать футов полированной вагонки с единственным окном, выходящим на море. Перед окном стоит простой стол восемнадцатого века из вяза. На нем — настольная лампа из тусклой меди, две оловянные кружки с марками, мелочью и скрепками, несколько бутылочек с тушью, карандаши, конверты, обрывки бумаги, на которых я делаю заметки для этого дневника, железная плевательница в качестве пепельницы, а в центре — металлическая табакерка в виде викторианского домика, где я храню деньги и чековую книжку.

Слева и справа у стены — два сундука с красным крестом из армейского магазина, в которых сложена одежда. В глаза бросается большой дубовый сундук: его панели пятнадцатого века украшены декоративными стрельчатыми арками, возможно бывшими когда-то частью крестной перегородки. В нем я держу постельные принадлежности. Здесь же раскладной стул из тика с тканью цвета хаки. У стола — маленький стул с тростниковым сиденьем, на котором вырезаны два мальтийских креста.

На трех стенах — три картины:

Ночная жизнь

Алое с черным изображением огня, написана в 1980 году.

Сон хранит дом

Конструкция из стекла и дерева с вырезанной фигурой,
21 декабря 1987 года.

Блестящий астронавт

Автор Джон Мейбери.

В четырех углах комнаты стоят высокие доски с повешенными на них гирляндами из камней и полированных костей; на одной сидит моя фея Хитрюга. За фиолетовыми бархатными занавесками скрываются зимние звезды.

Карри Малет, Сомерсет, 1952 год

Однажды зимним вечером каменный фронтон старой крыши рухнул, окатив двор волной меда и выставив на обозрение пропахший яблоками чердак, где мы с сестрой втайне коротали дождливые дни. В годы наших игр на чердаке жили дикие жужжащие пчелы, прятавшиеся в старых камнях и построившие огромные соты. Никто не мог вспомнить, когда они там поселились.

Тем вечером дом содрогнулся, когда стена с грохотом рухнула, покрыв кривую магнолию медом и разбросав по двору содержимое чердака.

Там не было дамских шляп или шелковых цилиндров, хрупкого кринолина или ржавых мечей. Сонные бабочки взмахивали крыльями на холодном сквозняке и неуверенно забирались в щели между выбеленными брусьями. Пауки бросились во тьму, когда их старая паутина порвалась, а ветер закружил в спирали пахнущую лавандой пыль и высушенные трупки мух. Дверь сломанного шкафчика отвалилась; из просверленных древоточцами ходов выбросило маленькие струи опилок. Сова, жившая рядом с трубой, беспорядочно летала в сумерках, напав на рабочего, который побеспокоил ее на старой вишне.

Подобно Всемирному потопу, великое сладкое наводнение смыло прошлое, перепугав призрачных жителей чердака.

На этом чердаке медовых воспоминаний я целыми днями рисовал в блокноте. До сих пор я четко помню каждую страницу разлинованной книжки, первой из множества подобных. Она делилась на разделы или увлечения: тщательные прописи, динозавры — стегозавры, трицератопсы, диплодоки, — срисованные с серии картинок из «Королевского пингвина» и вдохновленные «Затерянным миром» Конан Дойля. Мои детские книги можно отнести к эдвардианским приключениям: «Копи царя Соломона», «Пресвитер Иоанн», «39 ступеней».

Еще одним хобби была карикатура — у меня имелся отличный рисунок американского политика Дьюи. Затем с изобретениями: огромные средневековые города из прутьев и обмазки, тщательно очерченные черным и белым, над которыми разыгрывались мрачные воздушные баталии.

Были стихи и пьесы, разыгрывавшиеся поздним вечером у умывальной стойки в школьной спальне. Мы окутывали себя простынями, сооружали сложные шляпы из гофрированной бумаги и туалетных рулонов и дополняли это реквизитом из сада, кухни или тумбочки матроны.

*Спешу вам, тетя, сообщить, что Арчибальд наш умер.
Была Гертруда рядом с ним. Бедняжка так горюет.
И плачет, не перестает. В двенадцать умер он.
Рыдает и себя ведет как сумасшедший Рон.
Что делать, тетя? Арчи мертв, лежит там, где он умер,
Болеет свинкой крошка Джейн, а Ронни обезумел?*

Другим увлечением стали кактусы: я тщательно выписывал их акварелью, и лучше всего я нарисовал *Aloe variegata*.

Мисс Пилкингтон родилась в 1860-е годы в доме рядом со старым особняком в Карри Малет. В 1952-м, когда ей было далеко за восемьдесят, она походила на королеву — маленькая, подавленная, с сердитыми манерами Морьяка Полая.

Как и у Полая, ее тайной любовью был шпинат, который она выращивала в своем саду. Мисс П. была ужасом всех ползающих существ: преследуя слизней с пакетиком соли, она

стремительно распространяла шипучую солевую смерть, за которой я наблюдал с ужасом и восторгом.

Ее садоводческие войны с врагами сельского хозяйства были беспощадны: кипяток из чайника отправлял на тот свет колонию муравьев; проколота банка из-под варенья заточала в себе множество возмущенных ос, которые тонули, свернувшись калачиком. Уховертки, отысканные в сердце георгинов, расплющивались под ее грубыми пальцами. Когда тень мисс П. накрывала аккуратные грядки овощей, гусеницы старались побыстрее спрятаться.

Пугало мисс П. напоминало знаменитую бабушку карикатуриста Джайлса, а его шляпа была похожа на большую черную ворону. Тогда мне было десять. Она усаживала меня в гостиной, заваривала чашку чая и рассказывала о садах. Выходя из комнаты, мы продолжали беседу, но, поскольку она была совершенно глуха, беседа превращалась в монолог.

Я зачарованно слушал, разглядывая на подоконнике ее кактус, *Aloe variegata*, с множеством деток под серебряной сферой стеклянного шара. Это большое растение, сказала она, цветет раз в семь лет. Горькое алоэ вызывает понос, если у тебя запор; султан Иерусалима рекомендовал его Альфреду Великому, когда тот наелся горелых пирожных.

Сама мисс Пилкингтон никогда не бывала дальше Тонтона, в одиннадцать милях от дома, и то нечасто. Если мои родители возвращались поздно, она сидела с нами. Поскольку Мэнор-хаус наводняли привидения, она настаивала, чтобы мы оставались с ней на кухне. Никто из жителей деревни не посещал это место после наступления темноты, поэтому мы сидели с нашей зловещей старой гостьей, слушая по радио «Дика Бартон, особого агента», решавшего очередную пугающую загадку на фоне суматошной музыкальной темы, и вздрагивали от страха, когда спицы мисс П. щелкали, словно спицы гротескных «ввязальщиц» у подножья гильотины.

9-е,

четверг.

март

1989

Построил стол из бревна, найденного в рыбацком сарае, и двух больших досок, которые лежали в саду. Это заняло

весь день, хотя конструкция была простой — я прибил их гвоздями и склеил. Ножки уходят на фут в гальку; узкий стол обладает удивительно элегантными пропорциями. Круглый вырез в досках послужил отличным контейнером для цветочного горшка с молодилом: в те редкие дни, когда ветра нет, я могу давать ужины под открытым небом на фоне атомной электростанции.

10-е,

пятница.

март

1989

Гулял у моря, принес несколько больших камней в старой сумке из-под инструментов. Почти час просидел в оцепенении, думая о том, чтобы что-нибудь написать, но... увы. Вспомнились слова Хаксли. К собственному удивлению, я нашел их в «Дверях восприятия»:

Мы живем вместе, лицом к лицу, и реагируем друг на друга, но всегда и во всех обстоятельствах мы сами по себе... каждый воплощенный дух обречен страдать и наслаждаться лишь собственными ощущениями, чувствами, прозрениями и капризами, которые не могут быть переданы иначе, кроме как через символы и посредников...

Вспомнилось, что во времена моего детства садом занимались женщины.

В саду мисс Пилкингтон были розы, но ни одной лилии. Интересно, что стало с ее маленьким домиком, в котором она родилась больше ста двадцати лет назад? На этих страницах она продолжает жить, призрак сада, подобно призракам, которые никогда не пугали ее в том старом особняке: «Нам звезды дарят сон, ночь опускает занавес».

11-е,

суббота.

март

1989

С рассвета работал в саду. Теплый пасмурный день. Все утро выкладывал перед домом вторую круглую клумбу, мульчировал сантолины и начал сажать лаванду у задней двери. Обрезал артемизию и бессмертник, посадил в цветочные горшки срезанные отростки, семена мяты и калифорнийского

мака (зубцы лука проросли). Видел первую мигрирующую каменку, а в обед — бледную многоцветницу на плюще.

12-е, воскресенье. март 1989

Теплый пасмурный день и морской туман, из-за которого включили сирену на маяке. В саду занимался прополкой, посадил гвоздику и семена катрана. Вечером среди мусора на пляже собирал предметы, которые могут пригодиться.

21-е, вторник. март 1989

Сильный дождь, пелена воды, отражающая серые небеса, ложащиеся на яркую зелень весенних полей. На кустах боярышника вдоль железной дороги до Эшфорда распускаются почки. Повсюду клумбы с примулами.

Холодный ветреный день; морось колет глаза и застилает вид. Тем не менее за неделю отсутствия сад изменился. Быстрый осмотр показал, что ирисы подросли на несколько дюймов, в рацитнике распускается вторая партия нарциссов. Розы, покрытые бутонами, пытаются выстоять под холодным ветром.

В конце сада расцвели карликовые кусты терновника, а в лесах вдоль Лонг Питс переливаются серебристо-красные вербы. Питс — два затопленных гравийных карьера и насосная станция на случай, если с охлаждающей системой АЭС что-то пойдет не так.

Глубоко в лесу, на скрытой от любопытствующих глаз поляне цветут примулы, единственные, найденные мной, зато есть целые ковры фиалок, прячущихся под ярко-зелеными листьями.

Невнимательный может пройти по ним, даже не заметив, поскольку листья и цветы создают почти идеальную маскировку, и ускользающий фиолетовый исчезает в зеленом.

В полночь я отправился на прогулку под полной луной, озарявшей гальку. Здесь лунный свет иной: песчаные пляжи не могут отражать его так, как миллионы камешков Дангенесса.

Джерард говорит о фиалках так:

Они побуждают человека ко всему, что пристойно и честно, поскольку через свою красоту, разнообразие цвета и изысканные формы напоминают свободному и благородному уму о честности, пристойности и остальных добродетелях, ибо это было бы невиданно и отвратительно (как говорят некоторые мудрецы), если б взгляд и прикосновение к прекрасным и чистым вещам делал человеческий разум не чистым, а грязным и испорченным.

Калпепер добавляет: «Это прекрасные растения Венеры, не способные навредить». Пиндар называет Афины «коронованной фиалками»: гирлянды из этих цветов носили на праздниках, особенно на чествовании Деметры, когда венки из них надевали молодые люди. В Германии фиалку до сих пор называют «растением мальчиков». Гёте носил с собой семена фиалок и разбрасывал их, прогуливаясь на природе.

Фиалка хранит тайну. Вдоль живой изгороди, спускавшейся к утесам в Хордле, росли темно-фиолетовые фиалки, не больше дюжины растений. Солнечным мартовским днем я наткнулся на них, поднимаясь на утес. Они прятались в маленькой расщелине. Я постоял, любуясь ими.

День за днем я сбегал от унылого полкового существования английского интерната в свой тайный сад — первый из многих, что расцветали в моих мечтах. Туда я привел его, взяв клятву тайны, и смотрел, как он снимает серый фланелевый костюм и лежит, обнаженный, под весенним солнцем. Там наши руки впервые соприкоснулись, затем я снял брюки и лег позади него. Он повернулся на живот, засмеявшись, когда моя рука скользнула по его спине и исчезла в теплой темноте между бедрами. Он назвал это «приятным ощущением» и вернулся на следующий день, пригласив меня той ночью к себе в постель.

Неотвязные фиалки притягивали вечерние тени, наши пальцы тонули в их пурпуре.

Семестр закончился. Я купил фиалок в цветочном магазине и поставил их рядом с кроватью. Моя бабушка не одобряла цветы в спальне, говоря, что они забирают воздух. Фиалки, по ее словам, были цветком смерти.

Но я обнаружил, что в троице символических цветов фиалка была третьей, означавшей чистоту.

*Чье достоинство не может растопить ни солнечный жар,
Ни дождь не может смыть.*

*Фиалка, которой лучше нет для приятного аромата, а тысяча
ее цветов пробудят вашу суть.*

Новый сад и огород стали моими.

Тем летом, когда пшеница выросла мне по пояс, мы проложили тайную тропу от фиалковых зарослей в центр поля и лежали там, жуя недозревшие семена, растирая загорелые, соленые тела, и таково было наше садовое счастье.

Долгими субботними днями мы придумывали план, как выкопать проход на противоположную сторону Земли, подальше от грубых тренеров и колоколов, отмечавших начало уроков. По крайней мере, мы могли бы выкопать пещеру. Однажды мы украли маленькую лопатку (ту, которую я использовал для своего призового сада, разбитого между кухнями и часовой), унесли в поля и начали копать песчаную подпочву до тех пор, пока в изнеможении, по пояс в сладко пахнущей земле, не сдались и не отправились отмывать грязные ноги.

Наполеон любил фиалки, Дизраэли — примулы; 11 апреля — его день рождения, день примулы в его честь. Цветком моей бабушки была мимоза, ставшая ее прозвищем. Мать восхищалась ландышами. Мисс Николс, моя школьная учительница в восемь лет, окружала себя примулами, как Диззи.

Мисс Николс жила в старой школе над продуваемой сквозняками лестницей, занимая маленькую комнату с кроватью, где постоянно, зимой и летом, работал электрический обогреватель, словно церковная свеча в святилище.

Мисс Николс постоянно торопилась — пугающий серый грызун преклонных лет, оказавшийся в ловушке. Она преследовала младших школьников у колеса фортуны с линейкой, стиснутой в твердой правой руке.

Мисс Николс боялись все. Коллеги-учителя полагались на ее опыт. Малыши сворачивали в коридоре, чтобы с ней не столкнуться. Ее визиты в спальню, чтобы поймать неосторожных болтунов после выключения света, были легендарными, словно походы Боудикки на римлян.

У мисс Николс имелись свои любимчики, которых она угощала бутербродами, а ее система добывания информации была идеально отлажена. Если вы вертелись в постели, вам в лицо бил слепящий свет, и она, невидимая за фонариком, беспощадно вас отчитывала.

Мисс Николс окутывала пыль от огромных серых свитеров, толстых шерстяных носков и подбитых сталью полуботинок, стучавших по полу, как жук-точильщик. Ее лицо прояслялось из темноты, морщины припорошены белой пудрой, сбившейся между ними в гранулы — прозрачная маска, украшенная чугунной прической со стальными колечками, неизменной со времени смерти старой королевы.

Mensa mensa mensam.

Мисс Николс вела младшие классы и в том числе преподавала живопись, где мы изучали и рисовали ее любимую примулу, бахромчатую и чопорную, уже после того, как другие классы заканчивали занятия и весело мчались мимо наших окон.

В летние воскресенья мисс Николс вела процессию учеников на вечернюю службу через огороженный сад, одетая в выцветшее хлопковое платье, покрытое фантастическими цветами. Она проложила тропу под перголой, декорированной розами, между заброшенными цветочными бордюрами: пышные махровые розы осыпали ее волосы лепестками, словно конфетти. В этом неформальном венке она сидела, выпрямившись, за фисгармонией, и играла любимый гимн, выводя жидким сопрано:

Пребудь со мной; вечернюю порой

Пусть тьма все гуще, Ты пребудь со мной⁸.

Розовый лепесток падал на пол, еще больше смущая наши высокие нетвердые голоса. На глаза мисс Николе наворачивались слезы и пятали ее щеки, как капли дождя, смывая меловую пудру и обнажая бледно-розовую кожу.

В сумерках мы возвращались через сад; покрытые росой пионы склонялись, словно в молитве, и роняли напыщенные слезы, собирая вокруг себя карминовые тени. Ирисы, фиолетовые, словно небо, и алые маки с сине-черным нутром, вырывавшимся из коробочек, мятым и похожим на крылья бабочек. Ароматные гвоздики лежали покинутыми клумбами, ростки люпина сгибались под грузом дня. В последних лучах солнца алая углокрыльница расправляла крылья, вспархивала вверх и скрывалась за кирпичной стеной.

Мисс Николе была далеко впереди. Я шел, словно зачарованный, строя планы. Ее ночные рейды выкинуты из головы.

Холодный зимний день; до пяти часов было пасмурно, потом появилось солнце. В половине седьмого, стоя у края моря, я смотрел, как рыбаки разбрасывают на песке свои сети. Отлив был низким, песок — бледно-голубым, море — желтоватым, с маленькими набегающими белыми барашками волн. Над ними плыли розовато-лиловые облака. За Хижиной Перспективы садилось огромное солнце.

Позже в безоблачном небе встала круглая луна. В полночь у теней есть оттенки. Море добралось почти до верха гальки, надвигаясь медленно и неумолимо; ветер стих. На воде — полоска лунного света. Корабли в проливе выступают черными силуэтами на фоне неба. Очень холодно.

23-е,

четверг.

март

1989

С утра было яркое солнце, но скоро холодный ветер нагнал тучи. Оставшуюся лаванду я посадил в круглую клумбу и разгреб гальку, а дома пересадил герань, которая начала пробуждаться от тусклой зимы, проведенной в доме Феникса. Погода сбила меня с толку: весна казалась близкой еще с ноября, но ледяные бури последних десяти дней держали сад в напряженном ожидании. Рассада катрана, проросшая

несколько недель назад, почти не выросла, а некоторые ростки сгнили.

Страстная

пятница

Всю ночь ревел ветер, стихая на краткие минуты; этим утром весь пейзаж, небо и море приобрели сердитый оттенок охры, и даже песню жаворонка уносил ветер. Мои розы печально пожухли, укроп почти погиб.

В доме проросли семена: калифорнийский мак, болотная мята и лук. Днем на минуту выглянуло тусклое солнце, но быстро скрылось за серой мглой, надвигавшейся с запада.

Перед ужином я прошел милю вдоль берега, глядя на тяжелые свинцовые волны. Вернулся усталый, задыхающийся, пропитанный солью. На обратном пути заметил одуванчики и яснотку в тени полуразрушенной рыбацкой лачуги. Черные доски Хижины Перспективы с ярко-желтыми окнами видны на фоне берега, поросшего дроком с золотистыми цветами.

25-е,

суббота.

март

1989

Солнце оставалось до самого конца дня, согревая легкий ветерок. В десять я прошелся к морю, собирая камни. Песчаные равнины были почти пусты, лишь маленький мальчик, всхлипывая, копал червей для наживки. Я отчетливо слышал его на ветру, хотя он был далеко, у волноломов. Моя собственная печаль, возникшая прошлым вечером после просмотра по телевизору «Военного реквиема», исчезла. В наши дни в Англии плачет очень много людей.

По всему Нессу устанавливают ограду: все больше туристов приезжает к маяку. Местная пивная «Британия» сменила название на «Контрабандисты», чтобы увеличить выручку. Даже это далекое место меняется.

Соседи принесли мне фиолетовый шалфей, первый подарок для моего сада. Он быстро разрастается.

Salvia salvatrix, шалфей-спаситель. «Тот, кто хочет долго жить, должен в мае шалфей пить». Дело человека процветает или погибает, как трава в саду. Пипс пишет

в дневнике, что видел погост, где шалфей рос на каждой могиле. Джерард говорит:

Шалфей прекрасно помогает голове и мозгу, оживляет ощущения и память, укрепляет мускулатуру, восстанавливает здоровье у парализованных, избавляет от дрожи в конечностях.

Шалфей привлекает жаб. Жаба Бокаччо жила под кустом шалфея.

Томас Хилл пишет:

Змеи чрезвычайно не любят огонь, однако не по причине, что он притупляет их зрение, а из-за того, что природа огня противна яду; также они ненавидят сильные запахи чеснока и красного лука. Они любят можжевельник, плющ и укроп, как жабы — шалфей, но всем сердцем ненавидят ясень, а также утренние и вечерние длинные тени этого дерева, а потому не приближаются к ним, а отползают прочь.

Вечером, в сумерках, когда я шел до Лонг Питс, под ясенем блестели фиалки. Никаких змей, только гудение электростанции. В основании разрушенного здания школы бурно разросся барвинок, покрыв область в несколько сотен квадратных метров. Взял с собой небольшое растение для сада.

Пасхальное воскресенье

*Барвинок — зеленого цвета трава,
Добавится в мае цветка синева,
Стебель его такой слабый и мягкий,
Ему высоко над землей не подняться⁹.*

Из барвинка, «фиалки колдунов», источника мощных небесно-голубых любовных зелий и заклинаний против злых духов, часто сплетали гирлянды для мертвых и короны для осужденных.

В «Травнике» Апулея говорится:

Это корень годится для многих целей, в первую очередь против дьявольской болезни и демонической одержимости, против дрожи

и диких животных, против яда и для разных желаний, зависти, ужаса и чего вы только ни попросите. Если у тебя с собой есть этот корень, ты всегда будешь успешным и желанным. Этот корень следует выдерживать, говоря: „Молю винка-барвинка: ты, обладающий столь многими полезными качествами, иди ко мне, ярко цветущий, дай мне мудрость, и я буду защищен, стану процветать и не поддамся ядам“. Выдерживая корень, ты должен быть очищен водой от всякой грязи. И ты должен собирать его, когда луне девять ночей, одиннадцать, тринадцать или когда ей одна ночь.

«Добродетели трав»:

Если растолочь барвинок в порошок вместе с червями земными, обернутыми вокруг него, он пробудит любовь между мужем и женой, если употреблять его в пищу.

С радостью и сожалением я вспоминаю свой самый первый сад в Хордле. Это был один из многочисленных маленьких клочков земли восемь на двенадцать футов, размеченных вдоль южного периметра старого кухонного сада, выделенного нам в качестве огорода. Их распределяли каждое лето в день подведения итогов.

Мой сад был простым собранием однолетников, посеянных прямыми рядами, всходившими с изысканным совершенством: алиссум, агератум, васильки, иберийка, лобелия, чернушка, немезия... Сад служил орнаментом для моих альбомов, и, если бы судьба повернулась иначе, уверен, я стал бы профессиональным садовником, а не энтузиастом-любителем.

Середина Пасхального воскресенья. Часы спешат на час. Туман, пришедший ранним утром, не рассеялся, став только плотнее. Каждые несколько минут сирена издает скорбный звук. Я сижу, закрыв глаза, пытаюсь разогнать туман более сорока прожитых лет, и вспоминаю свой маленький сад, который каждое лето приносил мне приз в пять шиллингов. Но, как я ни стараюсь, это лишь тусклые обрывки.

Возможно, ускользнуть ему позволило само его спокойствие и простота. Я помню тяжелый сонный запах липы

в разгар лета и резкий запах кустов бирючины под ними; головки бутены и оснащение плюща. Однажды огромная дубовая гусеница-коконопряд сбежала из банки, стоявшей в спальне, и напугала мальчика, который решил, что липкость на его пальцах — это его мозги.

Странные учителя: капитан Эрикс, голландец со скрипучей металлической ногой; мистер Говард, элегантный серый эдвардианец с розой в петлице. Я помню клички безымянных: Зануда, Доска, Кругом. Помню воздушный путь сквозь корявые деревья на вершине утеса и постоянную охоту на бабочек и мотыльков — таинственных коконопрядов, волшебным образом привлекавших своих партнеров, ошеломляющих углокрыльниц, летящих вдоль залитых солнцем тропинок, бледно-зеленых парусников и белых молей, порхающих вокруг ламп. В моей памяти возникают огромные совы, вилхвосты и восковые гусеницы древоточца.

Но сам сад остается лишь молчаливым переливающимся пятном цвета.

27-е, понедельник. март 1989

Яркий, солнечный день, немного облачный и очень теплый. Все вышли в свои сады. Ходил с ХБ к Лонг Питс, по пути нашел куст смирнии. Растения были покрыты бутонами, но на высохших цветочных головках нашлось несколько семян с прошлого года. Я аккуратно собрал их и посеял, вернувшись домой. Смирния выглядит как огромный купырь с большими сверкающими листьями. Один мой знакомый съел болиголов (который она слегка напоминает) и умер, так что я решил ее не есть.

Кусты утесника в ивовом лесу, окруженные пчелами, уже разбрасывают семена. Еще дальше у гравийных ям на больших кустах терна распускаются цветы, а солнечные берега озера покрыты желтыми цветами мать-и-мачехи, которые когда-то называли *filius ante patrem*, поскольку цветы появлялись из земли раньше листьев.

Мать-и-мачеху советовали от всех легочных заболеваний, она же — основной ингредиент растительного табака. Ее

рекомендовал Плиний, считавший, что растение следует курить через полый тростник, запивая маленькими глотками вина.

На обратном пути мы прошли мимо двух рыбаков, и один сказал, что поймал в Пите щуку тридцати фунтов весом.

Во второй половине дня высаживал семена — настурцию, василек — и готовил клумбу для кабачков. Солнце продолжало палить; в пять я чувствовал, как оно обжигает мне лицо.

Ребенком в прохладные дни я шел в питомник, предаваясь мечтам среди пакетиков с семенами, лежащих друг на друге, как старомодные портьеры в Академии. Здесь художники обещали жаркий июнь палитрой алого и синего. Я брал пакетики и тряс их; семена мака были едва слышны, а большие бобы гремели, как маракас.

Среди ярких пакетиков некоторые привлекали внимание своей простотой: на них не было соблазнительных картинок, и я знал, что они — для серьезных людей, знающих латинские названия. С обратной стороны приводились рекомендации: уровень посадки (глубоко или нет), солнце или тень, время высадки семян, а также предупреждения:

Следите за улитками — они любят это растение.

Морозоустойчивые многолетники можно высаживать сразу в сад, чтобы они зацвели в следующем году и продолжали цвести в будущем.

Предпочитают солнце, но не требовательны.

Прекрасно цветут в полутени.

Я никогда не высаживал все семена; шли годы, и я находил у себя множество наполовину использованных пакетиков. Взoshли бы эти старые семена, как пшеница из гробницы Тутанхамона?

Посадка семян связана со многими церемониями — «Лабиринт садовника» Хиллса посвящает этому целые главы. Интересно, принял ли кто-нибудь на вооружение совет Плиния и неаполитанца Палладия Рутилия:

Семена будут храниться надежно и в безопасности от зла и садовых чудовищ, если череп без мяса кобылы или ослицы (покрытой ослом) похоронить в саду или в середине него же водрузить на столб.

Второй день яркое солнце. Утро провел на улице, работая за новым садовым столом. Затем прогулялся вдоль берега. Обнаружил куст льнянки с листьями как у плюща и яркими синими цветами, растущий на куче асфальта у лодочной станции.

Льнянку завезли из Италии в Медицинский сад Челси, откуда она распространилась по всем каменным стенам страны. Это еще один цветок Мадонны из-за своего чистого синего цвета. Рядом цвела вероника, бледно-голубое эхо маленького соседа. В конце дороги цветет валериана. Теплая зима нарушила весь календарь: в прошлом году я снимал ее в цвету только в начале июля.

30 марта — день свадьбы моих родителей, которые никогда не интересовались садоводством, хотя, если судить по нашей семейной кинохронике, может показаться иначе: мать собирает розы, отец легко толкает большую тачку вдоль цветочных бордюров.

В этот день почти пятьдесят лет назад мои родители делали свадебные фотографии под бледно-желтым колоколом, висящим в воротах у входа в церковь Святой Троицы в Нортвуде. Фотография, где мой отец в военной форме и мать с букетом гвоздик и вуалью, развевавшейся на мартовском ветре, захватила воображение прессы. Ее напечатали национальные газеты — надежда во времена приближающейся тьмы. Позже в тот день моя мать сфотографировалась одна на элегантной официальной фотографии с букетом ландышей.

Букеты ландышей носили часто: что-то новое, что-то чужое, что-то старое и голубое, лилия постоянства, слезы Марии, знак второго пришествия, называемый «лестница в небеса». Когда Мария плакала у подножия креста, ее слезы превратились в чистый белый цветок скромности.

Лекарства, сделанные из «слез Девы», считались в Средние века столь сильными, что настой из него хранили в золотых

и серебряных сосудах, подобных инкрустированным реликвариям с фрагментами Истинного креста. Очищенные в вине и освященные в молчании, они возвращали речь и делали память ясной, как колокольчики самого цветка.

Едва ли я могу вспомнить весну, когда моя мать не возвращалась бы однажды с маленьким букетом этих цветов, аккуратно ставя их на каминную полку в маленькой белой вазе. Гораздо позже она полюбила мяту и пришла в восторг, когда я купил семена и посадил их в дальнем уголке сада ее дома в Меррифилде.

Я не помню, чтобы мой отец использовал сад иначе, чем исключительно в практических целях. Сад казался отцу пустой тратой времени, особенно стрижка газона. Любое дерево или куст, нарушавший четкие, прямые линии, вычерченные им по траве, были обречены. Он лучше управлялся с топором, пилой и секатором, атакуя все, что становилось слишком пышным, строя планы против ивы, посаженной соседом напротив кухонного окна и загораживавшей свет. В сумерках он пробирался к ней и давал мощную дозу гербицидов.

Мать очень расстраивали такие нападения на природу. Ива отважно сопротивлялась всем попыткам отца подорвать ее здоровье.

Мать любила сидеть в саду под яблонями, которые периодически подвергались аналогичным нападениям. Старый сад был посажен в двадцатые годы и состоял примерно из сорока деревьев: там были лактоны, пепин, ренет и большая брамли, все дикие и неухоженные. Мой отец собрался благоустроить его с помощью топора, но вскоре оставил свою тактику выжженной земли из-за чрезмерной любви к яблочным пирогам.

Он ел их каждый вечер, а я вспоминал различных королей и принцев, умиравших из-за переедания миног и абрикосов. Мать готовила яблочный пирог каждый день в течение всего года и превратилась в эксперта в этой области. Она использовала тончайшие вариации приготовления, очищая соблазнивший Еву фрукт, замешивая тесто и напевая увертюру

Отец создал настоящий диктат своими яблочными пирогами. Вполне понятно, что я их ненавидел, и мать клала мне самую маленькую порцию. Я был вполне доволен, получая всего одну дольку.

Мать была уверена, что свой интерес к садам я унаследовал от ее отца Гарри Литтена, который выращивал в Бексхилле призовой горошек, когда уходил в отпуск, работая у продавцов чая и лесоматериалов Харрисона и Кросфилда в Калькутте. У меня есть фильм 1930 года, где он нахваливает свои растения.

А еще был его помешанный на джазе сын Эдвард, дядя Тедди, который провел свою юность в японском лагере для военнопленных в Бирме и вернулся домой инвалидом. Он изобретал самые разные проекты, одним из которых было выращивание грибов в вентилируемом ящике среди аккуратно выстиранных простыней моей тети.

Интерес Тедди к саду был наиболее «продвинутым»: он сурово осуждал стряпню моей матери, в том числе яблочные пироги, и бесцельно слонялся по саду, делая себе салаты из листьев настурции и одуванчиков и нарушая любой прием пищи, на который приходил.

Из его многочисленных и обреченных на неудачу проектов наиболее успешным была выгонка для рождественского рынка розовых тюльпанов в разрушающихся теплицах, где я работал в рождественские выходные, собирая и пакуя цветы. Задолго до того, как у зеленщиков появились авокадо, Тедди с надеждой пытался выращивать кусты из их семян. Манго, ананасы, даже баклажаны росли на подоконниках, под раковинами и на чердаке. Тедди довел садоводство до тропических крайностей.

31-е,

пятница.

март

1989

Солнце — белый шар в бледном небе; туман несется вдоль Несса молочной пеленой, молчаливые вербные леса в серебристом свете светятся бледно-желтой пастелью.

Апрель начался с жестокого холода и резкого ночного ветра. На Хижину яростно обрушилась буря. В бессонной дреме я сидел во тьме, опасаясь за каждую доску и ожидая разрывов визжащих электропроводов. С каждым порывом, более сильным, чем предыдущий, сводило живот. В 5:30 бледное предчувствие рассвета высветило силуэты черных туч, летящих со стороны бурлящего моря.

Всю ночь рыбаки старались уберечь свои лодки под призрачным светом фар автомобилей, которые развернулись в сторону берега. Время шло, ветер усиливался и задувал в дом, где становилось все холоднее. Двери открывались и громко захлопывались от сквозняка.

В мутном рассвете я выпил чашку кофе, которая остыла у меня в руках, и наблюдал за бумагой и пластиком, взлетающими на волнах и исчезающими в Нессе.

Ледяной ветер, сравнимый по силе с ураганом последнего года, за несколько часов разрушил мой сад и с каждой минутой становился все сильнее. Я подошел к морю, но остановился на значительном расстоянии, поскольку соленые брызги вымочили меня с головы до ног. Пролетая над галькой, они застывали на окнах. Белые барашки сдувало с волн, они резали глаза и делали губы солеными.

Раньше, когда земля за Нессом была затоплена, здесь нередко встречалась болотная лихорадка. Амулет на шею хранил в себе такие слова:

*Лихорадка, прочь.
Три дня дрожу,
три дня трясусь,
И поправлюсь, славься Иисус.*

Во время бури чайки опустились на землю, стоя на ветру, словно солдаты на параде, глядя на волны, накатывающиеся на край гальки и нарушающие их строй. Шорох гальки едва слышен в реве яростного ветра.

Миссис Ойллер 94 года. Она поселилась в доме по соседству в 1915-м и родила девятерых детей. Она носила воду из колодца в двух ведрах с коромыслом и за несколько пенсов собирала тяжелый щебень там, где сейчас стоит реактор.

Однажды солнечным днем она рассказала, как из самолета в небе выпрыгнули два человека и, пока она переводила дух, зависли в синеве, после чего скрылись из вида за кустами остролиста в Холмстоне.

Остролист с кроваво-красными ягодами вырос у ног Христа, когда он ходил по этой земле. Авторитетный человек рассказывал мне, что цветы остролиста могут замораживать воду.

Дракон в пустыне, сорок дней и сорок ночей.

Выдержит ли крыша набирающий силу шторм? Смотрю на море, пожирающее лодки у причалов — сегодня рыбаков нет. Призрак Однозубой Эгги бежит по волнам, ее колокол Страшного суда звонит в шуме бури. Обломки кораблей погружаются в песчаные могилы.

«Третий» миссис Ойллер свалился в чан для жидкой смолы и с ревом стоял там, словно окунувшаяся в масло птица. Чтобы его одеть, она разрежала великолепный халат, купленный в лондонском магазине, единственный, какой у нее был.

О ветер, пожалуйста, исчезни.

Hueme malus, aestate molestus, numquam bonus — злой зимой, щедрый летом, всегда плохой.

5-е, среда. апрель 1989

Мой фиолетовый ирис погиб. Его многочисленные бутоны сожжены солеными брызгами. Я ждал этих цветов три года, растил их из корневища, выдернутого из земли в руинах дока Виктория. Среди увядших листьев сохранился лишь один поздний цветок. Утешаюсь Овидием, его прекрасным описанием богини, прибывающей в дом сна с посланием от Юноны:

*Возле дверей у пещеры цветут в изобилии маки;
Травы растут без числа, в молоке у которых собирает*

*Дрему росистая ночь и кропит потемневшие земли.
Двери, которая скрип издавала б, на петлях вращаясь,
В доме во всем не найти; и сторожа нет у порога.
Посередине кровать на эбеновых ножках с пуховым
Ложем — неясственен цвет у него и покров его темен.
Там почивает сам бог, распростертый в томлении тела.
И, окружив божество, подражая облициям разным,
Все сновиденья лежат, и столько их, сколько колосьев
На поле, листьев в лесу иль песка, нанесенного морем.
Дева едва лишь вошла, сновиденья раздвинув руками,
Ей преграждавшие путь, — засиял от сверканья одежды
Дом священный. Тут бог, с трудом отягченные дремой
Очи подъезжая едва и вновь их и вновь опуская
И упадающим вновь подбородком о грудь ударяясь,
Все же встряхнувшись от сна и, на ложе привстав, вопрошает, —
Ибо ее он признал, — для чего появилась¹⁰.*

Всю ночь шел дождь, успокоив шуршащую гальку и дав мне возможность уснуть. Где-то далеко ревело море, обрушиваясь на охристые песчаные берега. Береговая линия изменилась: словно гигантская рука прошла по гальке, сгладив маленькие бухты, выровняв ямы и низины и создав идеальную прямую. Внизу у берега возникла быстро текущая река. Камней для лабиринтов сада не осталось.

Дождь продолжался и в предрассветные часы. Снились солдаты: я отказывался носить щеголеватую форму. Самого красивого я заметил высоко на лесах каких-то мраморных руин. Остановился, пораженный его красотой. Он сбросил форму и, аккуратно сложив ее, оставил у моей кровати. Когда он скользнул под одеяло, меня коснулся поток холодного воздуха. Он не осмелился меня будить, зная, что я исчезну — я был его сном.

Моя бузина погибла, дочерна сгорев из-за соленых брызг...

*Ты кривою растешь, бузина, бузина,
Никогда ни пряма, ни сильна,
Ты не вырастешь больше куста,
На тебе ведь распяли Христа¹¹.*

На дорожке образовалась большая лужа воды, и когда путник уходил, то видел отражение своего лица. Он улыбался и возвращался.

Под утро мы с Джонни делились секретами, забираясь друг к другу в кровать, словно герои эдвардианских книг с картинками. Тощие девятилетки, мы исследовали контуры неизвестных пейзажей. Воображаемые миры пресвитера Иоанна и Снежного человека, Крепкой задницы и Твердого члена. Оргия непосед у литавр в тени адского огня. Мы исследовали копи царя Соломона и странные племенные инициации. Тепло и смешки перед утренним подъемом.

Выдавший нас идиот был одним из тех, кто считал, что мастурбация может выдавить из ушей мозг. Они отбросили его руки от моего затвердевшего члена и поставили нас, голых, ежащихся от холода, у кровати. Выхваченные из привычной среды, мы задыхались перед Ноями.

«Боже! Что вы делаете! Вы же ослепнете!»

Посыпались удары тростью, тысячелетия фрустрированной христианской ненависти. Что за ужасный Бог, сам принявший боль, а потом заставивший нас ее испытывать! В тот день детская идиллия умерла в колокольном звоне и церемониях, угрозах осмеяния и рассказа нашим родителям; нас выкинули в пустыню, которую создали они, и приказали себя наказывать, чтобы мы в конце концов смогли войти в их рай поистине мертвыми духом.

Но я знал, что радость рая существует, как блеск и благородство воинов, и поклялся отомстить за свои поколения, избавиться от ложной белой фаты святого супружества, трахнуть кичливого жениха и стереть его сперму покровом Спасителя. Тогда наша миссия на земле завершится, и мы войдем в Царствие, отряд воинов, и отделаем троицу на золотом троне перед многочисленными святыми, пока Христос не покается и не признается в своей истинной любви к святому Иоанну. Ныне и вовеки веков, аминь.

Вечером дождь прекратился, вокруг было сыро и холодно. Ветер стих. Я чувствовал, как сад вздохнул с облегчением. Нам так нужно весеннее солнце, растения после этого холодного душа станут энергичнее.

Холодно, замерзшие жаворонки еле таскают ноги. Я задерживаю дыхание. Когда свет исчезает, смерть приходит даже к камням.

День начался с двух небольших дождей. Ветер холодный, но солнце вернулось. Во время поездки в Рай мы заметили обочины, поросшие смирнией, ярко-зеленым растением с кремово-желтыми цветами. В гравийных карьерах стая примерно из тридцати лебедей щипала траву среди овец.

Сады вдоль дороги яркие от весенних цветов, в особенности от разросшихся повсюду ноготков.

Купил в книжном «Дневник» Килверта — хозяин испугал меня, назвав по имени. Мы немного поговорили.

Дома я прошелся по опустевшему пляжу мимо станции. С западной стороны Несса иная растительность. Местность плоская. На ней есть участки, поросшие лишайниками и мхом, островки мертвого раkitника и армерии, многочисленные наперстянки. У края моря растет глауциум, но маленький, как катран.

За опорой линии электропередачи — золотистый остров утесника. Здесь даже на холодном ветру воздух полон запахов. Утесник имеет нежный травянистый аромат, напоминающий руту. При правильных погодных условиях ими пахнет весь Несс.

Проход ведет к обширной области около сотни ярдов в диаметре; внутри нее — золотистый свет и пьянящий запах. Кусты кажутся старыми: скрученные, кривые стволы, дико извивающиеся на восточном ветре. Многие из них, давно погибшие, образовали ковер, словно застывшие змеи в яме.

Большие кусты почти трех метров в высоту очень пышные и после теплой зимы цветут прекрасными цветами.

Этим вечером тишина в роще была поистине золотой. По словам Плиния, утесник использовали для того, чтобы вылавливать крупинки золота из гравия, который промывали золотоискатели.

Пока грелся на солнце, придумал «башню ветров» и оранжерею.

На стене пять новых картин — «Дама, повесившаяся в райском саду», «Мальчик, утонувший в святой воде», «День на острове мертвых», «Тихие шаги» и «Отлив». Все это — коллажи из найденных объектов на золотом фоне.

Галлюциногенные сумерки, омытые таким цветом, что довел бы Моне до самоубийства. На закате в теплых синих небесах показался ярчайший месяц; с каждой минутой он набирал силу, оставаясь до полуночи.

Ночь ясная, как звон колоколов, синева пронзает фиолетовый полосками розового и цвета старого золота, превращаясь в темное индиго. Луна и звезды видны столь четко, что кажутся вырезанными ребенком для украшения колыбели.

Ночное небо здесь полно звезд, которые способны затмить ярчайшие огни Пикадилли, блестящие, как алмазы. Несс плоский, и те звезды, что лежат на горизонте, касаются ваших ног, а луна окрашивает волны серебром.

Атомная станция — огромный океанский лайнер, пришвартованный к небосводу и наполненный светом: белым, желтым, ярко-красным. Огни растягиваются от Фолькстона до Дувра. Высоко в небе самолеты, летящие с юга, бесшумно мигают среди звезд. В такие удивительные ночи, замороженный тишиной, я гуляю по Нессу.

Никогда за все свои бессонные ночи я не видел зрелища, подобного этому. Ни древние колокольчики, звеневшие на шеях стад, поднимавшихся в холмы Сардинии под лай собак и резкие крики пастухов, ни луна в Эгейском море, ни ароматные ночи и светлячки на Огненном острове, расколотые стеклянные звездочки, разбросанные по причалу в Хадсоне — ничто с этим не сравнится.

Оркестр играет музыку сфер, призрачные танцоры на обреченном лайнере кружат вас в танце, пока вы не почувствуете вращение самой земли. Легкий смех. Люди захватывают небеса, но лунный полумесяц не подчинить — он ярко сияет, собирая наши души.

«Продолжай тратить» — оптимистичный призыв владельца питомника в Грейтстоуне, ярком бунгало у края моря, окруженном цветочными бордюрами со знаком на входе: «Скажи это цветами. 14 февраля — День святого Валентина». Он стоит, улыбаясь, в темно-синем свитере рыбака и в кепке, с тонкой золотой сережкой. Много лет назад он ушел из кинобизнеса, сказав, что предпочитает здешний свет, поскольку его не надо двигать.

Он управляет своим питомником, лучшим по соотношению «цена — качество», как тележкой на Лондонском рынке, прибавляя сантолину или лаванду, словно картошку или капусту в довесок, и спрашивая: «Вам ведь не нужна сдача?», «Как жена?». Глядя на мелкий очиток, он говорит: «Это влетит вам в копеечку!» Торговля идет перед домом между рядами гномов, дятлов, цветущих дев и лягушек; за ними на полках под навесом стоит китайский фарфор, расписанный драконами и хризантемами, чайники в форме слонов, вазы и сахарницы, ютящиеся в маленьком пространстве. Сквозь занавески смутно проглядывают курильницы и позолоченные хранители храмов, деревья с полудрагоценными камнями, таинственные боги и богини.

Сегодня я покинул эту Шангри-Ла с полудюжиной лаванды, большой сумкой удобрений для горшечных цветов и кучей всего на сдачу с десяти фунтов.

Толпа полуголых молодых людей модельной внешности шумно веселится на гальке с большим надувным динозавром. Гламурное нашествие загорелых стройных тел из серебристого «Кадиллака», остановившегося на камнях под невероятным углом. Одинаковые прически Брюса Вебера, широкие понимающие улыбки. Хотелось попросить их сфотографироваться в моем саду. Они казались еще более нездешними, чем люди с лирами Аполлона на Лазурном берегу в «Завещании» Кокто. Если бы он материализовался среди них в мешковатом летнем костюме, с растрепанными волосами, вряд ли это показалось бы более удивительным.

Пару раз вместе с Тони я прошелся мимо этого магазина сладостей; накрашенная дама сердито смотрела на нас, поскольку мы отвлекали ее подопечных. Молодые люди запускали пальцы в напомаженные волосы; динозавра опрокидывал ветер. Когда мы проходили мимо второй раз, один из парней медленно откинулся назад и скользнул рукой по плотным черным плавкам, обтягивающим задницу. Они исчезли так же быстро, как и появились, оставив после себя лишь покалывание в паху.

Определенно, мы были ангелами, которым жители Содома отказали в гостеприимстве. Не был ли Содом маленьким спальным пригородом, проданным по ипотеке жестокосердным жителям где-нибудь неподалеку от Эпсома?

Апрель гораздо суровее, чем представлял Элиот, — он делает меня несчастным и еще более мрачным, чем всегда.

ХБ на демонстрации АСТУР против голодной диеты для ВИЧ-инфицированных, зависящих от Департамента здравоохранения и социальной защиты. Растущая преступность тех, кто нами управляет. По телевидению — безумный старый лорд Хайлшам желает их крошечным мозгам хоть немного разума. Какие-то идиоты пытаются расширить законы о богохульстве.

Говорил по телефону с моим дорогим Говардом Брукнером в далеком Нью-Йорке. Сейчас он может только стонать: его мозг постепенно заполнила ужасная инфекция, планомерно лишавшая всех способностей. Прошлым мартом во время бури мы с Говардом гуляли вдоль Несса, и внезапно у него пошла носом кровь, но он все отрицал — по крайней мере, у него появилась возможность снять большой фильм с участием Мэтта Диллона и Мадонны. Все последнее лето он улыбался.

Я проговорил с ним около двадцати минут. Не знаю, понял ли он хоть слово; я слышал лишь долгие паузы и низкий стон раненого. Эхо пустоты его стонов пересекало мир благодаря спутникам. Я был в замешательстве, испуган и опечален.

Эмоции спрятались из страха заполнить мир слезами.

Год назад Говард неожиданно и довольно загадочно прилетел из Нью-Йорка. Мы приехали в Рай, где он остановился в темном, неприветливом доме Генри Джеймса, и встретились в гостиной. Он положил в камин большое бревно, искры от которого разлетались во все стороны, и рассказал нам свою историю.

В том году бабушка подарила ему дедово кольцо с печаткой, тяжелое, золотое, с выгравированными на нем масонскими эмблемами. Надевая кольцо на палец, она заставила Говарда поклясться, что он никогда его не потеряет. Потеря, сказала она, принесет ему смерть.

Через несколько недель в перерыве между съемками он катался на водных лыжах в глубокой лагуне, выпустил рукоятку и упал в воду. Кольцо соскользнуло с пальца и медленно погрузилось на дно, сверкая на солнце, пока не исчезло в темных глубинах.

Говард испытал сильное облегчение, поскольку кольцо было тяжелым, некрасивым, и он чувствовал его давление все недели, что его носил. Теперь, когда оно исчезло навсегда, с его плеч словно свалилось бремя.

В те выходные погода была замечательной, и приятель предложил ему полетать на легком планере, чего раньше он никогда не делал. Поднявшись над берегом Тихого океана, его друг выключил двигатель, и в тишине они наблюдали закат.

Представьте, говорил он, как потрясающе было сидеть там, слушать ветер, летящий сквозь паруса, далеко внизу — океанский прибой, за фиолетовыми облаками садится алое, словно лава, солнце; ощущение невесомости, хрупкость планера, их приглушенные голоса. Это было, говорил он, самое потрясающее, что когда-либо с ним случалось.

Когда начали собираться тени, его друг попытался завести мотор, но у него ничего не вышло. Двадцать минут они дрейфовали над океаном, но двигатель никак не заводился. Еще двадцать минут они пытались посадить планер за прибой, чтобы не утонуть. После изматывающей борьбы они приземлились в лагуне за песчаным баром и перебрались на сушу вброд.

14-е,

пятница.

апрель

1989

Холодный туманный день, солнце едва видно. Закутавшись от ветра, я работал в заднем саду, высаживая круг из сантолин и нескольких лавандовых кустов.

Слышал первую кукушку в ивах и заметил множество божьих коровок, собравшихся на своих любимых растениях. Терн покрыт белоснежными цветами, среди которых грелись на солнце несколько песчаных ящериц.

Днем перешел в сад перед домом, выкапывая клумбы вокруг двух окружностей и сажая в них ноготки.

Желтофиоль полностью распустилась, а камнеломка с прошлой недели покрыта множеством золотистых цветов.

15-е,

суббота.

апрель

1989

Мой сад — мемориал; каждая круглая клумба — узел истинной любви, украшенный лавандой, бессмертником и сантолиной.

Сантолина находится под влиянием Меркурия, а потому сопротивляется ядам, очищает и излечивает укусы ядовитых тварей. Побег лаванды в руке или положенный под подушку дает вам шанс увидеть привидение, побывать в стране мертвых.

Странные сны в течение ночи. Какой-то последний фильм, полный исчезающих бессвязных эпизодов; образы кристально ясные, но такие странные, что я не могу их растолковать. Они падают с экрана в зал, аудитория замерла в креслах. Компания синефилов что-то гневно бормочет, а парни из Фалмута, которых рисовал викторианский художник Генри Тьюк, брызгают в них водой.

Я смотрю, как Джонни Джекет, знаменитый футболист из Корнуэлла, выскальзывает из одежды и времени. Должно быть, солнечный день. Меня охватывает печаль, столь же глубокая, как континентальный шельф.

Джонни Джекет расстегивает штаны, оттуда выскальзывает вставший член. Он выливает на ладонь теплое льняное масло, которое я использую в живописи, пахнущее

крикетными битами и детством. Медленно двигает рукой вдоль члена, не сводя с меня глаз, и дрожит. Когда по загорелому торсу разбрызгивается кремовая сперма, он улыбается, закрывает глаза и выливает остатки золотистого масла на грудь и живот.

Я просыпаюсь; солнце еще не встало. Из окна я вижу призрачный серый свет, море белое, словно молоко. Пытаюсь заснуть, но мое сознание наполняют вопросы, как сновидения, охраняющие сон. Второй раз я просыпаюсь в семь утра — великолепный солнечный день.

Солнце встает все выше, мысли мельтешат, словно демоны, наполняющие мой сад земных наслаждений. Какой смысл в моей книге? Я беженец из собственного прошлого? Я приговорил себя к заточению? Как я могу прославлять свою сексуальность, если она наполнена такой печалью и разочарованием из-за утрат? Как были искалечены мои фильмы? Взгляните на деньги, которые текут в карманы моих современников. Можно ли назвать высшей местью то, что мне не заплатили за съемки «Военного реквиема»? Разве я не начал безнадежную борьбу против рекламиста Cinema Renaissance, вступив в битву, которую, как мне было известно, невозможно выиграть даже после смерти, поскольку все тузы в их руках?

Могу ли я встречать рассвет с радостью, парализованный вирусом, кружащим, как смертоносная кобра? Столько друзей мертвы или умирают; с осени — Терри, Роберт, Дэвид, Кен, Пол, Говард. Все лучшие и умнейшие. Даже Первая мировая не принесла в одну жизнь столько потерь всего за один год, а ведь мы занимались любовью, не войной. Ужасающий недостаток информации, беллетризация нашего опыта — нет практически ни одной гей-автобиографии, только романы, но зачем писать романы, если лучшее находится в наших жизнях?

В пять часов ласточки низко летали над крышей. Теплый солнечный день; море темно-синего цвета.

Холодный восточный ветер, дувший весь апрель, прошлым вечером вернулся вновь. Он приносит с собой депрессию и вялость. Соленые брызги прилива жгут глаза, голоса в трубке почти неразличимы из-за шума на линии, словно жаровни в далеком аду.

В двенадцать лет меня послали в Кэнфорд, очередную школу-интернат, где не было садов, зато имелся великолепный парк, высаженный в начале девятнадцатого века фабрикантами железных изделий. В 1950-м он находился в самом расцвете.

Школа стояла в центре парка и идиллических угодий, удачно спланированных так, чтобы скрывать истоки богатства, элегантно укрывать темные сатанинские печи Южного Уэльса.

Эта «элегантность» позволила Шарлотте Гест бродить по магическому прошлому уэльских саг и развлекать людей вроде Остина Лэйарда, приехавшего с раскопок в ассирийской Ниневии, после чего на закате дня возвращаться домой, в огромные залы, крытые аркады и башни в «готическом дворце», созданном Бэрри на берегах реки Стаур, что окружала старый особняк, переданный Генрихом VII своей матери Маргарет Бофорт.

Бофорты, Маунтджои, Монтегю, Фитцрой — все ныне прославлены, изображены на геральдических витражах и мозаиках огромного сооружения, увенчанного массивной башней, воздвигнутой в честь царственной Виктории: безумная смесь амбиций и глупости с нарядными церемониальными лестницами, курительными комнатами, бильярдными, отделанными и расписанными в ассирийском, романском, готическом и модернистском стиле.

Сердце здания крылось глубоко в кухне: ряды колокольчиков с номерками и подписями.

Был глупый миф о том, что существование этого дома зависит от древнего дуба, названного «шелудивый», который в одну зимнюю ночь в отчаянии подожгли двое мальчишек.

К сожалению, дуб и вся система сохранились. Мальчишек, однако, больше никто не видел.

«Система» внешнего спокойствия и кажущейся внутренней прямоты скрывала кипящий котел страха и обиды. Ее оружие, колокола, управлявшиеся электричеством, призывали нас к молитве, эффективно наполняя резким звоном лабиринты коридоров и чердаков.

Laus Domine.

Колокола созывали на уроки.

Колокола предвещали проверки вычищенных ботинок, складок на брюках, чистых воротничков, причесанных волос.

Наказания и порки.

За все, что мы получаем, да сделает нас Господь благодарными.

Колокола на физкультуру, на маршировки кадетского корпуса, дни в полях и бег по пересеченной местности, регби. Были колокола, воспитывающие характер, колокола, разрешающие продленный уикенд, колокола для дедовщины.

Но главным был церковный колокол.

Может ли человек в здравом уме назвать это «нормальным воспитанием»?

Кажется, все так считают. И мои родители за это платили. Причем платили столько, что отец на мой двадцать первый день рождения с гордостью подарил мне все оплаченные за учебу счета.

Извращенный Рай был нужен, чтобы подготовить нас к взрослой жизни, смутно воспринимаемой как то, что начнется вскоре после восемнадцати лет. Тем временем мы занимались своими делами, отгородившись от давления и искушения страны быдла, полной отчаявшихся Ев, жаждущих откусить нашу яблочную девственность под пение толстогобого Элвиса.

Чтобы отвлечь нас от искушений плоти, использовалось мутное крепкое «христианство» — «здоровое тело, здоровый дух».

Мастурбация, однако, разочаровывала. Игра в свои ворота.

Быдлом, злополучными жертвами собственной неадекватности и неудачи, следовало управлять доброжелательно.

В то же время их жуткого языка и манер следовало избегать как чумы. С Божьей помощью Империя продолжала самоотверженно управляться, и мы несли цивилизацию странным расам со странной физиогномикой и обычаями. В университете директор объяснял нам, что хороший иранский шах был поставлен для того, чтобы нести демократические убеждения своему неграмотному народу, которому он вскоре был представлен как первый канцлер. Небольшое жертвоприношение, и жуткий черномазый Гамаль Абдель-Насер утонул бы в Ниле, и Р&О вновь смогли бы беспрепятственно пускать свои суда по Горьким озерам.

Нас, конечно, тоже могли принести в жертву, как младшего лейтенанта беспредельно возвышенного духа, которого мау-мау распяли на склонах Килиманджаро. Тогда мы стали бы блестящими объектами для служб, полуденных молитв и школьных праздников.

Набираясь ума в этой пыточной системе, мальчики пытались друг друга, налагая бессмысленные правила и коды поведения, подчиняясь воображаемой иерархии, где превозносились случайности происхождения и природные дефекты.

За этим, а также вокруг, впереди и до самого горизонта была боль. Прошел ли я полный круг?

Со времени моего пребывания в школе сады вокруг нее постепенно заросли, многие деревья были опрокинуты бурями, великолепные магнолии вдоль дороги вырублены ради постройки зданий, избавились от умирающих буков, выкорчевали великолепные вечнозеленые растения вокруг саксонской церкви. Падубы и дубы исчезли. Даже древний каштан, бывший старым еще когда помещьем владел Джон Гонт, в конце концов сгнил, и алые конские каштаны, чьи плоды устилали газон, срубили без всякой жалости, оставив лишь пеньки.

Все это произошло без тех, кто трудился в их тени, и если они сожалели об утрате, то сочли ее необходимой ценой за прогресс, поскольку для школы построили несколько плохо сочетающихся между собой зданий.

Во второй половине дня пошел дождь. Все превратилось в печальную, вялую серость. Вчера море было синим, а сегодня лодки одиноко покачиваются среди серого уныния.

Дангенесс опустел. На веревках не висит белье, никто не копается в саду. Я ждал, надеясь на неожиданных гостей, как в прошлые выходные, но даже телефон не звонил.

18-е,

вторник.

апрель

1989

Два дня просидел дома из-за дикого холода; отупляющая головная боль.

Вечером еще тревожнее, чем обычно. Не в силах сосредоточиться, убираюсь в студии, перевешиваю картины, золочу фон и беспрестанно хожу туда-сюда между незавершенными работами. Включаю телевизор, потом выключаю. Жду телефонного звонка. Откладываю собственные.

Я никого не видел уже пять дней, и мне неуютно в компании себя самого; от звука останавливающейся на улице машины замирает сердце.

Головная боль может быть посланцем вируса, хотя в остальном я чувствую себя прекрасно. Возможно, беспокойство и амнезия — первый признак безумия.

В телепередаче о Витгенштейне не сказали вообще ничего. Оказывается, он всю жизнь «разоблачал традиции», которые мы так и не обнаружили. Он был невротиком-отшельником, живущим в хижине. Собрат по несчастью?

Всегда становясь, но так никогда и не став. Жизнь замерла, только идеи проносятся мимо. Я гоняюсь за ними: эй, стой! Стой! Но они убегают, оставляя меня в серой английской весне.

Встаю в семь утра, засыпаю в десять вечера. Время между наполнено нерешительностью. Надо покрасить стены, вымыть пол, постирать, приготовить. Ненавижу готовить для себя, лучше вообще не есть. Вновь накатывается головная боль, как раз когда я грежу.

Из Нью-Йорка звонит Донни. Все ждут, когда умрет Говард, надеясь, что это случится скоро. Невозможно предсказать, что он исчезнет во тьме.

Всего год назад он смеялся, сидя вот на этой скамейке, когда мы фотографировались. Целый год он заключен в своей нью-йоркской квартире, просматривая видео,

в котором Мэтт Диллон участвует в съемках любовной сцены для его фильма. Это было сплошное веселье, происходящее в просторной мастерской Боба Уилсона у реки, где они падали друг на друга и Мэтт случайно прожиг сигаретой дыру в своей белой майке.

Снаружи желтофиоль сражается с холодным ветром. Еще один круг камней обретает форму. После того как я таскал их от берега, страшно болит спина; возможно, поэтому болит и голова.

Погруженный в себя, я беспокоюсь, что забуду что-то важное. Но что настолько важно, что стоит помнить?

И вырвал Эдип мстительной рукой свои виновные глаза, утопив грех стыда в вечной ночи. Обрекая свою живую душу медленной смерти, он отдается теням, глубинам собственного бытия, гробницам, невидимым для звезд и солнца, и все же неутомимые крылья мстительного дневного света ума бьют над ним, а в его груди извиваются жаждущие крови фурии.

В середине дня солнце вернулось, и ветер сменился на западный. Было слишком холодно, чтобы просто сидеть на улице, и я прошелся до Лонг Питс. Леса здесь зазеленели: грушевое дерево цветет, как и ясень, весь в фиолетовых цветах; серебряная береза с ярко-зелеными листьями увешана сережками. Я заметил бабочку-павлиний глаз, кормящуюся на утеснике; повсюду низкорослые незабудки, которые вполне можно не заметить.

Египетские ясновидящие клали цветы незабудок на глаза иницилируемых, чтобы вызвать у них сновидения. Цветок был посвящен Тоту, богу мудрости.

Об этом названии много легенд. Ребенком я часто спрашивал, почему они так называются? Наверняка потому, что этот прекрасный голубой цветок очень скромный и не лезет в глаза.

В свободное время я мчался в Школу искусств, где не было никаких колоколов. Колокола маскировали беспорядочные

дневные дела, дурацкие правила и мертвые принципы, требуя слепого повиновения, свойственного тоталитарному режиму.

В художественной школе я установил свое собственное тоталитарное правило — искусство открыто признавалось как непонятое, как смешная расплывчатая фантазия безумных авантюристов, которые отрезали себе уши или плыли в Южные моря, вместо того чтобы вращаться в благопристойном обществе, забивать голы или силой подчинять товарищей.

Ван Гог — за вазу с цветами. Моне — за сад, где их выращивали. Брак — за фрукты и овощи, и за все его натюрморты. Скотт — за его практичные горшки и сковородки. А Элизабет Фринк — за безрассудство: гигантский гипсовый Голем, охраняющий вход.

Таковы были глаза, что влияли на мою работу в четырнадцать лет.

Сидя на уроках английского, я обычно рассматривал темно-красные цветы каштана, светящиеся в море зелени. Красный и зеленый занимали меня больше, чем проблемы Антония и Клеопатры: *«Ее корабль престолом лучезарным / Блистал на водах»*¹². Я поднимался вверх, прочь, к солнечному свету.

Художественная школа превратилась в крепость, защищавшую от другой реальности, от повседневного существования, которое было неправильным. Ров крепости я наполнял цветами — нарисованными, поскольку у меня не было места, где их растить. Моя работа противостояла диктату крепких мальчишек в сером с решительными нижними губами.

19-е,

среда.

апрель

1989

Долго гулял к западу от атомной станции, освещенной лучами солнца под сердитым свинцовым небом. Всего несколько капель дождя.

Эта область довольно бесцветная: плоская галька, несколько участков мертвого утесника в воронках от мин,

взорванных в конце войны. Мачты, простирающиеся до горизонта, потрескивают электричеством; под ними, к востоку от станции, медленно гниет дорога из железнодорожных шпал.

Северную границу образует Хоппен Питс — затопленные гравийные карьеры, в которых до сих пор работает одинокий ржавеющий кран на барже.

В середине озера — остров с кричащими чайками. На горизонте водоотводный канал до самого моря.

Несколько разрушенных зданий, от которых остались одни фундаменты, заросли бузиной. Но наиболее удивительны роскошные колокольчики, барвинки и несколько фиолетовых ирисов — вероятно, эти растения когда-то занесли сюда, и они прижились.

Колокольчик *Hyacinthus nonscriptus* — гиацинт древних, цветок скорби и печали. Гиацинт, сын короля Спарты, чьи яркие голубые глаза и черные волосы воспламенили Феба Аполлона, вызвал в Зефире безумное желание, однако сам юноша полюбил бога солнца, из-за чего яростный западный ветер решился на ужасную месть. Однажды Гиацинт и Аполлон метали колеса в цель, и Зефир, закрутив кольцо вихрем, ударил им в прекрасное лицо юноши и убил его. Скорбящий Аполлон вырастил из капель крови фиолетовый цветок в форме букв «ai», и его боль возрождается с каждой весной.

Гуляя в солнечном лесу, полном колокольчиков, помните, что это средоточие страстной любви. Целоваться там опасно — ветер, вздыхающий в ветвях, захочет разлучить вас и вашего возлюбленного. Любовь может увянуть и погибнуть так же быстро, как цветок, который вы сорвали, и ваши руки будут запятнаны кровью.

Оставьте лес в покое и ничего не забирайте. Синеглазый цветок с его тяжелым ароматом принадлежит только солнцу.

Не забывайте слова Овидия:

Спарте не стыдно быть родиной Гиацинта, его почитают там по сей день, и каждый год в его честь проводятся игры с праздничными представлениями, согласно древним обычаям.

Все еще очень холодно, небеса затянуты облаками.

Вскопал и построил новые круглые клумбы сбоку от дома, а вечером собирал серую гальку, чтобы заполнить центральную клумбу.

Несмотря на холодную погоду, сад цветет. Катран, посаженный в прошлом году, весь покрыт бутонами; цветет красивый бородастый ирис, бледно-желтый с коричневым. Бузина, искореженная восточным ветром, начинает возвращаться к жизни, прорастают новые побеги. Лаванда тоже чувствует себя неплохо. Укроп, василек, мята — все они проросли, а этим вечером я посадил семена фенхеля и шандры.

Один из фенхелей, посаженных мной прошлой осенью, выжил и чувствует себя отлично. Повсюду прорастают ноготки — один уже почти расцвел. Мышиный гиацинт и настурция размножаются самосевом.

Однако главный приз принадлежит огуречнику: растение, выжившее зимой, цветет до сих пор, и на поверхность постоянно вылезают новые ростки.

Забыв старые привычки, Аполлон радостно носил силки или руководил сворой гончих, сопровождая Гиацинта по крутым горным хребтам и постоянным своим присутствием добавляя топлива в огонь своей любви. Однажды, когда солнце было на полпути между ночью, что закончилась, и ночью, что еще не началась, бог и юноша сняли одежды, до блеска натерли тела оливковым маслом и начали соревноваться друг с другом, бросая широкий диск.

В 1950-х в школе Дорсета мы не изучали любовный миф об этих героях — Овидий в школьную программу не входил. Вместо этого мы маршировали под звуки бесконечных галльских войн Цезаря. Учитель латыни мистер Гей (тогда это слово еще не получило второго смысла и означало беспечность и веселье) посвящал время *форсированным переходам в восемьдесят миль и установке лагеря*. «Джармен, ты меня слушаешь?»

Преобладал Цезарь «на природе». Мы никогда не слышали о Цезаре в гриме и костюмах, о солдатской проститутке или об Александре, великом полководце, трахавшем Гефестиона. Если бы мы знали, что браки между мужчинами в Древнем Риме были совершенно допустимыми и существовали на равных условиях, или что Олимпийские игры проводились нагишом, или что император Гелиогабал был храмовой проституткой, а Адриан сошел с ума от горя, когда Антиной утонул в Ниле, или что отборные войска, Священный отряд из Фив, состояли из любовников, — это бы осветило совсем иным светом первое латинское слово, которые мы выучили.

Bellum, bellum, bellum.

Древняя история была бесконечной войной. Одно насилие, и никакого секса.

Bellum, bellum — нет, amo, amas.

Война пронизывала все английское образование. В конце концов, мы тоже были Империей, и солнце светило на задницы королевских гвардейцев. Но мы не знали, что они торговали ими, когда закрывались пабы на Найтсбридж, или что парней из отделения, охранявшего Английский банк, где было спрятано все золото империи, называли «задницами», потому что они обслуживали дежурного офицера; или что гордые моряки могли опоздать на последний поезд из Ватерлоо за десяток монет и быстрый минет, входя в четырехчасовой пригородный, еще застегиваясь.

В спальне секс был непристойным намеком, тайной мастурбацией перед завтраком, сравнением членов друг друга в душе, засаленной, вычищенной цензурой книгой «Любовник леди Чаттерлей», разваливающейся на страницы в жадных руках; мы, подростки, чувствовали себя неудобно с нашими телами, никто нас не учил и не любил, наши члены и задницы — запретный мир, а непознанное женское тело — земля Проклятья.

Колокол звонил трижды, созывая нас на собрание, где некий доктор Мэттьюз, занимавшийся половым просвещением учеников, демонстрировал с помощью научного метода и древнего эпидиапроектора птичек и пчелок, Адама, Еву и старого змея Венерическое Заболевание. Были схемы и множество латинской терминологии. Мы узнавали лексикографию

желания, дозволенного лишь после священного брака: фелляция, куннилингус, прерванное соитие, пенис, анус.

Доктор Мэттьюз рылся в старом гладстонском чемоданчике, вытаскивая оттуда древние слайды, словно из ящика с сюрпризом на спортивных состязаниях. Седые волосы в беспорядке, глаза блестят, старый просветитель европейских монархов взирает на краснеющую аудиторию, которая смущенно поеживалась, когда их глубочайшие секреты раскрывались прилюдно — огромные изображения гениталий, шестиметровые члены, яйца, огромные сперматозоиды, блуждающие по слайду вместо фаллопиевых труб.

Схемы, таблицы. Наши тайны выставлялись напоказ, как в начальной школе, когда доктор хватал вас за яйца, крутил их, отпускал резинку трусов, и та больно шлепала по животу. «Из чего, — вопрошал доктор Мэттьюз, — сделаны мальчишки? Из улиток, слизняков и щенячьих хвостов».

После окончания лекции добрый доктор приглашал к себе на прием любого мальчика, которому казалось, что у него есть «проблема», но я не ходил никогда, зная, что моя «проблема» столь всеобъемлющая, что он бы ее не решил, даже если бы я хотел этого.

В десять утра по саду протрусил большой лис, исчезнув в ракитнике. Я встречал его несколько раз вечером, в свете автомобильных фар, но днем увидел только сейчас.

Дангенесс объявлен заповедником, хотя урбанизация, которой Совет хочет избежать, уже начинает проявляться. Заборы. «British Telecom» заменил старую красную телефонную будку на безликую стеклянную, а рыбаки, которые здесь не живут, продолжают мусорить на пляже и класть неопрятные дороги из щебенки.

Предписание Совета запрещает это, как и строения выше одного этажа, так что привет, моя Башня ветров.

25-е,

вторник.

апрель

1989

Убийственный северный ветер никак не подпускает весну.

Тепло одевшись, я прогулялся вдоль берега за Нессом. Леса,

где растут колокольчики, все в цветах, болота украшают ковры ярко-желтого рапса.

Здесь каждый цветок следует собственному ритму. Фиолетовые ирисы, жестоко потрепанные восточным ветром, еще не цветут, словно уйдя в себя и считая дни, оставшиеся до лета.

Старые дома хранят свои тайны за тюлем или под ломким от старости коричневым линолеумом. Я нашел это письмо, тщательно упакованное вместе с презервативом. На конверте без адреса был овал с головой короля размером с четвертак. В моих руках бумага едва не рассыпалась в пыль.

6.11.52

Дорогая мисс Дэвис,

Благодарю за ваше доброе письмо, надеюсь, вы поправились.

Я в порядке. Что за странный мир! Вы казались мне совсем девочкой, когда оставили свою мать, и вот вы выходите замуж и исчезаете.

Мне вас жаль, вы такая милая. Простите, но жена нашла ваше второе письмо, где вы просите меня поговорить по телефону. С тех пор она жизни мне не дает. Она так ревнует, что постоянно меня третировает. Видите ли, мне шестьдесят семь лет, но чувствую я себя на восемнадцать. Она на два года меня младше и не спит со мной уже пару лет. Я не отваживаюсь зайти в спальню в собственном доме. У меня не было связей много лет, но я полон желаний. Если бы я провел ночь с вами, то чувствовал бы себя на седьмом небе от счастья. Не знаю, когда теперь буду в Лондоне, но надеюсь однажды вас увидеть. Мы — крепкая семья, и ради спокойствия я позволяю ей гнуть свое. Пожалуйста, ответьте...

В тот момент, когда это последнее грустное любовное письмо было спрятано под линолеумом, моя мать собиралась в усадьбу Карри Малет, готовясь к переезду в Пакистан. Зима продолжалась, и она жила одна в обнесенной рвом крепости Ги де Мале, верного лейтенанта Вильгельма Завоевателя. Она слышала, как по плитам бродят призраки, забираясь по спиральным лестницам, что вели из огромного зала с островерхой крышей.

Призраки открывали и закрывали тяжелые дубовые двери, поднимали железные защелки. Предыдущая жительница дома видела материализовавшегося призрака, когда причесывалась перед зеркалом: на миг в нем появилась терзающаяся девушка, обреченная после смерти ждать своего возлюбленного, которого судья Джеффрис повесил в Тонтоне на «кровоавом суде».

*А человек... Куда он и откуда
Идет всю жизнь? И до последних дней
Ненадобней скудельного сосуда,
Своих не находя корней;
Приют он ищет в уголках земли
Как будто чуда,
Но путь всегда теряется вдали.*

*Чужие двери видит в каждом доме
Скиталец вечный. Камню под окном
Нашел Строитель место в окоёме,
А человек челноком
Туда-сюда елозит. Кто ему
Даст отдых, кроме
Первопричиной бывшего всему?¹⁵*

С призраками за компанию моя мать закончила опись, неотъемлемую часть жизни ВВС — подсчет ножей и вилок. Тем временем отец гостил на другом призрачном банкете, посещая испытания водородной бомбы в Неваде, где его развлекали в рамках боевых задач для Королевских ВВС Пакистана. А я считал дни в школе и ел тошнотворную пищу, «ногти миссис Монгер». Мы должны были встретиться после Нового года и отправиться на корабле за тридевять земель.

Живя вместе с матерью в бесцветных комнатах нашего временного дома в пригороде Карачи, я чувствовал ее одиночество. Она никого не знала, а отец задерживался на полигоне в Неваде. В этом странном доме она вынуждена была иметь

дело с многочисленными слугами и их семьями, и этот образ жизни (хотя она родилась в Калькутте на другом конце субконтинента) радикально отличался от уединения в каменном доме Сомерсета.

Потерянный, скучающий и запутавшийся, я бродил по садовой крепости с ее потрясающими бугенвиллеями, заселенными поющими гекконами. Снаружи расстилалась пустошь с кирпичными водостоками и колючим кустарником, где жили голодные дикие собаки.

Однажды вечером из пустыни прилетела стая саранчи, настоящая туча; волна за волной она опускалась на наш зеленый оазис. Я наблюдал за тем, как они прыгают с растений и шуршат в листве деревьев. Заметив мой дискомфорт, садовник взял несколько насекомых, сжал в пальцах и принялся есть, будто это чипсы. Я отвернулся и сел на ворота, глядя на караваны, проходящие по пыльной дороге и исчезающие вдаль.

Совет округа Шепвей все еще «стремится не допустить застройки Дангенесса». Постановление запрещает ограды из некрасивых материалов, существенно изменяющие размер дома, и, разумеется, запрещает возводить любые конструкции выше одного этажа.

Постановление довольно глупое, поскольку здесь, на юго-востоке, нет групп домов, которые могли бы незапланированно разрастаться. Есть старые железнодорожные пассажирские вагоны, башни, дома из шлакобетона, городок из самодельных сараев: дерево, кирпичи, металл, асбест, изобилие стройматериалов.

Постановление, как и любое бюрократическое вмешательство, все упрощает, запутывает и мало связано с характером области.

Создается впечатление, что мы, жители, легко можем быть наказаны, а большим компаниям дозволено делать что угодно — строить атомные электростанции, ломать старые телефонные будки. Когда, после блуждания в лабиринтах телефонной компании, я узнал, что замена будки — это ответственность Совета, то отправил письмо в Шепвей.

Отнюдь не хорошие манеры Дангенесса делают его таким замечательным, а бессистемный рост и проржавевшее прошлое. Старые армейские здания, трубопроводы PLUTO, даже большая атомная станция придают обаяние этому пейзажу. На самом деле постановление Совета должно гласить:

Стройте что хотите, но ничего не разрушайте. Пусть разрушается само, в свое время, или, как пассажирские вагоны, находит новое применение.

Так мы сохранили бы старые красные телефонные будки Гилберта Скотта и получили новые — лучшее из обоих миров. Для Дангенесса крайне важен пейзаж с его прошлыми достижениями: два маяка, две морские спасательные станции, даже две атомные электростанции. И они, как нам сказали, тоже не будут снесены.

26-е, среда. апрель 1989

Боярышник и береза покрыты ярко-зеленой листвой, груша в цвету, распускаются почки тополей. Примула и фиалки исчезли под разрастающейся крапивой до следующего года. Когда я возвращаюсь, в пылающем утеснике жалуются — *тич!* — чванливая каменка.

Весна танцует на мягких белых облаках.

Министры прибыли на семинар по глобальному потеплению.

Позади атомной станции угрожающий закат: желтые и чернильно-черные цвета с ярко-алой полосой. По мере того как подбираются тени, пейзаж сереет, небо высасывает из него все цвета. Поднимается ледяной ветер: прогноз погоды обещает дождь до конца ночи.

Они считают, что новые атомные электростанции решат проблему.

Наш маленький лес дрожит и трепещет. Что кроется под этими гневными небесами? Дерево растет, дорога

расширяется, вспахиваются луга, новые карьеры, новые дома.

27-е, четверг. апрель 1989

Семья моего отца покинула Кум Фарм в девятнадцатом веке, переехав в Новую Зеландию заниматься сельским хозяйством на Кентерберийской равнине. Мое полное имя — Майкл Дерек *Элворти* — сохраняет далекую связь с одноименной деревней в Сомерсете.

Время обнажает истину.

Отец рассказывал, что Джармены связали свои имена с Элворти в начале восемнадцатого века, когда поженили последних отпрысков своих родов. Приехав сюда в 1928 году, он все еще имел родственников в Эксетере. Джармен — довольно распространенная фамилия на юго-западе Англии. Сильвестр Годар, бенедиктинец, говорил мне, что это кельтское имя — святой Жермен был дальним родственником бретонцев.

Когда мои родители в 1953 году уехали в Пакистан, я остался на каникулы в Килве под тенью Денсборо вместе с тетей Изобель в ее доме Грейт Битс, бывшем старом фермерском здании, глубоко осевшем в богатую красную глину Сомерсета.

Изобель была замечательным садоводом и обладала добрейшей улыбкой. Граммофон играл «Оклахому», синие пла-
тья украшали узоры в горошек, кусты адиянтума поливали холодным чаем; в доме была кошка и щенок боксера, на столе лежали каталоги луковиц, ароматно пахло тополями, а за окном был огород. Старшая сестра Хелен водила ревущий черный «Даймлер» по проселочным дорогам Квантока, подрезая изгороди.

Прошло почти двести лет с тех пор, как Дороти Вордсворт вела в Олфоксдене свой дневник. В 1950-х там мало что изменилось. Я тоже собирал коренья в Денсборо, куда она часто приходила вместе с Кольриджем. И мы тоже

долгое время сидели на пустоши, ее поверхность беспокойная и переливающаяся от движения увядших трав и нитей паутины. По нашем возвращении туман еще висел над морем, но противоположный берег был чист, и в глубокой долине виднелись каменные утесы. Стоя на темном холме, мы видели расстилающиеся перед нами мши травы, свет и блеск и летающих насекомых.

Я брал большую чертежную доску, бумагу, уголь и шел по тропинкам, останавливаясь, чтобы сделать набросок под звенящими телефонными проводами; потом спускался к пляжу, проходя мимо разрушенной, заросшей плющом часовни с огромными опрокинутыми тополями у края потока. На пляже из серого сланца, в лужах среди камней я искал спиральных аммонитов и строил первые свои скульптуры из мусора, фотографируя их до наступления прилива.

Три года назад я вернулся в Килв. Остановившись в новой закуской, я спросил официантку, живет ли в Грейт Битс тетя Изобель. Она удивилась. Я проверил телефонную книгу — в списке ее не было. Дом стоял пустой. Мы проехали по дороге с видом на море и атомную электростанцию Хинкли Пойнт, мимо старой мельницы, превращенной в симпатичную молодежную гостиницу. Даже тополя были приведены в порядок, а у часовни появилась оживленная парковка. Вся область была объявлена «зоной природных достопримечательностей».

Сегодня позвонил в «Телеком» узнать, есть ли возможность найти телефон тети Изобель, если не в Килве, то в Холфорде. «Никаких записей нет», — ответили мне.

Подул холодный ветер, море потемнело, став желтовато-зеленым. Просматриваю свои книги: в дневнике Вордсворт все еще лежат закладки из тусклой красной и синей бумаги, которую много лет назад я использовал для коллажа. Дневник Дороти отражает мой день:

Я никогда не видела такого единства земли, неба и моря: под нашими ногами в воде плывут облака, а те, что над головой, почти соединяются с ними.

Я брожу по этому саду,
Держа за руки мертвых друзей,
Старость быстро пришла к моему замершему поколению.
Холодно, холодно, холодно,
Они умирали так тихо.
Кричало ли забытое поколение?
Или уходило в смирение,
Тихо заявляя о своей невинности?
Холодно, холодно, холодно,
Они умирали так тихо.

Сомкнутые руки в четыре утра,
Глубоко под городом, где вы спите,
Не слыша песни плоти.
Холодно, холодно, холодно,
Они умирали так тихо.

У меня не осталось слов.
Дрожащие руки не могут выразить гнев.
Все, что осталось — печаль.
Холодно, холодно, холодно,
Они умирали так тихо.

Матфей трахнул Марка, трахнул Луку, трахнул Иоанна,
Лежавших в кровати, где лежу я.
Коснись пальцев вновь, когда поешь эту песню.
Холодно, холодно, холодно,
Они умирали так тихо.

Мои розы, левкои, голубые фиалки,
Прекрасный сад ушедших наслаждений.
Прошу, вернись в следующем году.
Холодно, холодно, холодно,
Я умираю так тихо.

Прощайте мальчики,
Прощай, Джонни,
Прощайте,
Прощайте.

Стало теплее. Впервые в этом году я работал в саду в рубашке с короткими рукавами, спал с открытым окном и проснулся на рассвете. Белый морской туман вскоре рассеялся, наступил яркий солнечный день с редкими облаками.

Несмотря на холодный апрель, множество растений расцвели благодаря теплой зиме: появились первые яркие цветки катрана и смолевки, герани и фиолетовой вики.

Прошлым вечером из Гастингса приехал Джон Вер Браун. Фотографировал сад, заметив, что он напоминает ему тибетские храмовые сады: палочки и камни — молитвенные флаги.

Размышляя над моим стихотворением «Под синим небом», использованным в его статье, он сказал, что мысль о вечном возвращении ужасна. Я прочел ему страницу из «Люкса — поэта», где невезучая Кали, сброшенная с небес, приговорена к тому, чтобы совершить миллион добрых поступков в бесконечных реинкарнациях. Но все, что она делает, оканчивается катастрофой.

Думаю, перевоплощение камней вполне безопасно, но я согласен с Джоном — мы должны просто тихо исчезать. Впрочем, болвана, который ездит по гальке на «лендровере», ломая растения, следует приговорить к возвращению в этот мир. А также Районный Совет, поскольку для реинкарнации наверняка требуется многочисленная бюрократия.

В ответе на мое письмо Совет говорит, что телефонная будка — «элемент улицы» и ответственность за него несет муниципалитет Лидса. По словам соседа, у чиновников здесь «пусто и в карманах, и в голове».

Этим утром Томас, большой черный кот, пробираясь через ежевику, поймал мышь. Я отправился взглянуть и нашел бедное создание полусъеденным. Интересно, такими жестокими милых пушистиков сделало одомашнивание и их особые отношения с человечеством? Почти полчаса кот катался по земле, задрав лапы и подбрасывая мышь, прежде чем ее съесть. Надо сказать, я не слишком расстроен. Два

года назад, в начале осени, я десятками ловил этих тварей в мышеловки; однажды поймал девять всего за один вечер.

Стены моей гостиной окрашены полупрозрачной неаполитанской желтой краской, потолки белые — большой контраст с другими комнатами, доски в которых просто покрыты лаком. Дверь убрали, и теперь дверной проем закрыт синими бархатными занавесками, сохраняя зимой тепло; старый диван покрыт фиолетовым бархатом, а над ним висит картина Роберта Медли «Автобиографический случай», которую он написал в 1976 году с фотографий первой сцены «Себастьяна». В картинах Роберта виден лесной свет; ускользящие, как цветок рябчика, они выдают свои тайны постепенно.

В четырех углах комнаты — сторожевые посты, доски с пляжа, на которых висят ожерелья из дырявых камней, посвященные ХБ. На стенах — еще несколько вещей из плавника, украшенный гирляндой овечий череп «Ночная жизнь в пятом квартале мира», черная с золотым картина 1982 года «Воздаяние Цезарю» и картина Нады из моего детства в Риме — Салита-дель-Грилло, где много лет я проводил пасхальные праздники.

Мебель — самый простой вариант, взятая в основном из опустевших или полуразрушенных зданий; над столом — распятие, одно из нескольких, привезенных из Флоренции; в этом были стекляшки, похожие на алмазы, пули и ржавые гвозди. Небольшая найденная скульптура из полого камня, в котором лежит золотое кольцо; свеча, которую я использовал на алтаре в «Военном реквиеме», черный глиняный горшок, отлично подходящий для ноготков, и, наконец, по обе стороны камина — украшенные ромбами двери в стиле тюдоровского возрождения, принесенные сюда со свалки металлолома в Лондоне. Они закрывают ниши с книгами.

30-е,

воскресенье.

апрель

1989

Закройте глаза, вообразите самое уродливое оформление берега, откройте их — и узрите! Грейтстоун. Вряд ли можно

представить что-либо хуже, чем убогие домишки, усеявшие здесь берег, памятник алчности, поддержанный бестолковыми и ленивыми местными властями. На протяжении четырех миль домов нет ни одного, созданного с любовью и заботой.

Это уродство не прикроешь названиями: «Бен Венио», «Коста Лотта», «Форт Джордж», «Морское течение». За ним Хоупвиль: россыпь бетонных плит и трейлеров. Представьте пронырливого агента, рекламирующего туристический лагерь в Сибири.

Красота берега исчезла навсегда. Сейчас Берлинская стена гальки скрывает насилие над последним нетронутым пространством, пожираемым дорожным гравием.

За ним — Слушающая стена, огромный бетонный полукруг, построенный во время войны, чтобы слышать, как самолеты врага летят через Пролив; без реконструкции она постепенно рассыпается, окруженная предупреждающими надписями «Проход запрещен». Но кого наказывать за этот бардак? Возможно, несколько поколений помпезных, близоруких людей, украшавших себя лентами мэра в Лидде.

Интересно, о каких нечестных делах и взятках могла бы рассказать Слушающая стена? Но она, как и весь этот печальный пейзаж, умеет только слушать, но не говорить.

Слушающая стена — самая большая бетонная конструкция в Королевстве, ее масштабы — олимпийские, симметрия аттическая; это родня обсерваторий великих Моголов, внимавших звездам. Стена имеет два уха, настроенных на земные разговоры и способных слышать шепот у горизонта, крики и проклятия Дюнкерка, гудение бомбардировщиков врага в Нормандии.

Акрополь, достойный посещения, чьи граффити посвящают его Хайле Селасси, Льву Иудеи. Даже кенотаф великого Лаченса или многочисленные монументы в честь битв не имеют такой силы. Здесь, среди гальки, отражаясь в озере рядом с этим великим монументом, превращающимся в руины, вы можете скорбеть о героях, если того захотите. Возможно, это ее лучшее время, когда ничего слушать уже не приходится.

Над болотами кукует кукушка. Этим вечером я долго гулял и в гаснущем свете обнаружил в лесу поляну барвинка. У одного из старых карьеров цветет луговой салат. Раньше я его не замечал. Распускается островок папоротника-орляка.

«Мэй дэй» оказался теплым, пасмурным днем. И в доме, и снаружи странная вялость. Фиолетовый ирис наконец раскрылся.

Прежде чем лечь, я полил сад, поскольку уезжаю на десять дней, а прогноз обещает теплую погоду.

Проходя вдоль раскопок на территории собора в Солсбери, я увидел Джулиана Сэндса, махавшего мне рукой.

В соборе я оказался рядом с деревянными полками, забитыми пылящимися фрагментами каменных украшений и капителей. Передо мной в толпе стоял Роберт Медли, выглядевший очень старым: без головного убора, одетый, как монах, он жаловался на кольцо, которое ему дали, — оно не подходило, к тому же на нем было выгравировано имя какого-то философа восемнадцатого века.

Я сел на заднем ряду и начал ждать службы. Сиденья располагались круглыми ярусами; мой ряд был покрыт выцветшей синей материей. Я смотрел на готические башенки, исчезающие в темноте. Мальчик передо мной внезапно начал пинать пятками мои голени. Я отодвинулся; его мать повернулась и смущенно улыbnулась мне.

Внезапно я оказался верхом на пятнистой серой лошади-тяжеловозе вместе с американской туристкой средних лет. Мы пересекли разрушенную рыночную площадь перед новым собором. Прошли мимо ребенка и жонглеров на ходулях, маленьких, как фигуры на заднем плане картин Брейгеля.

Лошадь невероятно выросла, и американка что-то сказала на этот счет. Я не ответил, но мне было ее жаль: что привело ее в этот богом забытый городок?

На другой стороне площади перед нами, словно инкуб, возник черный бык, крутившийся вокруг матадора и бывший копытом по земле. Темный и пугающий, он рос, словно грозовая туча. Серая лошадь поднялась на дыбы и сбросила американку. Я ухватился за шею животного, стараясь его успокоить, но не мог найти слов.

Сила, с которой она пыталась меня сбросить, разбудила меня на рассвете. Гудел туманный горн. Я прогнал кошмар и вновь заснул.

3-е,

среда.

май

1989

В Лондоне меня встретил великолепный рассвет. Пару часов я снимал вокруг Кингс-Кросс — прекрасное здание Кабитта испорчено «улучшениями», безвкусными тротуарами и кучей билетных касс.

Станции привлекают тех, кому не надо никуда ехать, давая тепло, укрытие от внезапных бурь, иллюзию того, что ты в центре событий.

Это смог бы написать Брейгель: вот сморщенный человек в инвалидном кресле ездит по кругу; вот идут старики в поношенных костюмах; демобилизованные беженцы, затравленные во времени; напряженные, бледные клерки в плохо сидящих брюках, изношенных до блеска, со старыми, потрепанными портфелями; небрежно одетые офисные девушки в обтягивающих джинсах, с обесцвеченными волосами и вычурными прическами.

По главному вестибюлю, прихрамывая, идет мальчик с ногтями, покрытыми черным лаком, и тусклыми украшениями. Он останавливается, копается в мусорном ведре. Появляется грузный мужчина на костылях, в тюрбане, съехавшем набок, выброшенном из благотворительного магазина. Туда-сюда бродит худой, раздетый до пояса юноша с узким обвиняющим лицом и стреляющими глазами. Трагический прилив вращается, журча, словно вода, исчезающая в стоке.

Продолжаю снимать. Никто меня не замечает, кроме одинокого продавца мороженого в соломенной шляпе

и полосатом переднике. Он стоит под большим объявлением, которое гласит: «*Дневник Уорхола: если вы не в нем, вы в нем*».

6-е, суббота. май 1989

Три дня майской жары — парниковый эффект в действии. В конце следующего столетия Дангенесс должен исчезнуть под водой вместе с атомной станцией, демонтировать которую (как говорят) займет тоже около ста лет. Метеорит падает близко к Земле, озоновая дыра сдвигается к Южной Австралии.

8-е, понедельник. май 1989

Прошлой ночью ХБ приснился Говард.

9-е, вторник. май 1989

Донни оставил сообщение на автоответчике, что Говард умер.

10-е, среда. май 1989

Великолепная погода, и три дня съемок завершены. Все получилось отлично, все рады встретиться вновь, симпатичные юноши посматривают друг на друга. Дэвид, которого ХБ встретил в тренажерном зале, улыбается в камеру. Он никогда не делал этого раньше, но ведет себя с четкостью человека, рожденного играть. Когда я попросил его поцеловать Питера, он сделал это без всякого смущения; я объяснил, как один экранный поцелуй такого, как он, может заставить биться тысячу сердец. Он понял.

Возвращаясь домой, я мечтал об огромной, как фриз Парфенона, процессии обнаженных молодых людей с жезлами и факелами, трубами и флагами, триумф над смертью дорогого Говарда — фигуры, одетые в прозрачные шелка, с золотыми коронами и умащенными телами, обнаженные юноши на слонах, белые волы с золотистыми рогами, несущие героев истории — Александра, Адриана, Микеланджело, Уитмена...

В *People* вышла сенсационная статья: *Больной СПИДом режиссер умирает в хижине!* Чего только люди не сделают, чтобы продать газеты! Не знаю, как им живется со своей совестью? Впрочем, они так долго ее не используют, что она съежилась до размера аппендикса.

В 23:30 по телевизору «Понимаете, о чем я» Лоренса и Филлипа.

Думаю, для редакторов канала это было на грани приличия, и они поставили фильм позже, чем в обычные 19:00. Мне он нравится, особенно игра слов в начале и часть в конце — рисование в Дангенессе. Фильм получился спокойным. Разговоры о кино выглядят напряженными; я словно обороняюсь. Понравилось мое наблюдение, что Статья 28 была атакой на семью — хотел бы я, чтобы больше людей могли говорить с политиками, которые слишком много о себе думают. Политики воплощают в себе все семь смертных грехов и являются забытым восьмым.

Несколько телефонных звонков, все уточняют насчет биографии. Утро провел с *Folkestone Herald*: вирус достиг берега моря, будем надеяться, что на этом все кончится.

Один журналист не слышал о Статье 28. Вот так работает наше правительство — на неведении. «А мы и не знали, что происходит». Англичане действительно ленивые, пассивные и слабохарактерные.

Посетил башню мартелло в Димчерч. Не слишком много за восемьдесят пенсов: несколько старых почтовых открыток и девушка из Английского наследия. Хотя в «подвале» была приятная прохлада.

Солнечный, но очень ветренный день. Читал «Надежду» Ричарда Крэшоу.

*Он ничего им не ответил.
Могущественно Ничего,
Ты, Ничего, сильнее всего:
Одно лишь слово Бог сказал —
Из ничего наш мир создал.
И, не ответив ничего,
Он все сказал и спас его*¹⁴.

13-е,

суббота.

май

1989

Боярышник и бузина все в цветах, начинает плодоносить дикая груша (мои черенки отлично прижились); утесник выгорел, а кусты ракитника покрылись золотистыми цветами.

Овечий щавель, высотой всего пару дюймов, устилает гальку темно-красным ковром до самого горизонта, оставляя лишь островки мертвой ежевики, похожие на горки белых костей.

В этом выгоревшем пейзаже резко выделяются белые и серые тона. Солнце палит нещадно, хотя ветер вынуждает прятаться всех бабочек, помимо голубянок я видел лишь одну белую. В укромных местах начинают цвести лядвенец, льнянка, малый погремок и желтушник левкойный.

Теплыми ночами пьянящий запах боярышника ласкает влюбленных под вздыхающими деревьями Хэмпстед-хит. Так я буду это помнить. Хотя кто-то скажет, что его запах назойлив, что это запах великой лондонской чумы.

Моя бабушка говорила, что боярышник сулит несчастье и его нельзя приносить домой. Ее садовник Мур был женат на женщине по имени Мэй¹⁵, что в детстве очень меня озадачивало. Почему кому-то досталось такое несчастливое имя? Но боярышник мог приносить удачу: разве корону Англии нашли не в его кустах? Здесь, на болотах, из него строили защитные сооружения, а само растение защищали жесткие законы. За срубленный куст можно было поплатиться рукой. Цветы похожи на взбитые сливки и головокружительные видения Сэмюэля Палмера: *«Сперва белый в цвету, а потом внезапно мертво-коричневый»*.

14 Перевод А. Андроновой.
15 Другое название боярышника в англ. — Мэй. — *Примеч. ред.*

Мама ХБ говорит, что боярышник приносит несчастье, потому что из него сделали терновый венец.

14-е, воскресенье. май 1989

Холодный ветер, не успокаивавшийся последние два дня, прекратился. Ночью шел дождь, но скоро небо очистилось. Стало гораздо теплее.

Всю последнюю неделю сад разрастался у меня на глазах. Высажена рассада: укроп, шандра, настурция, васильки, мак и календула. В дополнение к ним — маленький горшок кустарниковой полыни.

Другим растениям выжить не удалось. Эстрагон и тимьян погибли под пронизывающими ветрами. Однако розмарин выжил, и багровый шалфей, и ноготки, и огуречник. Катран начал расти после месяцев, проведенных в подвешенном состоянии, — зацвели огромные растения последнего года; воспрянула бузина. Пророс морской горох, у маков уже бутоны, неплохо поживают наперстянки, которые я пересадил. Большинство ирисов в цвету. Лаванда, бессмертник и сантолина покрыты бутонами. Огуречник, начавший цвести в январе, продолжает до сих пор, как желтофиоль и обриета.

После нескольких фальстартов сад ожил. Розы выглядят здоровыми, за исключением *Foetida bicolor* и *Fruhlingsmorgen*. Растения последнего года окрепли: роза колючейшая покрыта бутонами, а бледно-желтые цветы настурции иноземной уже распустились. В саду перед домом цветет дубровка.

Я приковал себя к этому пейзажу.

Очень сложно писать каждый день, но если я не буду, то начну испытывать чувство вины. Откуда взялись эти угрызения совести?

Возможно, я унаследовал их от отца: он ни минуты не мог усидеть в покое и, даже когда читал газету, постукивал ногой, отсчитывая время в тишине. То и дело я выхожу в сад, как мальчик с анорексией, который взвешивается каждые пять минут. В покое нервозность быстро накапливается и переполняет меня, вынуждая сменить направление мыслей.

Сплю лучше и даже иногда не просыпаюсь ночью. Но если просыпаюсь, концентрация у меня, как у обкуренного. Только необходимость съемок поддерживает мою сосредоточенность в течение дня.

ХБ говорит, что я доволен, лишь когда испытываю давление или мне есть о чем волноваться. Но о чем мне волноваться? В основном о саде — о резком ветре и обжигающем солнце. Я беспокоюсь о желудке, потому что из-за крипто-чего-то там меня тошнит. Меня тревожит возможность пожара. Я хожу вокруг дома, проверяя тлеющие окурки и искрящуюся проводку.

Могу посидеть полчаса за книгой. Романы невыносимы. Стихи. История, биографии или новый Джеймс Хиллман помогают сосредоточиться.

Час живописи, пятнадцать минут на готовку... вот время и вышло. Я встаю в семь, максимум в восемь, едва успеваю умыться и причесаться, как уже полдень. За городом время идет гораздо быстрее, чем в городе, сказал мне прошлым вечером Нил Теннант. Сперва это его удивляло.

Есть проблема с работой. В среду, получив телеграмму из оперы в Лионе с просьбой поставить «Саломею» Штрауса/Уайльда, я испытал настоящий приступ паники: меня нервирует все, что вынуждает покинуть Дангенесс.

— Как вы можете жить в таком унылом месте? — спросила меня дама из *Folkestone Herald*.

— Здесь гораздо интереснее, чем в Фолькстоне, — ответил я.

— С атомной станцией на заднем дворе?

— Да. Но она ведь и на вашем. Северный Уэльс окзался задним двором Чернобыля. По крайней мере, так мне представляется.

Это ее не убедило.

В Дангенессе яркие небеса, их настроение может измениться так же быстро, как ртуть. Маленькое облако здесь имеет эффект тучи в городе; дни настолько драматичны, что я никогда не смог бы создать ничего подобного на оперной сцене.

15-е,

понедельник.

май

1989

В ресторане меня окликнул Тимоти Далтон и пригласил в «Розу» подписать петицию против ее уничтожения. Остатки елизаветинского театра находятся рядом с моим старым складом на Бэнксайд, от которого вообще ничего не осталось.

Группа молодых людей непонятно откуда дежурят у ограды, украшенной лентами, цветами и цитатами, словно место поклонения пилигримов. Я поговорил с археологами, рассказав им, сколько прекрасных зданий и старых аллей было стерто с лица земли: Парижские сады в Аппер-граунд, Аллея Подковы. Самая печальная утрата — почти полностью сохранившаяся медвежья яма, выстроенная среди старых складов, где была шляпная фабрика.

Там до сих пор жил старый сторож. Показывая мне окрестности, он рассказал, что для блеска черных викторианских шляп использовалась ртуть, и маленькие старички, работавшие в ее ядовитых парах, становились безумными шляпниками.

16-е,

вторник.

май

1989

Благотворительные фонды, занимающиеся СПИДом и связанные с миром искусства, никому не интересны, как и громкие имена Дэвида Хокни, Джилберта и Джорджа, которыми пестрят газеты. Они используются для создания иллюзии, будто заботливому обществу не все равно. Однако полмиллиона — капля в море, и такая публичность снимает правительство с крючка. Организаторы должны предупреждать:

Мы начинаем эти торги перед лицом продолжающейся пассивности властей.

19-е,

пятница.

май

1989

После трех недель безоблачного неба и температуры около семнадцати градусов Несс совершенно высох. Мох и травы

ломаются под ногами. Чертополох и подорожник увяли, весенние цветы засохли. Переливающиеся краски марта исчезли из-за зноя, желтеющие травы оттеняются ярким ракишником и красно-белой валерианой. На береговой линии сквозь гальку пробивается белая пена морской капусты, в воздухе разносится ее приятный аромат.

Сезон опережает сам себя: пылающий май вынудил распуститься июньские цветы. Криво-красное солнце поднимается в пять утра и до половины девятого вечера сохраняет свой красноватый свет в угрожающей дымке. Воздух густой, но по утрам холодный ветер с моря расчищает небо к полудню. Когда он стихает, дымка возвращается.

Леса у Лонг Питс полны пухом козьей ивы, устилающим землю, как хлопок, и вызывающим чихание. Сквозь пух неуверенно порхают красно-черные пестрянки. На озере у лебедей четыре маленьких лебеденка, стремительно прячущихся в желтых ирисах.

Следя за нежно-голубой стрекозой, я заметил на краю воды серо-фиолетовое растение, оказавшееся дикой мятой. Сорвал пару побегов и принес домой.

Желтый болотный ирис называется у местных «сег», от англосаксонского слова, означающего короткий меч, так же известный как меч Иакова, — цветок, которым он дрался с ангелом. Ирис — это лилия, цветок святого Луиса, эмблема крестоносцев, лилия Франции.

Аромат или запах мяты заставляет сердце мужчины радоваться, и потому ее разбрасывают в спальнях покоях.

В Древней Греции, где для каждой части тела полагалось свое благовоние, мята использовалась для подмышек. В Средние века ею отбеливали зубы.

Минта была нимфой, которую полюбил Плутон, а Прозерпина из ревности превратила ее в растение.

Этот пейзаж без видимых границ бдительно себя оберегает. Бродя по нему, не ограниченные ни сетками, ни заборами, вы наткнетесь на груды мусора. Возможно, эта старая машина до сих пор кому-то принадлежит. А кто владелец гофрированного сарая, повалившегося набок? Верстак усыпан кучей ржавых гвоздей, гаечными ключами и распилами; здесь же старые тиски, фиксаторы и мотки проволоки — убежище призрачных предков, в котором они могут спрятаться от жестокого декабрьского ветра.

Время и прилив перевернули огромное дерево, чьи кривые белые корни, похожие на кость, все еще удерживают камни, вывернутые вместе с ним. Кто сидел в этих старых холщовых креслах, потрескавшихся из-за погоды, аккуратно поставленных рядом друг с другом, словно в ожидании возвращения владельцев?

Я каждый день хожу по пляжу, и он охраняет свои тайны. Кто положил эти якоря в их могилы из гальки? Вон та ржавевшая тень была чьей-то кроватью. Старые лебедки и тросы, памятники тяжелому труду, воспоминания о гневных морях, — все они сейчас разрушаются.

Весь день работал в саду. Было душно и жарко, словно в печи; солнце — темно-красный шар за дымкой. Пересадил отростки герани, срезанные в прошлом месяце, и высадил большие растения последней осени. Эти старомодные герани *Paul Crampnel* единственные, которые у меня будут, — современные кажутся невзрачными, словно написанные художниками-любителями.

Проросли семена, которые я посадил: укроп, фенхель, конская мята, болотная мята, лук. Цветы тоже взошли: настурции, левкой, ноготки, аквилегия, огуречник. Появляются наперстянки, и дикие, и декоративные; продолжают цвести ирисы. Бледно-синий цветок, который никогда еще не цвел, особо красив.

Я выкопал и разделил зацветшие растения.

Розы принялись; я потерял только три. Настурции и черноголовник с прошлого года покрыты цветками, как и мыльная трава со множеством крошечных грязно-розовых цветов.

На закате полил сад.

Я всегда считал наперстянки лесными цветами, растущими в глубокой тени, любимыми пчелами и маленьким народцем. Но наперстянки Несса от них отличаются. Резко выделяясь фиолетовыми цветами в желтом раkitнике, они стоят под ветром и жгучим солнцем, негибаемые, как гвардейцы на параде.

На краю озера они застыли по стойке смирно, образуя пятна цвета; никаких застенчивых фиалок, и здесь их не один и не два, а сотни — летом гордые полки маршируют под лязг цимбал и стук барабанов. Наступает июнь. Яркий, восхитительный июнь.

Наперстянка, *Digitalis purpurea*, чьи пятнышки — отпечатки пальцев эльфов, также называется пальцами мертвеца. В ней содержится яд дигиталис, впервые использованный в восемнадцатом веке доктором Витерингом для лечения болезней сердца. Наперстянку редко упоминали в старых травниках — Джерард пишет, что *ее не использовали в медицине, поскольку она была горячей, сухой и горькой*. В названии наперстянки, *foxglove*, *glove* происходит от англосаксонского слова *gleow* — гирлянды из колокольчиков.

21-е, воскресенье. май 1989

Откуда берутся лучшие истории о гномах? Сегодня я вспомнил одну из них в машине — может, где-то прочитал или кто-то — например, Тильда — рассказал ее мне.

Гномий сад был знаменит, а в центре лужайки, глядя на пруд с лилиями, стоял замечательный старый гном. Он стоял там с незапамятных времен. Но однажды владельцы с ужасом обнаружили, что ночью он исчез. Ничто не могло их утешить.

Неделю спустя из Швейцарии пришла открытка, в которой было написано: «Прекрасная погода для лыж; всю последнюю неделю шел снег; завтра отправляюсь на Маттерхорн. С любовью, Гном».

Прошло еще несколько недель. «Гора Этна, Сицилия. Великолепная погода и виды, завтра собираюсь в храмы

Агридженто и в Мессину, понырять между Сциллой и Харибдой. С любовью, Гном».

«Фивы, Египет. Храмы величественны, глубоко тронут статуями предков. Завтра — в Долину Царей, Луксор, великие пирамиды. В руках лотоса, Гном».

«Кашмир. Курил ганджу, разглядывая Гималаи. Прекрасный вид. Гном».

«Бангкок. Морская пища, великолепные девушки, идиллия...» И так далее.

Прошел почти год, и вот владельцы гномьего сада в Сомерсете с удивлением обнаружили гнома, вновь глядящего на пруд с лилиями. Он загорел, на нем были темные очки, а на крыльце лежала записка: «Рад вернуться домой. Гном».

24-е,

среда.

май

1989

В Британском институте кинематографии проверил вторую катушку «Юбилея», перепечатанную со старого негатива в 35 мм. Он в удивительном состоянии. БИК заказал две новые копии.

Фильм — полная неразбериха. Очень грубый. Хулиганские раздражающие диалоги, или даже монологи. Хотя граффити отличные. Вы не сможете увидеть их по телевизору, но на большом экране они просто кричат: «*Это секс или нет?*» — на голой Дженни Ранэйкр в короне, а еще в сексуальной сцене — «*Челси сосет*». Бюджетная стратегия Хили развалилась.

Отвратительная программа об искусстве для глупых подростков, отбрасывающая любые проблемы еще до начала обсуждения. Лишение достоинства всего, всех идей, всех ценностей. Как же я ненавижу эту болтовню. «Что насчет дадаистов?» — спросил Джулиан. Дадаисты работали от идей, имели собственные правила, отвергали художников, не соответствовавших их критериям. Эти глупые пластмассовые ведущие с двойками по английской литературе и пятерками по саморекламе. Двумерные существа. Боди-арт, татуировки и пирсинг вошли в моду с Ивом Кляйном...

хотя мой Саймон (Тернер, композитор в моих фильмах) написал музыку, сделав из всего этого пародию. Если «Собачий мир» убил телесное «я» Ива, это убьет его дух.

Несколько недель назад позвонили и мне. Я согласился сотрудничать, если только фильм объяснял Ива, а не превращал его творчество в цирк, — возможно, интервью, после которого было бы несколько минут или секунд синего экрана и отсутствие звука. Но все, что им хотелось, это заполучить меня как инспектора манежа, а они бы раздели каких-нибудь девушек, чтобы вызвать раздражение у публики — такова мера их амбиций. Все время прячась за Ивом.

Как же я ненавижу эту слепоту. «Монотонная симфония» и «Антропометрия» были созданы для избранной приглашенной аудитории, которую просили выразить свое уважение вечерними платьями — это пятидесятые, Париж, и дело было именно в исключительности.

Фотографии — доказательства, представление — тайна. Врагом является фальшивое равноправие и отсутствие концентрации СМИ. Возможно, лучший способ — вырубить телевидение. Яростные телефонные звонки: «Я заплатил за каналы!» Да. Но это не дает вам право совать нос в чужие дела, это частная программа пустоты, и если вы хотите ее увидеть, то должны заплатить пошлину, а если нет, будете оштрафованы.

Международный Синий Кляйна
дух в материи

26-е, пятница. май 1989

Вчера за ужином Джулиан восторженно рассказывал о вечере в Тополиных банях, где неожиданно, когда в девять закрылись ворота, он оказался на оргии в парной, познакомился там с молодым чернокожим и отправился к нему. Такого никогда бы не случилось при дневном свете. Когда я был молод, в обществе все было под запретом, и время, которое я проводил не на пирсах или в банях, казалось потерянными. Гетеросексуальность повседневной жизни была удручающей. Я закрылся от этой жизни — то, что делают все геи, мужчины или женщины, даже если это причиняет им боль.

Темно-оранжевая полная луна в жарком небе.

22:30, я делаю глубокий вдох, выпиваю двойную водку, беру такси до остановки «Хит» у замка Джека Струа и иду по парковке. Здесь чувствуется опасность. Темный лес по сравнению с открытым местом кажется безопасным и дружелюбным. Правда ли, что где-то поблизости затаились банды гопников и извращенных стражей пристойности, или это плоды моего воображения? Вспоминаются истории этого года. Джулиан рассказывал, что здесь на него напали люди, вооруженные арматурой, и прогнали прочь, выкрикивая оскорбления. Он едва избежал драки.

В прошлом году здесь кого-то убили, и несколько месяцев полиция следила за этим местом, записывая имена и адреса, а одного моего приятеля заставили сделать минет и только потом отпустили. Поодиночке полицейские часто дружелюбны. Мечта о том, чтобы затащить в постель полицейского, есть у многих геев. Однако, если их много, они становятся злыми; Ричард уверен, что банда с фонарями и дубинками, от которой он едва сбежал, состояла из молодых полицейских не при исполнении. Они жестоко избивали людей, пока полицейская машина на стоянке не включила сирену, вызывая их обратно на базу.

Говоря все это, я не хочу вас напугать — совсем наоборот, хотя даже среди геев Хэмпстед-хит имеет свою репутацию. Многим это место представляется запретной зоной по двум причинам: как символ тьмы, в которой гей-мир оказался из-за гетеросексуальной цензуры, и из-за респектабельности критиков, утверждающих, что там не происходит ничего, что не случается за дверьми домов; «респектабельные» пребывают в дыму, наполняющем такие склепы, как «Небеса» — ночной клуб с системой кондиционирования, которая бы понравилась Князю Тьмы.

Место — суть респектабельности; это как кокаин в зале заседаний и игла на улице. Но для тех, кто знает, секс под открытым небом — истинный секс. Разве Эдемский сад не был прежде дома, скрывшего нашу наготу? Секс в Хэмпстед-хит символизирует идиллическое время до грехопадения. Мастурбировал ли Адам, пока Бог не вынул из него ребро, чтобы создать Еву?

Все Каины и Авели, которых вы только могли пожелать, в эту жаркую ночь вышли на улицу; майские ароматы наполняют ночной воздух, кусты мерцают, как фосфоресцирующее покрывало в небесах цвета индиго. Под огромными буками какие-то парни с цыганскими лицами разожгли костер, подбрасывая в него ветки и рассыпая искры во все стороны. Улыбающиеся лица вспыхивают огнем. На мгновение в темноте исчезают все барьеры — возраст, класс, богатство. Вы скажете — иллюзия; да, но какая прекрасная. Многие приходящие сюда мужчины ведут вполне обычную дневную жизнь. Вот солдат из Алдершота в кроссовках, спортивных брюках и футболке; в свете огня блестят серьги мотоциклиста, прислонившегося к дереву. Другие сидят на расстоянии, у кого-то магнитофон, звучит музыка.

По крайней мере двое узнали меня: «Привет, Дерек»; другой сказал: «Когда вы бросите телевидение, мистер Джармен?» Разговоры краткие, хотя были времена, когда я болтал всю ночь, однако сейчас тихо, нет тех децибел, что наполняют любое общественное пространство, заглушая разговоры. Хит имеет свою структуру, с которой вы быстро знакомитесь. Некоторые бродят поблизости от стоянки, другие идут дальше по тропе, а парни в коже имеют собственное святилище у подножия холма. Но люди бродят повсюду.

Секс в эти дни безопасен настолько, насколько вы захотите; мало кто рискует, в основном всё сводится к тому, что моя мама назвала бы «возней». Никто из приходящих сюда не останется без оргазма, хотя многие приходят просто погулять и забыть на время о тяжелом дне. С высоким коротко стриженным юношей мы проговорили несколько минут, после чего он сказал, что ему нужно домой, но через несколько часов он все еще был здесь. За эту свою прихоть мне пришлось заплатить: в три ночи я не смог взять такси до Чаринг-Кросс. Впрочем, я был рад, что прошелся пешком.

После недели отсутствия я побывал там несколько раз; как всегда, Хит полон радости и великолепия. Глубокая тишина, холодный ночной воздух, луна и звезды, огромные дубы и буки — все старые друзья. С тех пор как я впервые пришел сюда в шестидесятые, молодые деревья превратились в деревья высотой сорок футов.

Место изменилось. Было время, когда в теплые выходные здесь собиралось множество друзей. Иногда это напоминало пикник: скручивались косяки, открывались фляжки. Люди смеялись, кричали, как при ночном купании. В семидесятые Хит стал еще менее запретным, но все же, когда вы переходите невидимую границу, ваше сердце бьется сильнее и мир кажется чуть лучше.

27-е,

суббота.

май

1989

Два последних солнечных дня дул холодный восточный ветер, неся с собой прохладу. Дождя не было уже несколько недель, и иссушенная земля похожа на сгоревший хлеб. Каждый день исчезает еще немного зелени и появляется больше охры, смешанной с белым катраном и ярко-желтым раkitником.

В середине дня мимо проезжает катафалк с кипой цветов: умер мистер Томас, выигравший в прошлом году на тотализаторе и купивший «Роллс-Ройс».

Две горихвостки стремглав несутся сквозь иссохшие стебли, а маленькая голубая бабочка ныряет в укрытие мыльной травы.

Ветер меня нервирует. Его постоянные порывы нарушают мысли и сосредоточенность. На этой неделе стремительно распускались летние цветы: маки и бычий глаз, лунник, паслен, шиповник, выюнок, курослеп, чертополох, щавель, желтый мак, мышинное ушко, лихнис, щавель курчавый, повилика и очиток.

Почти все цветы, что так обильно растут на гальке, нашли свое место в фольклоре или в травниках.

В солнечные дни собирали лепестки красного мака и делали из них сироп, семенами обсыпали хлеб, а римляне смешивали их с медом и ели, как варенье.

Сейчас мак встречается реже, чем когда-либо. Джерард писал: *«Поля сплошь покрыты диким маком»*.

29-е, понедельник. май 1989

Сегодня за ужином Нико сказал о Дэвиде Хокни: «Поверить не могу, что бассейны могут наводить на какие-то серьезные мысли». Я ответил: «В работах Дэвида нет теней». Он произнес: «Наверное, Аид похож на один большой подземный бассейн».

31-е, среда. май 1989

Обедал у Яна. Спросил его, какова была самая «гейская» часть оркестра. Он ответил, что слухов об ударниках не ходило; гобои были под сомнением; возможно, пианисты.

В одной из своих газет мистер Максвелл, вышедший на пенсию председатель Национального фонда СПИДа, назвал меня сегодня «жертвой СПИДа, ставящей шоу „Pet Shop Boys“». Я ошибочно думал, что *Mirror* чуть более ответственны, чем *People*, но фактические, честные репортажи всегда становятся жертвой денег.

Ночь была холодной. Прогулялся до Хита и поболтал с «натуралом» из Хакни, который сказал: «Откуда ты знаешь, что я не убийца?»

«Я не знаю, — ответил я. — И мне все равно».

Домой вернулся в три.

1-е, четверг. июнь 1989

Звонил Нил Бартлетт, планирующий на октябрь инсталляцию в галерее The Third Eye в Глазго. Он переводит «Беренику» и пишет роман о счастливой гей-паре. Мы поговорили о *Mirror* и похожем репортаже о нем самом в *Independent*. Газета ошибочно заявила, что у него СПИД, расстроив этим его маму; такие вещи всегда затрагивают других людей. Я рассказал о саде в Дангенессе, о деревянном столе с письменами на старых досках — столе тайной вечери перед атомной электростанцией, — и о том, как на прошлой неделе кто-то смастерил «чернильницу» из дерева и пера, не оставив рядом никакой записки.

Услышав историю миссис Ойллер о двух людях, выпавших из самолета в ясном голубом летнем небе, он ответил, что это были съемки фильма «Вопрос жизни и смерти». В истории миссис Ойллер они исчезали за Хоппен Питс, где снимался фильм.

Blueprint становится *Bliss*; он посвящен святой Рите из Кашии, покровительнице людей, оказавшихся в неразрешимой ситуации. В неизвестности.

Бродя по книжным, купил «Книгу перемен» для работы над сценарием.

2-е,

пятница.

июнь

1989

Дэвид Льюис, студент киношколы Кентербери, вез меня вдоль болот; небеса прояснились, черная Хижина Перспективы выделяется на фоне озер золотистого раkitника.

Мы завернули за угол — и сразу столько цветов: белая и красная валериана, фиолетовые наперстянки, белый лихнис. Дождя здесь не было, но облака над холмами похожи на высокие зловещие бастионы. Ближе к вечеру море приобретает неземной сапфировый оттенок, и после захода солнца свет остается еще надолго. Белая галька улавливает его и хранит, освещая пути светлячков.

Целый день я размышлял об инсталляции в Глазго: в моем сознании пространство зала окрасилось из белого в черное, затем в синее, затем снова в белое. В центре стоит гробница или кенотаф, «Et in Arcadia Ego»: два молодых человека переплетены в роденовском «Поцелуе», пастух с посохом и в драпировке, словно сошедший с картины Пуссена. Рядом с гробницей — кровать, где спят двое юношей; алое покрывало расписано цифрой 28. Там же ярко освещенная картина с символом вируса: распятие, смазка, презерватив. В галерее — порнографическая видеокассета или запись телефонного секса; за эту услугу посетители платят сами. Большая монохромная картина с изображением презервативов.

Дангенесс купается в лучах яркого солнечного света, окаймленного темно-фиолетовыми грозowymi облаками. Мерцающий жаркий воздух поднимается с камней, ветра нет. Ленивые пчелы летают между верхушками наперстянки.

Моя синяя аквилегия в цвету, активно растут саженцы прошлого года. Аквилегия, или водосбор, «лапа орла» — дикий цветок, сам пробравшийся в мой сад. Одно из растений, которое использовали в четырнадцатом веке против эпидемии чумы.

Приближаются тучи; ястреб парит так высоко, что его почти не видно. На камнях спариваются синие стрекозы и бабочки. Золотистая лапчатка и льнянка ловят последние лучи солнца.

Оно скрывается за облаками; слышен далекий раскат грома.

Лапчатку варили с жиром детей для ведьминской мази; кроме того, это волшебный цветок, использовавшийся в любовных настоях.

На часах двенадцать; мой полуденный цветок закрывается — козлобородник еще называют «Джеком, засыпающим в полдень»: *Он закрывается в двенадцать и не показывает своего лица до тех пор, пока на следующий день его не разбудит солнце.*

Поднялся ветер, и через несколько минут пошел такой ливень, что начала протекать крыша. Скоро подъездная дорога целиком оказалась под водой.

Влияние дождя на цвет пейзажа было немедленным, словно кто-то покрыл лаком тусклую картину. Это первый дождь за целый месяц, и травы вздохнули с облегчением. Когда дождь закончился, появились сотни жадных слизней, стремившихся насытиться маком и фенхелем.

Линн Ханке, моя старая нью-йоркская подруга, приехала сюда из Лондона, повернув машину на гальке так, что колеса едва не утонули в ней целиком. После обеда мы искали на пляже камни удачи для ожерелья, а затем предприняли долгую поездку по болотам в Олд Ромни, Апплдор, Рай, Винчелси и к утесам в Фейрлайт.

Линн с трудом могла поверить в то, что видит, до сих пор полагая, что такие городки существуют только на картинках — старые дома, утопающие в розах и жимолости. Сквозь ворота одного из них мы заметили павлинов и большую белую сову.

Домой вернулись только в семь, с книгами, печеньем, сливочной помадкой и двумя огромными горшками для посадки гераней перед крыльцом. На дорожке у церкви в Фейрфилде собрали бузину — Линн называет ее амми, — которую поджарили в масле и посыпали сахаром на ужин.

4-е, воскресенье. июнь 1989

Покрыв позолотой маленькую записную книжку для *Blueprint*. Гуляя вдоль пляжа, подумал, что фильм может следовать звукам шагов — путешествие под несмолкаемый шепот ленивых волн, морской ветер, гром, ворчание шторма. В итоге: мечты и воспоминания, город из драгоценных камней Откровения, медные трубы, Песнь Соломона — можно ли все это решить с помощью «Дао де цзин»: *великая полнота кажется пустой?*

Я должен описать великолепный облик своего катрана. Он почти отцвел, начинают образовываться семена. Вот что пишет «Лабиринт садовника»:

Катран излечивает болезни глаз, спасает от отравления мухоморами. Он помогает детям быстрее пойти, лечит заболевания селезенки и желтуху. Катран избавляет от проклятий и проказы, улучшает голос, излечивает болезни сосудов и укусы собак.

Волны белых цветов вдоль берега исчезли, но высящиеся над морем белые облака и пена серебристых морских волн вызывают воспоминания о них своим подобием. Сегодня ветер и солнце наполняют пейзаж смехом. Старое окно открылось от сквозняка, и ветер разносит по дому паутину. Травы рукоплещут, даже чайки выделяют радостные петли.

Собрал укроп — первое растение, выросшее из семян, — и порезал в молодую картошку. Мощные растения вымахали почти на фут. Укроп, как и его родственник фенхель, обладает

сильно выраженным сладким вкусом, используется в засолке и овощных салатах. Семена имеют усыпляющий эффект; их ели в церкви, чтобы притупить мучительное выслушивание проповедей и служб. Название растения (*dill*) происходит от англосаксонского *dilla*, «убаюкивать». Благодаря укропу ведьмы летали.

*С вербеной и укропом
У ведьмы воли нет;
Набьем ведьму укропом.*

Сапфир и серебро, нефрит и олово, яркая морская пена под грозовыми облаками. Хамелеонские перемены — белые утесы, похожие на галеоны, ловят солнце у далекого горизонта; яркие, словно пучок света, пущенный сквозь стеклянную линзу, они избавляют пространство от свинцово-серого. Свет изменчив; холмы фиолетово-синие, Несс цвета золотой охры, раkitник желтый, как картины Ван Гога, синий катран и глауциум образуют на гальке яркие островки.

5-е, понедельник. июнь 1989

Обедал у Колина Маккейба; были Айзек Джулиен, Бернард Роуз и его жена Александра. Говорили о кино.

Холодно, сыро, и дорога до Элвин-руд заняла целую вечность. До этого я заскочил в «Брагансу», где проходила благотворительная лотерея фонда Терренса Хиггинса. Встретил нескольких знаменитостей и быстро ушел. Милое, но гнетущее искусство, кроме двух работ Кристо.

Этим утром я даже под дулом пистолета не смог бы вспомнить, о чем мы говорили за обедом. В основном всякие сплетни: «фильмы» С4, концерт Floyd, над которым работал Бернард. Бедный Алан Паркер, светило в своей пустыне, — все считают, что «Сердце ангела» его лучший фильм. Уверен, он хотел бы быть как Теренс Дэвис, социально значим, а что касается Британского киноинститута, критика его фильмов (от лица Тони Смита) точна, но преувеличена, как стрельба из пушки по воробьям.

Ужинал в пиццерии у Британского музея, и в разговоре всплыла тема Гилберта и Джорджа. Джулиан, делающий о них документальный фильм, удивлен замечанием Джорджа, что «это правительство было лучшим за всю его жизнь». Стремление непоседы к сильной руке?

Жарким солнечным днем в конце шестидесятых дуэт прибыл в студию Патрика Проктора и смущенно пил чай из его фарфора, пока мы с Аласдером валялись на диване, похожие на двух потрепанных хиппи. Тогда они казались любопытным воплощением прошлого, их вид и ценности отражали десятилетие (пятидесятые годы), которое мы старались разрушить.

Они вошли в тесных твидовых пиджаках, словно заводные куклы, напевая «Underneath the Arches», с пьяной ответственностью защищая в дорогих ресторанах мелкобуржуазные ценности. В начале восьмидесятых они, должно быть, проснулись, чтобы отыскать дух настоящего времени.

Но тогда, потеющие, словно два старых полковника из провинциального крикетного клуба, они выглядели просто глупо.

Множество моих друзей постоянно подчеркивают их щедрость и доброту, но меня все еще бесит их поддержка ценностей, связанных с ограничениями. «Дерьмо», «отстой» и «дрянь» — не тот язык, что нападает на буржуазные ценности; это лексика грубой консервативной молодежи, вышедшей прогуляться вечерком в компании таких же мачо. Мне рассказывали, что Джордж нередко завершает вечер в полной отключке в LA (сомнительный бар любителей кожаных аксессуаров в Восточном Лондоне). Это лишний раз подчеркивает подавленную сексуальность. Никакого ощущения свободы — долги оплачиваются наличными, а не духом. Полмиллиона благотворительным организациям в области СПИДа.

Мечта Гилберта и Джорджа смертельно бледна, как персонажи картин Бёрн-Джонса — их молодые скинхеды лишены жизни, подобно увядающим девам последнего. Ложная и пустая агрессия. Все мы добры к умирающим друзьям.

Однако, несмотря ни на что, их картины мне нравятся. Они породили множество споров, бесконечные попытки анализа, и я, подобно Г&Д, черпаю вдохновение в цветах, юношах и детских воспоминаниях. Кроме того, они изящно поставили себя в центр собственного искусства в то время, когда вы нередко задумывались, кто же написал картину.

7-е,

среда.

июнь

1989

У Банка Китая собралось множество китайцев, чтобы забрать свои деньги. Целый день я работал с Клайвом в Matisse — видеографическая коробка с красками, — над «фотографиями», кадрами съемки Кристин Килер для музыки Криса и Нила к фильму «Скандал». Мисс Килер показана садящейся и выходящей из машины у суда, а также дома, в окружении прессы. Другой ее съемки нет. На застывших кадрах она невероятно похожа на Джеки Кеннеди.

Comptons — шумный паб; нет, пожалуй, самый шумный бар в городе. В восемь вы так плотно прижаты к своим соседям, что для того, чтобы оттуда выбраться, требуется большая сосредоточенность и множество просьб.

Много лет назад, когда меня привел туда сэр Фрэнсис Роуз в поисках своего потерявшегося сына, там было почти пусто и темно, стены подпирали лишь несколько завсегдатаев Сохо. Один из них — Джон, рослый человек с расплюснутым лицом. Фрэнсис поговорил с ним о временах до войны, когда Джон был боксером. Сексуальность тех «старых добрых дней» до сих пор наполняла это место с его небольшим количеством парней по вызову, которые по пути в «Золотого льва» из «Белого медведя» останавливались на Пикадилли (именно там мы позже и нашли сына Фрэнсиса).

В Comptons была атмосфера криминального дна. Нетрудно вообразить, как туда заваливаются братья Крей с наличными, чтобы хорошо провести ночь и выпить со старыми друзьями.

Фрэнсис выглядел как идеальный клиент, хотя Comptons не был пабом для жиголо — просто отвратное сочетание того Сохо, которое сейчас почти утрачено, превратившись

в Brasserieville. Паб для старых проституток обоего пола, чьи стены покрыты афишами и подписанными фотографиями времен пятидесятых: Томми Стил, Генри Купер, Диана Дорс и все в таком духе. Здесь компанейские парни и увядшие звезды *Physique Pictorial* и *Drummer* перемешаны с грудастыми блондинками.

Сегодня в шесть вечера Comptons почти пуст. Служащие опускают жалюзи, закрываясь от улицы и любопытных прохожих; жара, никотин; децибелы постепенно усиливаются.

Изменилось многое и в то же время ничего. Единственная реальная разница — в волнах отвратительной музыки. Оказывается, паб все еще используют *профессионалы* по дороге на работу, хотя в Англии миссис Т., в отличие о Англии Гарольда Уилсона, это больше не бродяги с Севера или Ист-Энда. Эти парни сдали школьные экзамены на отлично, имеют степень бакалавра, но выбрали легкий путь массажных салонов и эскорт-агентств, а не карьеру в сфере недвижимости.

Их отношение и акцент расслабляют клиентов, заходящих в клубы здоровья Мэйфейр, где за дополнительные сорок фунтов руки массажиста скользнут вам под полотенце. Должен признаться, я никогда не интересовался этим миром, лишь наблюдал его со стороны; даже в пятьдесят я хотел бы сохранить иллюзию того, что желанен, если не из-за своего тела, то хотя бы из-за разговоров или даже воспоминаний!

Я отклонил предложение молодого португальского парня, который, потершись пахом о мое бедро, посоветовал оздоровительные упражнения в его клубе. С прическами в стиле Джеймса Дина, в потрепанных, выцветших джинсах, эти парни могут зарабатывать до тысячи фунтов в неделю. Они прямые и обаятельные.

Португалец говорит: «Мне нравятся твои фильмы» — с тем огоньком непосредственности в темных глазах, который означает: «Хотя я не видел ни одного из них». Юноша рядом вставляет: «Я собираюсь посмотреть их завтра в „Скала“». Вообще-то я художник, и было бы здорово с вами поговорить». Дать им мой номер телефона? Не знаю. Возможно, все они — проститутки, но это казалось довольно интересно.

Я оставил их на улице спорящими, куда пойти — в L'Escargot или в другой, более дорогой ресторан Сохо. Рад, что они могут себе это позволить: те места довольно скучные, а они наверняка разнообразят их своим весельем.

9-е,

пятница.

июнь

1989

Два дня и две ночи активного монтажа в Soho 601, самой сложной европейской видеостудии. В этом сумрачном мире, погружаясь в происходящее на телеэкране, время утекает сквозь пальцы. Возникает еда и вода, завтрак переходит в обед, одна за другой мелькают цифры. Триста, приносящий сегодня напитки, оказался сыном младшего брата моего дяди Майка, которого я часто видел в школьные годы; тогда он был единственным членом нашей семьи, работавшим в кино. Он монтировал «Ужасного доктора Файбса», а перед смертью работал над фильмом Чаплина.

Видеостена Pet Shop Boys выглядит блестяще — невообразимое увеличение до семидесяти миллиметров. Это сборная солянка, переходящая от одного андеграундного стиля к другому. Питер и ХБ монтировали «King's Cross» как «Ode To The American Indian» Брюса Бейли; на секунду «It's a Sin» приблизился к Грюневальду и Босху; «Domino Dancing» — самый трогательный, с кадрами из Дангенесса, наложенными на бой быков. Есть там и прекрасный эффект для «Always On My Mind» — лилии Моне и маковые поля, видимые через калейдоскоп. Такие эффекты прежде никогда не использовались в кино.

Обедал с молодым биохимиком. Она рассказала о генетическом сплайсинге, морских собачках, генах моркови для мальчиков с рыжими волосами — все возможности находятся под этическими запретами. Пугающе и прекрасно, как роман Берроуза. Наука приближается к искусству: юноши с задницами бабуинов, наводящие страх на мистера и миссис Посредственность. Девушки из Челтнема с крыльями — «ты только глянь на ту птичку», — летающие в атмосфере

без озона; ультрафиолет вспыхивает на их крыльях. Никакой астмы и синдрома Дауна. Дубы, покрытые фиалками.

10-е, суббота. июнь 1989

Вечером с Джулианом и Джойс ехали вдоль болот в Фейрлайт. Невозможно описать странную красоту пейзажа, особенно Ридж и пляж Винчелси. Стояла удивительная тишина, нарушаемая только щебетом ласточек. Свет на каждой травинке и цветке, на кустах и озерах. Настоящее счастье. Джулиан стремительно вел машину по пустым дорогам навстречу ветру.

В конце пути мы несколько минут сидели в полной тишине. Маленькие непуганые кролики с любопытством смотрели, как мы проезжаем мимо; алым и синим переливались мак и воловий язык. Мир был похож на средневековую миниатюру или один из гобеленов с единорогами в музее Клойстерс; гравийная тропинка — дорога в земной рай; над головой — огромное небо с пылающим солнцем в полосах фиолетового, розового и синего.

Воду окаймляют серебристые ивы и камыши, подобные фиолетовому дыму; окрашенные оранжевым светом, к ней спускаются каскады шиповника, жимолости и розовой валеарианы. Стены дикого душистого горошка и книпхофии.

На секунду провалившись в глубокую колею, машина оказалась среди волн кружевного купыря и бузины.

11-е, воскресенье. июнь 1989

Встал в шесть; над берегом, как дым от костра, висит морской туман, временами полностью скрывающий АЭС. Удивительно и пугающе.

Съездили с Дэвидом в Фолькстоун на выставку Мэгги Хэмблинг в старой оранжерее отеля «Метрополь». Самое невероятное место для выставки: пораженный нищетой дух отвратительно переоборудованных комнат, ДСП, фальшивая древесина поверх прекрасной старой штукатурки, председатель — говорливый куратор в футболке и белых шортах, хвалившийся своей брошюрой.

Мэгги, Спайк Миллиган, Мелвин Брэгг и три шотландских поэта — все мы были слегка ошеломлены, оказавшись под прицелами фотоаппаратов местной прессы. Безупречно одетая седовласая дама в серо-голубом костюме разговорилась с Мэгги: в 1920 году она покинула художественную школу Слейд. В этой разношерстной группе она наиболее информирована.

Уверен, что на выставке не будет больше посетителей — извинительная манера, в которой провинция обходится с художниками, заметна сейчас как никогда. Это напомнило мои школьные годы в Дорсете и первую выставку в публичной библиотеке Уотфорда.

Быстро сбежал домой ужинать картошкой с рыбой. Яркое солнце ослепляло. Безумный день.

Письмо из *Folkestone Herald* с предупреждением: *Sun* хочет купить мои фотографии. Тем временем письма адвокатов, отправленные в *People* и *Mirror*, привели к извинениям и исправлению моего ВИЧ-статуса под заголовком: «Дел не умирает».

К дому подъезжает мотоцикл, с которого слезает несчастный журналист из *Sun*. Это его третье путешествие ко мне из Лондона.

— Не возражаете, если я вас сфотографирую?

— Нет, и, поскольку вы все равно это сделаете, давайте сделаем это хорошо. Не перед домом — идемте на пляж.

Мы отправились на пляж. Я чувствовал, что ему хочется как можно быстрее выполнить задание. Со зловещей улыбкой предложил понести его сумку с камерой. Когда мы остановились у края воды, он сказал:

— Я обычный любитель.

— Ну, — ответил я, — это ваш шанс сделать достойное фото. Пока он снимал, я не сводил с него пристального взгляда.

— По-моему, вам не очень уютно, — заметил он.

— Не настолько, насколько должно быть неудобно *вам*.

— Да?

— Я пишу дневник, который потом опубликую. Вы — тема сегодняшнего дня. Когда все закончится, то, что я решу о вас

написать, станет единственным следом вашей жизни. Память о вас в моих руках.

Долгое молчание.

— Британский музей не собирает *Sun*, а бумага разрушается, потому что очень ядовита. Когда вы вернетесь, пусть ваш редактор прочтет опровержение в *People*, поскольку в следующий раз, если информация будет ложной, я потребую миллионной компенсации. Мистер Максвелл, бывший председатель Фонда СПИД, предпочел напечатать извинение.

Я постарался задержать его как можно дольше. Надеюсь, он запомнит нашу встречу.

13-е,

вторник.

июнь

1989

Мне всегда нравилась рабочая одежда: комбинезоны, летные куртки, рабочие халаты, кожаные брюки, джинсы и футболки; большинство из них были куплены в магазинах секонд-хэнд. В фирменных магазинах я практически ничего не покупаю, исключение — носки от Marks & Spencer. Магазины одежды пугают меня, я редко в них захожу и почти никогда — в одиночестве.

Когда их самоуверенные ассистенты замечают меня, я испытываю невероятную робость. Услышав фразу «Чем могу вам помочь?», всегда отхожу и отворачиваюсь.

Я никогда не покупал там ни пиджаков, ни брюк, если только не заходил туда с приятелем, спешно примеряя что-нибудь за жалкими занавесками. Вряд ли я покупаю в таких местах больше одной вещи в год.

В подростковом возрасте вся моя одежда была из M&S, хотя мама, пытавшаяся улучшить мой внешний вид, шила шелковые рубашки и парчовые жилеты, которые я практически никогда не носил.

В начале шестидесятых я надевал черные водолазки, тоже от M&S, и пальто из бобрика — униформа постэкзистенциалистов. Я немного отрастил волосы и купил первые джинсы Levi's, надевая их в ванной, чтобы при высыхании они становились уже и после глажки подчеркивали член.

Что до моды, редактор *Daily Mail*, друг моего отца, опе-режал время, нося ботинки Chelsea с эластичными боками. И Стюарт Хоппс, вернувшийся из летнего отпуска «экипи-рованным», работая с Джоном Стивенсом на Карнаби-стрит, просто-таки страшно меня смущал. Он бы вызывал меньше эмоций, если б одевался в женское.

Со своей подавленной сексуальностью я был зеленым и неопытным, не представляя, что однажды буду трахаться с парнями, как тот симпатичный регбист, которого я встре-чал перед каждым обедом у входа в студенческую общагу.

Я чувствовал, что одежда может меня предать, но чему?

Лишь в двадцать два года, оказавшись в постели с Роном, я осознал, что в пабах и барах была особая форма одежды, своя модель брюк и определенные элементы прически.

Тогда я полагался на свою молодость и считал волосы на животе, словно отмечая секунды романтической жизни, которая закончится до моего тридцатилетия.

Я никогда не был модным.

В 1966 году Осси Кларк подарил мне пояс, украшенный разноцветной кожей, прототип модных аксессуаров, которые стремительно завоевали рынок шестидесятых. На Карнаби-стрит я купил подходящую к нему дорогую пару «охотни-чьих ботинок» с застежками на молнии. Они стоили восемь фунтов, и это было очень дорого, но в целом я продолжал носить джинсы и футболки — больше потеря для моды, чем ее жертва.

В 1964-м я отправился в США в одной из битловских шляп от Герберта Джонсона. Лето 1967-го пришло и ушло; я никогда не покупал яркую униформу от жены доктора, управлявшей прилавком в Портобелло. Некоторые «декора-тивные» шарфы от Верна Ламберта на рынке Челси, сережка и пара вельветовых штанов с красными швами из «Мистер Фридом», прекрасный бархатный пиджак, который Майкл Фиш дал мне для «Джазового Календаря», — все они были лучше, чем можно подумать.

Еще у меня имелась серая школьная форма, белая рубашка и кеды, пара ярких носков а-ля Хокни и нитка жемчуга.

Очень короткие волосы, которые выделяли меня на фоне остальных. Видите, я был тщеславен.

Тогда в новых барах нельзя было пить ничего крепче слабого «Нескафе» и танцевать слишком близко друг к другу — кто-нибудь непременно подходил и разводил вас. «Надежные парни». Семидесятые были менее строгими. Несколько раз я в плаще из «Себастьяна» проходил по Кингс-роуд, а однажды выкрасил волосы в ярко-оранжевый цвет, чтобы выиграть «Мисс Мира» Эндрю Логана. Серьги стали больше и ярче; долгим жарким летом 1976-го я носил с собой веер.

Затем пришли годы, когда популярными стали кожаные поношенные куртки, отвратительно пахнущие из-за вазелина и пива, и джинсы с дырками на коленях. Ботинки Doc Martens, снова короткие стрижки. Без этого вы не могли попасть в клубы вроде «Шахты», где охранник обнюхивал вас, чтобы убедиться в отсутствии лосьона. Глубины «Шахты» были темны, и все, что у вас оставалось, это прикосновение и обоняние.

Тот мир ушел. Я сменил джинсы на поношенные брюки и теперь стараюсь выглядеть немного серьезнее — как бы понравилось моей маме, — добавляя для телевизионных съемок рубашку и надевая пиджак. Впрочем, галстуков я никогда не носил, кроме одного на прошлой неделе, от художника Крэйги Аитчесона, и еще много лет назад на обеде в Ritz с Джоном Гилгудом; там меня остановили у входа и провели в небольшую комнату, где на подносе лежало несколько галстуков для гостей. Я взял черный, хотя мог быть охранником или присоединиться на вечер к ВВС.

Середина лета, и мой маленький сад в сухих цветках.

Отшельник в компании зябликов и шумных чашек, я наблюдаю за растениями. Этим утром распустился первый шиповник, цветет шалфей, а к обеду свои лепестки разбросал повсюду дикий мак. Перед домом цветут гвоздика и герань; последний ирис увял вместе с желтофиолью, которая цвела несколько недель подряд. Лаванда, сантолина и бессмертник — все покрыты бутонами. Это засушливый год, и пятна зелени с колышками и камнями ярко выделяются на фоне выжженной травы.

Вчера температура поднялась до двадцати семи градусов.
Сегодня гораздо жарче и почти нет ветра.

Собрал в салат укроп, розмарин, петрушку и иссоп.

Соседские дети принесли еще камни, ракушки и колья для сада.

*В пестром саду цвели цветы,
Нежную гвоздику она знала прекрасно.
Коснувшись сияющего белого цветка,
Сказала: «Белой розе пристало
Править садом, подобно царице».
Мне кажется, я видел белоснежную розу.
И она запела...*

Средневековая поэма, говорящая о *Rosa alba*, белой розе Йорков, может описывать и шиповник *Rosa canina*, живую изгородь. Плиний пишет, что он рос повсеместно, и поэтому остров назвали Альбион.

Шиповник может жить так же долго, как тис:
в Хильдесхаймском соборе есть старый куст, который, по слухам, посадил Карл Великий.

Моя роза у кухонного окна впервые зацвела. Интересно, доживет ли она до отключения АЭС?

14-е, среда. июнь 1989

Я, наконец, определил то липкое, печально свисающее растение, которое выглядит так, словно его цветки завяли: это ноттингемская смолевка. Она обильно покрывает гальку и зацвела в последнюю неделю вместе с мальвой и кипреем.

15-е, четверг. июнь 1989

Взял такси до студии, чтобы изучить план освещения концерта Pet Shop Boys. Свободы для творчества здесь мало: все сводится к мерцающим переключениям на ударные и выбору пары цветов для каждой песни. Технология

неподконтрольна. Все разговоры вращаются вокруг аппаратуры.

На улице так жарко, что подвальная студия стала настоящим облегчением.

Отпечаток 35 мм не довели до 20th Century Fox — событие в стиле Джеймса. Мы просидели полчаса, потом ушли пить чай в Vertaux.

Позже я начал читать книгу Бокриса об Уорхоле, которая дает хорошее представление о Нью-Йорке начала шестидесятых. Она более проникательна, чем обычная книга об искусстве, хотя и немного утрирует значение герцогини Виндзорской и Боя Джорджа.

Вышла книга Саймона Уотни «Завоевание свобод. СПИД и культурная политика». Саймон — самый перспективный автор, пишущий о кризисе в здравоохранении.

Хэмпстед-хит; кто-то поперхнулся в темноте, делая минет, и громко произнес:

— Призрак прошлого Рождества.

Крепкий бритый наголо парень сказал:

— Трахни меня.

— Хорошо, — ответил я.

— Это может быть опасно, — расхохотался он.

— Я об этом думал, — ответил я.

— Ну и к черту, — сказал он.

Пятница

—

воскресенье

Три дня — сплошные страдания. Небеса рухнули, оставив наполненную слезами пустоту. Затем, сжав кулаки и глядя вверх за стеклами темных очков, ХБ начал прогонять тьму, и возник просвет. Движение глаз стало чудом. В самый тяжелый момент он сидел в ванной под полотенцем и говорил: «Не смотри на меня».

ХБ выглядит так, будто выключили свет. Словно печальный Пьеро кисти Пикассо — большие пустые печальные глаза, ни ропота, ни боев с тенью. Тромбоз практически парализовал его левую сторону, лицо перекосило в непроизвольной странной гримасе. Он сказал, что мышца, расслабившаяся в его ухе, во много раз усилила порог слышимости. Это слух богов.

Я иду по его правую сторону, чтобы он мог разговаривать. Он сказал, что Рон должен дать ему роль Монтгомери Клифта (после несчастного случая). Из-за кодеина он заторможен. В этот солнечный день я чувствую нашу уязвимость.

Ничто не предвещало этих ужасных дней. Солнце сошло с небосклона, время проходило в борьбе. Нашим счастливым годам положили конец боги. ХБ считает, это наказание за то, что мы на них смотрели. Но сейчас, в воскресный день, полив сад со слезами на глазах, я понимаю, что принцип возвращается. Логика, которой руководствуется ХБ, — победа, и если кто-то и сможет перезагрузить мозг, то только он.

В обед он рассказывал об испуганных его видом американских туристах, о концепции семьи Фуко, об Хаббловском атласе галактики, о работе Льюиса Кэрролла по логике. Он чувствует, как мои пальцы скользят по его лицу, и говорит, что на следующей неделе отправится в спортзал. Каждая клетка моего тела жаждет его выздоровления. Появление в моей жизни ХБ спасло меня от коллапса в последние два года. Я хочу сделать то же и для него.

Вечер

воскресенья

На ступеньках больницы на Каппер-стрит наблюдал за муравьями, ползающими по брусчатке. Спросил ХБ о логике: «Траляля и Труляля».

Вышедшая из больницы девочка перешагнула через нас. «Дай пять», — говорит ХБ. Девочка смеется. Появляются его врачи, оба молодые, симпатичные, в футболках и пляжных шортах. Сегодня очень жарко.

Приезжает Джерард; мы идем по Фицровии в поисках ресторана. Все закрыто. Наконец оказываемся в сомнительной шашлычной на Перси-стрит, после чего отправляемся по Олд-Комптон-стрит за печеньем для медсестер.

Возвращаясь назад через сквер Сохо, мы читаем надпись на памятнике между платанами: его поставили после Великой Бури, случившейся почти два года назад. Когда мы приходим в больницу, ХБ уже заперт, мы опоздали. «Идите туннелем», — говорит голос за запертыми дверьми.

ХБ ворчит — он нас отпускает. Кажется, скоро все вернется в норму. «Две недели», — говорит он.

Утро

понедельника

ХБ здесь, бродит туда-сюда; заметил окуроч в пепельнице и объявил, что им пропахла вся квартира. Опять недоволен, когда по телефону я сказал, что он в порядке: «Говори правду».

Все это звучит оптимистично. Его внезапный инсульт в двадцать четыре года потряс всех и кажется невероятной случайностью. Я до сих пор не могу в это поверить.

Отправился в Брикстон Академи работать над шоу Криса и Нила.

Понедельник

—

четверг

Брикстон Академи — настоящий киносарай: запущенные, ненужные статуи и мавританская архитектура, покрытая отслаивающейся кремовой краской. Его едва достаточно, чтобы вместить шоу PSB, которое мы репетируем здесь уже четыре дня, изнемогая от жары.

Я боялся этого все последние недели, поскольку, в отличие от театральных постановок, тут нет «дома». Кирпичи и штукатурка Massive (компания, которая владеет PSB и Bros) — шикарный офис в Ковент-Гарден. Песни, танцы, костюмы, свет и съемки были прописаны в контракте и после нескольких обсуждений в фойе получили известную долю самостоятельности.

Таким образом, о детальном контроле не было и речи, хотя я старался сделать так, чтобы над темой работали все. Я «режиссировал» максимально ненавязчиво, быстро поняв, что люди делают что могут, не разрешал никому ничего менять и стремился добиться наилучших результатов.

Вчера вечером на прогоне костюмов я был вознагражден удачным показом, и после завершения зрители — Джон Севедж, Том из Massive, разнообразные «приятели» — поздравили Криса и Нила. Шоу с песнями и танцами получилось довольно сложным, и свести всё вместе за четыре

дня было непросто, в отличие от недель, посвященных одной только музыке. Это стало возможным благодаря продвинутой музыкальной технологии, содержащейся в элегантном компьютере, который освободил исполнителей от мучительного выступления.

Возможно, некоторые музыкальные критики возразят против этой «крутости», но они ошибутся. Споры разворачивались вокруг электрической гитары и Уорхола — он не писал свои полотна, поэтому в них нет истинности или страсти. «Живое» выступление на рок-концерте — миф.

Шоу было бы невозможно без чувства юмора Нила; отрицая, что он шоумен, Нил тем не менее обладает четким пониманием возможностей; у него терпение и обаяние истинного мастера водевиля при отсутствии агрессивности и ангста, свойственного кинофильмам. Мы совершенно не похожи на «42 улицу» или «Кордебалет»: никаких истерик, сломанных ног или пьяных сцен в гримерной.

Всю эту неделю я молился, чтобы репетиции прошли как можно более гладко, поскольку не желал отправлять шоу в Гонконг незавершенным и отчаянно стремился остаться здесь. Нил и Крис хотели, чтобы я отправился в тур вместе с ними, но оба понимали, что уехать я не могу. Руки мне никто не выкручивал.

Костюмы Энни отличные, и танцовщики Каспара (он изобрел лунную походку для Майкла Джексона) работали в них без проблем. На протяжении всего шоу танцы выглядят очень зрелищными и отрепетированы настолько хорошо, что сегодня мы могли потратить время на выступление Нила, улучшая его прыжками по мере того, как он становился все более уверенным.

23-е,

пятница.

июнь

1989

ХБ протер глаза и заявил о чуде: на его лицо вернулось движение, он может слегка улыбаться. Он выглядит невозмутимым, говорит, что все это требует невероятной концентрации. После инсульта прошло две недели, и к нему возвращается контроль.

В середине дня я отправился в Дангенесс с Джулианом, чтобы полить сад. Когда я включил шланг, Джулиан сказал, что за это положен штраф четыреста фунтов или два месяца заключения. К черту! Мои цветы имеют право на жизнь.

Джон говорит, что погода «химическая».

24-е,

суббота.

июнь

1989

Проснулся в пять утра от звуков туманного горна. За ночь стусился белый морской туман. Он плотно окутал дом, мерцающей росой покрыл цветы и паутину. Казалось, я видел все капризы и разновидности погоды Несса, но каждый день приносит что-то новое.

К девяти солнце разгоняет туман. Из его теней появляются мак и медуница, увядающий желтый ракичник. Но эти алые и синие цвета сменяются другими: мак *P. Hybridum*, темно-алый, и *P. Dubium* скрестились, создав промежуточный тип. Один вырос у передней двери, и его красные лепестки имеют темно-коричневое основание.

Синяк обыкновенный менее заметен, чем в прошлом году, и лишь в тех участках сада, которые я поливаю. Растет он хорошо. Калпепер говорит о нем так:

Это привлекательное солнечное растение; жаль, что его больше не используют. Рассказывают, что дамы Франции красили лица с помощью его корней.

Двух-трех футов высотой, он покрыт синими цветами и из всех растений Несса самый яркий.

Стебли синяка обыкновенного покрыты пятнами, как у змеи гадюки, и это единственное растение, помогающее от яда и укуса скорпиона», — Коул, «Лекарственные травы». Сок, очищенный в стеклянных сосудах, и корень сам по себе хороши от душевных волнений и сердечной дрожи, полезны против печали, обмороков и меланхолии.

В 9:30 приехал Дерек Болл, поселившийся в Виндшифте неподалеку от маяка, и мы с трудом завели машину Джулиана, чтобы к двум вернуться в Лондон на гей-парад. По пути Дерек рассказывает нам истории о жителях Несса: о «Даме», которая инкогнито занималась проституцией в одном из железнодорожных вагонов; о мессершмитте, где в пятидесятые годы его друг Стивен играл во время отлива; о знаменитой местной предсказательнице. Я рассказал о морском капитане-гее, жившем со мной по соседству. Несс, судя по всему, далеко не такой сонный, как пытается уверить нас Джек в своем магазинчике; нужно провести новые расследования. Дерек обещает узнать что-нибудь еще о «Даме».

День

Для двадцати тысяч геев и лесбиянок, что прошли сегодня от Гайд-парка до Кеннингтона и прожили двадцать лет после Стоунволла, этот марш — самый радостный день календаря. Ничто не сравнится с тем ликованием, когда на несколько кратких часов улицы становятся «нашими»; повсюду свистки, приветствия, взмахи рук и песни — *She'll be coming with a woman when she comes*. Эта ирония делает старый печальный октябрьский марш таким же старомодным, как и его тотем, жуткую светскую икону в мавзолее. Наш марш — истинный майский праздник, пусть даже другие злобные фракции пытаются его принизить; ограничения и структуры гетеросекса запрещены, мужчины встречают мужчин, женщины — женщин, настоящий водопад анархических поцелуев; даже полиция, должно быть, вздыхает с облегчением: гораздо приятнее служить мишенью фраз «Чего ждешь, сестра? Давай, присоединяйся!», чем палок и камней, сопро-вождающих другие выступления.

Симпатичным полицейским свистят и выкрикивают приветствия, фотографируются с ними; марш, проходящий по Парламент-сквер, встречает пародист Маргарет Тэтчер — он машет рукой и кланяется под крики: «Мэгги, Мэгги, Мэгги, прочь, прочь, прочь!»

Все завершается в парке с палатками, музыкой и танцами. Девушки и юноши, пришедшие на марш, вне всякого

сомнения, лучшие и умом, и телом. У них высокая нравственная основа. Каждый год, несмотря на преступное правительство Маргарет Тэтчер, они становятся счастливее и свободнее. Ничто не сможет остановить этот прилив. Поправка 28 — боевой призыв к единству, она дала нам новую цель. В следующий год на марш выйдет уже двадцать одна тысяча человек.

Есть миллионы душ, за которые стоит биться, а нездоровым защитникам морального большинства остается лишь проигрывать. Дорогой Иисус, невинный вдохновитель злой и коррумпированной традиции, мы знаем, ты присоединился бы к нам на этом марше, нашем входе в Иерусалим, поцеловал бы Иоанна, отправил возродившихся в бездну или просветил бы их и положил в постель со своими братьями и сестрами по вере. Ибо нам известно, что стены замка гетеросекса выстроены из слез, а темницы его печальны. Мы смеемся над карточным домиком Семьи. Мы требуем единственного права — «равенства любви перед законом» — и окончания нашего изгнания с дневного света.

Вечер

Приехал Мартин Джон, старый школьный приятель ХБ из Ньюкасла. Вечером они отправились в кино. Ничто на свете не заставит меня смотреть «Восставшего из ада — 2»...

Я хожу в кино только за компанию или из ностальгии. Не могу смотреть ничего, что не основано на жизни автора. Игра актеров, операторская работа, все эти атрибуты доставляют мне мало радости без биографического элемента.

Пьяный и слегка обалдевший — кураж во хмелю, — я отправился в Хит и оказался свидетелем худших съемок, какие только можно себе вообразить: студенческая версия «Сна в летнюю ночь» в современных костюмах. Режиссером был молодой американец, скрывавший свою неуверенность за громким криком. Они затеяли съемку на дорожке рядом с замком Джека Строу, под полной луной. К слепящим

огням я подходил осторожно — возможно, там случилось убийство. Пожилой человек, шедший мне навстречу, остановился и произнес: «Я здесь многое повидал, но такого — никогда».

Дальше у дороги группа парней разожгла большой костер, вокруг которого они сидели в тишине, следуя течению ночи. Никто из них не произнес ни слова, хотя один мальчик нарушил молчание, сказав, что в жизни не видел ничего более неумелого: «У них нет ни единого персонажа». Тем временем на «съёмочной площадке» Пак пытался пристроить свой волшебный цветок на упавший ствол, где девушка с блестящими волосами на затылке наряжалась в одежду от «Ёдзи» или «Кэтрин» со Слоун-стрит.

В глубине леса несколько молодых людей занимались любовью. Другие, возвращавшиеся домой, были остановлены охранниками и отправлены назад, в кусты, чтобы обойти площадку. Я пожалел, что со мной нет камеры. Фильм об этом фильме был бы лучшим «Сном в летнюю ночь» из всех существующих — а самое главное, они пропустили всех *настоящих* фей.

25-е, воскресенье. июнь 1989

Невыносимо жаркий день. Не спал всю ночь и вернулся домой с рассветом. Из-за жары ХБ встал и остаток ночи провёл на крыше.

В Кэмден-лок купил три тонких шелковых сари. ХБ примерил — в фиолетовом выглядит великолепно.

Его лицо обретает все больше подвижности.

26-е, понедельник. июнь 1989

ХБ кажется гораздо счастливее, и я уехал в Дангенесс, чувствуя, что ему нужно отдохнуть от моих забот. Вечером он позвонил и сказал, что, по мнению врачей, его лицо и рука обретут прежнюю подвижность, хотя для этого может потребоваться год. Лег рано и спал отлично.

27-е,

вторник.

июнь

1989

Проснулся в пять; шел небольшой дождь, первый за три недели. Стало гораздо прохладнее. Прошелся по пляжу, собирая камни. В середине дня началась сильная гроза с молниями, бьющими прямо в землю. Поспешил назад и провел остаток дня за книгой.

Дождь принес невероятное облегчение.

28-е,

среда.

июнь

1989

Проснулся с легким ознобом. Все утро мыл и прибирался в студии. От лучей яркого солнца, бьющих в окно, болят глаза.

Скоро солнце исчезло за серыми облаками. Неторопливо прогулялся до леса. На тайных полянах — сотни крупноглазок и голубянок, одна крапивница и потрепанный красный адмирал.

Встретил старика, коллекционирующего «отклонения», причем только дневных бабочек, ночные — слишком обширная область для одной жизни. Он жаловался, что бабочки Дангенесса слишком правильные, «словно напечатаны на станке». Не повезло.

Гуляя вдоль берега, я отмечаю свой путь терновником или грушевым деревом, камнем или зарослями крапивы. Смутное беспокойство.

В программе о СПИДе среди наркоманов и проституток использовалась музыкальная тема из «Себастьяна». Возможно, это комплимент, но он меня опечалил. Интересно, люди, которые делали программу, намеренно выбрали такую музыку? Ее использовали в ночных съемках районов красных фонарей Плимута и Бирмингема.

29-е,

четверг.

июнь

1989

Ночью поднялся сильный ветер, день начался с серой мглы. Когда солнце исчезает, я чувствую подавленность.

Возможно, причиной депрессии стала моя летняя простуда.

В телефоне трещит еще громче, так что я едва слышу собеседника.

Здесь я всегда становлюсь жертвой подобных симптомов отступления, особенно когда телефон молчит.

Позвонил Мэтью: оказывается, некий совет, названия которого я не расслышал, запретил всем школьникам округа посещать постановку «Смерти в Венеции» Бриттена в Глиндебурне. Если кто-то «по ту сторону» все еще верит, что мы живем не в стране идиотов... Мэтью сказал, что перезвонит и расскажет детали.

Укрылся в кабинете и завершил позолоченный холст в стиле археологических окаменелостей: гвоздь для гроба, клочок волос, сломанная расческа, которую я нашел вчера неподалеку от дома, алмаз, золотое кольцо, капля крови, счастливый камень на леске, бледно-розовый презерватив.

Ник, Роберт, Терри, Говард, Дэвид.

В отлив прогулялся под дождем вдоль берега; капли воды собирались на бровях и слепили глаза. На песке разбросаны фиолетовые медузы размером с тарелку.

Дома звонит телефон, но разговоры все еще глушит невыносимое шипение. Сквозь этот шум я слышу Патрика, кричащего в трубку из Гонконга, что в конце шоу Pet Shop Boys зрители аплодировали стоя.

30-е,

пятница.

июнь

1989

Нервный, словно личинка комара, плавающая в застойной воде моих снов, все утро я писал сценарий для «Blueprint Bliss». Встало солнце. В полдень приехал Дэвид, и мы отправились в Нью-Ромни, где купили еды, новозеландский лен и крепкий остролист.

Вечером перестраивали передний сад. Дэвид сказал, что в нем мало вертикалей, и мы воткнули несколько палок, в том числе большой центральный столб со стеклянными линзами, которые ловят солнце и переворачивают мир с ног на голову.

В десять на новом мотоцикле приехал Аласдер.

1-е, суббота. июль 1989

*Quid sit futurum cras fuge quaerere et quem fors dierum cinque dabit
lucro appone, nec dulcis amores...*

Что будет завтра, бойся разгадывать, и каждый день, судьбою нам посланный, считай за благо...¹⁶

2-е, воскресенье. июль 1989

Дождь вернул сад к жизни; каждое утро расцветают маки и опадают до полудня. Собираю сухие цветочные головки наперстянки и рассеиваю их семена.

Странно, что многие цветы Несса растут маленькими группами, иногда в одиночку. Возможно, их занесли сюда с землей и булыжниками, из которых строили дороги к лодкам. Здесь есть одна льянка с листьями как у плюща, рядом с дорогой — квадратный ярд скабиозы, а у Лонг Питс — заросль золотистого морского укропа. Я нашел одну полевую капусту и небольшую группу зверобоя.

Других растений гораздо больше: ястребинка, пикульник, василек и чистяк, белый клевер и папоротник, растущий вдоль обочины.

Расцветка маков потрясает. На гальке в Лидд-он-Си есть растение такого темно-красного цвета, что его лепестки можно назвать черными. Я приглядываю за ним в ожидании семян.

Крестовник в осаде оранжевых и черных гусениц пестрянок. Некоторые растения объедены до самого основания.

3-е, понедельник. июль 1989

День стирки. Собрался в Лондон.

В семь в пиццерию рядом с Британским музеем приехал мистер Драко и заказал «веганскую пиццу», сперва изучив венецианские и американские горячие блюда сквозь золотое пенсне. Веганская пицца оказалась куском белого хлеба с оливковым маслом. Он не ест белый хлеб, поэтому в конце концов ограничился листьями салата с лимоном. На такой диете он выглядит необычайно хорошо.

Позвонила кузина Бев с Ибицы; я не видел ее много лет с тех пор, как она была директором школы для девочек в Лидсе. В пятидесятых она отвела меня на спектакль «Путь мира», мою первую «взрослую» пьесу, а затем мы отправились по Чаринг-Кросс-роуд в букинистический магазин, где купили «Монастырь и сердце» и «20 тысяч лье под водой» в классическом издании на библьдруке, в красной обложке из искусственной кожи.

Сейчас все эти магазины похоронены под уродливым кирпичным зиккуратом.

4-е, вторник. июль 1989

Новости из Гонконга: цензор ополчился на поцелуй двух парней в «It's a Sin» и большой член, показанный эскибиционистом.

7-е, пятница. июль 1989

Прошедшей ночью яростная буря принесла с собой три дня духоты. В открытые окна и двери квартиры залетает уставший ветер и уличный шум.

8-е, суббота. июль 1989

Тихий одинокий день, утонувший в тумане, сквозь который едва мерцает солнце.

Питер с друзьями из Королевского колледжа повесили мою картину в башне мартелло, что в Димчерче, — прохладная круглая комната без окон, черная после яркого солнца.

Димчерч — маленький необычный прибрежный городок. Выстроенный на древней римской плотине, он представляет собой скопище старых коттеджей, глубоко погруженных в песчаную почву; легкомысленные аттракционы, магазины с открытками, розовые скалы и ракушки. Здесь торгуют старомодными напитками — одуванчик с лопухом, крем-сода, сладкой ватой и зловещими печеньями шокирующих зеленых и розовых расцветок. Все это охраняется башнями мартелло,

выстроенными в начале девятнадцатого века для защиты от Наполеона.

Некогда эта маленькая деревня правила болотами. Здесь члены муниципалитета создавали дем, воздвигали виселицы и выполняли королевские приказы по завоеванию морей, выстраивая оборону до самых врат Эплдора.

Если встать у башни в центре, можно увидеть оба конца главной улицы. Атмосфера до странного старомодная — отдыхающие, бросающие вызов резкому морскому ветру.

Вечером с Дерекком Боллом в его старом «Ситроене» мы проехали вдоль холмов у границы болот от Порт-Лимпн до Хэмстрит. Повсюду начинается жатва; золотистые поля и темно-зеленые деревья, туман настолько плотный, что в сумерках закручивается языками вокруг автомобиля.

По пути в Брензет полицейские фургоны и сигнальный свет развернули нас на проселочную дорогу к Снаргейт, где сотни байкеров устроили палаточный городок вокруг огромного знака «Стена смерти». Мы крались по дороге со скоростью пешехода, окруженные раздутыми пивными животами, черными кожаными куртками и синими татуировками.

В темноте это место казалось лагерем на краю иного мира, о котором мог бы мечтать Уиндем Льюис для своего «Дня избияния младенцев». Не хватало только дьявола на заднем сиденье, провозвестника гибели мутировавшего человечества; их было тринадцать тысяч, сказали нам, хотя кто-то утверждал, что все сорок. Бесчисленные мотоциклы и разноцветные палатки, волна за волной, арки вокруг подмостков (эстрада для музыкальных групп). Вой мотоциклов, в каждом пабе не протолкнуться; последняя летняя толпа.

9-е,

воскресенье.

июль

1989

Посадил за домом два тамариска и треугольник из трех остролистов. Поснимал сад — фиолетовые и желтые цвета лаванды и бессмертника выглядят великолепно.

Пасмурный день; тишину нарушает лишь жужжание мух. Полное безветрие. В тумане виден парусник с небесно-синими парусами, неподвижный, как мертвец.

10-е,

понедельник.

июль

1989

Пик лета. Сонные пчелы опускаются друг на друга в алых маках, сбрасывающих к полудню свои лепестки. Крупноглазки лениво порхают над светло-розовой ежевикой, споря за нектар с быстрой и яркой многоцветницей. Пчелы жадно карабкаются по поникшему шалфею. Клумбы сиреневого кипрея и темно-желтого крестовника покрыты оранжевыми и черными гусеницами.

Синие клопы-охотники мечутся туда-сюда, в воздухе зависает большая коричневая стрекоза. Я подбираю мертвые маковые головки и разбрасываю семена.

Идя домой, натываюсь на дикую смоковницу, больше похожую на куст, чем на дерево. Беру отросток с нее, а также два побега с крушинной облепихи. Одинокий плод дикой груши уже размером с куриное яйцо.

В три часа поливаю розы и засыпаю на жаре, ожидая, что меня разбудит телефонный звонок.

11-е,

вторник.

июль

1989

Сад заполнили громко стрекочущие, скачущие повсюду кузнечики. Ручной ворон Сильвии летает над крышей дома. Она рассказывает, что несколько лет назад ворона заметили наблюдатели за птицами и ночью отправились за ним. Он сидел на насесте, не шевелясь, но когда на рассвете они подобрались слишком близко, вежливо и громко сказал: «Доброе утро».

В пять часов сел на медленно идущий из-за забастовки поезд в Лондон. Телефон звонит без конца: этим утром умер лорд Оливье. Поскольку «Военный реквием» был его последним фильмом, от меня ждали комментариев. «Вы слышали ужасную новость?» — первые слова каждого разговора.

Смерть должна быть ужасной, чтобы привлечь внимание. Он умер спокойно, во сне.

Краткое общение с сэром Лаззерсом, как мы называли его на съемках, создало у меня впечатление обаятельного,

довольно тихого человека, полного воспоминаний, едва сознающего, что происходит вокруг. По словам Тильды, ей было не по себе, когда она возила его в коляске, но, когда он читал «Странную встречу», его голос звучал абсолютно ясно.

Утром читал «Евангелие от Матфея» и «Книгу премудростей Соломона»:

И имя наше забудется со временем, и никто не вспомнит о делах наших; и жизнь наша пройдет, как след облака, и рассеется, как туман, разогнанный лучами солнца и отягченный теплотой его. Ибо жизнь наша — прохождение тени, и нет нам возврата от смерти: ибо положена печать, и никто не возвращается.

12-е,

среда.

июль

1989

Странное совпадение. ХБ и Джерард поместили объявление в *Square Peg*:

«Близнецы, 24 года: Дэйв, строитель, электрик, водопроводчик; Кевин, художник, дизайнер. Делаем все».

Они получили ответ: «Что вы имеете в виду под словами „делаем все“?» Сегодня вечером ХБ нашел письмо, полученное мной утром от того же молодого человека. Это доказывает, сказал я, как тесен мир, или же то, что он очень активно пишет письма.

Что можно ответить на глубокое личное послание творческой природы? Обычно я отвечаю серьезно, но этим утром начал так: «У вас вошло в привычку писать странным людям?»

Вторую половину дня работал с Pets, организуя или, скорее, открывая для себя то, что съемка концерта — страшное дело. Итогом потраченного времени и денег стали пять фиксированных камер на Уэмбли — подвижность не позволяют финансы.

Утром прибыл чек за шоу; вздох облегчения, поскольку я не получал денег за съемки со времен «Прощания с Англией». В прошлом году великий «Военный реквием» принес мне лишь десять фунтов за сценарий — никаких гонораров и даже оплаты издержек. Мне пришлось лично оплачивать

водителя и покупать большую часть реквизита. Если бы отец не умер так вовремя, в Национальном банке Вестминстера в Нортвуде воцарился бы хаос.

13-е, четверг. июль 1989

«Цвет — музыка для глаз». Лорка.

14-е, пятница. июль 1989

Отмечая двухсотлетнюю годовщину взятия Бастилии, французское правительство организовало самую неуместную демонстрацию, поставленную парикмахером Грейс Джонс. Несколько молодых моделей, одетых в похоронный черный, словно огромные цилиндры, неуклюже танцевали на Елисейских Полях, обнимая смущенных юношей в костюмах Пьеро и самураев. Потрепанный черный дирижер, похожий на изображение миксера в *Vogue* двадцатых годов, бил в барабан, окруженный девушками, танцевавшими сборную солянку из племенных танцев — черные пенисы в классических пачках.

Из-за плохого звука два скучающих комментатора то появлялись, то исчезали, вещая что-то вроде: «Сегодня здесь встречаются все племена мира» или «Чем неудобнее ваша позиция, тем лучше вы сможете увидеть парад».

В нем участвуют несколько британских военных оркестров, размахивающих английским флагом, чечеточники, советские музыканты, идущие строем сквозь снежную метель, контингент сенегальцев, набранный из безработных в парижских пригородах. Мы видели спины равнодушных глав правительств на скучном приеме — за пуленепробиваемым стеклом, как объяснили комментаторы. Миссис Тэтчер, держа огромный бинокль, ела пирожное вместе с Джорджем Бушем.

В десять вечера на площади Согласия внезапно появилась Джесси Норман с синими руками, обернутая в огромную трехцветную тряпку; у подножия египетского обелиска она спела «Марсельезу», а до этого — ключевой момент, — телевизионный звук потонул в зловещем вое ветра, какой можно услышать в фильмах ужасов. После нескольких минут

завываний комментатор сообщил, что это был официальный саундтрек.

Вряд ли я единственный, кому пришло в голову, что ветер наслали боги. Бесконечную телепередачу представил виновник этой скуки мистер Гауд, редактировавший ее в какой-то далекой видеостудии для меня и пятисот миллионов других зрителей.

Событие столь же грандиозное, как и Live Aid, сказал комментатор. Я решил, что неслучайно имя мистера Гауда напоминает самый безвкусный голландский сыр. Тоска доводилась до абсурда постоянными ссылками на его «авангардный» статус.

15-е, суббота. июль 1989

Фенхель вдоль дорог от Лидда покрыт желтыми цветами, а из семян, которые я посеял несколько недель назад, выросли здоровые растения почти фут высотой. В лесах цветут ворсянки. Прогуливаясь, я впервые за это лето видел бабочку павлиний глаз, лакомившуюся среди крапивы.

Великолепный летний день с прохладным ветерком. Ночью раскрылся левкой и наполнил воздух тонким ароматом.

16-е, воскресенье. июль 1989

Встал до рассвета; первые лучи солнца спокойны и таинственны. С моря пришел туман, и до восьми гудел туманный горн. Постепенно туман растворился в ярком солнечном свете. Сад наполнен бабочками: крупноглазки, капустницы, павлиний глаз.

Расписал и покрыл смолой Библию, открытую на «Левите» с закладкой из колючей проволоки.

17-е, понедельник. июль 1989

Даже в этот краткий визит Глазго удивил меня своей элегантной архитектурой, гораздо более утонченной, чем классицизм восемнадцатого века Бата, великолепной греческой детализацией на террасах. Несмотря на послевоенное

развитие, центр города остался нетронутым: чистый и отреставрированный, разрушенные пространства обсажены деревьями. Доки исчезли, в деловой части высятся дома, чудом избежавшие сноса при строительстве в шестидесятых кольцевой дороги. Школа искусств, лучшее светское здание Британских островов, выглядит как крепость на холме. Центр «Третий глаз» — жемчужина Грека Томпсона.

Кажется, Глазго пережил трудные времена с терпением и выдумкой. Черный от смога город моих воспоминаний исчез. Конечно, я не упоминаю бетонные дома окраин, но центральный Глазго сверкает и купается в солнечном свете под крышей белых облаков — кристальный свет, очарование Севера.

Глазго неотразим — город, который я могу назвать домом.

18-е, вторник. июль 1989

По холмам движутся длинные темно-синие тени деревьев. Огромная желтая луна освещала окрестности, когда поздним знойным вечером мы вылетали из Глазго в сгущающихся красно-розовых и фиолетовых сумерках.

День мы провели, прогуливаясь по городу: улыбки, автографы, долгое интервью в парке с Ричардом Джобсоном.

У Ричарда лицо отшельника, медийного затворника. Он быстро миновал этап бурной юности между пятнадцатью и двадцатью годами, а сейчас, в двадцать восемь, прожил девять жизней. Только что он вернулся из монастырского сада, где всю неделю собирал растения, хотя с такой же вероятностью вы могли бы найти его ночью на Венецианском пляже. За разговорами камера быстро исчезает.

19-е, среда. июль, 1989

Вал телефонных звонков. Схватив адскую машину, ХБ закрепил звонок ластиком и наговорил на автоответчик: «Вы позвонили 8367454, этот телефон не принимает сообщений». Робин Арчер, заглянувшая на чай, смеялась до слез. ХБ сказал, что телефон звонил, но бесшумно, и я периодически брал трубку. Трижды мне случайно удавалось

перехватывать звонки. Это не чудо, просто телефон звонит целый день.

Позвонил в Нью-Йорк Донни: не мог бы он попросить своего приятеля Мэтта Диллона записать стук своего сердца для *Blueprint*. Это был бы прекрасный первый взнос.

Бессонная ночь прошла в размышлениях о выставке: кровати, теперь не на полу, а прикрепленные к стенам, простыни в смоле и перьях, цитаты из Фомы Аквинского и *Sun*, скелеты, смазка, вазелин, презервативы, телевизор, покрытый смолой и перьями, видеопленка с сексом и одна из месс Моцарта.

Вчера вечером смотрели «Водоворот». Ноэль Кауард вложил свою сексуальность в маленькую серебряную коробочку и вдохнул через нос.

Это ужасная пьеса — воистину, миленькая, блестящая, но провальная, покрепче Кокто, но все же испорченная. Кауард в кимоно, пьющий кофе из серебряного кофейника, обратился к типу вроде Банти, о Боже. Признание как намек: вечеринки на выходных с набором педика — Маунтбеттен, «морячок, который получил все сразу».

Дорогой и банальный мир, усиленный скукой, запер беднягу Руперта на шесть месяцев в театре «Гаррик». Пьеса все еще невероятно современна, и аудитория отражала весь идиотизм традиционных классов; дама, сидевшая сзади, жаловалась: «Дорогая моя, у девушки, играющей Банти, не английское имя». Соседка, вытащив пудреницу, яростно пудрила нос.

Сигареты, помада на публике — все ритуалы светской помойки переданы великолепно. Постановка и декорации Филипа Проуса своим модернизмом отдаленно напоминают «Сало» Пазолини. Все сделано прекрасно и пугающе печально. Кауард остался четко встроенным в первое действие на всю оставшуюся жизнь.

Руперт стильно отыграл пьесу, и позже мы встретились в темнице его гримерки. Он сказал, что не поладил с театральным кругом и свойственной ему малопривлекательной

придирчивостью: «Так называемый английский ТЕАТР, мои дорогие, просто кошмар».

Мир королевского борделя аплодировал неделями. Знаешь, дорогая, что граф Йоркский застал принца Уэльского в постели с кубинским балетным танцором, которому дали билет в один конец, чтобы тот исчез в Бермудском треугольнике? Позже туда последует его любовник, а потом отправится и Ноэль. Но это, дорогие мои, только верхушка айсберга. Кому коктейли?

Почему люди читают романы, если они написаны лишь в надежде на то, что их экранизируют?

Меня завораживает история, письма, автобиографии, и поэтому я отвечаю на ваш вопрос о свингующем Лондоне. Хотя, если внимательно посмотреть выцветшие приложения, обнаружится, что шестидесятые проходили в Нью-Йорке. Всеобщей целью был Манхэттен; большинство художников и дизайнеров, которых я знал, стремились именно туда. Секс и деньги, в таком порядке.

Где вечеринка?

...это должно стать эпитафией Лондона. Вечеринка всегда где-то еще, у кого-то другого.

В 1960-м мне было всего восемнадцать, и если десятилетие принадлежит молодым, то шестидесятые были моими. За несколько месяцев до моего призывного возраста службу в армии сделали необязательной, и даже сейчас я слышу вздох облегчения: целое поколение молодых людей забыло муштру и протоптало дорогу на Карнаби-стрит. Искусство было моей страстью. Школа Слейд — все еще его центр; ежегодные танцы — единственное место, где можно было распустить волосы, танцевать, прижав руки к заднице партнера, открывать застёжки на брюках, просовывать туда руки и отлично проводить время. Искусство было очень гетеросексуальным — бороды и бильярд в пабах. Раушенберг, Джонс, Хокни и Уорхол это изменили.

Геи? Нет, тогда мы были «квирры», и пойти нам было некуда; имелось два-три бара без лицензии, куда могла поместиться максимум сотня, да еще кофейни с танцполами, где касаться друг друга было нельзя: «Ребята, пожалуйста,

вы знаете правила». Вы потягивали тепловатый «Нескафе» из стеклянной кружки «Дюралекс» и смотрели, смотрели.

Вышла «Жертва»; до легализации оставалось несколько лет. Секс был сексом, когда вы оказывались в постели, «в частном пространстве дома». Питейные заведения вроде клуба «Рокингем» для Квентинов Криспов; «Рокингем»! — названия достаточно, чтобы туда не идти; нашими клубами были La Deuce, Gigolo, Hustler и A&B — Arts and Battledress, в память о войне, закончившейся всего пятнадцать лет назад.

В 1961 году Дэвид Хокни выиграл приз на конкурсе Лондонского университета как молодой профессионал; я тогда победил в категории любителей и получил пять фунтов.

В четыре утра мы болтались по улицам в поисках. Что-то вроде проституток из высшего класса, хотя меня никто так и не снял на ужин. В этом мире преимуществом был большой член. Я считал себя абсолютно мужественным. Только в конце десятилетия, вскоре после первой встречи Фронта освобождения геев в Лондонской школе экономики, я позволил себя трахнуть в темном углу Gigolo; словами не описать, насколько это было восхитительно.

Одежда. На Карнаби-стрит была дешевизна и равноправие; скоро появилась одежда из школы искусств в бутике Полин Фордэм «Палисады». Мой друг Осси Кларк из поколения свингующего Лондона, обретший свободу под звуки Doors, основал Кингс-роуд. Тогда же приятель Дэвида, Мо, писал на заднем плане синие небеса и бассейны, а Дэвид с зубочисткой во рту заполнял обаянием передний. «Блондинкам живется веселее». Дэвид был постоянен, в отличие от Рудольфа, который сходил с оперной сцены и ночами бродил по Кингс-роуд, пока не понял, в чем дело. Патрик Проктор сдался и переделал «Могоссан».

Где вечеринка?

Со своим первым мужчиной я трахался в подвале дома 64 по Приори-роуд в Килберне. Студент-иждивенец, наблюдатель.

Дэвид и Патрик казались очень богатыми — богатыми и старыми, хотя нас разделяло всего несколько лет. Питер

говорил, мы были необходимы, чтобы защитить их от конфетти из фиолетовых сердец в La Deuce — социальные щиты. Мы ели наверху в Casserole, а после одиннадцати вечера ныряли в подвал Gigolo, чей владелец собрал почти дюжину больших картин Фрэнсиса Бэкона, которыми вас могли пригласить полюбоваться на третий этаж.

Найти сексуального партнера было сложно, и часто встречи были мимолетными — мы едва утруждали себя спустить брюки, прежде чем застегнуться. Могла возникнуть полиция, посылая самых симпатичных в качестве провокаторов. Они возбуждались, но не кончали. Просто арестовывали вас.

Где вечеринка?

Она могла быть у Тони Ричардсона, где по металлическим комнатам разносилось эхо криков ручного тукана; в Guinnesses, где мы болтали с Дэвидом Нивеном и скручивали в углах самокрутки; или у Изабель Аберконвэй, где мы вели себя хорошо, восхищались картинами Пикассо и поедали за чаем виноград в шоколаде.

Чрезмерный снобизм потопил парней в кожаных куртках Патрика и Джо Ортона; их место заняли Баклзы и Сноудоны все более эфемерных акварельных оттенков. Дэвид писал аляповатых коллекционеров западного искусства и оперных режиссеров, восседавших на стульях Бройера.

Личное видение? Где тут личное видение?

...все еще был местом встречи с интересующимися, нежели с интересными, но после...

Где вечеринка?

Пьяная ошибка с парнем, который оказался мужчиной средних лет; сняв свой битловский парик, он залил меня баночным пивом. Я спал в джинсах. Это была не вечеринка.

Куба, убийство Кеннеди, Мартин Лютер, Вьетнам.

В 1964-м я спал с черным парнем на куче пальто в Манхэттене — вот это была вечеринка.

Медник, портной, солдат, моряк, богач, бедняк, бомж, вор — подсчет хитростей — серийный убийца (это позже).

Нью-Йорк был старше и авантюرنее свингующего Лондона. Поп-музыка, The Beatles, Stones, The Who. Двести пятьдесят миллионов фунтов Пола Маккартни свидетельствовали

о том, что оплачивается даже рассудительность; Леннон со своей свингующей героиновой зависимостью сбежал в Нью-Йорк, Дэвид Хокни — на Западное побережье, Рудольф — в Париж; другие растворились без следа.

Шестидесятые: чистые улицы и грязные здания.

Восьмидесятые: чистые здания и грязные улицы.

Власть цветов скоро завяла.

Секс, наркотики и рок-н-ролл были в семидесятые.

Затем последний великий смог, окрасивший церкви и общественные здания в черный, пробрался в вашу спальню вместе с «Любовником леди Чаттерлей».

Лоренс предложил описывать секс как эвфемизм: я с ним спал.

Клинически: у нас были сексуальные отношения — это не очень по-гейски, точно гетеросексуальные.

Или сквернословие.

Мой секс определенно был таким — классный трах, фаллоцентричный, эгоистичный и веселый.

Любовь пришла позже.

20-е,

четверг.

июль

1989

Снимал концерт Pet Shop Boys на стадионе Уэмбли. В музыкальных газетах и чартах его освещали восторженно, лишь некоторые особенности немного охладили пыл. Но какими бы ни были недостатки, это яркое зрелище — интересные танцы, разноцветные костюмы. Фон — кадры Super 8, переведенные в 70 мм. — работает.

«It's a Sin» — кульминация шоу, когда все сплавляется воедино. Хореография «Shopping» стильна, как у Джин Келли; проникновенная «Кингс Кросс» с прекрасным черно-белым фильмом ХБ. «Sin» и «Paninago» (которая мне не нравится) — любимые песни зрителей.

Съемка — само противоречие: пять камер находятся в фиксированных позициях, мешая зрителям последних рядов.

Утрата контакта с операторами почти абсолютная — музыка играет настолько громко, что в их наушниках вас практически не слышно. Я сидел снаружи, в фургоне, вместе с Мэтью и ХБ, наблюдая за происходящим.

Мое параноидальное отношение к технике возрастало в течение всего дня, поэтому я позволил им управлять процессом и ограничился советами. Это стало наилучшим вариантом, поскольку я прекрасно знал шоу и мог чрезмерно углубиться в детали ценой потери общего впечатления.

В этом кроется противоречие: невозможно снять десяти-тысячную аудиторию. Расстояние портит световое представление, уменьшая его на телеэкране до размеров открытки или ограничиваясь крупными планами. В обоих случаях все приходит к бессодержательности.

На пленке крупные планы всегда более интересны, но зрители видят концерт совсем иначе. Съёмки театральной постановки могут испугать: в «Похождениях повесы» клоуны, возникавшие среди хора флорентиек, носили панковский грим, который оперная аудитория не видела, поскольку сидела слишком далеко.

Нил слегка смягчил свой грим: прошлым вечером на репетиции он был похож на потную панду с двумя огромными черными глазами на белом лице. В течение всего концерта (который, вероятно, был для него очень нервным событием, поскольку он никогда прежде не выступал перед такой огромной аудиторией) Нил проявлял замечательное спокойствие. Без этого шоу бы не состоялось — его проницательные решения и поддержка сделали свое дело.

21-е, пятница. июль 1989

В девять на Уэмбли — пройтись по концерту для операторов. Невыносимо жаркий день. Вечером стоял у кассы, встречая друзей; народу было не протолкнуться, а гостевых билетов не дали, хотя и обещали.

Стоял за микшерским пультом рядом с Джорджем Майклом. Он ушел через шесть песен. Когда все закончилось, проталкиваясь сквозь толпу детей у двери, ведущей за сцену, встретился с Яном Маккелленом, который не мог пройти за ограждение.

Вместе со всеми отправился на вечеринку в студию Westway. Все парни похожи на солистов Bros, с блестящим

рекламным загаром. На Джерарда пялились. Приехали Тильда и Руперт, и мы потолкались среди гостей. Ушел в два.

22-е, суббота. июль 1989

Температура перевалила за тридцать, горизонт в жаркой дымке, с запада пришли низкие, давящие облака, и серый вечер окрасился гневными красками заката. Ночью прошло несколько сильных и кратких ливней.

После недели моего отсутствия в саду несколько потерь: погиб розмарин, завяли ноготки. Поливать из шланга запрещено, и я был вынужден использовать старую лейку, купленную для «Военного реквиема». Через несколько минут ноготки воспрянули, и к десяти, когда я закончил, весь сад был окутан запахом левкоев.

Устав от недели на Уэмбли, я рано лег спать, хотя встал на рассвете. Пчелы жужжат в цветущей лаванде. Очередной жаркий день; в полях собирают урожай. Я не помню такого года.

23-е, воскресенье. июль 1989

Покрыв варом садовый стул Гюты, чтобы он сочетался с Хижинной Перспективы. Этот стул восемнадцатого века был сделан для женщины в кринолине — его аналог можно видеть на полотне Гейнсборо с мистером и миссис Эндрюс. Дерево сгнило, и стул переделали. Садовая мебель того времени довольно редка.

Беспокойный день после суетной недели. Тишина тревожит. Солнце светит беспощадно.

25-е, вторник. июль 1989

На обед приехал Дэвид с огромным куском смолы.

Искупавшись, мы выстроили из кирпичей очаг, разожгли костер и расплавили смолу в старой жестяной банке. Целый час мы ходили туда-сюда, таская из дома кисти, перчатки, колючую проволоку, распятия, молитвенники,

пули; взяли модель истребителя и даже старый телефон, который покрыли смолой и перьями. Результаты оказались мгновенными и невероятными. Горячая смола разбрызгалась повсюду и застыла, как сверкающая струя; наполовину ушедшее в землю распятие походило на скульптуру Мерардо Россо.

Работа со смолой дарит тот же восторг, что и строительство в детстве башен и крепостей из песка. Перья взяли из старой подушки.

26-е, среда. июль 1989

Целый день прочесывал пляж, нашел якорь и деревянные весла для сада.

28-е, пятница. июль 1989

Холодный сухой ветер веет над иссушенной землей. В траве поют сверчки. Белые бабочки собираются на лаванде и откладывают на настурции и капусте гроздьях ярко-оранжевых яиц; за несколько дней из них вылупятся толпы маленьких гусениц, которые соберутся вместе, прячась от яростного солнца.

В этом сухом пейзаже видны пятна желтого крестовника. Крестовник, как считалось, излечивал речевые недостатки: *«Будучи под влиянием Венеры, он очищает, улучшает пищеварение и развязывает язык»*. Это единственное цветущее растение — катран и валериана давно отцвели. Израненная земля ожидает осенних дождей; кроваво-красные ягоды сладко-горького паслена подобны рубинам.

29-е, суббота. июль 1989

Пасмурно и значительно прохладнее.

Сделал себе кофе с бутербродом и вышел в сад обрезать мертвые цветы сантолины, которые из ярко-желтых превратились в коричневые. Это приятная работа, поскольку листья издают легкий аромат.

Собрал мертвый мак, настолько сухой, что его коробочки трещат, когда с острых головок опадают последние семена. В основании бузины из семечка тех растений, что цвели прошлой зимой, вырос огуречник, достающий мне до пояса.

Покрытый ягодами шиповник выпустил новые крепкие побеги, фиолетовый шалфей удваивается в размере каждые несколько недель, а его запах можно почувствовать на расстоянии полуметра. Мои лавандовые отростки превратились в маленькие кусты.

В середине дня приехал Дэвид. После поездки в Рай мы сложили из плавника костер и принесли к банке со смолой множество вещей — распятия, молитвенники, колючую проволоку, осколки стекла, несколько старых картин, в том числе конструкцию с «Островом мертвых» Бёклина.

Это стало подходящим поводом вычистить студию, поскольку сам я откладывал это дело месяцами — из-за гор старого железа и плавника, который я собирал последние два года, там было почти невозможно двигаться.

Иступленно работая, мы завершили восемь новых картин — три с крестами, со старыми ветками, молитвенниками и стеклом. «Сон Руда». Смола ярко сверкает, формы утрачивают четкость.

В Рае я потратил почти шестьдесят фунтов на два сборника поэзии семнадцатого века, которые читал вслух, пока мы ехали из Кэмбера мимо военной базы с развевавшимися по ветру красными флагами.

30-е, воскресенье. июль 1989

Кусты сухого бессмертника и лаванды наполняют дом ароматом. Он окутывает вас, когда вы ныряете в темноту. В саду цветет тысячелистник — *Herba militaris*, астровые, трава, которую использовали, чтобы остановить кровь. Чистец, королевский тысячелистник, триллиум, кровоостанавливающая трава, игрушка дьявола — тысячелистником обмахивали жертву во время произнесения темного заклинания.

Вчера за работой я вспомнил сказку, которую написал в шестидесятые годы; в ней слепой король, переодетый нищим, путешествовал по миру в поисках источников живой воды, а поэты с магнитофонами собирались там, чтобы улавливать все мимолетные фразы, которые пузырились и лопались на поверхности воды, открывая свои секреты.

Словно по волшебству, позвонил Гай Форд, живший со мной в семидесятые; во время долгого разговора он сказал, что нашел десяток записных книжек, которые я писал, будучи студентом. В одной из них есть и эта сказка. Кроме того, в них сотни рисунков. Он обещал их прислать.

Долгая прогулка по лесу, после которой я занялся украшением фотографии Мика Джаггера для журнала 20/20. Нарисовал ему усы Сальвадора Дали, которые ветвились и заканчивались букетами цветов. Затем прилепнул к его голове старую пластинку из конверта Let It Bleed в виде берета. «Спасибо, Мик» — с этой пластинки я взял звуковое сопровождение для старых съемок в Бэнксайде; «ты не можешь всегда получать то, что хочешь» — как верно!

В воздухе ожидание дождя, но ветер сухой. Мимо летят пушистые семена кипрея. С треском лопаются черные семенные коробочки ракутника.

В конце сада терновые ягоды становятся фиолетовыми; поспела ежевика. Дикая груша поникла от жары и сухости, крапива погибла и шуршит на ветру.

У озера большой уж переползает тропинку между увядшими травами. Лебеди сиротливо стоят на пустых каменных островках, появляющихся из воды.

Все ждет дождя: большой лопух с фиолетовыми цветами, касатика, словно томимые жаждой собаки; под моими ногами, будто пепел, ломается серый мох. Только желтый крестовник, яркий от бабочек-крапивниц, рад такому долгому лету. В чистом голубом небе висит зловещее облако дыма от горящих полей.

Проснувшись до рассвета, увидел в окне яркую, как бриллиант, Венеру и кроваво-красное солнце, встающее над серым морем. Холодный свежий ветер прогнал вчерашние облака, расчистив небо. С восходом море становится серебристым. В семь тридцать мое лицо ожег ослепительный свет.

Идиотский телефонный звонок от компании — поставщика красок и долгий список вопросов: где или чем вы хотели бы быть?

После этого вновь блаженная тишина, лишь потрескивание лопающихся на солнце черных семенных коробочек ракушечника. Собрал горсть семян и разбросал их вокруг телеграфного столба.

Море идеально синее; на его фоне — бледно-желтые травы и розовая галька. Для художников цвет травы — ускользящая неаполитанская желтая, цвет, который я всегда любил.

Прилетел ворон Сильвии, Джет, и скакал туда-сюда по банке со смолой, наблюдая за своим отражением. Затем он переместился на стол, стащил синюю стекляшку, перелетел на телеграфный столб, где оставался целую минуту, после чего нырнул за моими прищепками. Ухватив одну, он с триумфом потащил ее прочь и едва не врезался в проезжающую машину. Вслед за святым Кутбертом мне надо научить его делать что-то полезное — например, развешивать выстиранную одежду или чистить ботинки. Но он слишком поглощен собой. Каждый раз, когда я за ним гонюсь, он взмывает над домом, а затем возникает за моей спиной со странным каркающим смехом.

Август — месяц бабочек. На крестовнике яркая мозаика из бабочек павлиний глаз, адмиралов и многоцветниц. Дикий хмель покрыт бледно-зелеными цветами. На иве пушистые кучки огромных желто-черных гусениц, чья выпуклая голова разделена на три части в форме Y.

В пять приехал Дэвид, и мы отправились в Little Chef. Обычно в Грейтстоуне полным-полно симпатичных загорелых молодых людей. Сегодня глаз порадовал лишь один,

растянувшийся на капоте своего автомобиля в расстегнутых джинсах.

Разожгли костер из плавника и на заходе солнца плавили смолу.

В сгущавшихся тенях мы завершили новые картины: зеркальная жестянка из-под колы в окружении демонов и корабль из бутылки, заполненной черным золотом, а потом разбитой. Стекло рассыпалось на холсте, образовав подобие парусника с надутыми парусами; вокруг вздымалась смола, разбитые мачты тонули в черноте — той, что стирает формы и отличия и проглатывает тени.

2-е,

среда.

август

1989

Встал в шесть.

Я сплю на полу, поэтому первое мое действие — подъем, во время которого сознание еще не до конца пробудилось. По коридору в ванную комнату, ритуальное умывание перед запотевшим зеркалом, где едва можно разглядеть лицо. Бреюсь своим любимым станком, простая серебрянная «Т», в которой скользит лезвие. Я купил его в Риме в 1978 году, когда писал «Караваджо». Еще немного воды — душ, — потом одеваюсь ради приличия и почтальона. На завтрак кофе, горячий «Бостон» из Алжирской кофейни на Олд-Комптон-стрит с надписью на упаковке: «Индивидуальные заказы почтой для семьи и друзей в Великобритании и за рубежом». Я открыл для себя этот кофе пятнадцать лет назад. Имея его и бритву, можно встретить день в хорошем настроении. Два бутерброда.

Вешаю картины прошлого вечера, убираюсь в кухонных шкафах, собирающих паутину, поливаю передний сад, делаю запись в дневнике и стираю одежду. Еще один прекрасный летний день. В восемь я готов прогуляться по пляжу, чтобы собрать камни для сада.

Сегодня отлив далеко, и песчаные равнины пусты. Иду вдоль основания галечной полосы, перепрыгивая стремительные ручейки, прорезающие в песке глубокие русла. Почтальон приносит сюрприз, первый подарок для моего

сада: семена пажитника, тимьяна и мелиссы, красиво упакованные в серебристую фольгу и подписанные; это от женщины, которая в прошлую субботу проходила мимо и восхищалась моим садом.

Дошел до леса и снимал бабочек на крестовнике, а когда вернулся, увидел, как развлекается Джет, падая с небес за моими кукурузными хлопьями, словно пикирующий бомбардировщик. В мгновение ока он оказался на крыше, побродил туда-сюда, разговаривая с самим собой, после чего атаковал еще раз, сбросив на землю аккуратно разложенные материалы для живописи. Сегодня повсюду летают пули и прищепки. Когда я стираю, он сидит на столбе и смотрит на льющуюся из шланга воду. Затем удаляется, перепрыгивая со столба на столб.

В 3:30 приехал продюсер Джордж Фабер с писательницей Пенелопой Мортимер; мы выпили чая и поговорили о будущем фильме по роману Пенелопы «Мастер на все руки».

Сделал несколько фотографий сада и заметил первую репейницу. После прогулки по пляжу отправился в Сиссингхерст, где идут съемки «Семейного портрета».

Даже без туристических автобусов место кажется пустынным, слишком безупречным. В белом саду искусство выглядит слишком искусственно. Тень Виты в высоких вертикальных окнах — и съемочная бригада, серьезно переговаривающаяся по переносным рациям.

Отвез Пенелопу в безумный отель Great Danes; шизоидная структура, полубарак — полувикторианский сельский дом, объединенные проектировщиками, которые с закрытыми глазами закупались в самых вульгарных галереях. Повсюду знаки. Один, огромный, помещен на конструкцию, похожую на водонапорную башню, и заявляет: «Гостиница»; при входе другой большой знак — «Главный вход», а также предупреждение: «Запирайте автомобили». Четыре одинаковых подружки невесты в красном, похожие на хористок — возможно, The Danneltes, — прошли мимо нас в холл, где на вывеске написано: «„Би-би-си“. Проход в джинсах воспрещен».

Философия тематического парка белого сада исчезла под натиском хаоса. Здесь полно чайников, кремовых,

с искусственными цветами, или хромированных. Золотые ковры, как растаявшее мороженое, безумные хрустальные люстры, шоколадно-коричневые стены из затемненного стекла.

Вернулся в Лондон. Джордж вел, словно сумасшедший; машину заносило во все стороны — в некотором смысле, как сценарий. Главному герою не хватает определенности. Возможно, я лезу во что-то безумное, решив взять на роль мастера на все руки любимого Марчелло Мастоаянни? Он бывает весьма забавным, идеальный аферист.

3-е, четверг. август 1989

Гай прислал посылку с моими старыми записными книжками. Очевидно, я отдал их ему тринадцать лет назад, после того, как снял «Себастьяна», когда мне было негде жить. В них множество набросков для «Гаргантюа» Кена Рассела, о которых я забыл. Если бы фильм сняли, он стал бы моей лучшей работой как художника.

Дизайн для Рассела включал в себя алтарь с подсвечниками в виде бутылок из-под колы. Там есть деталь королевского порнодворца, окно, сделанное из розовых мраморных ног, собранный в рюш театральный занавес, похожий на платье для канкана. В заметках имеются точные описания стиля — например, вещица в стиле Помпадур. Есть там аллея мону-ментальных молотов и серпов, бассейн с надувным матра-цем в виде уорхоловской банки супа, золотой плот с парусом в виде серебряной рыбы. Телемское аббатство — зиккурат с двойной спиральной лестницей, выстроенный как гробница Адриана, с лесами, на вершине которого двухсотфутовая украшенная урна с тропическим садом... И так далее, стра-ница за страницей. Больше всего мне понравились повозки в виде лодок, чьи паруса украшали изображения карточных мастей — пики, черви, бубны и трефы.

В 3:30 фильм Пола Бетелла «Я видел уязвимого человека в Олимпии». Я смотрю этот фильм второй раз, и он нравится мне все больше, становясь классикой в моих глазах.

Встретились в Zenith films со Скоттом Миком и Робин Арчер — вечеринка в честь фильма о шоу Робин «A Star Is Torn». Прошлись с Робин через Сохо в Bar Italia. Шоу рассказывает о трагических жизнях таких звезд, как Билли Холлидей и Мэри Ллойд, — призрачные, заброшенные места, бары и станции, даже театр в сопровождении саундтрека радующихся людей.

Зашел в Comptons, наш местный гей-бар. Самоуверенный парнишка в белой футболке и спортивных брюках подсел и затеял разговор. По его словам, он актер, а еще кукольник. Я предложил ему поучаствовать в съемках «Сада».

— А это подойдет? — спросил он.

— Разве не все подходит? — спросил я.

Он улыбнулся:

— Ну да.

Заполнил анкету для *Sunday Correspondent*:

В.: Как бы вы хотели, чтобы вас запомнили?

О.: Как цветок.

— Анютины глазки! — кричит ХБ. — Нет, книпхофия!

В.: Ваши достоинства?

О.: Гомосексуальность.

В.: Недостатки?

О.: Непоследовательность.

В девять я отправился в Хэмпстед — привлекательных парней не увидел, зато был весьма энергичный полицейский рейд. Искусно увернулся от парней в синем, однако готовился увидеть в газетах заголовки: «Жертва СПИДа себя разоблачает».

В три лег в постель. Автомобили шумели всю ночь, увеличивая децибелы на Чаринг-Кросс-роуд — после тишины Дангенесса это невыносимо. Стонущие бомжи в дверных проемах, спотыкающиеся о них пьяные завсегдатаи клубов. Мимо с ревом пролетают машины, из окон доносится громкий бессмысленный музон.

Дали видеофильм «Британские парни» — порно, которое медленнее, чем мои «Разговоры с ангелами»! Эти парни не умеют ни играть, ни трахаться. Невероятно скучно, хотя там было несколько сюрреалистических костюмов: крикетные подушечки, перчатки, бандажи, а в одной сцене королевский конный гвардеец лижет чьи-то ботинки. Неуместные садомазохистские эпизоды со стеками и крикетными битами.

В.: Что вызывает у вас депрессию?

О.: Фильмы.

В.: Что вас больше всего расстраивает?

О.: Фильмы других людей.

И кто только захочет электронным образом обладать «Британскими парнями»? В такие моменты, ворочаясь под одеялом, я жалею и себя, и всех. Возможно, британским парням стоит кое-чему поучиться у своих американских коллег, более удачливых в своем искусстве и в работе перед камерой; здесь секс-жаргон кажется столь же убедительным, как увядший салат: «Засунь член мне в задницу». Даже их стоны вымученные и симулированные.

Джерард говорит, что в Амстредаме устраивают оргии безопасного секса, настойчиво рекламируемые такими гей-организациями, как СОС, чья патронесса — королева Беатрикс. Интересно, кто из нашей королевской семьи должен стать таким попечителем? Возможно, королева-мать, которая, как говорили, застучала своего лакея за примеркой ее шляпки и резко заметила: «В этом доме едва хватает места для одной старой королевы».

По пути в Хижину Перспективы заглянули в Little Chef и встали в длинную очередь за вторым завтраком. Яичница-глазунья, полностью покрытая пленкой.

Хижина купается в солнечном свете. Дошел до пляжа и окунулся; несмотря на жаркую августовскую субботу, здесь абсолютно пусто.

Вечером полил сад. Брайан наблюдал за мной, когда я спас свои несчастные горшечные растения, и предположил, что маяк должен стать Вифлеемской звездой. Завершил полив в одиннадцать вечера и второй раз отправился

смотреть «Британских парней» на случай, если пропустил что-то интересное. К сожалению, я не пропустил ничего.

6-е, воскресенье. август 1989

Бабочка-языкан порхает вокруг лаванды. Джет, одержимый всем, что двигается, не обращает на нее внимания, пряча свои сокровища в трещины. Он аккуратно прикрывает земляничину палочками и камнями и находит ее через десять минут. Случайность или память? Дьяволенок с глазами-пуговками. В мои сохнувшие ботинки он спрятал липкие спагетти.

Подрезал сантолину и бессмертник, высадил множество ростков утесника. Укоренилась крушинная облепиха, которую я несколько недель назад посадил в горшок. Высадил ирис, ростки старой розовой гвоздики и коровяк. Рассыпал по саду семена фиолетового катрана.

Семенные коробочки укропа стали темно-бронзового цвета. На фиолетовых цветах лопуха полно крапивниц, а дикий фенхель украшен яркими желтыми цветами. Сильная, крепкая армерия в каменных кругах расцвела, как и синий огуречник под шиповником. Сейчас, когда я пишу эти слова, буроглазка мегера принимает на ноготках солнечные ванны. Цветет чистец, который *излечивает множество тяжелых ран и даже некоторые смертельные.*

Коровяк был тем растением, которое Одиссей использовал для защиты от чар Цирцеи. Этими цветами римляне красили волосы в желтый цвет: *Золотые цветы коровяка, вымоченные в щелоке, окрашивают волосы желтым, если их вымыть.*

Растение применяли самыми разными способами: оно вытягивало занозы, излечивало боль в ухе; его окунали в воск, делая тонкую свечу — *вся верхушка с приятными желтыми цветами выглядела как тонкая восковая свеча, хитроумно обернутая.* *Verbascum* от латинского «свеча», поскольку старики окунали стебли в жир, чтобы жечь их на похоронах или где-то еще.

Коул в «Адаме и Еве» пишет: *Земледельцы Кента кормили им скот, излечивая от кашля и болезней легких. Его называли «крестьянской медуницей».*

Аласдер заехал на чай, потом приехал Тоби и показал свой первый фильм, основанный на «Офелии» Милле.

Неудачный поход в поисках бабочек. Крестовник погибает. После обеда в греческом ресторане пересмотрел старые фильмы — «В тени солнца» с певцом фламенко Алмадьеном.

7-е, понедельник. август 1989

Целый день вялость, едва шевелю ногами. Как только сажусь, сразу засыпаю. Спал всю вторую половину жаркого и душного дня.

Все уехали в Лондон, и я остался в одиночестве. По телефону нудные просьбы: «Я вас ни от чего не отвлекаю?» Даже Джет раздражает — забрался на кухню и перевернул все, что блестит.

Адский огонь и проклятия в книге «Неприемлемый грех». Здесь безумие христианства показано в его борьбе против физического тела, которая с возрастающей жестокостью продолжалась все Средние века. Наблусский собор в 1120 году, когда гомосексуальные сыновья Генриха I утонули на «Белом корабле», — поворотная точка. Теперь взрослые содомиты должны были быть сожжены. Обвиненному Вильгельму Рыжему предшествовал Мемприк, король Британии во времена Давида, который был съеден волками после того, как предался содомии, о чем свидетельствуют хроники. Малго, саксонца шестого века, утопили в ванне, в Винчестере, по тому же обвинению: *Живущий в доме, где практиковалась содомия, должен быть сожжен вместе с домом.* Во Флоренции педерастия наказывалась кастрацией. Добровольно согласившегося на сексуальную связь четырнадцатилетнего мальчика избили и провезли по городу обнаженным. Своднику отрубили руку. И когда это закончилось, может ли кто-нибудь показать хоть одну душу, спасшуюся ценой тысяч изувеченных и убитых? Смертоносная традиция, которая до сих пор издает законы против нас.

На фиолетовых васильках в лесу полдюжины репейниц. Хотя все остальные бабочки исчезли, даже такое число кажется малым по сравнению с воспоминаниями моего детства. Во дворе старого поместья Карри Малет была буддлея, где в летний день могли пить нектар пять-шесть бабочек одновременно: павлиний глаз, адмирал, крапивницы, языканы. Сейчас эти насекомые встречаются гораздо реже.

Когда я впервые приехал в Дангенесс, один старик по соседству заметил, что здесь самая чистая питьевая вода во всей Англии. Дангенесс — природный фильтр. Сегодняшнее сообщение от «Друзей Земли» говорит о том, что в воде превышены уровни свинца и алюминия. Официальный представитель Совета утверждает, что уровни в пределах нормы. Однако чистая питьевая вода не должна иметь примесей, и ему следовало сказать, что они над этим работают.

Цветут репейник и дербенник иволистный. Репейник:

*Если под голову его кому-то положить,
То спящего на нем вовек не разбудить,
Он не пробудится от сна
Пока лежит репейник там.*

Желтые цветы *Agrimonia eupatoria* названы в честь Митридата Евпатора, царя, варившего травяные целебные настои. В народе эти цветы известны как «церковный шпиль», из них производят ярко-желтую краску. «Отвар из листьев, — пишет Джерард, — хорош для тех, кого беспокоит печень». «Трава царственной власти», — говорит Плиний.

Ночь провел в Хэмпстеде у костра с цыганами, пока позволяла погода. Утром прошел первый за несколько месяцев дождь. Надел пару крепких кожаных ботинок из той дюжины, что набралась у меня за многие годы из магазинов

секонд-хэнд, остальные вымыл и почистил. ХБ в ванной сказал, что мне надо сменить имя на Имельду.

Утром переписывал *Blueprint*, потом сел в 24-й автобус и отправился на Альберт-роуд повидаться с Саймоном Уотни, имеющим самый полный архив по массовой дезинформации. Я решил посвятить каждую покрытую варом и перьями кровать газете: *Mirror, Star, Sun, Guardian, Times*; они присвоили лучшие названия и выдают опасные и ложные сведения.

Саймон очень точно знает нашу ситуацию, относится к ней правильно и резко и способен выражать свои мысли на бумаге как никто другой; его голос ярко выделяется в печальной пустоте изданий. Для меня, пожалуй, это единственный голос. Саймон публикуется не только в академических журналах вроде «Октября», но и в бесплатных газетах, таких, как *Pink Paper*, которая лежит в гей-барах и пабах. Он посещает бесчисленные конференции и симпозиумы, где отсутствие знаний о нашей жизни поистине глобально.

На прошлой неделе врач, участвовавший в широком исследовании ведущей фармацевтической компании, заявил, что поиск лекарств, способных победить вирус и продлить жизнь инфицированным, представляет этическую проблему, поскольку продление их (то есть и моей) жизни осложняет ситуацию. Пусть лучше все мы быстро умрем.

Каждый день мы оказываемся мишенями подобного терроризма даже в мелочах. Наши отношения под запретом, вне закона. Тем временем медицинский корреспондент *Sun* перед лицом всех фактов (большинство заражений ВИЧ приходится на гетеросексуалов) написал, что его читателям нечего бояться: мол, те «факты» были ложными — заражаются только геи.

Нам необходимы солдаты-геи Берроуза. Лишь приличия и запреты английского воспитания не позволяют мне взяться за оружие.

Стены галереи будут уставлены несколькими кроватями с матрасами, простынями и одеждой, покрытыми смолой и перьями. На кроватях могут лежать библии, презервативы, одежда — джинсы и толстовки, спортивные костюмы, форма пожарного или полицейского. Цитаты из газет, фотографии

близких и родных, найденные фотографии, будильники, телефон, телевизор, покрытый варом и перьями.

В центре галереи — оазис: кровать с двумя молодыми людьми, окруженная колючей проволокой; на ней висят обрывки газет, словно прибитые ветром, и скелет в форме узника концлагеря, покрытый перьями и смолой, будто сраженный выстрелом при попытке побега.

11-е, пятница. август 1989

Съемки на Super 8, сделанные этим летом в саду, переведены в телевизионный формат. За исключением крупных планов новой камеры, все получилось великолепно: цвета яркие; темные, таинственные формы исчезают — настоящее чудо.

Обсуждение эпизодов с Тильдой — Мадонна, позирующая перед прессой.

12-е, суббота. август 1989

Пасмурный день с теплым сухим ветром. Здесь почти не было дождя, и это удивительно, поскольку ливень в Лондоне создал впечатление, будто он накрыл всю страну. Сильный ветер гораздо хуже засухи, поскольку он высушивает растения.

Из-за запрета шлангов пейзаж превратился в пустыню, всё в руках случайностей и изобар. Терновник покрыт фиолетовыми фруктами, созревшими на полтора месяца раньше, чем в прошлом году — тогда мы собирали их в начале октября. Кусты розмарина погибают, большинство цветов опали — герани и ноготки, алые и красные. Отважный воловий язык тоже на грани гибели. Собрал мертвые головки молодила и левкоя, подрезал цветы лаванды. Пересадил сеянцы наперстянки и коровяка, крушину и смоковницу.

*Чтобы доказать жизнь после смерти,
Человек зарыл себя в могилу
В свинцовом гробу с инжиром в руках.
Он сказал: «Если жизнь после смерти существует,
Здесь вырастет фиговое дерево».*

Оно выросло. Это точно.

Ребенком я ел инжир вечной жизни.

Плоды были незрелыми и вызвали у меня колики.

Дангенесс может казаться негостеприимным домом для смоковницы. Покалеченная жгучими зимними ветрами, она выросла всего на пару футов, карликовая, но вполне живая. Сикомор и дуб ведут себя таким же образом.

14-е, понедельник. август 1989

На рассвете прошла полоса дождя. Теплый, солнечный день, но постепенно небо заволокло тучами.

Прежде чем солнце исчезло, мы поснимали Дэвида на пляже среди рыбацких лодок, лежащих в огромных мотках веревки. Когда пленка закончилась, съездили в Рай, но по возвращении солнце уже ушло.

Печальный вечер: иссушенные растения погибают, над выгоревшей стерней громоздятся угрожающие облака, вспаханные поля лишены жизни; единственное движение — серебристо-серые листья ив, растущих вдоль дренажных каналов.

Джулиан в полном молчании вел машину по пустым дорогам, словно гонщик на ралли.

Стемнело в половине девятого. Вечера становятся всё короче.

15-е, вторник. август 1989

Чувство недовольства и неполноты — вдали от друзей — жизнь вывернута наизнанку — меня накрыла и переполняет вся горечь усталых замусоренных пейзажей «Джинджер и Фреда» Феллини. Просматривал мои старые пленки для Дэвида, и едва мог их выносить, эти призрачные воспоминания.

Позвонила Сэнди и сказала, что Пол тяжело болен. Гнев и беспомощность — почему это происходит? Влюбленные высыхают и сгорают, как этот пейзаж.

Мастер, который должен был ставить новые окна, не звонит — интересно, это как-то связано с моей репутацией?

Панический звонок от ХБ: песня, над которой он работает, не монтируется; я интуитивно знал, что так и будет. На съемках меня быстро вывели из себя — все операторы снимали одного и того же танцора, и мои крики через интерком в этой ловушке Уэмбли ничего не изменили. Переснять невозможно, время ушло.

Что я делаю?

Джулиан и Дэвид уехали в 10:30. Облака разогнал сильный ветер, и в два часа небо стало чистым. Дождя нет до сих пор, хотя с неба упало несколько капель.

Трескотня на кухне сообщила мне о возвращении мистера Ворона; завернув за угол, я увидел, как он жадно поглощает хлеб и не собирается улетать. Схватив большой кусок, он в конечном итоге отправился прочь, но тут на него напали две большие чайки. Начался сущий ад — он преследовал их, носясь вокруг дома, то скрываясь из виду, то возникая вновь и издавая страшное карканье. Они сдались и оставили его сидящим на трубе с видом победителя.

Утром роса в саду была смешана со сладким ароматом его воспоминаний. Цветы — его уста, ветер — дыхание, розу увлажнила роса его щек. Поэтому я обожаю сады, ибо они все время напоминают мне того, кого люблю.

Я сел и написал это стихотворение, когда бьющее в окно яркое солнце слепило глаза.

Из этих кругов не выпрыгнут драконы.
Эти камни не пустятся в пляс в солнцестояние.
Выброшенные на берег,
Они хранят воспоминания,
Прямые, как часовые,
В сухой траве.
Столетиями носимые океаном,
Они ожидают великого Прилива

И второго призыва на глубину,
Где соленое море прервет их молчание,
Где они расскажут о своем пребывании здесь
Тамошним странным созданиям.
Расскажут им, как по тропинке
Проходил почтальон с твоим письмом,
И как я не мог скрыть свою радость,
Как ходил по саду, подпрыгивая в нетерпении.
О том, как мы гуляли под полной луной,
Наблюдая за терпеливым рыбаком,
А затем возвращались домой,
Подбрасывая горсти гальки,
В россыпях искр
Под звездным небом.
О твоем лице, каждые десять секунд
Освещенном лучом маяка.
Об улыбке,
Легком изгибе бровей,
Зеленых глазах,
Движении век.

Посадил сантолины и отростки смоковницы.

Сидя в шезлонге, наблюдал за заходом солнца и тем, как поднимается полная луна, светя над маяком из-за длинных переливчатых облаков.

Камни отражают большой лунный круг. Им слышно, как я напеваю на кухне.

16-е,

среда.

август

1989

Мельчайшие жесты усиливаются на пленке: дрожащая рука с камерой создает землетрясение, пылинка становится бревном в глазу, царапина превращается в шоссе. В эпическом фильме — за исключением мастеров вроде Эйзенштейна — все оказывается потеряно: полуулыбка, кивок, сведенные брови будут невидимы в беспорядочном движении камеры. «Сад» — простая домашняя драма, документ. Никакой выдумки. Малейшие жесты.

Звонил Кристофер Хоббс. Корона Мадонны (модель короны ван Эйка) завершена, и он улетает в Оман расписывать стены для султана. Я готовил чай, наблюдая за тем, как мистер Ворон пьет воду с сине-голубых листьев катрана, собранную в блестящие лужицы. Ножки этих листьев являются маленькими проводниками, поставляющими воду растению.

Энни Саймонс, художник по костюмам, сказала, что Дева получится всех цветов, кроме традиционного голубого: будет розовый, алый, даже изумрудный. Зеленая земная Дева в противоположность небесно-голубой будет выглядеть современно.

Серый, пасмурный день; немного дождя.

В Лондоне полная луна спит глаза. Свежий ветер и облака, стремительно летящие мимо.

17-е,

четверг.

август

1989

Живопись Ансельма Кифера, покрытая пылью веков: замершие вялые похороны, огненные смерчи, пепел и зола, огромные свинцовые книги, вьющаяся проволока-паутина, странные подводные образования, амфора обломков памяти, монументальные руины на берегах между Тигром и Евфратом, странные алхимические ангелы, парящие над атавистическими контейнерами — эхо останков двадцатого столетия, вызывающее мороз по коже в огромной студии на Риверсайд. Чувствовал родство.

Дэбора из Working Title спросила, почему я всегда такой счастливый. Потому что я самый везучий режиссер своего поколения, делал и делаю только то, что хочу. Сейчас, радостный мегаломан, я снимаю свою жизнь. Сделанные таким образом фильмы означают, что все остальные покажутся сфабрированными; большинство режиссеров не умеют держать камеру, не говоря уже об авторучке. А претенциозность! Кто из них реально достоин уважения или хотя бы уважает себя сам? Тут нет Мастроянни или Бетт Дэвис, все они где-то еще.

Встретился с Джеймсом, потом отправился в театральный магазин Поллока, где Роберт показал мне свою палатку для выступлений с Панчем и Джуди; затем — к Ричарду Салмону, встретиться с Роджером и его дочерью. Он купил пять маленьких картин, а за четверть века собрал уже сорок.

У Ричарда Салмона есть впечатляющее распятие в натуральную величину, расписанное для Филипа II Испанского, копия распятия Ван дер Вейдена. Оно стоит рядом с запятанным кровью «Плохим богом» Гилберта и Джорджа. Кровоточат в унисон.

Приехала Тильда, и остаток дня мы провели за монтажом и пирожками в Vertaux. Договорились привезти московские конские каштаны, взятые с могил Хрущева и Чехова, в дом ее родителей в Шотландии и обсудили возможность съемки Дэниела Дэй-Льюиса на Super 8. Я не осмелился его просить — ему понадобится работать неделю. Не могу себе позволить нарушить хрупкое равновесие проекта звездами, плачу минимальный Капитал! Его агентов это не озолотит.

Так ничего и не сделал. Я плохо справляюсь с миром успеха и в себе, и в других. Быстро сдаю назад.

Тильда уехала в Шотландию, взволнованная, но счастливая.

До пяти утра редактировали видео концерта Pet Shop Boys. Сделали «Rent» с серией многочисленных наплывов из «Come Dancing». Может, это и есть ад? У меня возникало ощущение, что я занимаюсь этим без конца на протяжении сотен лет.

Лег в половине шестого, когда встало солнце.

18-е,

пятница.

август

1989

«Ты не такой тупой, как может показаться».

На выставке Кифера маленький мальчик в длинных белых шортах и белой футболке, идеально молчаливый в огромном пространстве, рассматривал изображенную на картине железную дорогу, а потом заметил семечко одуванчика, которое ветер гнал по полу. Он исполнил странный танец, подпрыгивая и ползая, чтобы его поймать. Никто этого

не заметил, кроме одной старушки, которая улыбалась вместе со мной. Картина с тюльпанами передает те же движения (*coup de vent*): лепестки, летящие по воздуху. Как написать ветер? Вот так. Этот мальчик мог выпрыгнуть прямо из полотна.

«Ты не такой тупой, как может показаться».

Когда я проходил мимо нищенки с тонкими точеными чертами лица, с коричневой кожей под огромной шляпой, сделанной из платка, украшенного орнаментом пейсли, она ясно и четко произнесла эти слова, хотя и не слишком громко, чтобы больше никто не слышал. Казалось, она адресовала их мне, но могла говорить сама с собой.

В полдень приехал Алекс, молодой студент-художник из Канады, сын моего кузена Джона. Мы сходили на выставку Кифера, а потом зашли в пиццерию.

Он мне понравился — младшее поколение Джарменов выглядит расслабленным и привлекательным. Я рассказал ему о безумном поколении наших дедов: о Джефффе, отданном под трибунал за то, что военнослужащие на его корабле работали вместо занятий строевой подготовкой, и которым были довольны все, кроме Министерства ВВС; о правильном маршале ВВС Элворти; о дорогом отце.

Все они были жертвами войны, оказавшимися в печальном мире пятидесятых: пьяные вечеринки и всё, что им сопутствовало — подходящие ковры, двойные рамы, норковые шубы, жемчуга, мечты о чем-то ином, чего они не могли ухватить, поскольку никто из них не мог представить ничего иного. Клубы, вечера, когда мужчины наряжались во фраки и нацепляли медали, а женщины надевали самое лучшее и душились драгоценной Chanel № 5.

Неделей позже появлялось большое фото группы незнакомцев, сидящих вокруг обеденного стола: застывшие улыбки в жестком белом свете вспышки.

Картины Кифера. Я вижу в них столько своего, лучшую свою часть. Его «Тюльпаны» делают меня блаженно счастливым. Мерцающий грот, полный сокровищ.

В Дангенесс с Сэнди Пауэлл и Полом Триси.

Пол умирает, потерял почти двадцать килограммов. Он говорит, что люди обращаются с ним с невероятной бесчувственностью. Сталкиваются на улице. Поверить не могут, что такой молодой человек ходит с тростью. Другие настолько поражены, что теряют дар речи, когда он с ними заговаривает. На одной вечеринке какой-то любопытствующий субъект забросал его вопросами: что он чувствует, зная, что умирает? Это настолько вывело его из равновесия, что он убежал и расплакался в коридоре — всего день назад ему поставили диагноз саркомы Капоши, помимо всех других его проблем.

Гомеопат расспрашивал насчет его сексуальной жизни. «Вы никогда не были в постели с женщиной? — недоверчиво спросил он, затем поинтересовался: — Сколько времени вам дали?» — после чего выписал чек на шестьдесят восемь фунтов за какие-то пилюли, которые сам и изобрел. Плюс еще один, за консультацию. И ради этого Пол ждал на жаре почти час! Рад сообщить, что он швырнул эти пилюли шарлатану в лицо.

Еще один прекрасный день. Мы приготовили огромный салат и уселись в саду. Всё казалось счастливым и беззаботным. Может, так оно и было.

Закат раскрасил небеса в розовый и фиолетовый. Пейзаж переливался темно-оранжевым, и сейчас в окне над морем маячит полная луна.

Вчера мне снилось много снов. В одном из них глиняный человек рассыпался в прах, когда я прикоснулся к нему у входа в огромную библиотеку между Тигром и Евфратом.

Собрал семена катрана, чины приморской и скабиозы. По периметру вокруг АЭС цветет морской укроп — трава святого Петра, посвященная рыбакам. Интересно, знают ли об этом рыбаки Дангенесса? Некогда его широко выращивали, собирали и ели как деликатес. Большая часть укропа

поступала с утесов Дувра — «ужасная торговля», как называл ее Шекспир. Его яркие зелено-желтые цветы контрастируют с мертвыми травами и выжженной галькой берега.

20-е, воскресенье. август 1989

Собрал отростки морского укропа и купил два куста люпинов с дюжиной желтофиолей — очень крепкие растения, продававшиеся за один фунт на ярмарке в Грейтстоуне. Кроме того, приобрел старый серп и маленькое зеркало. Дерек Болл, который меня туда отвез, поступил разумно и купил кухонное оборудование. Я нашел альбом Боба Дилана «Blonde on Blonde» — все вздыхают при упоминании «Born Again», но летом шестидесятых его голос звучал столь же идилично, как и этим.

22-е, вторник. август 1989

Съездил в Рай, забытое богом место: все магазины закрыты, парни носят «бермуды» и яркие футболки. Один попытался обсчитать меня в магазине мороженого, где когда-то была гостиная Рэдклифф Холл. Ворчливая дама в овощном сказала, что морской укроп никогда не цветет. Повсюду за рулем старики, умы наполнены ожиданием смерти.

Нашел модель лодки, которую можно облить смолой, и пейзаж Ван Гога. Бродил по пустынному, выжженному Дангенессу, вдыхая дым горящих пшеничных полей.

«Сад» движется со скрипом, в типичной манере Джеймса — все, как обычно, непредсказуемо. Нет встреч означает нет денег. Он получил неважное видео Pet Shop Boys, чтобы оплатить телефонные счета, и потерял мой фильм...

Осажденная со всех сторон, великая библиотека между Тигром и Евфратом не возникнет по мановению мысли на чистом листе.

Пересадил пижму и собрал семена. К черту! Снова звонит телефон.

Сбежал от всего с камерой, чтобы снимать скалы и старые доски для фонов «Сада».

23-е,

среда.

август

1989

Гулял по пляжу под луной. Море далеко, почти неслышно; по влажным пескам тянется широкая серебристая полоса. Сегодня будет тепло и сухо.

Энергичная итальянка из Феррары пригласила меня в 1991 году ставить на сцене или в кино «Сон в летнюю ночь» среди тех зарослей тростника на равнинах По, где снималась «Одержимость».

Никто так и не сделал ее удачную адаптацию; Линдсей Кемп и Рейнхардт разменяли *одержимость*, любовное стремление пьесы, на блестящие бюсты и гламурных фей.

24-е,

четверг.

август

1989

Долгая деловая встреча с Джеймсом в Basilisk для организации съемок в следующую пятницу, затем назад, монтировать концерт Pet Shop Boys. ХБ и Питер движутся сквозь бесконечный материал — раз и навсегда! Слова Криса Лоу «Секс, деньги, смерть, религия» — большой панк, чем Роттен: *отпад*, говорят поклонники, *отврат*, говорят клеветники.

Жаркий, утомительный день, лишенный того восторга, который я чувствовал, возвращаясь в Лондон на прошлой неделе. Не могу собраться с силами и написать письма. Становлюсь все более рассеянным — забыл, что купил для Тильды зеленое сари. Похож на мистера Ворона.

25-е,

пятница.

август

1989

Лежа в постели на Бэнксайд, я мог наблюдать приливы и отливы реки. Баржи и контейнеры, старые буксиры и развлекательные яхты шли под Саутваркским мостом между огромными серыми дорическими пирсами железнодорожного моста на Кэннон-стрит; во время отлива я ходил вдоль реки, собирал монетки и обереги паломников. Там я нашел прекрасно сохранившееся средневековое кольцо 1340-х годов, украшенное фальшивым золотом.

Поздний обед в вегетарианском ресторане Mildreds. Молодой человек из Чикаго затеял разговор; выяснилось, что у нас общие друзья. Я рассказал ему о М., наследнике огромного состояния, чья мать, не одобряя его стиль жизни, устроила сыну общественные похороны — это был такой способ сказать ему «исчезни». Сейчас он может посещать собственную гробницу и размышлять о бессмертии.

Еще один разговор с человеком, работавшим на жутком Sky TV Мердока. Предложил ему дать интервью под названием «Небо голубое».

В новостях мистер Мердок критикует британское телевидение. Он, в общем, прав, когда говорит об ужасных костюмных драмах: отвратительное оформление, недостойная игра, акцент на классе, снобизм — все, что британцы считают ценным. Молодой человек из Чикаго после года в Ассоциации архитекторов с ним согласен. Ему потребовался год, чтобы перестать любить Лондон. «Все здесь следует измерять прошлым, — говорит он. — Если вы критикуете, вас просто не слышат. Люди абсолютно уверены, что они лучше всех».

27-е, воскресенье. август 1989

Привез семена пастернака лугового, репейника, кульбабы и желтого глауциума. Пересадил ростки мака, цимбаларии и барвинок из дома Феникса.

Все сухое, словно кость. Белые семена крестовника похожи на жемчуг в пустыне. Ворсянка, чертополох и лопух сгорели и погибают — им дождь уже не поможет. Даже ивы шуршат от сухости.

Холодный северный ветер вернул облака. Быстрые низкие тучи над ярким серебром и лучами света. Море вздымается белыми барашками, мерцают мертвые травы. Словно лету переломили хребет.

Солнце подчеркивает белые утесы, похожие на огромный айсберг в темном сине-сером море. Ворон следовал за мной до Лонг Питс и обругал маленькую собачонку пары удивленных туристов. Собрал отростки шиповника и тысячелистника, посеял семена белого мака с берега в Грейтстоуне.

Из металлических прутьев и двух балок с пляжа соорудил музыкальную подвеску.

Перед закатом над темным морем выросла радуга, оттеняемая розовато-фиолетовыми дождевыми облаками. Дома выкрасил записную книжку в синий кобальт и смонтировал сценарий.

28-е, понедельник. август 1989

«On Land» Ино — «моя» музыка: лунный месяц над Сириусом, стремительные облака в сером рассвете.

Убрал доски от задней части дома и целый день собирал ежевику для варенья. В выжженных Лонг Питс заметил несколько бабочек и множество больших стрекоз. Кроваво-красная, словно сырое мясо, ежевика обильно покрывает светло-зеленые кусты. Работа трудная, и меня всего исцарапали ветки.

В Сомерсете мы собирали вдоль живых изгородей ежевику, а в Комбе, выше Холфорда, лекарственные травы.

Бабочки и цветы, темно-красная земля холмов Квантокс, маленькие побеленные дома в лесах. Дни без конца и без цели, прогулки по полям к морю, переходы вброд через затопляемые во время прилива русла. Почему мои фильмы не могут вернуться в тот Эдем?

Возможно, девяностые будут отмечены для меня погружением в то, что некогда называли «андеграундом». В пятницу, когда сюда приедет двадцать один человек, у меня будет вся аппаратура 35 мм без каких-либо преимуществ — и без денег!

29-е, вторник. август 1989

Прошлым вечером, в семь часов, когда садилось солнце, приехали Эйден и Маркус с оборудованием для освещения и съемки. Два часа мы фотографировали в саду, который украсили цветами и оставили зеркалами. Это была трудная работа, вынудившая меня раздеться до пояса, и когда погода изменилась, стало очень холодно.

Сегодня я едва поднимаю нож, чтобы намазать хлеб маслом. На завтрак выпил литр горячего слабого чая и жалел себя. Почтальон с письмом о выставке Уорхола — лучшее название для лекции: «В будущем все будут говорить об Энди пятнадцать минут».

Не знаю, какое влияние Энди оказал на мое поколение. Более влиятельными были фильмы Энгера. Фильм Энтони Балча о Берроузе предшествовал Фабрике. Уорхол явился открытием конца шестидесятых.

Я избегал Фабрики, хотя приветствовал некоторые их идеи. Для молодого художника-гея в Нью-Йорке это было непросто. Мне казалось, Уорхол оказал на мои работы большее влияние, чем это было на самом деле. Мой фильм, где Эндрю целовал своих друзей, являлся пародией. Энгер, Берроуз, Гинсберг и Раушенберг — вот влияния, а Энди — придворный шут.

Впервые я увидел работу Уорхола (маленький шелковый экран с изображением доллара) в 1964 году, в студии Ричарда Смита на Олд-стрит. Марк Ланкастер, руководивший группой поддержки заморских художников вместе с Дэвидом, пригласил меня посмотреть. Новое искусство вдохновляло, но у него была ярко выраженная *joie de vivre*, не сочетавшаяся с моим угрюмым настроем.

В свой первый визит на Фабрику я хотел увидеть Николаса Рея, показывавшего свои 16-миллиметровые фильмы. Я встретил Ричарда Бернштейна, который создавал обложки «Интервью». Позже мой друг Марк Бейлет стал художественным редактором журнала.

Но к тому времени все уже кончилось — единственным моим вкладом было интервью с Эндрю Логаном. Вы не найдете там моих фотографий, я никогда не стоял в очереди за автографом и не разговаривал с ним; весь парад прошел без меня. Я был слишком тщеславен и неуверен в себе, чтобы позволить мастеру себя сфотографировать.

Мое одиночество скрашивает чайка, сидящая на телеграфном столбе лицом к ветру. Прогулялся вдоль Несса

и вернулся с побегами стальника, посконника, полыни, глауциума желтого и ворсянки.

В два часа прибыл стекольщик и поменял окна.

30-е, среда, август 1989

Замерз, полежав голым на гальке во время фотосессии. Бессонная ночь, озноб и жар сменяли друг друга. Проснулся, чувствуя себя крайне неважно.

Пасмурный, облачный, бесцветный день. Читал биографию Лорки.

31-е, четверг, август 1989

До сих пор чувствую себя больным. Выстирал постельное белье, футболки и развесил по саду. Все утро мечтал бежать. Но куда?

В понедельник собираюсь в Лондон поработать над планом фильма.

Звонил Джеймс — возможно, для «Сада» появятся деньги. По-моему, слишком поздно, лето ушло.

Как бы я ни старался, мне крайне сложно устанавливать контакт с другими, не говоря уже о самом себе. Было ли когда-нибудь иначе? Был ли у меня дар, или же я перенес в фильмы свои попытки это доказать?

До сих пор не могу разобраться. В момент, когда двигатели смолкли, я, успокоившись, начал грести ради спасения жизни — всегда ли было именно так? Меня захлестывает тревога. Правда ли, что другие более счастливы? Что им лучше живется? Я редко себя жалею, но, когда это ощущение приходит, оно поглощает меня целиком.

Полынь *Artemisia vulgaris* некогда использовалась для замены чая и приготовления пряных напитков. Положенные между тканью сушеные ветви отгоняли моль. Пояс из *Cingulum Sancti Johannis* носил в пустыне Иоанн Креститель; также она охраняла путешественников от усталости и солнечного удара, от фей, эльфов и диких животных. Амулет из нее следовало носить на ночь Ивана Купалы для защиты от сглаза.

Это высокое серебристое растение становится темно-зеленым и обитает по обочинам дороги, несмотря на засуху. **Калпепер говорит:** *«Легкая настойка полыни великолепно излечивает от расстройств желудка, предотвращает тошноту после трапезы, разжигает аппетит, однако, если сделать ее слишком крепкой, портит вкус».*

Сегодня вечером, не дожидаясь ночи Ивана Купалы, я собираюсь надеть корону из полыни. И положить в ботинок лист, который поможет мне пройти сорок миль до полудня, не ощутив усталости.

На картине, которую я написал в пятидесятых годах на старом деревянном мольберте, обитая в то время на чердаке моей подруги Гюты в Нортвуде, листья полыни показаны темно-зелеными. Кружащий голову запах льняного масла, скипидара и камфоры, луч яркого света из слухового окна падает на мой стол. Огромные кусты белого и желтого ириса окружают пустынный заросший теннисный корт под окном. В переднике и деревянных наколенниках шахтера, которые она надевает во время прополки, Гюта заваривает чай.

Мы пьем его в библиотеке под желтоватыми, выцветшими на солнце фотографиями мраморных бюстов Гомера и Сократа, Вергилия и Адриана, висящими на стене над книжными шкапами.

Стул из сада Гюты покрыт смолой и стоит за Хижиной Перспективы.

Передо мной бушует желто-зеленое море.

Гюта отрезает куски вкуснейшего пирога «Отелло» — слои клубники и крема с тонким тестом. В рождественский обед она, выпрямив спину, сидит во главе стола, одетая в черное шелковое платье, с ожерельем из необработанных бриллиантов. Гюта — потомок фаворитки датского короля. Изысканная мебель, сделанная для нее в Париже, побелевшая от времени слоновая кость. Китайские вазы с цветами из постепенно дичающего сада. Несмотря на все наши усилия, в него вползает сныть. Мы сидим вокруг елки,

освещенной свечами; над головой — еще больше свечей, и каждая носит чье-то имя; первое сгоревшее имя получает подарок.

Старая кухня совсем не похожа на электрическую современную кухню моей матери. Гигантская газовая плита с темными металлическими углами нагревает чайник. Я помогаю в саду, отрабатывая студию и собираясь получить немного денег на краски.

Гюта — мой единомышленник-садовод. У входной двери она сажала бледно-голубой клематис, но в то долгое лето ее энтузиазм угасал по мере развития рака. Я стриг под ее окном газон и пропалывал клумбы. Она не знала, что сныть перебирается через тропинку к передней двери.

За несколько дней до смерти Гюты моя сестра пришла показать свое свадебное платье.

Затем Гюта умерла. И с ней мой чердак. Она оставила мне прекрасный письменный стол из эбенового дерева с крылатыми латунными грифонами. Но он слишком тяжелый, и мои родители не сумели перенести его через садовую стену. Стол продали беспринципному антиквару. Я попытался его вернуть, но безрезультатно — выставив стол в витрине на Бонд-стрит, продавец правильно его оценил и прикрепил ярлык: «Французская директория».

Сад разрушен, бульдозеры снесли липы, росшие вдоль подъездной дорожки, чтобы сделать тупик из десятка домиков. От старого дома не осталось ни единого кирпича. Гюту, которая фехтовала за Великобританию до начала войны, а во время блицкрига помогала добровольческим медотрядам добираться до больницы Маунт-Вернон и разыгрывала фехтовальные турниры с вязальными спицами, здесь больше не помнят. Загоревшая на солнце, она была самым элегантным садовником, тонким и гибким. Гюта, прямая в свете свечей, поющая датские рождественские песни, украшенная огненными бриллиантами, доставшимися ей от прапрапрапрабабушки, фаворитки датского короля.

Встал в семь, ожидая пугающего вторжения. Постепенно начали подъезжать яркие старые машины, и в десять собралась вся группа из двадцати одного человека, наполнив Хижину Перспективы зеркалами, гримом и костюмами.

Раньше всех на такси приехал Кристофер, и мы побродили по саду, ожидая других. Следующим появился грузовик с освещением, а затем ослик.

В числе последних приехали Джонни и Иоланда с малышом Оскаром. К тому времени Джон Эган завивал волосы Тильде. Для этого потребовалось почти два часа; появились облака, становясь все больше, и закрыли солнце.

Наряженный бродягой, Роберт установил свою палатку для кукольного представления перед экспериментальной радарной станцией недалеко от маяка. Ричард Хеслоп отвез нас туда, мчась по встречной полосе в своей ярко-красной машине с гремящей музыкой. Ник отправился к моему соседу и за сто фунтов снял у него сарай, который мы использовали как стойло. Джо на кухне занялась сырой самсой, доставая «КитКат» и «Эвиан», чтобы было чем закусить и промочить горло.

Джеймс приехал последним! Осел, запертый в ящике, громко и печально вопил. Гектор, Стив и Лайам надели костюмы террористов-фотографов — солнце исчезло надолго, а мы были готовы снимать? Мы тратим время для съемок на прически. Кристофер погрузился в чтение книги о мученичестве Томаса Бекета.

В час с прическами было покончено.

Оскара нарядили в золотистые вышитые штаны.

Ветряные мельницы, крокодилы, сосиски.

Панч был готов выступать — хи-хи-хи, шлеп! ха-ха-ха — мы начали.

Выглянуло солнце, но ненадолго.

Мистер Панч злобно шутил. Полицейского и крокодилов прогнали. Корону опрокинули, сари запуталось, Оскар плакал. Но неразрушимый Панч продолжал — шлеп, бум, бум! Возможно, он гений этого фильма — ха-ха.

— Так нормально, Дерек?

— Да!

— А это правильно, Дел?

— Да!

Сегодня я чувствую себя стариком — на этих съемках все очень молоды. Мои волосы седые.

Я не снимаю, не смотрю ни в какую в камеру. Слишком дрожит рука.

Готов скорый обед.

Затем: лучшие ракурсы Мадонны, три волхва превращаются в фотографов-террористов.

Вот так, Мария, улыбнись нам! — Сюда, Мария, сюда. — Отлично.

Ричард говорит снимать против яркого света. Тильда в зеленом сари сияет, удерживая падающую корону Ван Эйка. Иоланда в солнечных очках. Я беру их и надеваю на Тильду; все смеются. Оскар плачет. Фотографы толкаются: «Вот так, Мария», «Хорошая девочка». Джеймс идет по дороге с осликом.

Хаос съемок на Super 8 — отлично поставленный танец, все маневрируют, бегают туда-сюда. Я веду ослика по съемочной площадке. Это фарс? Бунюэль бы посмеялся. Мадонна дуется и выглядит недовольной, ребенок плачет, ее начинают преследовать фотографы. Вдалеке, почти у горизонта, на гальке начинается борьба.

Приезжает полицейский на мотоцикле и удивляется: никто не делится с ним сплетнями.

В пять мы объявляем окончание съемок. Снято? Кто знает.

Теперь, по завершении серьезной части, Тельма и Джон делают грим, я надеваю терновый венец и ложусь в капусту, где Ричард выливает на меня ведро холодной воды.

2-е,

суббота.

сентябрь

1989

Путешествие по коричнево-желтым болотам: горит последнее пшеничное поле, кроваво-красные кусты боярышника усыпаны ягодами, повсюду чернота выжженных полей, на темно-серых небесах тяжелые неподвижные облака.

В канавах темно-зеленые камыши. Эплддор — оазис среди полей, чья церковь окружена деревьями.

В лавке старьевщика покупаю пастуший посох и договариваюсь с кузнецом о флюгере для Хижины.

В семь прибывает разведка для съемки 12-го числа. Несколько недель назад под мою дверь просунули записку со словами: «Ищем место для съемок», а теперь ко мне приехал Габриэль, который ставил свет и снимал «Караваджо», и Люси, работавшая художником в «Военном реквиеме». Они бродят вокруг в поисках подходящей природы. Тем временем появляется Аласдер на мотоцикле.

Позже мы отлично поужинали в Windshift и отпраздновали день рождения Дерека Болла, а потом прошлись вдоль берега под гроздящимися тучами.

3-е, воскресенье. сентябрь 1989

Встал рано, день солнечный и ясный. Покрыв позолотой старые армейские каски, приделал к посоху новую ручку, починил рукоятку своего садового ножа и достал с чердака последнюю накидку, оставшуюся после «Себастьяна».

Поднял Питера, и мы прошлись к берегу, где продолжался отлив: пустынные пространства, один только Лен чинил свои сети; море — линия серебра; на горизонте — высокий корабль с полосатыми парусами.

Питер такой стеснительный, что я едва осмеливаюсь просить его просто походить по болотистым низинам или указать на горизонт. Он страшно боится камеры.

Его стеснительность — настоящий подарок. Он выглядит так, словно к нему подошел незнакомец и сказал — оставь все, и это именно то, что я просил его сделать по телефону. К моему удивлению, он перезвонил и после некоторых колебаний приехал сюда.

Поснимав в песках, мы прошлись до Лонг Питс, где я набросил на его плечи накидку, вручил нож и посох и попросил срезать красные ягоды с куста шиповника. Он спрятался от камеры под капюшоном. Я снял это,

а позже — как он спит на солнце. Чувствовал за своим плечом улыбку Пьера Паоло. Тайная операторская работа.

*Что я люблю больше,
Розмарин или нежный геллофит?
Ромашку, огуречник или шалфей?
Нет! Конечно же,
Не это радует меня.
«Я выбираю цветок, свежайший ликом».
Каково же его имя?
Наверное, роза? Она смягчает сердце.
Так же, как и он,
Свободный в душе,
Который так мне нравится.*

Это любовная киноистория, которой я коснулся в «Разговорах с ангелами». Я вижу ее в фильмах Пазолини — нечто уязвимое, древняя улыбка. Я вижу ее в наших фильмах. Больше нигде. И только это я хочу снимать.

В полдень солнце зашло, и мы вернулись домой. Вторую половину дня парни запускали змея над рыбацкими лодками. В пять они выпили чаю и уехали в Лондон.

Рано захотел спать. Закончились три изматывающих дня. Но есть ощущение, что дела движутся.

Спал хорошо, проснулся с ясной головой, никакого ночного пота.

4-е, понедельник. сентябрь 1989

Тишина почти невыносима. Солнце встало в яростном алом свете с ореолом из черных облаков, которые позже исчезли в синем небе. Продолжил безнадежную работу по поливу и высадке отростков. Мысли путаются, но ясно одно: фильм должен показать странную иллюзию избитого повествовательного кино.

В Рай, где в три часа невозможно пообедать, все закрыто. Мы терпеть не можем Рай вместе с замком Айперс — бездушные продавцы, брусчатка, от которой болят ноги. Карри, замеченное в кафе-мороженом рядом с цитаделью Лесбоса, напомнило школьные завтраки и стоило пятнадцать фунтов на троих. Сырая пища из микроволновки.

В Хордл-хаус, моей начальной школе, нас кормили «ногтями мисс Монгер» — зажав нос, мы быстро проглатывали твердые яблочные ядра, плавающие в кислой прозрачной кашнице, заедая сардинами, вмерзшими в «томатный» соус, или холодной субботней селедкой. Помню ужасную казарменную еду пятидесятых, предка этого карри. После школы питание в лагере ВВС казалось лакомством. Там у нас был выбор!

Еда так и не завоевала места в моей жизни: я до сих пор быстро проглатываю ее, словно наказание. *Laus domine.*

Вот я ставлю на стол зеленый кашеобразный горох из большой алюминиевой кастрюли, который однажды уронил его прямо на колени нашему заведующему. Соскребаю твердые остатки яиц с тарелки в половине седьмого декабрьским утром, умываюсь холодной водой в туалете, который мы прозвали Ниневией. Тамошняя дедовщина ужаснула бы современных инспекторов. Вытирание пыли, чистка, глажка. Смогу ли я все это забыть? До сих пор я вполне опрятен, несмотря на вид огородного пугала.

Вся эта система породила во мне глубокое неприятие самого себя. Я был бы рад миру без молодых бизнесменов, сидящих со своими бумагами в эшфордском поезде, без клонированных парней в винных барах делового центра. Испорченные младенческие лица, отвратительные костюмы, галстуки и воротники, отдающие людям команды. Не выношу английскую систему, которая ставит в строй всех, кроме тех, кому это не нужно, поскольку они давным давно приняли ее сами. Не выношу ценности подавления, фальшивые дома, браки, семьи, английскую церковь, спорт, всю эту гнилую

атрибутику; в глубине бурлит гнев, ожидая взрыва... разрушения. Сколько еще людей чувствуют то же самое?

6-е, среда, сентябрь 1989

Сквозь прерывистые сны доносятся звуки туманного горна.

Осенний восход: слепящий свет, пойманный туманом; весь сад пропитался искрящейся кристальной росой. Холодно, ни единого дуновения ветра. Стайка ярких зябликов в кустах ежевики.

Сделал себе завтрак с ежевичным вареньем, приготовленным прошлым вечером. Два часа я в одиночестве провел у Лонг Питс — правда, вместе с вороном, который один раз так низко пролетел над моим плечом, что я упал в колючий кустарник. Долгие болезненные минуты высвобождения, пока он скакал по верхушкам веток и хохотал.

Собрал несколько фунтов ежевики — ягоды очень твердые из-за редких дождей.

В двенадцать приехал Дэвид Льюис, и мы отправились в шестичасовую поездку в Оксфорд вдоль южного побережья до Винчестера, а затем повернули на север. День был прекрасный. Остановились в Пилтдауне, в пабе со зловещим черно-белым черепом на вывеске. Там мы отлично пообедали и направились в Уэссекс.

Оказавшись в Винчестере, заплатили полтора фунта и прошли в пустынный собор. Огромные романские нефы заораживают. Нашли гробницу кардинала Бофорта, сына Джона Гонта и рыжей Екатерины, свояченицы Чосера — героини исторического романа Ани Сетон, который потряс меня в детстве. Дородный пожилой кардинал лежал в своем облачении.

У сестры. Все, кто остался от нашей семьи, собрались по случаю приезда тети Мойры, младшей сестры моей матери, которая живет в Южной Африке. Вечер получился на удивление веселым, мы были рады видеть друг друга, и моя сестра выглядела очень элегантно. Если бы мама была здесь, ей пришлось бы взять назад свои слова, что никто из нас не унаследовал ее красоту.

Мойра подтвердила многие детали нашей семейной жизни, особо коснувшись Дорис, сестры нашей бабушки, которая в восемьдесят лет представила себя таблоидам как «первая женщина в космосе». Однажды, когда Мойре было пять, Дорис усадила ее в такси с огромным букетом красных резиновых роз, произнесла: «Букингемский дворец», а затем наклонилась вперед и тихо добавила: «К задней двери, не к передней». Королева Мария украсила дворец надушенными розами Дорис.

Кроме того, Мойра рассказала о розыгрыше Дорис в Дорчестере, когда в рождественский ужин она умудрилась занять лучший стол, хотя до этого ей отказали. Ее сын представился по телефону секретарем индийской махарани. «Ошибка» отеля была немедленно исправлена, и Дорис прибыла, обернутая в скатерть.

Отель не обратил на это внимания, официанты ничего не сказали, и она ушла, не заплатив. Члены королевской семьи не носят денег.

Она, однако, *заплатила* за ужин, появившись на обложке Express в той самой скатерти, и бедная Мойра, тогда еще ребенок, была послана в ресторан с чеком. Она сказала, что с ней обращались как с очень важной персоной, поскольку отель не мог до конца поверить в случившееся.

Огромную серебряную сумку, которую Дорис подарила мне в двенадцать лет — она использовала ее для шитья, — королева Мария носила при дворе в Дели, и да, они обменивались безделушками и пустячками.

Ничто из того, что вы можете вообразить о великой тете Дорис, не будет преувеличением. Бабушка велела нам ее избегать — у той была королевская привычка являться в гости без приглашения, все нарушать и задерживаться надолго. В ее телефонном списке не было ни одного члена нашей семьи, и адреса тщательно скрывались. Звоня ей в последний раз, Мойра притворилась француженкой. Когда кто-нибудь недальновидно позволял ей с ним связаться, она почти всегда была «на грани самоубийства». Дорис пережила все свое поколение.

Пегс видела ее уже старой. Она не красила волосы и выглядела как бабушка, очень хорошо. Она больше не была рыжей, синей или розовой.

После войны Дорис купила разбомбленное поместье неподалеку от Хэрродс и организовала в нем пансион; позже там находилось посольство Гватемалы. Она развлекала демобилизованных офицеров и постепенно восстанавливала комнаты. Мойра проработала в нем за стойкой одно лето, и именно там, полусидя в кровати, тетя Дорис с серьезным выражением лица протянула мне сумку королевы Марии. Дорис всегда была моей любимой тетей. И по тому, с какой радостью все рассказывали свои истории, она оставила след в каждом из нас.

Тетя Пегс сказала, что я был любимцем бабушки Мимозы. Она вливала в меня эдвардианские лекарства, микстуры, домашние настойки, бренди и горячее молоко; если у меня начинался насморк, она считала, что у меня проблемы с лимфатическими железами. Я спал в гостиной на военной раскладушке.

Мимоза тоже была искательницей приключений, рассказы-вала Пегс. После того как в 1914 году родился мой дядя, она собралась и отправилась в Индию к моему деду.

Позже она совершила самый первый перелет из Калькутты в Париж — первый член нашей семьи, севший в самолет. Гарри Литтен, мой дед, который, по рассказам Пегс, был невысокого роста, всю войну провел в Индии. Сестры, урожденные Рубен, осиротели; их, как объяснила Пегс, вырастили богатые опекуны, давшие им европейское образование. Хотя я слышал, что они были детьми Барнардо.

Весь вечер наши беседы касались истории. Мойра сказала, что мои воспоминания об Италии 1946 года поразительно точны. Гэй, моя сестра, считает, что я романтизирую прошлое, особенно кровь маори моей бабушки по линии Джарменов. Однако никто и никогда не верил, что я англичанин; даже в школе меня изводили, дразня «цветным» за смуглую кожу. Было бы здорово узнать, что это правда, а если нет — «жид» (обзывали и так), поскольку по женской линии в роду есть евреи. Откуда происходит Рубен? Маскировка среднего класса — где-нибудь спрятаться.

8-е, пятница. сентябрь 1989

Трехчасовая работа с кинолентой, съемки прошлой пятницы. Та же проблема с камерами Beaulieu: работа Криса на Собачьем острове нормальная, но здесь он не так уверен в себе — съемка террористов прозрачна, нефокусированные кадры Тильды вряд ли можно использовать.

9-е, суббота. сентябрь 1989

Приснился кошмар. Увидел себя за рулем черного автомобиля, мчащегося по шоссе под натриевыми лампами. Машина не слушается руля; помню, как снял ногу с акселератора, вильнув на встречную полосу. Ничего не случилось — оказалось, что у машины не было педалей. Не знаю, как я остановился, ударившись в подушки.

ХБ спал спокойно. Он проснулся, потому что я на него смотрел.

10-е, воскресенье. сентябрь 1989

В Сохо нас затолкала огромная толпа, стоявшая снаружи «Anything Goes». Бомжи хватают за рукава удачливую молодежь, бормочут оскорбления, на что следует удивительная реакция: те достают из карманов мелочь и раздают ее, подшучивая над бродягами-неудачниками.

Совершенно не понимаю все эти новые механизмы, не могу разобраться, как действуют новые билетные автоматы в подземке. Старые были проще. Толпа за спиной напирала, и я сдался в смущении, прождав у стойки почти три минуты.

— В эти телефоны надо бросать деньги или использовать карточку? — спросил я водителя такси.

— Понятия не имею, как с ними управляться, — ответил он.

Так что я не единственный. О, простая додесятичная жизнь, где расстояния измерялись футами и дюймами, а температура — Фаренгейтами. Мне никогда не приспособиться. Шесть футов — высокий человек, семьдесят градусов — жаркий летний день; вода всегда будет замерзать при тридцати

двух. Я измеряю свой сад шагами, сельскими футами, так же интуитивно, как и пишу.

Роберт Медли говорит, что невероятное мошенничество тэтчеровских лет удачно продается безграмотным как собственная традиция и история. Всё в этой «новой Англии» его отвращает.

«О чем эта картина? — спросил он и добавил: — Она должна быть анархической, это единственный способ иметь с ними дело. Пропаганда помощи бедным откровенно фальшива, все продано крупным компаниям. Они бы торговали водой из-под ног Христа».

Сегодня в газетах правит ретромания: мистер Брана, не имевший оригинальных театральных идей — «Оглянись во гневе», «Генрих V», — объявлен новым Оливье, а Эмма Томпсон — Вивьен Ли. Псевдотеатр с Королевской печатью; согласно статье, они просили совета принца Чарльза относительно фильма о Генрихе V.

Что касается Оливье, Роберт, основатель Группового театра, посвятивший ему драму «Пес под кожей», где музыку писал Бриттен, а художником был Генри Мур, сказал, что для его поколения Оливье — просто позер. Он никогда не умел произносить стихи: «Он был ужасен, Дерек».

11-е, понедельник. сентябрь 1989

Поход в «стильный» ресторанный зал M&S, затем на рынок на Бервик-стрит за фруктами и овощами; позже приехал Дэвид и отвез меня в Дангенесс.

Затишье всего на десять минут; скоро прибыло две съемочные группы: журнал Sony Video и рекламщики с Габриэлем Беристайном.

На вершине маяка, к удивлению сторожа, The Pretty Things, ныне уже весьма немолодые, мучили ударную установку. Захват Несса репортерами.

Вместе с автобусом Winnebago и двадцатью другими автомобилями прибыл мистер Ворон. Группа собралась делать рекламу Hi-Fi-оборудования в окрестностях Хижины Перспективы. Через час после нашествия я сдался и ушел. Огромные тенты и осветительные приборы стояли по всему саду, на гальке проложили деревянную дорожку.

Поехал на болота вдоль туманных дорог — красный шиповник, окаймленный золотистой травой иссушенных лугов, оливково-серые ивы, исчезающие в опаловой дымке.

Когда мы вернулись, сад напоминал археологические раскопки — по крайней мере, в следующем году маки будут цвести в разрытой почве. Глубокая канава, выкопанная за домом и выстланная досками, стала дорожкой для злополучной модели в бархатной мини-юбке, приехавшей на «Фольксвагене».

Весь день Габриэль боролся с уходящим светом, но в восемь сдался. Местные дети, ведомые Кесом, необузданным одиннадцатилеткой, кружили вокруг трейлера с продуктами. Приехав на песчаном «Багги», он остановился среди нас и начал болтать о своей пустельге. Дети были в восторге от странного сборища машин, особенно от «Порше», по которому бесстрашно скакал мистер Ворон.

Группа недоверчиво отнеслась к тому, что я позволил им приехать; в моей студии разместилось звукомонтажное оборудование, двери были сняты с петель, оконные рамы перекрашены, там и сям вбиты гвозди.

Вечером я тоже ощутил скептицизм. Возможно, это хорошо, если в доме режиссера такое нашествие — подобно тому, как архитекторы должны жить и работать в построенных ими зданиях, так и режиссеры должны распахивать свои двери для съемок.

Я никогда не делал ничего подобного — бюджет этой рекламы больше, чем моего следующего фильма. С точки зрения местных детей, съемочная группа — это сборище миллионеров и совсем не похожа на моих приятелей-энтузиастов

с Super 8, находящихся внизу социальной лестницы. Здесь были крутые машины и иные подтверждения богатства и достатка.

Утомительный день. Ценные для меня вещи — к примеру, ограничители дверей — я обнаружил далеко на гальке; все в доме оказалось выставлено за десять ярдов от него. Окна открыты, занавески раздвинуты, лампы заклеены, одежда убрана. Но все работали с бесконечным обаянием, и, когда съемки закончились, ничего не было повреждено.

Я спросил Эдварда, мальчика из соседнего дома, заявившего, что девушка-модель — «яппи», считает ли он «яппи» меня? Он ответил: «Снаружи — нет, но внутри наверняка». Его сестра добавила: «Мы простые, а люди вроде вас, которые так хорошо говорят, имеют все». Это было честно. Мне легко с ними ладить, хотя они очень стеснительные.

За этот день Ассоциация арендаторов Дангенесса получила вознаграждение — двести фунтов. Сильвия, казначей, сказала, что это целое состояние.

13-е,

среда.

сентябрь

1989

Свидетели Иеговы пробираются по садовой дорожке; сладкие голоса, травмированные умы, деформированные тела. У них в руках «Сторожевая башня» и «Пробудитесь!» В «Пробудитесь!» от 8 сентября 1989 года: «Гомосексуалисты, желающие служить Богу, должны делать это на Его условиях. Следует усмирить свои тела в прелюбодеяниях, нечистоте и сексуальности». (*Послание к Колоссянам*, 35)

«Сторожевая башня» заканчивается заголовком: «Отвратительные сексуальные нравы». *Раскрытие полного неистовства сексуальной революции не дало каких-то измеримых преимуществ стране в целом, если только мы не будем смотреть на это с точки зрения экономики. Но подчеркивая секс как отдых и зрелищное развлечение, революция создала множество проблем, угрожающих нам социальным хаосом. В том числе венерическими заболеваниями. Это не новая напасть, однако сейчас она становится настоящей чумой, создавая новые штаммы экзотических бактерий и вирусоподобных*

агентов. Генитальный герпес, неизлечимый у взрослых, вызывает у младенцев смерть от менингоэнцефалита. Через зараженную донорскую кровь в наше общество и в кровь невинных жертв проникает СПИД... нам обещали радость, свободу и здоровье, а дали страдание, разрушение и смерть.

Дрожа в ночном ознобе, «виновная жертва» бедствия, хочу засвидетельствовать, насколько я счастлив сейчас и буду счастлив до дня своей смерти, что я — часть ненавистной сексуальной революции и не жалею ни об одном шаге или встрече, которая у меня была, а если однажды напишу о чем-то с сожалением, то только лишь из-за временного недомогания.

К обеду приехали Тильда, Роджер Кук, Спринг и Дэвид.

Мы отправились на разведку за территорию АЭС и решили так: в «Саду» должны быть террористы-газетчики; временами фильм становится художественным; обнаженные ангелы должны освещать некоторые сцены факелами; Драко и Спринг будут дьяволом и его учеником; через неделю мы будем снимать Христа, идущего по широкой пустынной дороге к закату под линиями электропередачи, гудящей и потрескивающей от электричества; Христа преследует бегун — Грэм, — который ругается из-за того, как обстоят дела.

Другие эпизоды: мы поставим в песок кровать и осветим ее факелами во время прилива. В студии снимем эпизод с письмом. Мы должны снять детство Христа у железнодорожного вагона и Марию Магдалину у Слушающей стены.

В Кэмбере мы встретились с Габриэлем Беристайном, снимающим свою рекламу, а затем отправились в Little Chef, где по таксофону со мной связался Джеймс: истерика из-за Британского института кинематографии. Постарался его успокоить.

Фильм вновь висит в воздухе; киноинститут соблюдает политику «подождем — увидим», в то же время предлагая использовать те пятьдесят тысяч фунтов, которые они собирались вложить в меня, на две короткометражки новых

режиссеров. На самом деле это ложная экономия — я получал меньше, чем кто-либо еще, но мое имя помогает держать наш флаг за границей. У них есть реальная возможность окупить фильм.

Изначально институт намеревался поддерживать экспериментальное кино. Я — единственный режиссер моего поколения в полнометражном формате, который до сих пор входит в эту категорию.

Сказал Джеймсу, что заплачу тринадцать тысяч фунтов из отцовских денег за два дня съемки, чтобы мы могли продолжать; возможно, если у нас будет больше материала, нам удастся их убедить.

Сильные стороны Джеймса одновременно его слабость. В БИК никогда его не любили, он не вписывался в киношное сообщество. Компания, принимающая решения, — выпускники университетов или равные им по положению. Они общаются, даже если друг друга не любят, вместе ходят налево и едят в одних и тех же ресторанах.

У меня та же трудность — я так и не смог стать «настоящим режиссером». На этот раз дело не в социальном классе, а в сексуальности и образе жизни, не вписывающемся в их собственный. То, что возможно для фотографа, художника и писателя, практически невозможно для режиссера. «Послание к Колоссянам» оставило свою метку: следует умертвить свои члены, чтобы сиять в студии.

В моем случае жизнь подмяла под себя карьеру, а затем выкинула и другие фортели. Судя по всему, «гей-фильмы» делаются режиссерами-натуралами; «Ортон» и «Прачечная» Стивена Фрирза — хорошие шаги, но никто и никогда не задумывался — даже «гей-пресса» — о том, что эти фильмы, возможно, никогда бы не получили финансирования, предложи их режиссер-гей.

Дело не в том, что я мог бы сделать лучше. Трудно и даже невозможно полагать, что героем фильма об Ортоне был Халливел, гораздо более привлекательный персонаж, чем Джо. Он писал пьесы и вынужден был находиться в тени из-за эгалитарных приоритетов шестидесятых и младожавого симпатичного Джо, которому помогала Маргарет Рэмси.

Ненадолго выглянуло солнце, после чего вновь исчезло за облаками. Началась серая морось. Мы со Спрингом поснимали вдоль дорог и каналов у болота.

Звонил Бен Гибсон, изложил точку зрения БИК: по его словам, Джеймс слетел с катушек. Я знаю! Я и сам всегда с ним ругался. Он продюсировал минимум материала. Это была моя ошибка. Я не хочу, чтобы меня финансировали только за сценарий.

Если бы Говарда Брукнера можно было вызвать из могилы: «Прощание с Англией» — величайший фильм со времен изобретения звукового кино. Он раскрывает совершенно новый способ видения. Матисс говорил, что судить художника следует по количеству новых знаков, которые он изобрел. По мнению Говарда, «Прощание с Англией» делает это с точительной гениальностью.

Когда буря закончилась, приехал Драко. В безупречном сером костюме и золотом пенсне, он — идеальный дьявол, играющий свою жизнь как серию представлений, без остановки рассказывая о Дали и Гала, о новолунии, о Живом театре, Джерарде Маланья, тюрьме и танцах в Бейруте.

Когда он уезжает, поднимается ревущий ветер. Но костры горят.

Я попросил Драко сыграть Дьявола; его синяя тушь для ресниц напугала женщину, продававшую рыболовные снасти.

Еще одна неудобная бессонная ночь. Я не чувствую себя плохо, это просто слабость и перепады температуры. Когда я вышел в сад, голова закружилась, и я с минуту приходил в себя.

Позвонил Лорейн насчет завещания. На это меня подвигает проект по покупке Джерарду лодки в Амстердаме. ХБ говорит, что я искушаю судьбу.

Мрачные мысли не отступают; пью чай, занимаюсь стиркой.

16-е, суббота. сентябрь 1989

Бессонная ночь. Уснул на рассвете, когда солнце окрасило комнату в розоватый цвет. Над болотами стояла полная луна, белая в бледно-голубом небе.

Лихорадка вызывает глубокую, почти приятную вялость. Спринг вчера заметил, что я необычно спокоен; кажется странным волноваться.

Четыре года назад я бы долго не раздумывал, а просто пошел бы к доктору и взял рецепт. Сейчас, по-моему, лучше жить без антибиотиков; мне почти стыдно отправляться в клинику Коблера, тратя на это драгоценное время.

Я отказываюсь верить в собственную смерть или в статистику, которая окружает современный мир, словно шиповник — спящую принцессу. Я всю жизнь никуда не вписывался, так почему должен паниковать сейчас?

Когда доктор впервые сказала, что у меня положительный анализ на ВИЧ, она была расстроена больше, чем я. Поначалу это не доходило до сознания — потребовались недели. Я думал: это неправда — и лишь потом осознал всю чудовищность случившегося. Я вновь оказался в углу, теперь навсегда. Скоро это стало образом жизни. Когда светило солнце, становилось невыносимо. Я молчал, я решил быть стойком. Это шанс повзрослеть. Хотя вполне мог бы плакать. Я шел по солнечной Чаринг-Кросс-роуд, и все вокруг были в таком блаженном неведении. Пока все хорошо.

Представление о том, что осознание собственного умирания обостряет ощущение жизни, ошибочно. Все как раз наоборот. Жизни остается меньше. Я не могу отдавать чему бы то ни было сто процентов внимания — часть меня думает о собственном здоровье.

Драко сказал, что ребенком он видел, как из куколки появляется прекрасная синяя стрекоза; он долго смотрел, как она расправляет крылья, а потом, когда наконец стрекоза решила взлететь, с неба спикировала птица и схватила ее. Воспоминание об этом ужасает его до сих пор.

Ласточки летают над садом и ловят мух.

Поздно вечером возвращался домой через болота, земля укутана низкими облаками и туманной моросью. Из-за засухи листва боярышника опала, каштаны пожелтели. Тополя также теряют листья. Над полями низко летают ласточки.

Квартира кажется пустой без ХБ. Он улетел в Ньюкасл на выходные.

Обед в Amalfi был медленным, полусырым, и приносили его издерганные официантки, демонстрировавшие степень своей переработки, с неловким стуком убирая со стола. Несколько лет назад в этом ресторане мышь, за которой гналась местная кошка, взбежала вверх по моим брюкам.

Сегодня здесь разношерстая толпа, занесенная выходными: голландские туристы слева, пара лесбиянок справа.

Позже мы с Джерардом провели десять минут в Comptons, но музыка была настолько громкой, что мы сдались. Дошли до «Колизея», поскольку ему захотелось послушать оперу, чего раньше он никогда не делал. Домой с программками.

Провел почти час со стопкой писем: приватизация воды, глянецовый журнал из Национального банка Вестминстера, экземпляр *Elle* с какой-то бессмысленной болтовней, спешно переписанной с телефонного интервью. Открыл дверь группе студентов с севера, которые фотографировали друг друга под знаком дома Феникса. Мне пришлось быть вежливым и сфотографироваться вместе с ними. За квартирой следят, словно я поп-звезда.

Тошнотворные лица кутил субботней ночи, бродящие от одного кабака к другому. Очереди за *Sunday* вокруг газетных стоек.

17-е, воскресенье. сентябрь 1989

Этим утром улицы пусты, на них только бездомные и кучи мусора. Человек в дверном проеме спросил: «Какой сегодня день?» — «Воскресенье».

Сегодня я ничего не буду делать. Бесцельная ночная жизнь для дневных людей, не имеющих понятия, как себя вести после захода солнца, растворилась в пустом рассвете.

Быстрый поход в магазин на Кэмден-лок: купил деревянные модели истребителей для картины детской кровати, которая отправится на выставку в Глазго, затем — в цветочный за тюльпанами, нарциссами и гиацинтом для балкона.

В восемь — Хэмпстед-хит, где бродил до полуночи. Полная луна, свет такой яркий, что слепит глаза. Ни костров, ни цыган.

Волновался о фильме. Неодолимые препятствия — объекты съемки, финансы, погода, мое здоровье.

Вернулся в половине первого ночи. На автоответчике — голос ХБ.

18-е, понедельник. сентябрь 1989

Спал хорошо.

Купил «Дневник» Кита Вогана и завалился с ним в постель. Общие проблемы позволяют сознать, насколько мне повезло. Жаль, что мы не были знакомы, но когда вы молоды, то не понимаете, что ваша молодость — преимущество. Я считал, что только утомлю его, чувствовал бы себя смущенным и неумным. Он пишет, как собирался на мою выставку, но не смог прийти, и какой приятный вечер он мог бы провести со всеми нами.

Его последние годы очень мрачны: летающие, словно пули, осы, пожиравшие груши в саду, и он, дома взаперти, неспособный наслаждаться прекрасным осенним днем.

В отличие от Кита Вогана, я собой доволен. Я до сих пор сохраняю тщеславную иллюзию своей привлекательности. Практически не пью, если только в особых случаях. Иногда курю. Прошлым вечером я отправился в Хит без сигарет

и алкоголя, хотя взял с собой бутылку пива — привычка, приобретенная позже. Удачно бросил курить. Во мне еще силен инстинкт самосохранения, хотя есть нечто общее с его депрессией. Дневники Вогана набирают силу вплоть до самоубийства: «Я принял таблетки».

19-е,

вторник.

сентябрь

1989

Времени на депрессивные размышления нет, целый день — встречи. Сперва в Basilisk, договориться о съемках на следующей неделе. После этого долгая прогулка с Дерекком Брауном по Ковент-Гарден, где мы нашли рыбу фугу для маски ребенка и серебряную чашу библейских пропорций. Мороженое на аллее Нилс-ярд, затем назад, в Basilisk, заканчивать монтаж концерта Pet Shop Boys.

Главным событием дня был монтаж ХБ небольшого ролика для фильма, где он указывал на созвездия над морем Дангенесса.

Я пришел в норму, ночной пот прекратился, исчезнув, словно тень. Меня бил озноб, словно кто-то ходил по моей могиле. Когда недельная суэта завершится, в тишине Дангенесса эти тени вернуться. Ночной шум на Чаринг-Кросс-роуд невыносим; сегодняшней обед в Mildred's был мучением из-за болтовни, такой громкой, что, казалось, звуки вдавливали меня в стену.

Я настолько же одержим сексом, как и Кит Воган, хотя возможностей довольно мало. Мне нравится рассказывать о любовных похождениях и слушать о них; как байки рыбаков, они всегда лживы.

Некоторые уголки города связаны с воспоминаниями; впрочем, я никогда не был таким наглым, как А.: однажды, когда в четыре утра он делал кому-то минет на Фулхэм-роуд, прямо под уличным фонарем, рядом остановился полицейский: «Какого черта вы тут делаете?» Не глядя на него, А. ответил: «А ты как думаешь? Отвали». Молодой полицейский был настолько смущен, что и в самом деле ушел.

Бардак и огорчения. Оказался между двух огней — Pets и РМІ, продюсерской компанией. Я предупреждал, что этим кончится. Бедняга ХБ после долгих трудов и ночей работы над концертом серьезно обиделся на Криса Лоу, который ушел, заявив, что все это он ненавидит. Ему бы стоило перестать слушать одного себя, когда все вокруг из кожи вон лезут, работая над материалом, испорченным с самого начала. На нашей последней встрече перед съемками я предложил оставить эту затею, но все решили продолжать.

Никто не смог бы сделать лучше. Видеокамеры — последнее слово техники, но все равно не имеют качества киноплёнки.

Компания РМІ — снаружи золотая, но с сердцем из свинца. Когда я сказал Мартину (продюсеру), что делал это за деньги, он разозлился. Я не хотел оказаться в такой ситуации, но все просили меня это сделать.

Ведь не я же дал Крису пять нот, плохое оборудование, два часа с кричащими людьми, и ожидал при этом первого места в хит-параде.

Интересно, как бы режиссер из РМІ отреагировал на «Ты больше никогда не будешь работать»?

Возможно, Крис имеет в виду, что это я не хочу работать. Думаю, он, словно малое дитя, ожидает, что его развлечет фокусник.

На Нил-стрит-ист сделал глубокий вдох и выложил тысячу фунтов за три отреза ткани — после вчерашнего мне надо было подарить себе что-нибудь экстравагантное. Адам, Ева и Христос получили одежду в виде великолепных прозрачных шелковых сари. Надеюсь, это принесет нам удачу.

Обед в Mildred's, затем еще один глубокий вдох — и в клинику Сент-Мэри.

Выпил кофе в Bar Italia и сел в утренний поезд до Эшфорда.

Поезда, как обычно, ходят таинственными путями. Сегодня с Чаринг-Кросс они до Эшфорда не отправляются: один из тех приторных, слащавых голосов, которые используют Британские железные дороги, объявил ряд станций, вызвав замешательство и смех. В поезде читал *Independent* — трагическая статья о бездомных мальчишках в Мехико, которые торгуют собой и нюхают клей, чтобы забыться, живут в ужасающей нищете, умирают от СПИДа без помощи и лечения. Ситуацию обостряет мертвящий католицизм.

Немногословный водитель такси от Эшфорда до Дангенесса вызвал во мне чувство неловкости: три попытки разговаривать его ни к чему не привели. За болотами садилось солнце, и я занял себя созерцанием видов. Камыши вдоль каналов погибают, все стало зеленее. Приехав домой, я заметил повсюду тысячи новых всходов. В солнечном свете летят быстрые бабочки-адмиралы.

Посадил отростки критмума, опийный и калифорнийский мак.

Пару дней назад здесь прошел сильный ливень, но земля все равно сухая. Дубник, катран и воловик еще цветут, однако большинство цветов исчезли перед близящейся осенью.

На съемки приехал Спад Джонс.

С погодой снова не везет — серый, пасмурный день.

Отправились собирать ежевику, набрали грибов и взяли четыре отростка шиповника. Я заметил корвяк, широко разросшийся в Лонг Питс; мои собственные растения сейчас уже очень большие, примерно фут в поперечнике. Их серебристые листья на гальке выглядят ошеломительно.

Подготовил студию для съемок. Снял двухминутный эпизод, в котором Спад держит березовые ветви на фоне черного бархата.

В пять приехал Дэвид и отвез Спада в Лондон.

Забыл проверить время лондонского семинара по Уорхолу, на котором меня ждали, — обнаружилось, что он будет днем, а не вечером. Оставил бесполезные извинения у воскресного секретаря.

Очень жаль, поскольку я собирался вылить ушат холодной воды на это подхалимство. Думал начать с цитаты Энди: «Сценарии и свет были плохими, но люди — отличными». Это была его первая ошибка. Большинство людей были отвратительными.

Местечковая природа Фабрики; Билл Берроуз и Кеннет Энгер находились в Лондоне и принимали наркотики, как и все остальные. Искусство Нью-Йорка нельзя назвать молодым — художникам было далеко за тридцать. Лондон на десять лет моложе; только снобы в английской художественной среде, поклоняющиеся нью-йоркскому искусству, протоптали дорожку к Фабрике и предлагали свои услуги.

Истина в том, что нам было нечего предложить: самым долговременным вкладом Фабрики стали не фильмы, а музыка Нико и Лу Рида: комплекс Джуди Гарланд у Энди — поклонение звездам и неуверенность в себе. Традиционность копирования знаменитостей методом шелкографии, а также развитие сложной рекламы в шестидесятых сделали Энди нужным человеком в нужном месте. Его работа великолепно воспроизводилась на цветных продуктах и книгах, что оказывались на тысячах стеклянных столов.

Именно графическое линейное качество, яркие цвета и безоблачное небо Лос-Анджелеса сделали Хокни знаменитым.

На пирсах Нью-Йорка я находил парней, из-за которых Фабрика была похожа на коктейльную вечеринку. Хотя ее успех меня восхищал, смотреть скучные фильмы было скучно. Они выглядели современными, но запечатлевали наименее интересный аспект шестидесятых — известная сложность с трэшем.

Я помню андерграунд шестидесятых, относящийся к Энди с презрением: «Ужасный оппортунист». Сегодняшние старики, они спотыкаются друг о друга, торопясь связать себя с ним, надеясь, что их коснется хотя бы немного тусклого блеска. Я делал это и сам, слишком много воображая о своих визитах.

25-е, понедельник. сентябрь 1989

На рассвете мерцает морской туман. Ветра нет. На гальке блестит роса. Одинокая сорока сидит среди мусора.

Когда встало солнце, прохлада ушла. Нико поет «Little Valentine». Позолотил шлемы ангелов.

26-е, вторник. сентябрь 1989

Обычный для Basilisk хаос. Незадолго до восьми мне позвонил Крис (оператор) и сказал, что за ним никто не приехал, чтобы привезти сюда.

Один из тех тошнотворных завтраков, которые перед съемками выворачивают желудок наизнанку, — влажные бутерброды с парой глотков чая. Генератор еще не прибыл. Ник говорит, механизм очень старый.

Отправились к железнодорожному вагону «Westward No», где живет Пэт в окружении мусора; говорит, что так и должно быть: два года назад вагон взорвала съемочная группа, и она все еще не получила никакой компенсации. Этот вагон я собирался купить, когда впервые сюда приехал. Он выглядит довольно эффектно.

Девять. Генератор еще не прибыл, но Энни и ребенок уже в костюмерной, расположившейся в моей спальне.

27-е, среда. сентябрь 1989

Два дня как в бреду. Нашествие на дом, хаос и крайняя усталость; я мечусь взад-вперед. Запутался, словно простыни, сбитые ураганом моих снов.

К восьми утра дом избавился от последнего съемочного оборудования. Я полубессознательно бродил мимо мусора, прежде чем открылось второе дыхание, и, вооружившись ведром горячей воды, содой и жидкостью для дезинфекции, я смог вычистить пол и отполировать мебель. К середине дня, когда приехал Дэвид, осталась только кухня.

Мы заполнили машину пятнадцатью раздувшимися мешками мусора и выбросили их на свалке в Лидде. Появившееся солнце освещало белые утесы. В опрятную Хижину Перспективы вернулась тишина. Десять минут я просидел, созерцая вид. Потом мы загрузили машину и остановились у белого дома на углу, чтобы отдать чек.

Открыв дверь автомобиля, я едва не наступил на большого ужа, извивавшегося у моих ног с распахнутой в агонии пастью. Наша машина его переехала. Плохое предзнаменование. Мы его не заметили, и теперь змей мудрости, принесший знание добра и зла, лучший друг человека, змей памяти, великая восьмерка, лежал с переломанной спиной и раскрытым в безмолвном плаче ртом.

Поговорили о критике Дункана Кэмпбелла, направленной на людей, связанных с фондом Терренса Хиггинса, на организацию «Позитивно здоровый» и альтернативное лечение. Когда я встречал его в прошлом году, Дункан мне понравился, хотя выглядел он так, словно живет в огромном напряжении. Мне он сказал: «Приятно встретить еще одного самого ненавидимого человека в Англии». Это было довольно неожиданно. Мне всегда представлялось — вероятно, ошибочно, — что в целом я нравлюсь. Такая война с неортодоксальностью странно сочетается с его прошлым.

В доме Феникса — три молчаливых телефонных звонка, затем возбужденный голос: М., игравший жертву в начале «Себастьяна» и которого я не видел с тех самых пор, приглашал меня завтра в замок Корф. «Вряд ли я смогу, — ответил я. — Мы уезжаем в Глазго». Он настаивал, цитировал из «Квартетов» Элиота, сказал, что у него очень мало времени для объяснений, спрашивал о видеокамерах; в какой-то

момент его голос сломался. Я спокойно проговорил с ним около часа, потом повесил трубку.

Сегодня и вчера. Во тьме и одиночестве меня бил озноб. Он настаивал, чтобы я пришел один. Под дружелюбным тоном я чувствовал отчаяние и безысходность. Возможно, мне следовало прямо спросить, чего он хочет. Сегодня та сцена фильма кажется мне очень жестокой. Надеюсь, это не травмировало его, как мальчика из фильма Лоуча «Кес».

29-е, пятница. сентябрь 1989

Опять грустные новости на автоответчике. ПП в длинном послании говорит, что Энди вернулся из США в состоянии полного упадка. Он достиг дна и должен принять решение — либо выбираться, либо продолжать падать. Прошлым вечером Энди проговорил с бедным ПП до четырех утра, угрожая самоубийством. ПП на пределе: тысячи фунтов и часы поддержки не привели никуда ни его, ни Энди.

ХБ больше не собирается позволять мне этим заниматься. Я знаю, он прав, но чувствую себя виноватым. В последний раз? Но последний раз уже был, причем не единожды. Пятнадцать лет ошибок.

ПП рассказывает, что однажды ночью на Энди напали и ударили ножом — после многих лет агрессивного поведения, — и его яд вытек с кровью, а сейчас нет ничего, что могло бы остановить поток.

30-е, суббота. сентябрь 1989

День прошел в ожидании Джерарда, который должен был отвезти нас на север. У него ужасная простуда, а в довершение всего вчера ночью его машину обокрали — окно разбито, исчезла стереосистема. Это ограбление и потеря лодки «Eau de Vie» очень его расстраивает.

Он приехал в четыре. Мы запихнули в автомобиль гору багажа, картины, видео, пленку, поставили на багажник два каштановых дерева «Чехов» и «Хрущев» и, наконец, отправились на север по А1.

Долгое ожидание скрашивал строитель, который ставил на дом Феникса уже третьи леса за год. Прекрасно сложенный рыжеволосый молодой человек в свободном синем комбинезоне, с короткой стрижкой и маленькой золотой серьгой в ухе. Весь день он насвистывал вместе с приятелем, ходя с важным видом и демонстрируя свое тело. У него хорошая фигура и открытое, приятное лицо. То и дело отвлекаясь, ХБ снимал его на видео из кухонного окна и бродил по коридору, вздыхая. В конце концов он настолько разволновался, что у него начался приступ кашля. Тем временем строители работали, не обращая на нас внимания. Я спросил, чем они занимаются, и молодой человек ответил, что собирается чистить вентиляционные шахты от асбеста — после многих лет пренебрежения, когда повсюду летала пыль, вентиляцию починили всего шесть месяцев назад. Рассказывая это, он заводил руки за шею и потягивался, наслаждаясь вниманием.

В десять вечера мы приехали в Ньюкасл. Каштаны выжили, но своими порванными в дороге листьями напоминали гигантские кусты марихуаны.

1-е, воскресенье. октябрь 1989

ХБ в ванной комнате душится одеколоном так, словно спрыскивает салат. Утренние газеты. Повсюду носятся кошки и котята. В двенадцать мы отправились в Киммерхейм, чтобы привезти деревья.

На подъезде к Бервику выглянуло солнце, осветив Святой остров. Чем дальше на север, тем красивее страна: широкие холмы с плавными склонами и леса Нортумберленда, не испорченные цивилизацией, лишний раз доказывают, как жестоко разорен юг. Несчастный разрушенный Кент с уродливыми пригородами, где каждое поле и изгородь под угрозой исчезновения.

В середине дня мы приехали в замок родителей Тильды и поставили у передней двери каштаны с подписью: «Октябрь 1984 года, Новодевичий монастырь». Политика — четыре фута три дюйма, поэзия — шесть футов шесть дюймов.

Пообедав, мы прогулялись в обнесенный стеной сад. В теплице висели гроздья вкуснейшего фиолетового винограда.

В 3:30 поехали вдоль торфяных болот в Эдинбург. Вокруг расстиралось залитое солнцем пространство, далекие фиолетовые холмы незаметно переходили в облака. Дорога была пустынна.

Эта поездка стала самой приятной из всех. Мы нигде не задерживались, машин на дороге почти не появлялось. Разрушающийся, загазованный юг со смогом остался позади. Вокруг Лондона охватывает отчаяние, ощущение, что отсюда не выбраться. После Ньюкасла исчезли Little Chef, придорожные кафе с пропитанными жиром интерьерами и отвратительным персоналом в испачканной яйцами одежде.

Я почувствовал, что нам удалось сбежать, только прибыв в Эдинбург. Время было важно, как и расстояние.

В галерее Ричарда Демарко, где мы остановились с десятью картинами для выставки, меня поймала археолог из Франции; почти полчаса она болтала на невнятном английском, пока я пытался договориться о выставке. Произнося слова «выдумщик» и «волшебник», она глядела на меня с такой страстью и силой в глазах, что они напомнили мне автоматные дула. Затем она пропала. В нагромождении ее слов я так себя и не увидел.

Центральный отель рядом со станцией Глазго напоминает московский «Пекин» — в нем больше пятисот номеров. Правда, здесь в конце выцветших коридоров не сидят бабушки. Затычка в ванной — резиновый теннисный мячик, оставляющий черные следы.

Комната в стиле Кентиш-таун моих студенческих дней: зеленые стены, фиолетовый свет. Из окна открывается вид на стеклянную крышу станции с яркими оранжевыми огнями.

Думаю, отель был убогим даже в девятнадцатом веке, в свои лучшие времена, однако мне он понравился. ХБ счел его мрачным.

Мужчины, розовые, как тихоокеанские креветки, едва укрытые маленькими банными полотенцами, идут мимо древних ковров с цветами в душевые: в большинстве номеров их нет.

Огромная лестница над крутым спуском настолько широкая, что по ней могла бы прошагать армия. Отель выходит прямо на реконструированную станцию. Наполненная музыкой, она больше похожа на каток.

2-е, понедельник. октябрь 1989

Весь день бесцельно бродили по Глазго в поисках приличной еды. Мое второе впечатление от города отличается от первого. Все здесь движется невероятно медленно. Сегодня за обедом ни одно блюдо не подали в привычном порядке — возможно, отражая наше состояние ума. Люди идут, задумавшись, и натываются на вас. Даже сигналы светофоров переключаются лениво и неохотно.

Глазго сохранил темп и образ жизни, который давным-давно исчез на юге. Был ли Лондон таким тридцать лет назад? В городе много современных торговых комплексов, но культуры маленьких ресторанов и пивных не появилось.

Ночь. Пустые улицы напоминают Сохо прошлого, когда лондонцы еще не стали туристами в собственном городе. В полночь мы сидели в Bennet's, наблюдая за слонявшимися парнями.

Вернувшись в номер, читал биографию Экерли, тоскливые описания сексуальных встреч, хотя его охранники показались более соблазнительными, чем посетители Bennet's. За чтением заснул.

3-е, вторник. октябрь 1989

Забрал первые матрасы с железнодорожного склада — в мастерскую театра Citizen. К обеду установили четыре кровати, обмазанные смолой и перьями. На одной из них лежит форма полицейского и футболка местных цветов.

Когда мы заливали их смолой, мимо нас по аллее проехал мусоровоз; молодой водитель замер, потрясенный увиденным. 216

Открытие выставки в Эдинбурге у Ричарда Демарко. Маленькие черные картины выглядели хорошо.

Уильям Уилсон, устроивший все это в своей галерее в Лите, пригласил нас на ужин домой в Роял-майл. Разговор коснулся шестидесятых; Уильям сказал, что мне нужно больше писать о десятилетии, ставшем жертвой собственных мифов. Молодые люди считают шестидесятые золотым веком. В Глазго есть клуб «Любовь», где все смахивает на Энди Уорхола и прочие старые штуки.

Ностальгирующие по тем временам были бы шокированы, оказавшись в переполненных дырах Сохо шестидесятых, где не продавался алкоголь — лишь слабое «Нескафе» в чашках «Дюралекс» — и где вас окружали глотающие таблетки трансвеститы на амфетаминах с пышными прическами и разукрашенными лицами.

Уильям спросил о К., которого я не видел много лет; на тусклых обоях в его спальне, над неубранной постелью с журналами о культуристах, разбросанных по скомканым простыням, шла грязная полоса от смазки КУ. Однажды, любуясь одним из его футбольных постеров, я наступил на полный тубик, который лопнул и испачкал стену.

Выходные шестидесятых. Когда приходит время, начинаются лихорадочные поиски вечеринки. Попав туда, вы пристраиваетесь в углу странной неуютной комнаты, наполненной молчаливыми людьми, напивающимися кислым вином; в кухне полно модных трансвеститов, которые осматривают вас с ног до головы, из-за чего вам становится неуютно. В туалет не зайти: в нем заперлись два парня, битый час пытающиеся достичь оргазма.

Обходя тела на лестнице — главное место разговоров, — вы заглядываете в спальню в поисках своего пальто, погребенного под пьяным или парнем, которого обступили несколько мужчин. На дорогих коврах валяются сигареты. «Хозяин» (как его описывал Уильям) — некий пожилой человек, говоривший: «Я способен выносить рабочий класс лишь

по одному и сзади», — умоляет какого-то приятеля бандитского вида закончить все это дело, поскольку его аккуратно расставленные вещи теперь разбросаны и растоптаны.

Однажды в субботу, когда никаких вечеринок не было, возвращаясь с Кингс-роуд на 19-м автобусе, я вышел у здания «Сентрпойнт» и мне подмигнул крепкий парень, но, когда я подмигнул ему в ответ, он развернулся и заорал:

— Какого черта ты пялишься?

Страшно смущенный, я перешел через дорогу, но прежде, чем сделал несколько шагов, услышал свист и, помедлив, вернулся.

— Ты типа голубой? — спросил он.

— Да, — ответил я.

— А можно с тобой поговорить? — спросил он. Мы дважды обошли квартал, пройдя мимо магазина, где продавались журналы с гетеросексуальным порно.

— У тебя есть какие-нибудь журналы? — спросил он.

— Есть, — ответил я, подумав о спальне К., у которого тогда жил. Пригласив его зайти, я отдал ему несколько порножурналов и, не дожидаясь реакции, ушел на кухню готовить чай, который мы так и не выпили, поскольку, вернувшись, я увидел его со спущенными брюками и вставшим членом; впрочем, он заявил, что ничего подобного до сих пор не делал. Позже он сказал, что это было здорово, застегнулся и добавил: его приятель, водопроводчик из Лейтонстоуна, такого бы не одобрил. Я попытался завязать разговор, но он быстро ушел, обещав прислать мне свои стихи. Больше я его не видел. Это был один из тех парней, о которых мечтают, которые приходят и уходят, не оставляя, к сожалению, своих имен и адресов.

Рон Хаттерсли самым плачевным образом выступил на собрании лейбористов, отвергнув пропорциональное представительство. Он сказал, что только лейбористы и тори обладают идеологией, что центристы — это нонсенс и, если пустить их во власть, демократии не поздоровится. Это утверждение следует идее миссис Т. с жесткостью, которую одобрил бы любой сталинист; упрямый маленький диктатор, боже, помоги нам, если после нее у нас будет он и его

хвастливый хозяин, бесконечно уверенный в своей крутизне. Киннок источает брутальную пивную гетеросексуальность — противно смотреть. Выбор у нас небольшой: либо сковородка, либо печь. Ради власти партия готова на любой компромисс. После своего самого удачного съезда лейбористы сместились намного правее по сравнению со старой партией тори Эдварда Хита. В британской политике больше нет достоинства или постоянства: мы в лапах этих ненормальных правых и левых. Меня совсем не утешает, что темой дискуссии может стать возраст согласия. После заявления Хаттерсли они потеряли мой голос. Почему он прямо не сказал, что лейбористов не интересует пропорциональное представительство, поскольку они хотят выиграть выборы? Существует ли политик, который скажет всё как есть?

«Сонеты» и «Пир» — культурный презерватив, защищающий нас от вируса желтой прессы. Кроме того, они меняют наш взгляд на старые фотографии из журнала *Physique* пятидесятых годов. Вот фотография двух парней, делающих друг другу минет, запечатлевает момент красоты. Или снимок двух обнимающих друг друга молодых людей — вспышка, прекрасная, трогательная наивность под проклятой душой Страшного суда Микеланджело.

Закончил книгу Экерли; Джон Вер Браун говорил, что он был занудной «королевой». Есть ли что-нибудь хуже, чем быть гомосексуалистом-неудачником среднего возраста из среднего класса? Могу ли я назвать неудачником себя? Молодые люди на улице все еще будоражат мою кровь, хотя, по мере приближения к пятидесяти годам, это выглядит несколько неуместно и назойливо. Собаки Тюлип у меня нет.

Прошлым вечером мной заговорили три парня; один из солидарности — у него тоже обнаружили ВИЧ. Мне очень понравился молодой человек, похожий на Бельмондо; он несколько раз смотрел на меня и иногда вступал в разговоры. У него были короткие черные волосы, модный черный костюм и прекрасная улыбка. Единственный человек из всех с обаятельным, взволнованным лицом. Его спутниками были мужчина средних лет и женщина в кожаной мини-юбке.

7-е,

суббота.

октябрь

1989

Лег очень поздно и на завтрак спустился усталый. Дошел до рынка; витрины магазинов сверкают огнями и яркими надписями. На юге ничего похожего нет. Видел почти идеальные места: кафе и прилавки.

Обсуждали работу в театре. Филип пригласил меня поставить здесь что-нибудь в 1991 году, предложил греческую трагедию. Смогу ли я написать пьесу? Возможно, по мотивам «Сонетов», «Фрагментов любовной речи» — хор, маленький оркестр, два-три актера.

Вечером мы пошли на выступление бельгийской танцевальной группы Keersmaeker. Элегантная черная одежда, скромный минималистский юмор, декорации, похожие на магазин одежды, фокусы, пренебрежение к тексту — не впечатлило. Когда мы уходили из театра, аудитория хлопала, музыканты возвращались, чтобы взять свои ноты, а девушка за моей спиной сказала: «Не поощряй их. Демонстрировать для смеха свои кальсоны в 1989 году — это какой-то Бенни Хилл».

Приехал ХБ, злоющий из-за монтажа Pet Shop Boys. По его словам, Джеймс не смог сделать карты для титров и в середине дня привез движущиеся титры. Кроме того, он зарегистрировал ХБ на более ранний рейс, «потому что там лучше кормят», хотя это означало, что они не успеют доделать монтаж. Постепенно он успокоился.

8-е,

воскресенье.

октябрь

1989

Черные как смоль тучи, висящие над темно-серыми храмами, размазаны по синим небесам. Лучи света на далеких мрачных холмах; по стеклу такси стекают капли дождя.

9-е,

понедельник.

октябрь

1989

Проснулся, чувствуя себя гадко; вновь проблемы с желудком, зубы на грани, все вкривь и вкось. Теряю равновесие. Падаю с края надежды. Нечего сказать. Ничего нет. Бессмысленная гонка. «Сад» исчезает во тьме. Западный

пирс в Брайтоне как площадка для съемки? Павильон как дворец Ирода?

Представляю Дэнни Дэй Льюиса и Мэтта Диллона вместе с Тильдой в дикой постановке «Фрагментов любовной речи», приправленной «Сонетами». Вывести эту троицу на сцену, и пусть зрители слушают их пререкания в сопровождении небольшого струнного оркестра.

Тревожно.

Прошелся по западной стороне Глазго и, пока ждал открытия магазина подержанных телевизоров, купил большой чайник. Затем покрыл смолой и перьями телевизор и скелет, держащий «Левит 20.13».

Далекie леса и голые холмы за длинными прямыми классическими улицами выглядят лучше всего, когда свет начинает угасать. Каждый день великолепные небеса: быстрые низкие облака, набегающие с моря, посеребренные садящимся солнцем, глубокие озера синего и фиолетового. Дальше по улице — группа терракотовых зданий, щедро декорированных орнаментами из справочника. Своей закопченной патиной они притягивают сумеречные тени — карнизы и купола Мамоны, маячащие в густой мгле. Интерьеры многих баров и магазинов не изменялись с тех самых пор, как их построили; это создает атмосферу живого города, тогда как в Лондоне она исчезла из-за жажды наживы.

10-е,

вторник.

октябрь

1989

Весь день готовился к выставке. Одна разгневанная женщина со сжатыми кулаками заявила, что приводила в «Глаз» своих детей. Я указал ей на письменное предупреждение у двери, но это было для нее слишком: два парня, делающие друг другу минет — порнография.

Другой молодой человек прошелся по залу, сказав: «Отлично, отлично. Вы, значит, голубой?»

Устал и надыхался скипидаром, которым мы с ХБ отскребали с пола смолу. Джерард сидел и смотрел. Домой вернулись в восемь.

По телевизору программа Саймона Уотни о СПИДе и искусстве Нью-Йорка. После нее я понимаю, как мы от них далеко.

Р. Розенблум, старый друг Карла, однажды приходивший в мою студию, с важным видом вещал о высокой культуре и плохом политическом искусстве. Крикнул ему «Гойя!», но телевизор меня не услышал.

11-е, среда, октябрь 1989

Выставка открылась в полдень, и в течение дня на ней побывало пятьсот человек. Открытых нападок не было, хотя одна женщина возмутилась «грязью» в центре зала и сказала, что чувствует себя «как лесбиянка». Некоторые родители уводили детей.

Наиболее интересной была реакция на ХБ и Джерарда, расположившихся на кровати, оплетенной колючей проволокой. Люди отворачивались, кто-то обходил их, повернувшись спиной. Некоторые, в основном женщины, вступали в разговор. Одна американка сказала: «Давайте, мальчики, сделайте что-нибудь».

12-е, четверг, октябрь 1989

ХБ и Джерард умудрились уснуть в своей клетке из колючей проволоки. На галерею опустилась тишина. Посетители ходили на цыпочках, хотя некоторые считали, что они притворяются.

Сегодня пришло пятьсот шестьдесят человек, в основном искренне заинтересованных; некоторых, особенно журналистов, ошеломило собрание статей против геев из желтой прессы: «Друзья, римляне, земляки, повернитесь ко мне задом» (*Sun* о сексуальности Шекспира).

Карикатура на принца Эдуарда, изображенного в виде задней части лошади из пантомимы, где герцог говорит: «А твоя роль, Эдуард, сзади».

Некоторые заголовки вызывают виноватую улыбку: «Мальчики на продажу в Королевской бакалее» или «Работник ВВС оседлал лесбиянку».

Сегодня было несколько неуверенных отзывов от молодых людей, иногда срывающихся в агрессию. Вечером на «Прощание с Англией» собрался полный зал. Студенты-первокурсники, многие смущены и стесняются. После моего выступления начались споры.

В девять вечера на выставке все еще был народ. Пришли несколько местных талантливых художников, с удовольствием бродивших по залу. Стивен Кэмпбелл хвалил мои картины, участвовавшие в конкурсе на премию Тернера, и считал их лучшими в Тейт.

13-е, пятница. октябрь 1989

Число посетителей достигло шестисот человек. В пять мы приехали в Эдинбург, где я дал интервью в галерее Демарко.

Писем нет, но есть телеграмма из Нью-Йорка.

В баре Bennet's разговорился с одним католиком. Жесткое религиозное воспитание, основанное на запретах. Я оборвал долгий запинаящийся монолог, посоветовав, чтобы он дал себя трахнуть следующему любовнику — вся боль и травма, которую он чувствовал, существовала только в его сознании. Он признал, что пришел сюда «в поисках члена», и добавил, что моя чakra опустилась ниже пояса еще много лет назад. Я согласился, что слишком часто позволял своему члену управлять головой. Когда мы уходили, он спросил: «Чем вы сейчас займетесь?» — «Пойду домой драть в одиночестве».

14-е, суббота. октябрь 1989

В 12:30, направляясь в Bennet's по холодным сырым улицам, я шел мимо толпы, выстроившейся вдоль всего Центрального вокзала. В этот момент кто-то воскликнул: «Это Дерек Джармен», и вся толпа завертела головами. Я не знал, куда деваться. Тильда сказала, что мне надо было крикнуть: «Где?»

«В шестнадцать лет я пробрался в кинотеатр, чтобы посмотреть „Себастьяна“. Это изменило мою жизнь, хотя я не понял

в фильме ни слова. Мои пальцы лежали на кнопке пульта, готовые сменить канал, если появятся родители. Я приглушил звук, чтобы никто ничего не слышал».

15-е, воскресенье. октябрь 1989

Разговор в галерее был непростым. Для кого-то инсталляция оказалась слишком очевидной, и он посетовал, что это плохое искусство. Другие стали ее защищать. Я объяснил смысл колючей проволоки: она окружала меня в буквальном смысле, когда я жил в лагерях ВВС; это и закрытый интернат, и запрещенная сексуальность, и вирус. Те, кому не понравилась выставка, очень меня огорчили. Почему они не могут видеть то, что находится за искусством?

16-е, понедельник. октябрь 1989

Снилось, что ***** трахал *****
в новом фильме Гринуэя, а критик из *Guardian* писал хвалебные статьи в *Sun*.

За обедом встретились с Нилом Бартлеттом, как всегда остроумным и блестящим; он вновь оделся в кожу после недели рыболовных сетей и жемчугов. Я сел рядом с ним в изнеможении после трех ночей недосыпа.

Он рассказал историю о Дагги Бинге, конференсье из мюзик-холла, ему было под девяносто, когда он недавно скончался; уже слепой, он купил в брайтонской кондитерской булочки вместо пироженых и подал их на стол с чаем группе молодых поклонников. Никто из них не сказал ни слова, пока старик не попробовал булочку сам.

Еще Нил сказал, что в 234-м номере Центрального отеля жила Джуди Гарланд. Надюсь, тогда это место было поинтереснее; сейчас служащие спят в течение всего дня и очень недовольны, если их потревожить какой-нибудь просьбой.

Последние две недели — самые насыщенные в этом году; я почти не спал, захваченный нескончаемыми разговорами. Даже если инсталляция — плохое искусство, она приводит

к хорошим результатам, провоцируя, но не обманывая аудиторию. Активнее всего меня защищали две американки; критиками были в основном мужчины.

Из-за такой насыщенной жизни я позабыл свой сад в Дангенессе. Я вполне могу жить в гостиничном номере с парой голубых рабочих комбинезонов, зубной пастой, бритвой и этим дневником.

День закончился откровенным признанием 21-летнего молодого человека: его любовнику поставили диагноз ВИЧ, и тот захлопнул перед ним дверь. Я посоветовал ее вышить.

Шесть часов ехали на юг, в Лондон, все время под гору. Черные тучи, проливной дождь. Над холмами и долинами — туманы и солнечный свет.

17-е, вторник. октябрь 1989

Встретил Джenezиса Пи-Орриджа, который вез в детской коляске свою дочь Дженесс. Он был одет в безупречный серый костюм, серую рубашку, высокий жесткий воротник и носил на отвороте пиджака золотой крест Psychic TV. Воротник и рубашку Джен купил в Брайтоне у серьезной леди, спросившей, из какого он прихода.

— Я миссионер, — сказал Джен. — Путешествую по миру.

— И для кого же вы работаете?

— Для молодежи, — ответил Джен.

— Я тоже много занимаюсь геями и им подобными, — сказала она.

Одетый как епископ, он садится в вагоны первого класса; люди помогают ему с ребенком, водители такси разворачиваются прямо посреди улицы, и всюду его называют «сэр».

— Попробуй, Дерек. Совершенно новые ощущения.

19-е, четверг. октябрь 1989

Этим утром умер Пол.

20-е,

пятница.

октябрь

1989

Сильный ветер, ливень, пожарные сирены и молнии.

Я бесцельно брожу по лабиринту воспоминаний. Смерть Пола потрясла меня. Большинство испытывали ноль по шкале эмоций Рихтера; другие, казалось, были рады его уходу. Телефонные звонки едва слышны.

21-е,

суббота.

октябрь

1989

Ветер продолжал дуть всю ночь. В середине дня приехал Джерард, и мы отправились в Дангенесс вместе с Дагмар Бенке, выпускающим редактором ZDF.

Меня не было здесь три недели. Всю дорогу лил дождь, но сад оказался довольно сухим; большинство кольев повалено ветром, растения обожжены солью.

Несмотря на ветер, очень тепло. Вечером мы дошли до края Несса и наблюдали прилив под звездным небом. Пока возвращались домой, над морем поднялся большой темно-оранжевый месяц.

Просмотрели снятые кадры — мыслей много, тема неподъемная. Есть прекрасные моменты, особенно когда люди забывают о камере или перестают «играть». Филип и ребенок умываются, он поднимает его и идет к свету, который при автоматической выдержке превращается в черноту. Тайный поцелуй.

Другие эпизоды лишены этого ускользающего качества, но за три дня съемок было сделано несколько хороших фрагментов. Как мне найти то, что надо? Почему жизнь Христа? Почему сад?

История в этом фильме рассказывается где-то еще. Самые выразительные моменты — те, что распадаются: мусор, ошибки камеры, подготовка, Ева, которую превращают в куклу Барби; все это действует лучше, чем сцена в конце — Фома неверующий, который не верит.

22-е, воскресенье. октябрь 1989

Весь день на верхушке телеграфного столба сидел ястреб, то и дело ныряя в ракитник. Стайка зеленушек выделяет круги и спирали. Под деревьями выросли большие белые *Fungi lactarius*.

Дождь вернул пейзажу зелень, хотя уровень воды в Лонг Питс понизился. Этим утром заметил там первые желтые цветы утесника.

В саду проросли фенхель, катран и огуречник. Собрал головки вечерней примулы и разбросал семена. Посадил луковицы нарциссов и прибрался на клумбах переднего сада.

23-е, понедельник. октябрь 1989

Всю ночь шел дождь.

В пять пришел бледный серый рассвет. Рыбаки покинули пляж.

Я всегда радуюсь рассвету: беспокойная ночь уходит, глубокого сна нет, как раньше, и он не уносит мерцающие кошмары, что крутятся на границе сознания.

Во время завтрака на столб линии электропередачи села пустельга.

Теплый, солнечный день. В Лонг Питс видел стрекоз и последнюю в этом году бабочку-репейницу.

Принес лопух, нивяник обыкновенный и посадил их перед домом. В белой футболке от Марка с надписью «Да будет мир во всем мире» и комбинезоне достаточно тепло.

24-е, вторник. октябрь 1989

Темно-красное солнце встает из-за спокойного моря, мокрая галька блестит, отражая свет. Вышел в сад, где сверкают жемчужины, а растения отбрасывают таинственные тени. Ветра нет, травы не шелохнутся.

В середине дня приехал Дэвид и привез «Анатомию меланхолии» Бёртона, издание девятнадцатого века, обошедшееся

в сорок пять фунтов, что гораздо меньше сотни, за которую книга продается в Лондоне. OUP переиздали ее за сто сорок фунтов; как ни посмотри, мне повезло.

Съездили в Нью-Ромни за продуктами, затем прогулялись по пляжу. Солнце оставалось с нами весь день.

Привезли окна, заказанные мной два месяца назад, и к четырем часам первое из них уже было вставлено.

Пыльный розоватый закат под бледно-серыми облаками. По мере того как опускаются сумерки, розовые тона становятся лиловыми; под ало-черным небом с оражневыми и ярко-голубыми полосами сверкает АЭС.

25-е, среда, октябрь 1989

Над морем висит месяц, окруженный роем серебряных звезд. Побрился, позавтракал и прогулялся по гальке в рассветном холоде, снимая восход, отражающийся бликами в окнах маленьких деревянных домов.

Солнце и бодрое пощелкивание камеры прогнали страхи прочь. Может, фильм не такой уродливый и беспорядочный, как мне думалось вчера вечером?

26-е, четверг, октябрь 1989

В восемь часов над домом тихо пролетели шесть лебедей с Лонг Питс, направляясь от песчаных низин в Литтлстоуне, белые на фоне серого неба.

Тепло. Жду перемен — дождя или первых холодов.

Вернулся в Лондон. Телефон сломался. Ни ХБ, ни сообщений. Тревожусь.

Из Loggaine позвонил Джеймсу Уолли, который предложил снять вторую часть «Себастьяна». Его спасла святая Ирина, вытащив стрелы. И что потом? «В этом году модна гетеросексуальность, Дерек. Ты не знал?»

В поезде на обратном пути меня терзали дурные предчувствия относительно «Сада». Просматривая материал, снятый в последние шесть дней, я не нашел ни одного приличного эпизода. Всюду явные ошибки: нет крупных планов, проблемы с камерой, несфокусированные изображения, кадры, падающие, как конфетти. 16 мм ужасна, никакого отклика. Все эпизоды отвратительны.

Почему это происходит?

В совместных проектах нет согласованности — этот стал слишком большим, чтобы с ним управиться. Связанный с десятками людей, я не могу импровизировать. Съемки — это гидра, я ничего не слышу, поскольку вопросы задают все подряд.

Организации никакой. Джеймс, продюсер, принимает самовольные решения по камерам, обвиняет меня в «отсутствии», всучил мне 16 мм — опыт воистину ужасный.

Солнце закатилось, идее уже два года. Дизайн на скорую руку — оловянная ванна в кадре блестит, словно неиспользованное семейное серебро. Актеры приехали в «костюмах».

А пейзаж, столь важный для моего фильма, погружен во мрак. Летнее солнце ушло, пока Джеймс делал покупки в Fortnum.

27-е, пятница. октябрь 1989

Телефон все еще не починили.

Вчера вечером «Прощание с Англией» показали в одиннадцать; остальные фильмы сезона начинались в девять. Опять для меня особые правила.

Серебристое море стало свинцовым.

Мед скисает в ложке.

28-е, суббота. октябрь 1989

Продирался домой сквозь субботние толпы на Чаринг-Кросс-роуд из Russell с последними весенними луковицами — нарциссы, подснежники, крокусы и пакетик семян цикория.

Зашел пообедать в Daquise — бесконечное ожидание, расслабленность сменилась раздражением.

Двадцать пять минут ждал автобуса.

Музей Виктории и Альберта весь в лесах, затянутых полиэтиленом, раздувающимся от ветра. В Найтсбридж закрыл глаза — долгой все эти скользкие макинтоши, кремы для загара и солнечные очки в подступающих сумерках.

29-е, воскресенье. октябрь 1989

Хэмпстед. Выпив водки, слежу за своими шагами в слабом лунном свете; ботинки ступают по искривленным корням и размокшей земле, усыпанной мертвыми листьями. Ветер ревет в стонущих ветвях, раскачивая деревья.

Здесь почти пусто, и это неудивительно, хотя я слышу, как кто-то говорит: «Черт, сегодня никого». «Боятся, что на них свалится дерево», — отвечаю я незнакомцу. Надеюсь, так и произойдет.

К часу мои шаги замедлились, от холода пробивает дрожь. Что бы меня здесь ни удерживало, это не надежда отсосать у парня в бейсболке.

Но что тогда? Не опасность — здесь безопаснее, чем в Сохо вечером выходного дня. Темнота после многих лет жизни на мрачных складах меня тоже не пугает. Я знаю все пути и тропинки между деревьями и кустами. Луна, звезды и далекие самолеты, ревушие в ночи над древними пляжами.

Наш мир — отдельный, параллельный мир. В нем вы можете слиться с темнотой.

В другие ночи здесь бывает до двух сотен человек, в том числе симпатичный бегун, которого я видел на улице танцующим в одиночестве рядом с Comptons. Кто-то сказал, что он из Новой Зеландии, как мой папа. Он обходит стороной несколько групп людей и пропадает, но спустя полчаса появляется вновь. Не обратив на меня внимания, он внезапно проходит мимо; завернув за угол, я сталкиваюсь с ним — он стоит и смотрит прямо на меня.

Еще прежде, чем его коснуться, я знал, что наша встреча обречена. Я страшно замерз, а все, чего хотел он — внимания, которым можно было бы пренебречь. То, что недавно я от

него отвернулся, стало причиной его провокации. Он сдержанно поцеловал меня, сказал: «Давай, отсоси», но прежде, чем мы соприкоснулись, исчез, на этот раз навсегда.

1-е, среда, ноябрь 1989

С утра посадил желтофиоль, подснежники и крокус, прополот клумбу в переднем саду. К обеду закончился дождь.

Светящиеся серые небеса, море белое, как молоко, с краем темно-синего.

Приехал Саймон Тернер, мы засели за пленки и начали работать над убедительным началом «Сада».

Резкий порывистый ветер с дождем; после него — звездное небо. Лег рано.

2-е, четверг, ноябрь 1989

Встал с рассветом. Сильный ветер, яркий солнечный свет.

В отлив нашел и принес домой несколько больших досок, некогда являвшихся частью старой защиты берега, а также дюжину кремней для круглых клумб. Изнурительная работа. Ловцы креветок и рыбы, должно быть, считают меня крайне эксцентричным, когда я переворачиваю на берегу камни.

После обеда снимал море. У меня нет ни одного кадра с морем, кроме единственной катушки двухлетней давности в царапинах и полосах.

Приехал Дэйв, мастер, и доделал на кухне пол. Пока работал, рассказал, что электростанция Магнокс — руины из ржавых труб и гнилых вентиляей, из которых вырывается пар, и где рабочие бегают туда-сюда с гаечными ключами и отвертками.

Уже который раз посреди ночи нас будят армейские учения. После одной особо шумной ночи военные купили для женщин в Лидде большие букеты цветов.

ХБ исполнилось двадцать пять. По его словам, теперь он мужчина. Он отпраздновал его в одиночестве, забравшись

в ванну на пять часов и съев большой обед из микроволновки. Саймон говорит, что ни разу не видел, чтобы ХБ не улыбался.

Начался ливень, погода ухудшилась. Мы с Саймоном зажгли свечи в фонарях и приготовили чай — отремонтированная кухня изменила дом.

Позже отправились в паб за мелкой сельдью или «выгодной икрой», как называет ее хозяйка. После этого просматривали съемки и делали телефонные звонки по всему миру.

Перед сном видели восхитительный фильм Йориса Ивенса, в девяносто лет лозящего ускользающий ветер в Китае. Великолепная, тонкая работа; сериал Хичкока на его фоне кажется ужасным.

3-е, пятница. ноябрь 1989

Дожди следуют один за другим. Прогулялся с Саймоном до Лонг Питс — в них лишь пара футов воды. Ливень мало что изменил: если копнуть садовым совком, земля все еще сухая.

Из темноты на чай приехал Энди. Две недели назад его арестовали по обвинению в убийстве и задержали на сутки; когда убийство произошло, он находился в Штатах. В его рассказах все еще полно бравады: по его словам, в шестнадцать он был арестован за кражу пинты молока и приговорен к десяти дням ареста.

4-е, суббота. ноябрь 1989

Дерек Болл приготовил одно из своих горячих дангенесских блюд — тушеную рыбу. Его друзья Тим и Тод подожгли самодельное чучело: минойскую богиню-змею в образе Имельды Маркос, в позолоченных ботинках, коническом платье из досок и цветочном кримплене, обвязанную фейерверками, с поясом из золотых лент и грудью из шутих. На тарелке нарисовали маленькое лицо, тонкое, как луна, с таинственной улыбкой. Трехметровая, с распростертыми руками, она горела, словно факел.

Спайдер, кот Дерек, гонялся в темноте за искрами. У Ла-Манша мерцал маяк, мигали огни рыбацких лодок. Вспышки молний озаряли далекие грозовые облака. Ярko сияли звезды, и в темноте Мария Каллас пела арии из оперы Пуччини. Тод и Тим в длинных черных разбойничьих плащах поддерживали огонь.

5-е, воскресенье. ноябрь 1989

Этим утром очень холодно, все покрыто инеем. Мы завтракаем — кофе, бутерброды, домашнее варенье из ежевики.

Разговаривали о шестидесятых, обо всех тех лондонских ресторанах, которыми управляли испанские официанты, беглецы от режима Франко, семенящие ногами в узких брюках. Швейцар Амадио, вкрадчиво приветствовавший вас в Sombrego.

Пьяный Вики де Ламбрей, который разбрасывался именами, поддерживая себя пустыми бутылками из-под шампанского. С течением времени он выглядел все более андрогинным, его голос стал высоким, как собачий свисток. Однажды он удалился в Паркхерст «на выходные с Ее Величеством».

В начале семидесятых он приезжал на белом «Роллс-ройсе», который, по слухам, принадлежал члену Лейбористской партии, одному из этих гангстеров Гарольда в плащах (хотя никто этого лейбориста в глаза не видел). Он был похож на нефритового Будду моей бабушки: круглый, с длинными прямыми волосами. Без него прозрачный разноцветный танцпол выглядел пустой галереей.

Много ночей мы теснились в проходах, уклоняясь от испанских официантов — Хосе, Мануэль, — проносящих над нами подносы с напитками.

Принес с берега камни и посадил еще два левкоя, которые вчера вечером выдрал из мусорной кучи. После этого зачистил и покрасил слуховое окно рыбацкого сарая.

Приехал Дерек и восхитился факсом, спрятанным в корзине для белья. Факс очень уродливый и называется «Brother». Затем он пригласил меня прикончить остатки ужина.

Невероятно жарко. Мы сидели на улице под ярким солнцем, иней растаял. Вокруг стола летала бабочка-адмирал. По мнению Тима, мне надо больше рассказывать о шестидесятих: тогда мы были счастливы.

Время смягчило восприятие, сделало десятилетие менее сложным. Шестидесятые дали нам возможность потребления, и как только все стало доступным, чувство нового было утрачено. К восьмидесятым восторг новизны исчез.

В шестидесятых новое пока еще было нашим, и пресса делала первые робкие шаги, чтобы это использовать.

«Быть в курсе дела» означало восторг от вступления в тайный мир. В цветных журналах и шоу восьмидесятых все теряется — мало что выживает, обретая публичность. Мир воспринимается сквозь фильтр журналистики. Эксклюзивные материалы попадают в руки армии привратников популярных ночных клубов, запрещающих вход на свое усмотрение. В шестидесятых двери были открыты для всех.

Сейчас пресса каждое утро роется в наших отверженных душах, чтобы заработать несколько шиллингов.

На свалке мы все богаче, у нас больше возможностей, больше информации, но пойти нам некуда. Город нам больше не принадлежит: это дешевый Диснейленд, а мы — туристы без корней.

В 1962 году Лэдброк Гроув был краем земли. Моя первая студенческая квартира находилась на Корэм-стрит, рядом с Рассел-сквер. Мы жили в центре города, во внутреннем круге — «цивилизация», ограниченная кольцевой линией.

Сейчас лондонская молодежь разделена: самые удачливые живут по ипотеке на заново отстроенных пустырях, самые бедные не могут позволить себе покинуть эконом-гетто. Препятствий столько, что вы теряете им счет.

Одним из плюсов шестидесятых был депрессивный центр города, где за несколько шиллингов в неделю сдавались величественные старые викторианские комнаты с обветшалым водопроводом. Все это ушло при появлении ипотеки, которая лишила Лондон жизни. Та же судьба постигла

Манхэттен. Как объяснить то, что было утрачено, тем, кто ничего другого не знал?

Мне скоро пятьдесят, и Лондон становится чужим — все закоулки, улочки и здания моих студенческих дней продезинфицированы, вычищены и переполнены мусорной кормежкой фастфудом. И повсюду *магазины одежды* — как будто каждый, зная, что его время на исходе, одевается на этот случай в свой лучший костюм.

6-е, понедельник. ноябрь 1989

Тихое, морозное утро; на солнце блестит галька, в небе ни облачка, и очень холодно. Закутавшись, я прогулялся по пляжу.

Мне нравятся здешние утра: подъем с рассветом, кофе, горячая каша, бутерброд. Невероятная тишина после автомобильного шума Чаринг-Кросс-роуд. Саду всего год, а выглядит он так, словно был здесь с тех самых пор, как построили дом.

Сейчас цветы погибли, но разноцветные камни и ярко-красные кирпичи, омытые водой, придают ему дружелюбный вид.

Это не мрачный сад — его круги и прямоугольники сделаны с юмором, как волшебный круг для древних фей. Камни — запись давно забытой музыки предков, к которой я каждое утро добавляю несколько нот.

7-е, вторник. ноябрь 1989

Вчера вечером в кухонной стене появилось новое окно. Я ужинал, глядя на атомную электростанцию, сверкающую под звездным небом и оранжевой луной. Вавилон двадцатого века, огромный, сияющий лайнер, выброшенный на берег в пустыне.

Появилась новая лестница к чердаку, что сделало дом асимметричным. Теперь подниматься легко и не надо пытаться удержать равновесие на вихляющей стремянке. Я покрыл ее липким черным масляным лаком, поскольку с тех пор, как газовые заводы на коксе закрылись, настоящую смолу найти невозможно.

Не знаю, стоит ли радоваться внезапному теплу и солнцу последних четырех дней. Армерия у передней двери потопилась украсить себя яркими розовыми цветами. Вопреки сводке погоды, предрекающей дождь, на улице тепло и солнечно. Я прошелся по пляжу, собирая камни с дырками, и, вернувшись, сделал из них ожерелье.

Звонит телефон — еще одна картина для благотворительности; они уходят так же быстро, как я их пишу. Если не считать щедрого Роджера, купившего летом пять, в этом году я не продал ни одной. Благотворительные аукционы хотя бы освободят место в доме.

На закате пошел дождь. Удивительно, как хорошо мне последние несколько недель, проведенных в одиночестве, — по идее, сейчас я должен был бы рваться назад, в Лондон. Но я вполне счастлив здесь, с легкомысленным сочетанием супов и каш.

10-е,

пятница.

ноябрь

1989

Прошлым вечером с пролива налетела буря. Я просыпался дважды: первый раз в два, думая, что наступает рассвет, и еще раз в пять утра.

ХБ считает, что с тех пор, как мне перестала нравиться моя работа, единственный способ, которым я могу разжечь свою страсть, это самоограничение. Я чувствую себя в ловушке, и выхода нет; как бы я ни пытался развеять мрак, воспитание и природа сговариваются между собой, вынуждая постоянно ощущать тревогу.

Философ написал:

Оптимальный порядок в мире есть лишь совокупность произвольных колебаний... Все, что мы видим во сне — сон, все что мы видим, проснувшись — смерть.

Старые друзья умирают молодыми.

Вирус атакует творение,

Творческие силы пропадают,
Страсти гаснут.
Остаются лишь медленные, печальные дни.
Сад разбит для дорогих друзей:
Говарда, Пола, Теренса, Дэвида, Роберта и Кена,
И для многих других. Каждый камень — чья-то жизнь.
Я не могу пригласить вас в этот дом.

Из Восточного Берлина позвонил Томас Кнауф: тысячи людей вышли сегодня на праздник на Курфюрстендамм.

Весь день идет дождь, сплошная облачность. Утром занимался перестановками в комнате. Днем натянул несколько новых холстов. Дэвид отвез меня в Рай, и мы отправились за покупками, вымокнув под дождем.

11-е, суббота. ноябрь 1989

Спал хорошо. Яркое солнечное утро. Ночью ветер стих.

Заглянул Дейв, чтобы измерить дверные проемы; после мы с Дерекотом отправились в Нью-Ромни.

Поговорили о влиянии, которое оказал на нас переезд в Дангенесс: вся жизнь встала с ног на голову. Нам было необходимо сбежать, чтобы найти уединение. Однако, когда погода портится, как в последние несколько ветренных дней, треск крыши и скрип дерева может породить тоску по городу.

Также это отдаляет нас от работы, делая ее гораздо сложнее. Мои тщетные попытки организовать съемки этой осенью столкнулись с серьезными трудностями из-за погоды и логистических проблем.

Но в Лондоне я чувствую себя чужим — город движется быстрее меня.

Что со мной происходит под этими удивительными небесами? Здесь мысли о мире кино, ограниченном Сохо, кажутся нелепыми. Когда я приходил в Working Title или Basilisk, набитые людьми офисы выглядели погруженными во мрак по сравнению с царившим за окном великолепным летом.

Дерек Болл приехал сюда после своего «происшествия», я — после известия о положительном анализе на ВИЧ. За внешне благополучным фасадом моя жизнь пребывает в беспорядке. Я поливаю розы, размышляя, увижу ли их в цвету. Я сажаю огород как панацею, читаю обо всех заболеланиях, которые растения могут исцелять. И знаю, что они не помогут. Сад как аптека бесполезен.

Однако в наблюдении за тем, как из земли появляются цветы, есть восторг, дающий мне надежду.

Но я не в состоянии описывать катастрофу, случившуюся с некоторыми моими друзьями, в том числе с Говардом, которого мне так не хватает. Я думаю о нем все время с тех пор, как он ушел в дождливую ночь полтора года назад.

Белая, как мел, луна в умирающем свете заката; «Проклятье Фауста» Берлиоза стихает по мере того, как сгущаются тени.

Весь день ожидал гостей, которые так и не приехали. За атомной станцией село солнце. Я надеялся, что они увидят сад. Возможно, под лунным светом?

12-е, воскресенье. ноябрь 1989

На восходе безоблачное небо окрасилось розовым.

День выдался такой теплый, что я вышел в сад без пиджака разгрести костную муку на передней клумбе. Семена укропа выросли на шесть дюймов. Смоковница чувствует себя отлично, прорастает петрушка.

В обед появился ошеломленный Дерек. Обладательница прекрасного старого лодочного сарая на гальке предложила ему его купить. Это означает возможность окончательно отделиться себя от Лондона.

Мы прошлись до сарая. Он построен как этот дом, и из него бы вышла отличная студия.

В четыре приехал усталый Джон Сэвидж. Я поставил чайник, и плита полыхнула огнем прямо мне в лицо. Джон сказал, что виновато полнолуние или его психическое состояние, а возможно, и то и другое.

Пообедав, мы прогулялись вдоль пляжа. На прошлой неделе Джон написал пятьдесят пять тысяч слов для своей книги о панк-роке, предавая свое детство земле. Мы говорили о годе съемки «Юбилея», о Вивьен Вествуд, появившейся на шоу госпожи Эдны: нечто среднее между Маргарет Тэтчер и мисс Джин Броди. Ей не хватает чувства юмора. Возможно, оно уходит в одежду — ее фиговый листок был очень смешным.

Отправился в Лондон сквозь осенние туманы, укрывающие болота. Вернувшись в квартиру, замерзший и усталый, я поднял с пола стопку ненавистных писем и уселся в экспресс-пицце Британского музея, некогда прекрасном молочном магазине с черепичной крышей. Затем, поскольку ХБ уехал в Ньюкасл, взял такси и отправился в Хит, молчаливый и таинственный под полной, размытой туманом луной, наполненный звуком падающих с листьев капель.

Очередной кинокризис. Стоит ли продолжать? Я решил, что нет, но завтра утром наверняка передумаю. Глупо играть в обиженного маленького мальчика.

13-е, понедельник. ноябрь 1989

Устал, но рад снова оказаться в Лондоне. Две отдельные жизни — работа здесь, восходы и закаты там.

14-е, вторник. ноябрь 1989

Поздним туманным вечером ХБ вернулся домой. Норман, Ричард, Томас и Джулиан собрались на ужин в «Родосе»; один из тех неловких вечеров, где все хотят друг друга видеть, но без компании остальных.

Все закончилось в доме Нормана в Сохо: украшенные позолотой и деревянными панелями комнаты, Йозеф Бойс и мастер мышинной мебели, веселый тартановый ковер на лестнице — все место столь же эксцентрично, как и двойные ванны. Почему не двойные туалеты? Что думал Томас Кнауф из Восточного Берлина?..

Норман сказал: «Хорошо, что у Джона и Волкера такой замечательный вкус, и я смогу въехать без ремонта»; ему казалось, мы улыбаемся, но наши губы кривились в неверии.

Разговор зашел о Вере Расселл, легко доказывавшей всю хрупкость надежности. Из всех, кого я знал в британском искусстве, именно о Вере Расселл чаще всего говорили в ее отсутствие. Ричард рассказывал, что на одном ужине карточка с его именем оказалась рядом с Д. Хокни, но прежде, чем он сел, откуда ни возьмись появилась Вера и заявила: «Должно быть, произошла ошибка», после чего увела Ричарда прочь, а сама заняла его место.

Все начали вспоминать фразочки Веры. О геях-художниках: «Всем им чего-то не хватает» — возможно, это объясняется ее миссионерской работой в этой сфере. Мне в Тейт: «Ты не можешь рисовать художника столь безупречного, как Роберт Медли, да еще и танцующего — он слишком важен, он ведь может замертво упасть!»

Норман говорит, что много лет назад она познакомила Пикассо, не имевшего тогда направления, с африканским искусством, и «вуаля, мои друзья, „Авиньонские девицы“». «Авиньонские девицы» посвящены Вере. Стравинский его превзошел: ее танец можно услышать в «Весне священной».

Я был потрясен, увидев в *Independent* некролог Филипа Кора. На секунду мне показалось, что это статья о его картинах, иллюстрированная автопортретом.

Я довольно часто встречал Филипа то там то сям. Поначалу я с подозрением относился к его энтузиазму: он был очередным «избранным», его чувствительность казалась чрезмерной. Но однажды я понял свою ошибку. Он оказался гораздо крепче, чем может представить себе человек, не знающий его близко. Его статьи о фотографии и живописи — даже некрологи, которые он писал для *Independent*, — были очень глубокими.

В арт-лобби против 28-й статьи Роберт провел «перформанс» — разбил гипсовую статую Давида перед большой аудиторией.

Бескомпромиссный подход к гей-тематике не позволял ему приспособливаться. В последнюю неделю, умирая от СПИДа,

он судился из-за каталогов Тома оф Финланда, украденных у него британской таможей.

Вчера ночью в мой сон влетела маленькая птичка и сказала:

— Ты знаешь, что ***** трахают мальчики, подносящие ему клюшки для гольфа?

— Не может быть! — сказал я.

Со смехом она полетела прочь.

— Не уходи! — крикнул я.

— Я должна. Меня ждет королева-мать. Для шляпок ей нужны мои перья.

15-е, среда, ноябрь 1989

Удачная встреча по поводу «Сада». Сара Свордс, вернувшаяся на борт, вселяет в меня уверенность. При любом кризисе Джеймс реагирует гневом или прячет голову, черкая случайные записки. На все советы ответ один: «Но ты ведь говорил...»; не принимает во внимание, что были упущены почти два года и отвергнуты как минимум четыре расписания. Очень избирательная память.

Не могу сказать, что меня не в чем винить, поскольку весь процесс запутан и осложнен, а кроме того, я никак не могу найти в фильме смысл, хотя снимать мне нравится.

16-е, четверг, ноябрь 1989

Через удачных киновстреч продолжается. Если останусь в Лондоне, все должно пройти спокойно.

Теперь, когда мне есть чем себя занять, я могу получать удовольствие от города — хожу по книжным магазинам в преддверии зимы.

Нервирует сидеть в прострации на большой кровати и без конца отвечать на телефонные зовы о помощи. Я прячусь, стараюсь отвадить от себя людей, а потом чувствую вину.

Ричард Сэлмон организовал в своей студии, самой элегантной квартире Лондона, вечеринку. Мы сидели за столом и болтали о стародавних скандалах, окруженные

«Bloodsports and Bloodbaths» Гилберта и Джорджа и распятием Ван дер Вейдена в натуральную величину.

Пол Бартел очень интересовался картинами — здесь почти одни британцы: Сикерт, Бен Николсон. С Гасом Ван Сентом он обсуждал совместный проект, связанный с Уорхолом. Пол, похожий на капитана корабля в увольнении — большой, уверенный в себе, — уходя, обнял всех нас.

Приехал Мэтт Диллон с барабанщиком из The Clash и высокой девушкой, одетой в модный черный, бледной, словно завсегдатаи ночных вечеринок. Они стояли в углу комнаты, поглощенные самими собой. К нам будто заглянула труппа актеров с веранды отеля из «Смерти в Венеции».

Мэтт был очень дружелюбен. Я поговорил о Говарде и попросил у него запись сердцебиения для саундтрека к «Blueprint». Он сказал, что запишет, как только это мне понадобится.

Мэтт с друзьями отправились на ночной шахматный турнир, а мы — на боковую.

17-е, пятница. ноябрь 1989

Встретились у Кристофера Хоббса, чтобы обговорить художественную сторону фильма. В комнате полно интересных вещей: инкунабулы, шкафчики с зеркалами, римские лампы, старый ковер, чьи цвета со временем потускнели.

Возвращаясь с Сарой через весь город, у здания Ллойда на тротуаре увидел представление полусотни акробатов, жонглеров и глотателей огня. Мы пригласили их на свадьбу двух парней — празднество в розовом: розовые пиджаки, розовые шарики, розовые треугольные флаги.

Приехал Дерек, и мы отправились в Дангенесс.

18-е, суббота. ноябрь 1989

Последние четыре дня в Дангенессе дует холодный юго-восточный ветер; на окнах узоры из сухой соли, сжигающей мои растения.

Сегодня светило солнце, но я на улицу не выходил, разжег камин и натянул холсты. Мои постоянные хрипы

отреагировали на холод, а я не хочу их поощрять. С двумя гудящими печами здесь довольно тепло.

Из Нью-Йорка позвонил Марк; говорит, что видел фотографии моего дома в журнале «Интерьеры».

В новостях наша АЭС, нарушившая правила безопасности; суд Фолькстона назначил абсурдную сумму штрафа — шесть тысяч пятьсот фунтов.

Подруга Дерекка Дженет показала мне серию старых фотографий Несса: железнодорожная станция, первый туманный горн, чей фундамент использовали для нового маяка, групповое фото у паба The Brick. Паб сгорел дотла, когда в его вытяжной трубе загорелась дубовая балка, едва не убив посетителей, которых вытаскивали оттуда уже без сознания.

В тридцатые годы береговая линия еще не была разрушена сбором гальки (для защиты АЭС) и не колонизирована травами. Первый домик из железнодорожного вагона «Самоа» построили для вышедшего на пенсию чиновника.

Посмотрев фотографии, мы отправились к старой лодочной станции, которую я надеялся купить. Вагонка очень похожа на ту, что и в Хижине Перспективы, и, вероятно, того же возраста. Здание стоит на валиках, и его можно сдвинуть ближе к морю.

19-е, воскресенье. ноябрь 1989

Пропавший масляной краской дом создает радостное настроение; горят оба камина, стало чересчур жарко.

20-е, понедельник. ноябрь 1989

Весь день работал над «Садом», а времени мало: две недели на подготовку и восемь дней на съемку.

Я не собираюсь рисковать с подбором актеров. Шон Бин свободен, так что, возможно, он сыграет Христа. Массовку берет на себя Саймон Тернер, собиравший ее уже несколько фильмов.

К обеду Джо, секретарша в Basilisk, распечатала расписание, и Дебби Маквильямс, которая работает бесплатно, прочла

со мной «Прожектор». Она оставляет «дело» и уезжает преподавать во Францию. Я признался, что не имею представления, что делаю, — события последнего года загнали меня в тупик.

В обед поговорили о мычании и оркестровке колоколов у Мусоргского — мычащее стенание тетки Ефросиньи в «Иване Грозном» после убийства царем двоюродного брата, выглядящего, как ребенок. Кажется, дети приникают едва ли не в каждую сцену моего фильма, как мудрецы и пастухи. Если Филип — Иуда, Джоди становится его ребенком, ребенком Иуды.

21-е, вторник, ноябрь 1989

В мои сны вплелись новые сообщения о пражском марше за реформы.

Час проработал с Дерекком Брауном над дизайном «Сада»: чисто «розовый» подход — воздушные шары и флаги.

В сумраке Национальной галереи я заметил, что на трех итальянских картинах времен Ренессанса на Христе розовая одежда.

В тусклом свете зимнего Лондона галерея выглядит до отвращения безвкусно. Большая ее часть закрыта на «реставрацию». Ничего хорошего.

Я ушел в отчаянии — делил компанию с мертвым наследием, чей дух пропадал в томительных объяснениях гидов. Один описывал «кьяроскуро» группе любопытных туристов средних лет. О чем они думают? Какое отношение это имеет к ним?

В руинах залов поблескивали картины: две Пиеты, Рибера, маленький Досси, таинственные пейзажи Кампаньи Пуссена, яркий портрет молодого Медичи кисти Бронзино.

Западная станковая живопись — безделушки на парче.

Стоя слева под портиком, я вижу, как восстанавливают большие здания Трафальгарской площади. Оригинальный дизайн был посредственным — какая же цена может быть у кричащей копии? Новое дополнение справа скрыто под полиэтиленом.

Вернувшись в офис, я узнал, что все актеры, которых отметила Дебби, свободны. Я надеялся, что судьба избавит меня от них. Не повезло.

22-е, среда, ноябрь 1989

Краткая поездка на «Би-би-си», разговор о «художественных школах шестидесятых», затем в парикмахерскую к Джону.

Джон рассказал, как на днях к нему заходил стричься Малькольм Макларен: шлепнул на стол пятидесятифунтовую купюру, потом забрал ее вместе со сдачей и исчез, как напoмаженная молния: «Спасибо, увидимся!» Девушка за стойкой была шокирована.

ХБ мыл окна, вися над улицей, как Гарольд Ллойд. Одетый в синие брюки, следующие три четверти часа он преследовал меня по дому с пылесосом, тряпкой и губкой, напевая песни.

23-е, четверг, ноябрь 1989

Все, что организует Basilisk, получается не так, как надо. Возможно, это их офис величиной с крысоловку ведет к бесконечным накладкам. Разговоры сливаются — вы говорите с окружающими стенами. Никому не понятно, зачем их вызывали.

Обед. Покинув Working Title, прошелся по Сохо с Сарой Рэдклифф. Она обеспокоена отсутствием сценариев, говорит, что, как только режиссер снимет фильм, он тут же отправляется в Штаты, оставляя после себя пустоту.

Связанные с фильмом утомительные мелочи отнимают все время. Чтобы сохранить энтузиазм, надо рассчитывать на меньшее. В фойе Бернард Роуз жалуется на отсутствие приличных экранов. The Lumiere — единственное пристанище для моих фильмов, и, если оно недоступно, премьера испорчена, как это случилось с «Прощанием с Англией» и «Военным реквиемом». «Караваджо» — единственный мой фильм, который правильно продвигали.

Домой возвращался через рынок на Бервик-стрит и, как пришел, сразу забрался в постель. Приехал Драко, сделал

женьшеневый чай, читал стихи. ХБ печатал. Я засыпал. По телевизору Александр Дубчек. Если подождать, мир совершит полный оборот.

24-е, пятница. ноябрь 1989

Читал «Сошедших с ума» Балларда — фантазия о Красных бригадах для детей. Саре захотелось снять это для Working Title: тридцать пять убийств за девяносто минут, лучшим станет нападение на премьер-министра, которую называют Мать Народа. Это фильм был бы отвратительным и огорчил бы всех. Сомневаюсь, что он смог бы донести до людей социальные темы — во всех кровавых сценах удушающая атмосфера избыточности.

Утро провел в Berman & Nathan, беседуя с Монти Берманом, потом прошелся по залу и подобрал гремучую смесь костюмов. Нашел розовую робу из «Воскресения Христа» Пьеро делла Франчески.

Сегодня мне гораздо лучше, наконец-то привык к холоду. Первые дни зимы всегда подавляют: я зарываюсь в постель, как еж, укутываюсь одеялом и сплю, положив ноги на подушки.

Кошмарная толпа фанатов Элиса Купера под его окном, вопящая: «Давай Э, давай Л...» Мне хотелось заорать «Пошли вон» так громко, чтобы их сдуло по Чаринг-Кросс-роуд, как мертвые зимние листья.

В 1972 году меня пригласили ставить на Бродвее шоу Элиса Купера.

Я присоединился к группе в Копенгагене. Их было около тридцати, и они напоминали банду звероловов Дэви Крокетта. Они путешествовали частным самолетом, арендовали целый этаж в гостинице и без конца играли в настольный теннис, наливаясь невероятным количеством «Будвайзера». Я приехал поздно и пропустил концерт, но был доставлен на «живое шоу», где Элиса следовало фотографировать.

Убогий подвал был заставлен упаковками «Будвайзера»: куда бы Элис ни пошел, он повсюду таскал с собой пиво. В конце подвала стояла двуспальная кровать, на которой неприятные, потные мужчины трахали столь же потных и непривлекательных девушек. Элис в компании с пивом и питоном скакал вокруг, словно богомол в бандаже, а обросшие одноклассники ругались, пытаясь скрыть свое смущение.

Позже их успокоила лесбийская сцена в сопровождении органной музыки, следом за которой появилась девушка в бандаже Элиса; она вертелась на кровати, приглашая музыкантов присоединиться. После нескольких замечаний в стиле «Она наградит тебя триппером» девушка перешла к оскорблениям. «Вы тут что, все гомики?» — агрессивно спросила она.

Один из музыкантов забрался в постель под одобрение остальных, и девушка начала делать ему минет, но, к его смущению, ничего не произошло. Она сдалась, пожав плечами, он натянул трусы и слез с кровати, красный от стыда. Девушка последовала за ним и уселась на коленях Элиса.

Элис вскочил, словно заяц, запрыгнул на кровать и улегся там с хлыстом. Фотографы защелкали. Девушка обмотала себя хлыстом, потом Элис ударил ее, и она начала плакать.

25-е, суббота. ноябрь 1989

ХБ все время меня веселит. Выкопали ямы, галька в которые сыпалась почти с той же скоростью, с которой мы ее выбирали, и посадили двенадцать кустов шиповника, полученных по почте; все они были отлично упакованы, хотя холодный ветер иссушил их. Мы как можно скорее их посадили. ХБ сказал, что Хижина Перспективы превратилась в замок спящей принцессы.

26-е, воскресенье. ноябрь 1989

Мучительная, бессонная ночь; проснулся усталый, ни капли энергии. Поставить чайник — как взойти на гору. Медленно оделся и даже не смог побриться.

На улице сильный мороз; огуречник выглядит так, словно его ошпарили, смоковница сбросила все листья. Выкинул остатки еды. Откуда ни возьмись прилетели скворцы и начали ссориться, пока их не прогнали две сороки.

Обошел дом, собирая вещи для съемок в Лондоне: кувшин, складной стул, позолоченная банка, зеркальные очки. Сколько раз я уже это делал...

Галлюцинаторные моменты на съемках в пятницу вечером — как только у меня появлялся ответ, я забывал вопрос.

Странное ощущение — сажать розы и думать, увидишь ли ты их в цвету. Боли продолжают. Все это чересчур мелодраматично, у меня просто грипп.

27-е, пятница. ноябрь 1989

Дэйв отвез меня назад в Дангенесс, большую часть дороги рассказывая о проблемах в Pink Paper, о противоположных подходах к эстетике, о современных плитах и комьютерах в репроцентрах! Утрачен единый подход к дизайну движения раннего нового времени — все заграбастала торговля. Тема может показаться довольно нелепой: идеальной чистоты плита в пустой кухне, где нет посуды, которую надо мыть, — прибор, экономящий силы, уходит в пространство фантазии.

28-е, вторник. ноябрь 1989

Шон не может играть Христа: его родители — свидетели Иеговы. Значит, в центре фильма у меня пока что пустота; надо найти двух влюбленных, сделать фильм *их* страстями.

В видеотеке киноинститута вместе с Колином Маккейбом посмотрели «Видения экстаза»: фильм отказались сертифицировать, опасаясь обвинений в богохульстве. Мне он не показался особо острым, и, если в этом состоял замысел, он провалился; его следовало назвать «Поцелуй жизни» — столь же волнующе.

Вечером пошли смотреть «Последний поезд на Бруклин». Никому он не нравится, что странно: мне казалось,

бесконечные события и насилие в любой мыслимой форме — именно то, благодаря чему продается современное кино.

Имея прекрасный подбор актеров и операторскую работу, режиссер внезапно сменил направление, и начался тривиальный перебор. С момента первого ограбления появилось чувство, будто меня обхватили щупальца ярмарочного осьминога, и любая тонкая эмоция исчезла в сумеречном мире, населенном картонными стереотипами извращенной сексуальности. Быстрой, жестокой и не удовлетворяющей.

Притча для широкого использования в американской жизни. Этот печальный угол нашего муравейника — микроскоп куда большего ужаса, давней Кореи или приближающегося Вьетнама.

Сейчас, после двух десятков лет феминистского лоббирования, можно ли считать поступок девушки, приглашающей к групповому изнасилованию, актом триумфальной мести?

Весь фильм я ощущал в животе ужасную пустоту, ту самую, что испытывал во время поездки по трущобам Чикаго, — беспокойство, отвращение, беспомощность. Я покинул кинотеатр 20th Century Fox, чувствуя себя так, словно побывал в драке.

Зашли в Comptons, где я спросил одного молодого человека, не хочет ли он сняться в моем фильме. Тот без колебаний ответил: «Не в твоей жизни». Не могу не думать, что он прав, но после его ответа я упал духом.

Потом поехали в Брикстон, где Бой Джордж в блестящей одежде из другой эпохи без конца повторял сторону В очередного сингла, похожий на сувенир в антикварном магазине. Кто-то сказал, что вечер был удачным, а его спутник ответил: «Для Боя Джорджа».

29-е,

среда.

ноябрь

1989

Обедал с Нико; по его словам, Гилберт и Джордж рады своему появлению на ТВ с Джонатаном Россом. Думаю, они были великолепны. Ток-шоу — то самое место, где Джордж может продемонстрировать свое чувство юмора.

Нико встретил итальянского продюсера, готового дать два миллиона для Питера Гринуэя; раздобыл номер телефона

Гринуэя и позвонил ему. Нико, большой энтузиаст, сказал, что это было как говорить с айсбергом: я представляюсь, объясняю, что был, мол, продюсером «Караваджо». В ответ — тишина. Потом я сказал, что у меня есть для него два миллиона, а он отвечает: «Я занятый человек, я делаю *свою* „Бурю“».

Нико был ошеломлен. Как часто кто-то звонит вам и искренне предлагает два миллиона? «Мне никто ничего подобного не предлагал», — сказал я. «Это верно», — ответил он.

Если бы сумки Гуччи все еще были в моде, Гринуэй носил бы в них свои сценарии. Забавно, что он попросил сэра Джона сняться в его «Книгах Просперо» — тот отклонил «Караваджо», указав в письме: «В своем преклонном возрасте я не могу позволить себе участвовать в проекте полупорнографической природы». Теперь, когда я прошу знаменитых молодых педерастов из актерской ассоциации поцеловаться в моем фильме, они убегают за милю. Сейчас среда, и мне отказала целая череда молодых актеров, которым предлагалось сняться в «Саде».

Нико позвонил продюсеру и сказал, что я знаю об истории гораздо больше Гринуэя и смог бы снять его фильм, но тот ответил, что им нужен кто-то с репутацией спорного, но безопасного режиссера. «Ты, по их мнению, только спорный. Проблема в том, Дерек, что я знаю — ты совершенно не такой!»

30-е, четверг. ноябрь 1989

Ссора с Джеймсом на перекрестке Олд-Комптон-стрит и Чаринг-Кросс-роуд.

— Мы показываем фильмы.

— Какие? «Воображая Октябрь»?

— Нет. Съемки для концерта Pet Shop Boys.

— То есть фон?

(Я говорил Джеймсу, что не хочу, чтобы его показывали отдельно.)

— Но они похожи на «The Queen Is Dead»!

— Так то был фильм, а эти не смонтированы — просто фоновый задний план с большими пустотами. Они хорошо выглядят на Уэмбли, когда на переднем плане танцуют и поют. В любом случае, там всего одна хорошая вещь, «Nothing Has Been Proved».

— Ужасная ситуация, — сказал Джеймс.

Я счел за лучшее промолчать.

И они будут на диске с новым фильмом.

Элегический садовый фильм, подобный висящему в небе альбатросу, будет продан вместе с видеообоями, сделанными для Pet Shop Boys. После пяти минут ругани я ушел домой с Конни Джианнарисом, который стал свидетелем нашей ссоры. Он приготовил чай.

Не спал ни секунды — для фильма все еще нет актеров. Молю о том, чтобы приятель ХБ Джонни смог оставить на время свою работу в Совете Ислингтона.

Холодная, морозная погода.

Мой отец считал, что я должен учиться в университете. Мы заключили договор: если я поступлю туда, а также поступлю в Слейд, куда мечтал попасть, то сперва пойду в университет, а он после этого поможет мне с художественной школой.

Я удивил отца, поступив в Кингс-колледж, где изучал английский, историю и историю искусств. Два года я проездил из Стренда в Нортвуд.

Я часто думал, как долгая болезнь моей матери повлияла на то, что я не бунтовал и не сбегал из дома? Думаю, я припас это на будущее. В начале третьего года я уехал.

Той осенью 1962 года, поселившись на Корам-стрит неподалеку от Рассел-сквер и Кингс-колледжа, я оставил сад, посаженный мной для родителей в Меррифилде. Только приехав сюда, в Дангенесс, почти тридцать лет спустя, я вновь познакомился с растениями моей юности, восстановил забытые сведения, выучил названия однолетников и многолетников, время для посадки, прополки и размножения. Все эти годы я хранил свои садовые книги и инструменты, запечатые

в сарае, но не представлял, что когда-нибудь они могут понадобиться.

Мой дядя Эдвард жил в Уитли-курт, и когда в августе 1962-го я искал, где бы мне остановиться, он нашел квартиру без мебели с тремя комнатами за семь фунтов в неделю. Это был большой дом тридцатых годов, у входа стоял швейцар в форме. В нашей квартире имелось центральное отопление и горячая вода. Аренда была на год.

Наши комнаты выходили на общежитие медсестер, что было источником постоянных развлечений Майкла и Дагалда, поскольку медсестры демонстрировали себя в окнах и изобретали церемонии с зажженными свечами. Майкл приобрел морской телескоп и пользовался им в темноте.

По воскресеньям Happy Wanderers давали представление на Корам-стрит, играя мечтательные мелодии вроде «Strangers On The Shore». Мы открывали окна и бросали им пенни.

За углом на Марчмонт-стрит с ее разрушающимися георгианскими террасами располагались все нужные нам магазины, включая хороший букинистический, а также дешевый индийский ресторан для особых случаев.

Дагалд, мой старый школьный приятель, изучал архитектуру в институте Мидлсекс, а Майкл — медицину в Кингс. Мы покрасили нашу новую квартиру в белый, а на кухне Дагалд нарисовал перепутанные трубы всех цветов радуги.

В тот ноябрь на Лондон опустился последний великий смог, такой плотный, что его можно было видеть висящим в комнатах.

Из нас троих Майкл был самым предприимчивым. Пока я зубрил для выпускных экзаменов григорианские хоралы, слушая их на радиоле, он ходил играть в пинбол. Майкл отлично знал Лондон, поскольку бывал в Вестминстере и исследовал Сохо, прогуливая школу.

Возможно, поэтому его родители были самыми озабоченными и через несколько дней жизни в новом доме приехали

поговорить со мной и Дагалдом, желая удостовериться, что сын их не обманывает — к большому смущению Майкла.

Страх моих родителей перед потерей сына смягчился близостью Эдварда, брата моей матери, которому было совершенно все равно, чем мы занимаемся. Вероятно, он считал меня хлюпиком, маменькиным сынком, и не упускал возможности покритиковать ее, называя командиршей и утверждая, что она не в своем уме.

Эдвард питал необъяснимое отвращение к жизни в пригороде. Он всегда сопротивлялся, покидал воскресные обеды, чтобы сделать импровизированный салат из листьев одуванчика и цветов настурции, настаивая, чтобы все мы это ели.

Он вернулся из японского концлагеря, словно воскреснув из мертвых. Высокий, с приятной наружностью, он остался полуинвалидом. Его тоже интересовал один только сад и больше ничего.

Как-то раз он заглянул в нашу квартиру, пожал плечами и больше не показывался. Мои родители волновались зря — в Лондоне в те дни податься было некуда.

Из Уитли-курт Лондон не выглядел «свингующим». Джон Стивенс открыл свой магазин на Карнаби-стрит, но лишь один наш студент обнаружил это: экстравагантность Стюарта — пара брюк без подворотов — потрясла всю столовую.

Музыка была классической, хотя Питер Эшер и его приятель Гордон были поклонниками The Beatles и бренчали на гитарах в комнате Майкла. Питер изучал философию в Кингс.

В школе я пел в хоре — «Творение», «Мессия», — а в пятнадцать лет ездил в Борнмут слушать, как Мира Хесс, нечто среднее между валькирией и Гертрудой Стайн, исполняет фортепианный концерт Бетховена.

В Кингс мы часто переходили на другой берег реки, в «Фестивал-холл», или отправлялись на «променадные» концерты ВВС, где однажды во время перерыва приятель Майкла таинственно исчез, и больше мы его не видели.

Если я не был на лекциях, то делал обложки для Денниса Брауна, редактора журнала «Люцифер», или рисовал задники для спектаклей драматического общества.

Майкла и его будущую жену Робби я встретил во время своих путешествий по индустриальным городкам Северной Германии. Более чем кто-либо, они открыли для меня лучшие стороны жизни в колледже. В год подготовки к выпускным экзаменам мы впервые освободились от родительской опеки.

Той зимой установилась хорошая погода. После ноябрьского тумана в Рождество выпал снег и шел весь январь. В одни из выходных снегопад был настолько сильным, что через Кингсвей было не пробраться. Призрачная тишина опустилась на город — единственное время, когда в Вест-энде можно было услышать, как на пол падает булавка.

Выросший в пригороде, я был неопытным и неуверенным; мое воспитание предназначалось для того, чтобы защитить меня от мира. Это не значит, что родители мной пренебрегали — они были замечательными, но осторожными. Моральные устои среднего класса означали, что проблемы — все, кроме финансовых, — не обсуждались. Языка для выражения эмоций не было. Что общего вдумчивый и нервный сын мог иметь с директором Ассоциации машиностроения (работа, которую отец получил после того, как вышел в отставку)?

Мы ехали в Лондон молча; он в своем котелке, со сложенным зонтиком, я в полупальто и черном свитере с высоким воротником. Он читал ежегодный доклад, а я погрузился в «Улисса» Джойса, который прочел от корки до корки, мало что поняв. В выходные он ходил под парусом, а я подрезал яблони.

Тем временем Майкл привез новые книги: Клее и «Кантос» Эзры Паунда. Через пару месяцев он начал рисовать, страсть к творчеству, до того момента закупоренная, теперь изливалась в маленькой комнате в конце коридора. Его медицинский диплом был обречен.

В Кингс мой учитель Эрик Моттрэм познакомил меня с творчеством Гинзберга и битников, а также с вездесущим Берроузом — их литературным отцом. Тогда этих писателей

было не достать, и их читали так, чтобы родители не видели. В двадцать один год я читал «Голый завтрак», но ни разу не был в клубе и крайне редко заходил в паб выпить пива.

Ангелы не стремятся лишить вас духа первобытной космической чернотой. Они — свет во тьме, звездное скопление, поющее музыку сфер. Каждый ангел несет истинную мысль. Это пчелы бесконечности, посланники Мудрости. Их мысли — медовая сладость. «Мертвые души», — шепчут они. Мудрость непроницаема, неразличима, и найти ее может только археология души.

Что такое Лондон начала шестидесятых? Город, работавший в самых разных областях.

Овощной рынок Ковент-Гарден возник после закрытия театров — их здания обветшали, первые этажи выходили прямо на улицу. Днем их прикрывали железными жалюзи, чтобы туда не заметало мусор. Однако ночью там было оживленно, а в кафе до самого утра подавали бекон, яйца, картошку с фасолью и коричневым соусом.

Мы ели здесь рано утром после того, как видели репетицию похоронной процессии Черчилля, идущую от Вестминстера до собора Святого Павла по угольно-черным улицам. Приглушенные барабаны, закопченная церковь Сент-Мэриле-Стрэнд. Вокруг собора — стройплощадки среди разбомбленных зданий.

Никто не любил викторианское; Бетжемен был всего лишь приятным голосом по Третьей программе. Нас не интересовало разрушение Юстонской арки или то, что банк Бирбек и «Империял» Джосайи Долла превратились в пыль и терракотовую крошку. Мы жаждали нового, а эти старые здания казались столь же устаревшими, как классовая система, которая, однако, все еще твердо стояла на ногах.

В планы входило стереть с лица земли старый Лондон — Ковент-Гарден, Пикадилли, Сохо, Уайтхолл. Не оставить ничего, кроме памятников, сохранить из ностальгии банкетный зал Иниго Джонса, Шотландский офис Адамса, Даунинг-стрит, 10. В Черч-хаус новые здания разделят викторианские сады по роденовским «Гражданам Кале».

Зданий двадцатого века было очень мало. Кастрол-хаус в Мэрилебоне и Thorn ЕМІ сэра Бэзила Спенса в Сент-Мартин-лейн (ныне разрушено) являлись исключениями. Мы стремились побывать в новых постройках вроде башни в Бенгал-грин. Все соглашались, что это свежий ветер перемен.

На таких улицах, как Кингс-роуд, были семейные магазинчики, ни одного супермаркета и очень мало магазинов одежды — только Moss Bros и Cecil Gee для стилияг. Кингс-роуд оставалась типичной процветающей улицей: пекарни, газетные киоски, ателье, кафе, пара лавочек для художников. «Кворум» Осси Кларка, открытый в середине шестидесятых на Рэднор-уолк, стал началом нашествия моды, которое все это разрушило.

Кэмден-таун на севере был нищим кварталом. Между станцией и Чалк-фарм располагалась цепь магазинов, где продавали старое электрическое оборудование и дешевую подержанную мебель, наваленную неприглядными кучами и выставленную на улицу. Последний поезд совсем недавно покинул «Депо».

Когда я пытаюсь восстановить нашу студенческую жизнь в Уитли-курт, все мне представляется черно-белым. Хорошее представление о ней дает фильм Линдсея Андерсона о Ковент-Гарден конца пятидесятих: таким был мир, в котором мы существовали день ото дня.

Мы не фотографировались; никто в те дни этого не делал. Камеру Super 8 еще не изобрели. Мы не фиксировали свою жизнь. Энди Уорхол только готовился сделать это в Нью-Йорке; никто о нем тогда не слышал и не услышит еще несколько лет.

Таким был мир, в который Британия вошла вместе с двадцатым столетием. Послевоенный аскетизм остался в прошлом. Нас захлестнуло европейское и американское влияние — не Элвис, но Миллер, Паунд, Жене и Кокто. В колледже мы ставили «Кровавую свадьбу» Лорки, «Суровое испытание» Миллера, «Служанок» Жене. Это была разнородная, совершенно новая для меня смесь — в нашей программе не было книг двадцатого века, кроме «Возвращения

на родину» Харди. «Любовник леди Чаттерлей» был запрещен, Bloomsbury не канонизировано. Мы случайно наткнулись на этот рог изобилия, с восторгом обмениваясь изданиями Olympia Press и City Lights.

То же было в живописи и архитектуре. Для нас Баухаус был современностью, а маленькие черные вентиляторы — настоящим сокровищем. Мы не жили прошлым, не ходили на барахолки. Никто не слышал о гламурном декоре; в моде были Мис и Корб, модули и светопрозрачные фасады.

Тем летом выставка Рона Китаи в Мальборо, казалось, порывала с прежним миром — мы часами торчали в залах, изучая картины.

Каждую среду я гулял по вечернему викторианскому Лондону со своим учителем Николасом Певснером, автором книги «Здания Англии». Он проходил перед зданием *Daily Mirror* на Хай-Холборн и расхваливал огромную пустую стену в его конце так, словно наткнулся на Реймский собор. Ник выступал за модерн, как и Эрик Моттрам, сказавший, что единственное место, где в этой стране можно получить образование, это Королевский колледж.

Он не мог знать, что скоро должно было выпуститься особо одаренное поколение, в том числе Дэвид Хокни. Это было за год до того, как я встретил Дэвида, хотя два года назад выиграл университетский приз как любитель и стоял на сцене рядом с ним. Он получил награду в категории профессиональных художников.

Кингс-колледж был странной смесью регбистов, теологов и всех остальных. На обязательную утреннюю лекцию в понедельник утром мог прийти Монти со своей фуражкой, который рассказывал нам о «дружбе» с Мао и об опасностях коммунизма. На другой день эксцентричный брат Стэнли Спенсера Гилберт описывал, как вся его семья росла, обитая в одной большой кровати.

Я ни с кем не делил свою постель, если не вспоминать катастрофическое увлечение в средней школе и рождественский вечер в Грентеме, где в возрасте одиннадцати лет мы с двоюродным братом Джоном и помятым фото Дебби Рейнольдс занимались взаимной мастурбацией.

У Майкла и Дагалда были подружки, и Майкл часто исчезал на пару дней. Гомосексуальность была табу. Я закрылся от всех, приобрел старый студийный мольберт и самоотверженно рисовал, к восторгу окружающих, — в душевном смятении, но ни на что не отвлекаясь.

Я влюбился в обаятельного теолога Роджера и несколько воскресений подряд ходил с Рассел-сквер в Бетнал-Грин, чтобы его увидеть. В конечном итоге я рассказал ему о своем затруднительном положении за чашкой чая, но не объяснил, что объектом моего желания был он, так что наша дружба продолжилась. Он посочувствовал, но ничего не знал. Мало кто тогда знал. Официальная информация вряд ли расскажет вам, как прожить свою жизнь. Испуганный и запутавшийся, я считал себя единственным геем в мире.

Потом я встретил старого школьного друга Роджера Форда, делившего квартиру с молодой художницей Брендой и пожилым мужчиной Майклом. На старом фортепиано Майкл наигрывал непристойные песенки из никому не известных мюзиклов. Я начал проводить вечера у них. Майкл без конца подшучивал над моей сексуальностью, однако я помалкивал, а он продолжал напевать развеселые песни о мужеложстве.

Все, кто пережил вечер убийства Кеннеди, точно помнят, где они находились в момент, когда эта информация начала распространяться по миру. Я был в гостинице «Пикадилли» на дне рождения своей подруги Каролины. После новостей вечеринка закончилась — убийство еще не стало частью современной жизни, казалось ненормальным и несовременным, уходя в девятнадцатый век, к царям и императорам, и не имея отношения к молодому, яркому президенту новой эпохи.

Политика в Уитли-курт никого не интересовала. В шестидесятые я не голосовал: мои симпатии лежали левее Лейбористской партии.

Во время Карибского кризиса мы не спали ночами, чувствуя, что наше время на исходе, и обсуждали свои последние минуты. Однако никто из нас не пошел на демонстрацию к посольству США, хотя она была всего в нескольких минутах от дома и мы о ней знали.

У нас были другие приоритеты, а политика, как мы наивно полагали, принадлежала прошлому. Вас вынуждали садиться на их карусели. Марши за ядерное разоружение казались старомодными, хотя мы ходили на Трафальгарскую площадь, чтобы послушать Бертрана Рассела. Он был нам ближе, чем разгневанные молодые люди другого поколения.

Мы не были аполитичны, просто наши планы были личными — как мы собирались «провести свою жизнь». Мы не интересовались маршами, у нас не было искренней точки зрения, и мы не видели мир черно-белым, как Пэт Эрроусмит.

Театр Стрэдфорд-ист с его осознанными попытками омолодить Ист-энд был сплошным разочарованием. «Арт-лабс» собирались застолбить место для нашего поколения; общественные институты еще не зацементировали новое.

В Уитли-курт мы начали отделять квартиру. Мебель выкидывать не стали — никто из нас не спал на полу, — однако нас очень заботил вид комнат после того, что у нас было в пригороде, у родителей. Архитекторы купили белую краску и набрызгали ее на половицах, сделав подобием комнаты в «Сноровке», которую Рита Ташингем расписала слепящей белой.

Белая краска прятала наше прошлое. Мы не использовали пунктик пятидесятых — окрашивать каждую стену в свой цвет. Повсюду вращались черные вентиляторы.

У нас было очень мало вещей, которые мы покупали на рынке Бермондси или на краю Портобелло. Это были уличные рынки, выдающие старый мусор за антиквариат.

В конце пятидесятых большой антикварный магазин, где я купил кресло с подставкой для книг тридцатых годов девятнадцатого века — тяжелое красное дерево, плетение и латунь, — сжег всю свою мебель, созданную позже эпохи английского ампира. Мое кресло стоило двадцать пять фунтов и фунт за то, чтобы привезти его в Лондон. Моим родителям оно очень не понравилось.

Баракло, которым наполнены эти рынки сейчас, не сравнится с тогдашним Портобелло: двадцатые и тридцатые публика еще не открыла. Тогда едва начинали узнавать

конец века, и большие викторианские полотна Литона или Уоттса меняли хозяина за две-три сотни фунтов.

Для молодых Лондон оказывался суровым городом без дискотек и пабов с музыкой; клубы были только для богатых. Имелось несколько кофеен вроде «Макабра» в Сохо с черно-серебристым интерьером, пепельницами в виде черепов и свечами в старых бутылках из-под кьянти со стекающим с них воском. Иногда там стояли музыкальные автоматы.

В 1963-м никто из нас туда не ходил. Мы встречались в гостях, на вечеринках или в колледже; кроме того, все ждали студенческих балов.

В Уитли-курт не было наркотиков, хотя один из друзей Майкла с медицинского факультета экспериментировал, изготавливая в Хэмпстеде мескалин. Другой купил пакетик семян вьюнка, проглотил их перед выпускным, и все ночь его тошнило. Никто из нас не курил табак, а тем более марихуану.

Новым опытом были рестораны: на Марчмонт-стрит открылся первый индийский ресторан. Поколение наших родителей не ходило куда-то, чтобы поесть — только когда они останавливались в гостинице, уезжали в отпуск или оказывались на собраниях, где их снимали фотографы со вспышками. Мужчины в смокингах, женщины в неприглядных вечерних платьях, которые они больше никогда не наденут.

Еда, которую сейчас мы воспринимаем как должное, не продавалась — грибы считались роскошью, первые магазины деликатесов только-только начали открываться. Мало кто видел авокадо.

Жизнь была проще, удовольствий меньше, и потому они ощущались сильнее. За наше внимание никто не состязался, и упорядочить свою жизнь было гораздо легче. Мы были бесхитростными, но вскоре оказались частью изменений, которые в следующие несколько лет произвели в наших жизнях настоящую революцию.

1963 год. В конце мая, в самую жару, я сдал выпускные экзамены, потев в рубашке, как и все остальные. За неделю

до них мы прекратили зубрить и отправились на пляж в Саутэнд загорать с книгами под мышкой.

После экзаменов наступило великолепное чувство облегчения — завершились три года отношений.

После нескольких недель работы в букмекерской конторе Эшфорда я вернулся в Нортвуд и получил работу по очистке заросшего сада.

Вскапывая под дождем клумбы, я заболел, бросил работу и сел на поезд до острова Уайт, чтобы присоединиться к последнему из наших семейных отпусков в Seaview. Большую часть времени я провел в компании больной раком матери, поправлявшейся после первой из целой череды операций.

Уитли-курт вернулся владельцу. Готовясь к первому из четырех лет обучения в школе изящных искусств Слейд, в сентябре я вернулся в Северный Лондон, чтобы найти себе жилье.

1-е,

пятница.

декабрь

1989

Ночью снилось, будто я держу чашу из редчайшего нефрита медового цвета с зеленоватым отливом. Чашу из драгоценных камней пытался похитить вор. Я охранял ее, несмотря на нападения демона-убийцы, намеревавшегося ее украсть. Он ходил вокруг меня, словно краб, вытягивая когти, и вдруг все кончилось. Демон с шумом сдулся, как воздушный шарик или маленький надувной человечек, символ Мишлен.

Вечером вместе с Джонни Миллсом и ХБ организовали краткие пробы. Все прошло хорошо, и теперь для фильма есть актеры. Злость на Джеймса постепенно сошла на нет. В следующем году — «Эдуард II».

В одиннадцать утра в комнате настоящий кавардак: студент из Бирмингема с магнитофоном, адвокат с моим заявлением относительно «Видений Экстаза», журналист с магнитофоном, молодой человек, не желавший связываться с агенством по найму, актер, читавший мои заметки. Бедный ХБ пил чай. День промчался незаметно.

Поехали в Дангенесс с Тоби, ХБ и Джонни, окутанные плотным туманом. Днем он исчез, показалось солнце. Мы разожгли костер и, замерзшие, сгрудились вокруг него.

Час проговорил перед камерой с Тоби Калитовски: чувство вины, страх, детская сексуальность, дедовщина, родители. В пять мы заперли дом и отправились назад. Небеса над Дангенессом были чисты, но над Лиддом туман оказался таким плотным, что мы едва видели дорогу. Добрались до Little Chef, «позавтракали», и в шесть, когда вновь выехали на шоссе, туман начал рассеиваться.

Съемки

«Сада»

1-й день

Холодное, темное зимнее утро, семь часов. Студия Лена Джеймса на Олд-Кент-роуд залита летним светом и наполнена суетой: на фоне синего неба возникает сад из камней и гальки с белой сауной, за долгое время наполовну занесенной землей.

Одетые в одежду из старых фильмов — большая пурпурная мантия на меху для Джека (Понтий Пилат), халат лимонного цвета для Майкла Гофа, — разнообразные патриархи, визири и мелкие принцы умывают руки в деле двух влюбленных. Ядовитый смех.

На протяжении всей сцены ХБ и Джонни безучастно стоят: это четкое детское воспоминание о голливудском эпике. Атмосфера притворства, масло и ваниль.

До самого обеда группа старых распутников бросала на них косые, злобные взгляды. Зоран Виднич разминает татуировки Спада, ХБ смотрит на Джонни. Актеры второго плана становятся главными, главные — второстепенными. Скоро все закончится.

В перерыве на обед Джек берет свою ступню, поднимает к лицу и тычет в нее воображаемым гвоздем. Мило Белл, банщик, стоит в углу, кусая ногти.

Следом — серия (импровизированных) символических сцен: Тильда держит меч и лилии; Пит в образе высокомерного князька коронуется; Джек танцует канкан в алой мантии судьи.

Идут часы. На съемочную площадку приносят большую колонну и водружают на место. К ней привязаны окровавленные ХБ и Джонни, которых избивает группа скинхедов, одетых в костюмы Санта-Клауса. После этого ХБ и Джонни надолго исчезают в душе. Я ушел со съемочной площадки и пошел домой.

В греческом ресторане съел половину основного блюда и задремал, пока таяло мороженое.

2-й день

По словам ХБ, Джонни очень талантлив в постели. У него детское лицо моряка Кокто. Рад, что взял их на съемки; когда в перерывах они сидят на диване, бессознательно обнимая друг друга, никто на площадке на них не смотрит.

Сегодня пришла массовка из греческого и итальянского общества, которых Саймон когда-то нашел для «Караваджо», снимать несколько сцен за старым длинным столом.

Снимаем эпизод со стеклянной гармоникой. Когда женщины вращают пальцем вдоль края стаканов, студию наполняет неземной, завораживающий звук. Каких духов они призывали? Тильда просит, чтобы в этой сцене сняли и ее.

Теперь огненная церемония евангельских христиан-пятидесятников, где юноши несут священный огонь. День закончился с Джоди в роли школьника, которому угрожают указки учителей; они движутся, как иглы морского ежа, а он в это время пишет: «Я должен лучше учиться».

Мэтью (ассистент режиссера) творит чудеса: повсюду порядок, у всех хорошее настроение. Он дает мне очень дельные советы.

Джессика (из массовки) принесла на обручение двух героев букеты мимозы; снимая фильм без сценария, следует

быть очень внимательным: визуальные идеи возникают в процессе создания.

Импровизируя над сценами и костюмами, мы работаем с музыкой: Моцарт, фламенко, флейты дервишей. Иногда вся сцена снимается словно по волшебству — на съемочной площадке смех и аплодисменты.

Процесс, не результат.

По дороге домой Дэвид Льюис спросил, представляю ли я, над чем работаю? Нет. Я понятия не имею, как будут выглядеть сцены в фильме, и не хочу этого знать.

Достаточно ли у меня уверенности, чтобы позволить событиям идти своим чередом? Подоженные бумаги Амаретти вспыхивают и исчезают во тьме.

3-й день

Мирабель с Джоди танцуют на столе фламенко.

Джоди ушипнула лощеная индейка, когда тот ее кормил. Чуть-чуть слез и много косметических бинтов.

4-й день

Прошлым вечером меня охватила паника: как оживить на экране ХБ и Джонни? Они очень хороши — обмен взглядами, улыбки, — но все это слишком статично. Внезапно осеняет безумная мысль: поместить ХБ в ванну, его любимое место. Он проводит в ванной по три часа, опускаясь под воду с головой, читая газеты и пуская по воде коробки с кукурузными хлопьями.

На Олд-Кент-роуд есть множество магазинов подержанных вещей, в том числе ванны и камины. Позвонил Дереку Брауну (художнику) и попросил найти к утру чугунную ванну.

Роджер, одетый в прекрасную белую робу на фоне синего экрана; Джоди в золотом комбинезоне забирается на небеса по позолоченной лестнице; водонос Энни Лапас в тончайшем сари подходит на дороге к Христу.

В одиннадцать привезли ванну, бросили на камни, как потерпевший крушение корабль, и парни немедленно туда забрались. Мы закрыли глаза.

Джонни похож на участника массовки из «Юга Тихого океана», только без матросской шапки.

В ванной они выглядят естественно и сексуально. Рад, что не взял актеров из Equity: никто из них не смог бы этого сделать — такое не сыграешь.

После обеда они едва не утопили в ванной Джоди, мечтая об этом всю неделю. Он спросил: «Почему вы обнимаетесь?» «Потому что мы любим друг друга», — ответили они. На следующий день он подошел к ним и сказал: «Я знаю, почему вы обнимаетесь — потому что вы педики!» Слишком для возраста согласия и политики защиты молодежи!

В девять лет, как всем нам известно из личного опыта, мы знаем всё, пусть смутно и бессистемно.

ХБ подбросил Джоди в воздух и стал раскачивать над ванной.

После этого мы перешли на площадку Б и сняли «Глумление» в стиле Гилфордской четверки. Развлекающиеся полицейские и герои, привязанные к буфетным стульям с кляпами во рту.

За день до этого Сара Свордс, которой было поручено неблагодарное дело организации этой сцены, отыскала на роль полицейского актера с тягой к опере. В последний момент Дон Арчибальд надела передник официантки и нашла черную паточку, чтобы вымазать ею и обвалить в перьях.

Во всех нас кипит магма насилия, будто мы — полупотухшие вулканы, Кракатау, готовые взорваться в последний раз. Пит разорвал куртку и выдрал оттуда облако перьев, а «оперный певец» Мартин превратил сцену в нечто пугающее. Главная ария.

Когда все закончилось и ХБ отвязали от стула, он повернулся и заключил меня в гневное липкое объятие. Потом удалился в душевую, оставив нас в потрясении.

На площадке А Филип, висящий на веревке над своим блестящим красным мотоциклом, держит веер из кредитных карточек вместо тридцати сребреников. Со мной случился приступ неконтролируемого смеха, я едва смог остановиться. Как редко я нынче смеюсь.

Пит Ли Уилсон отлично сыграл ведущего телевикторины; сцена с Иудой как фарс. Филип высунул фальшивый язык.

На обратном пути Дэвид спросил, как я это продумал. По правде говоря, я ничего не продумывал — начинаю с одного, заканчиваю другим.

Дома в 8:30, настроение гораздо лучше; ХБ сказал, что я выгляжу намного моложе. Моя подавленная энергия наконец смогла освободиться.

9-е, суббота. декабрь 1989

Дангенесс. Когда вчера вечером мы приехали сюда после бесконечной поездки, в доме было очень холодно. Я разжег камин и заварил чай, смотря обрывки новостей.

Этим утром холодно и сыро. Нескончаемый восточный ветер нескольких последних недель вынес к линии прилива пластиковый мусор, который мне предстоит собрать. Несколько лавандовых кустов засохли и увяли, но сад выжил.

Позвонил обеспокоенный Джерард относительно еще одного лодочного дома в Амстердаме. Я отбросил сомнения и купил — если он не станет им пользоваться, его можно будет продать в следующем году.

Вышло солнце, и мы с Дерекком прогулялись до Лонг Питс. Дерек рассказал, что на прошлой неделе здесь застрелился молодой человек. Мне казалось, в этих ивовых зарослях может лежать его тело.

Написал несколько писем. После нашей прогулки по песчаным равнинам свет ушел.

Спал хорошо; приснилось два странных ярких сна. По пустыне катился валун — видение Симеона Столпника из фильма Бунюэля. Странно то, что это был сон наяву. Видя, как он катится мимо, я находился в сознании. Потом я оказался в большом самолете, который разбился над Атлантикой; двери открылись, нас окружили спасательные лодки и счастливые лица, без малейшей паники помогая подняться на борт.

10-е, воскресенье. декабрь 1989

С утра позвонил ХБ и сказал, что в Лондоне серый туманный день. А здесь сияет солнце и гораздо теплее, чем было в последние недели.

Прогулялся вдоль берега до рыбацких лодок.

Такаси, организующий японское финансирование фильма и выставку картин на Fuji, сказал, что может выслать первые деньги для «Blueprint».

Этим утром очень тихо. Спал хорошо, никаких тревожных сновидений. Осмотрел себя в зеркале в поисках предательских знаков, ничего не нашел и вздохнул с облегчением. ХБ по телефону счастлив, я тоже.

Мой погибший летом розмарин, лишь одна ветвь которого смогла избежать ползучей смерти, охватившей большую часть растения, расцвел вместе с первым ярко-желтым утесником. Повсюду калифорнийский мак, он просто колонизировал сад. Из каждой щели вырастают алые маки; если они переживут зиму, то летом сад превратится в алое поле.

5-е день

Кристофер Хоббс в своей стихии, обматывает шелком длинные круглые колонны; остальные надувают розовые шары. Около тридцати жонглеров — учителя, продавцы и просто безработные. Мы пропустили их через гримерку, и к обеду они представляли собой настоящее буйство цвета.

ХБ и Джонни оделись в блестящие розовые костюмы, и весь эпизод двигался самостоятельно и спонтанно.

Подруга Яна Джессика (он рассказал мне о ней вчера) исполняла «Think Pink» из «Забавной мордашки», и в десять мы все еще пытались найти песню. Нам привезли ее в одиннадцать на велосипеде, и она за несколько минут выучила текст. Мы поставили в кадр ХБ и Джонни; Энни принарядила своего ребенка, и вся четверка отлично сыграла сцену — «долгой синие цвета».

6-е день

Сегодня снимали распятие.

Дон танцевала в лимонно-желтом сари с двумя ветками бузины. Прекрасно.

7-е день

Съемки прошли хорошо: старики катили камень дьявола, кардиналы тянули огромную золотую скалу, сопротивляясь встречному ветру. Спенсер танцевал для Мадонны как нераскаившаяся Магдалина, Роджер в золотистом скафандре стоял на фоне синего экрана. По мнению Стивена, он был похож на гобелен Сазерленда в соборе Ковентри.

8-е день

Утро провел в состоянии полного изнеможения. В час мы закончили, я вернулся домой и дремал, пока не заснул в девять.

Без воли и концентрации старой съемочной группы я бы не пережил эти восемь дней. Я постоянно был наготове, и многие сцены стали импровизацией.

Я лег в постель, когда ХБ собирался в Париж — он оставил мне множество замечаний и сотню инструкций. В 12:30 он ушел.

Планы относительно лодки в Амстердаме. Джерард вылетает в эти выходные. Деньги стремительно утекают сквозь пальцы.

Прибрался дома. Аккуратно сложил несколько десятков фотографий молодого полицейского из Терни по имени Массимо: на некоторых он в форме, на других — в одежде, напоминающей моду Возрождения; нашел несколько десятков слайдов американского художника, которому очень нравился «Караваджо».

В пять заглянул в Comptons. Небритый парень с прической в стиле пятидесятых годов втиснулся в угол между игровым автоматом и баром. Я подумал, что он проститутка — он подошел и спросил, можно ли со мной поговорить.

— Меня зовут Торпедо, и я сочиняю фильм. Только ты можешь его снять.

Я переместил сознание в другой конец бара.

— Это любовная история, которая превращается в триллер, а потом в историю про призраков. Скоро ее закончу.

Я спросил Торпедо, откуда он черпает вдохновение; оказалось, из неудачной личной жизни — он ушел от партнера, разукрасив все стены в его квартире флуоресцентным граффити.

— Каждую ночь я трахал этого ублюдка под одной из твоих картин.

Перед уходом он пригласил меня на оргию в Эрлс-курт. Я отказался и позвал его на нашу вечеринку по поводу окончания съемок.

На ужин приехал Дэвид Батлер. За соседним столом был Кевин Уитни с молодым человеком, которого он представил как «тот самый». Его насмешили гигантские масштабы новой студии Эндрю Логана — по его словам, она похожа на вход в башню национального банка. Эндрю собирает деньги на мраморный пол. Возможно, сказал я, нам всем нужна

плита с нашими именами, как на сиденьях в Британской киноакадемии.

Кевин, чей белый галстук-бабочка слегка перекосялся, ушел с «тем самым» в Colony Club. Уходя, сказал: «Она совсем спятила, дорогие мои».

Вечеринка в честь окончания съемок прошла в клубе Paris Metro на Олд-Кент-роуд.

Дрю, воздвигающий леса с изяществом канатоходца, сказал:

— Ты аутсайдер даже на собственной вечеринке, Дерек.
На улице лил дождь.

Торпедо не появился, так что надежда на безумные приключения не осуществилась. В половине третьего ночи Джулиан Коул отвез меня домой.

17-е, воскресенье. декабрь 1989

В одиннадцать приехал Мэтью. Под дождем мы проšliсь по Кэмден-лок — слишком много людей, чтобы чувствовать себя уютно. Зашли выпить в «Кэп», где трансвестит в ярко-желтом наяривал «Blue Moon».

Испытывая похмелье, отправился в Британский музей на выставку кельтской работы по металлу. Слепящее узорное золото погружено в уважительный полумрак. Побродил вокруг многочисленных пряжек вместе с чихающей гриппозной толпой.

Мэтью сказал, что Лондонский маяк почти пуст — кому захочется общаться с двадцатидвухлетним советником прямо из-за парты со свежим дипломом социолога? Лучше увядать вместе с руинами в Майлдмэй.

Насколько я понял, те, кто пришел в восьмидесятые, собирались провести девяностые, кромсая друг друга на кусочки. Думаю, в конце концов все сведется к тому, к каким вещам вы привыкли. Открытый ландшафт для заботливых карьеристов...

Толпа, вышедшая с сегодняшнего концерта в Marquee, уже швыряла под моим окном бутылки. После сильного ночного

ветра количество мусора на Чаринг-Кросс-роуд неописуемо. Нет нужды в ночных кошмарах, сон испорчен.

18-е, понедельник. декабрь 1989

Звездное небо исчезло за пеленой утреннего дождя. Позавтракал один в Bertaux. Ковент-Гарден, несколько букинистических магазинов, где я искал сведения об Эдуарде II и Гавестоне. Записи в различных сборниках четырнадцатого века весьма безрадостны: невыполнение обещаний несостоятельного короля, злые советники.

На рынке постоял у прилавка со старыми перьями; хозяина раздражал мой бесстрастный интерес. Наткнулся на строй серьезных молодых людей с коробками для пожертвований; послушно положил пятерку — почему, не знаю, — подписал какую-то петицию и еще пять раз услышал аналогичную просьбу, пока не оказался в безопасности квартиры. Мертвящая рука Рождества дотянулась и до меня.

Ожидая автобуса под серым дождем, сплю наяву. Аббатство погружено во мрак. Я прохожу мимо гробницы Эмера де Валенса с ее декоративными арками, о которых зимой 1963 года читал нам длинную лекцию Ник Певснер.

Я очень многим обязан Нику. Сидя на втором этаже автобуса, я обращаюсь к энциклопедии архитектурных деталей, хранящейся в моем сознании. С ней я могу провести время: гуськи, архитравы, безумные своды, контрфорсы...

Служитель, проводящий экскурсию среди королевских гробниц, назвал Генриха VII скудным, Эдуарда I Длинноногого — высоким, обыкновенным и правильным, как его гробница из известняка с острова Парбек. Он не стал говорить, что король убил все население Бервика за один день, изгнал евреев и погубил свой народ в войнах к северу от границы.

Позже, на улице, я вспоминал отполированные временем окаменелые ракушки на гробнице Длинноногого с большей ясностью, чем крошащийся мрамор иных величественных захоронений или элегантную позолоченную статую

Элинор, самой прекрасной из всех. Их внук Эдуард III похож на тролля, а у жены его, Филиппы, глупейшая прическа.

Мои глаза застыли на узорах влажной мостовой Йорка; я прохожу через Смит-сквер к Тейт, где идет переоформление.

Коллекция больше не выглядит распродажей остатков двадцатого века: впервые она кажется внятной, картины и художники получили свое место. Ушлый Стэнли Спенсер делает прерафаэлитов сентиментальными. Впишется ли туда Сикерт?

Битва за модернизм осталась в прошлом, «продвинутое» искусство больше не единственное из возможных. Британская школа, казалось, столь безнадежно отставшая в годы моей юности, приходит в себя. Можно ли представить в соседних залах Наума Габо и Спенсера?

В два я встретился с Джулианом Клэри в темноте подземного клуба под Трокадеро. Он был одет обычно, и его выдавал только голос. Уверен, он мог бы пройти по танцполу и никто бы не обернулся — бывалый хамелеон.

19-е, вторник. декабрь 1989

Защищенный неуязвимой телефонной системой ХБ, я позволяю звонкам исчезать в пустоте, отстраняясь от студенческого учебного плана, погружаясь в прошлое, полузабытый автор преступно беспорядочного целлулоида.

У телефона новая кнопка. Она принадлежит Меркурию.

Под тихое гудение стиральной машины, которая, по словам ХБ, дает его мозгам отдых, читал «Откровения божественной любви» Юлианы Норвичской.

В дверь падает водопад рождественских открыток пополам с рекламой. Гоблины, эльфы и заснеженные феи — лучше уж примитивный календарь. Мне требуется мужество, чтобы их открыть.

Юлиана пишет: «Сегодня конец света, о дорогая мать».

Я захожу в книжные магазины, размышляя о Средних веках:

поздним зимним вечером домой возвращаются охотники Брейгеля, черные вороны парят под темнеющими небесами.

Все, что я чувствую — песня; все, что я вижу — печаль. За этими повседневными записками — сладость улыбки юноши. В моем сознании появляется кроваво-красная камелия в февральских сумерках.

Во время творения большие капли крови падали, словно капли дождя, столь густой пеленой, что ни один человек не смог бы их счесть.

Годами Средние века рождали в моем воображении рай; архаическая полуулыбка апостольских губ в Шартрском соборе, предвкушение блаженства.

Это не «Рай поденщика» Уильяма Морриса, но нечто под-земное, как водоросль или коралл, что плавают в галереях украшенного драгоценностями реликвария.

Ян Шипли в своем книжном говорит: его отец «знал», что Джереми Торп катится к краю пропасти из-за своих вычурных жилетов. «А вы, — сказал он, — носите коричневые ботинки».

Я всегда носил коричневые ботинки, поскольку отец предостерегал меня от них в пятидесятые. Коричневые ботинки носили аферисты, альфонсы и интересные «дяди». Как только у меня появилась возможность, я купил себе первую пару на Карнаби-стрит, коричневые итальянские охотничьи ботинки с кармашками для пороха и дроби.

Теперь полирую дюжину пар из секунд-хенда. ХБ называет их «ботинками мертвецов».

Обед, Comptons, мимо мчится Энди Грек. «Ищу, за что подержаться», — говорит он, потом передумывает и уходит делать рождественские покупки.

20-е,

среда.

декабрь

1989

Прошлым вечером в Comptons произошла благотворительная акция: группа пьяных проституток под предводительством бухгалтера средних лет в сером костюме принялась докучать посетителям, требуя пожертвования для CHART. Лотерея в фонд СПИДа проводилась на фоне такой громкой музыки, что в ней тонули любые разговоры; людям, которые

отказывались от билетов или отворачивались от гремящих ведерок, кричали: «Позор!», «Отвратительно!». Из-за такого мощного обстрела к девяти часам толпа поредела, остались только пьяные и те, кто проводил лотерею: они встали на выходе, чтобы можно было обнимать проходящих мимо тусовщиков. Я болтался поблизости и когда увидел просвет, вышел из клуба сквозь строй кирпично-красных пьяных лиц. Тридцать фунтов — самый дешевый лотерейный билет.

Этим утром в городе сыро. Под серыми небесами едва виден рассвет — ливень идет без перерыва, в магазинах пусто.

С часу до одиннадцати перегонял фильм на видео.

21-е, четверг. декабрь 1989

Солнцестояние. В Хэмпстед-хит видел обнаженного юношу, мраморно-белого в лунном свете, который лежал на ветви дуба, неподвижный на морозе.

22-е, пятница. декабрь 1989

Третья годовщина моего теста на ВИЧ. Этот день стал для меня вторым Новым годом.

Все еще живой и стадающий с похмелья, я приступил к рождественским покупкам и закончил тем, что купил набор супов. В продуктовых магазинах меня охватывает отвращение к пище; волны тошноты в M&S.

В Сесил-курт купил еще несколько средневековых текстов.

Все говорят о том, что поедут домой. У меня семьи нет, но в Рождество я в ней и не нуждаюсь.

23-е, суббота. декабрь 1989

Дэвид забрал меня во время сильной грозы. Едем на юг. Над Ромни-марш небеса расчистились — яркая зелень озимой пшеницы и алые кусты боярышника. Кое-где виднеются желтые ободранные ивы.

Хижина Перспективы темная и пустая. Я разжег огонь, и мы приготовили огромную копченую треску.

Когда солнце начало садиться, мы прогулялись по пляжу, где я нашел олений рог, угольно-черный от старости. В шесть Дэвид уехал, а я пару часов смотрел отснятые эпизоды, после чего лег спать.

Канун

Рождества

На завтрак приехал Дерек Болл. Позже мы съездили в Грейт-стоун за воскресными газетами. Он говорит, что дело о покупке старой лодочной станции движется и она должна быть моей к весне.

Сделал массу самых разных дел. Затопил камин, обошел сад, который пытается выжить под ветрами и дождями. Из торфа в передней клумбе показались крокусы.

Крокусы давали лучший желтый краситель для иллюминированных рукописей Средневековья: многие растения Несса некогда использовались для изготовления красок. Светлоголубой «лакмус» делался из сока бузины, болотная зеленая — из ягод крушины, салатная — из сока касатика германского.

Другие краски — киноварь, кобальт, яркая ляпис-лазурь — были минералами. Этюд святого Иеронима кисти Антонелло да Мессины в монастырском скрипториуме с его удивительным пейзажем в открытом окне размером с почтовую марку показывает спокойные, мирные комнаты, где изготовлялись эти рукописи.

Крокус, который использовали в качестве красителя — шафран, по-арабски «желтый». Томас Смит, советник Эдуарда III, в 1330 году тайно привез его из Палестины. Краска была невероятно дорогой: для производства одной унции шафрана требовалось четыре тысячи триста двадцать цветов. Джон Садовник писал:

Их следует сажать в сентябре, за три дня до рождества пресвятой Богородицы, в Рождество или на следующей после него неделе; возьмите для этого садилку, которая должна быть большой и затупленной. Сажать их следует на три ладони в глубину.

Лепестки шафрана разбрасывали над свадебной кроватью Юпитера; им окрашивали свадебные наряды и одеяния монахов. Джерард говорит, что шафран способен возвращать к жизни умирающих от чумы.

Рождество

Мертвый сезон, только утесник цветет. Дубровник и папоротник шуршат сухими листьями, ежевика белая, как рыба кость. Ракитник дочерна обгорел на ветру. Вдоль Несса летит чайка, падающая под порывами ветра. К пустынному берегу катятся буруны.

26-е, вторник. декабрь 1989

На кухне цветет срезанный розмарин.

Вчера вечером посмотрел еще час съемок. Они меня расстроили. Так много моментов утраты для камеры, которой, кажется, вечно суждено поворачиваться в неверном направлении. Дух утекает сквозь пальцы — печаль, которую я пытаюсь отогнать, глядя «Ричарда III» Оливье. Тридцать лет спустя он выглядит жеманной сказкой для детей, полной поз и долгих взглядов. Влажная постель декора интерьеров пятидесятых.

В Румынии идут бои. После репортажа о казни Чаушеску ведущий не слишком уверенно пожелал нам мирного Рождества.

Покопался в саду, но ливень был такой силы, что пришлось вернуться. Тишину нарушают стучащие в окна капли дождя.

27-е, среда. декабрь 1989

Поехали с Дерекком в Гастингс. Город закрыт и пуст, один только печальный старик глядел на нас, стоя на потрепанной розовой вымощенной набережной, смеси архитектурных стилей, залитой серым декабрьским морем. Кафе-мороженое, итальянская кухня, одна пиццерия — повсюду грустные семьи в зимних пальто, то и дело глядящие сквозь капли на стеклах. Магазины для бедных War On

Want вооружаются против зимнего одиночества пожилыми дамами в старых мехах.

В три вернулись домой. Садыщееся за нашими спинами солнце принесло немного тепла.

Радуюсь возвращению, прошелся по пляжу. Затем согрелся тарелкой супа и дочитал книгу. В десять лег спать.

28-е, четверг. декабрь 1989

Бессонная ночь, ворочался на грани забытья. Проснулся в ознобе, мокрый от пота, со слипшимися глазами.

Пытался согреть себя, занимаясь делами, разжег огонь, но в эти короткие пасмурные дни меня окружает печаль. Вирус заменил меня, укрывшись в сознании. Я бесцельно брожу по дому. Картина; записка самому себе; глава из книги, понятая лишь наполовину; песня. Новости забыты еще до прогноза погоды.

Сегодня слишком холодно, чтобы выйти в сад; даже птицы не прилетают к кормушке, кроме одной нервной сороки. День длится в нескончаемых сумерках; под хмурыми небесами берег белый, словно кость.

29-е, пятница. декабрь 1989

Во второй половине дня заехал Джон Севедж, направлявшийся к Нилу Теннанту. Он был в одном из своих пиджаков цвета кэмпбеловского супа. Мы немного поговорили. О «Саде» он сказал: «Ох, Дерек, это все твой комплекс мученика».

Оставшись один, я смотрел отснятые эпизоды, пока меня не сморил сон.

Очень холодно; небеса белые, тяжелые. Долго разглядывал шевроны норманской церковной двери в Нью-Ромни и демонов с клювом, похожих на мультяшных ворон с круглыми спиральными глазами.

Закончил читать о скучной жизни Эдуарда I. Его качества все отрицательные — упрямство и уныние. Неудивительно,

что сын скрыл его в незаметной гробнице из парбекского известняка. Во время семейного спора он швырнул в огонь золотую свадебную корону дочери. Его кампания против шотландцев была результатом неверной оценки, его изгнание евреев — свидетельством фанатизма. Он убил семь тысяч обитателей Бервика в течение одного дня. Он изобрел повешение, волочение и четвертование. Его жена настолько пренебрегала своими детьми, что большинство из них умерли во младенчестве.

Эдуард II был последним из тринадцати. Длинноногий оставил своему сыну разоренную страну — разоренную войнами, для которых он собрал самую большую армию Средних веков. За всё это его называют одним из наших величайших королей.

30-е, суббота. декабрь 1989

Ехали вдоль болот под пасмурным низким небом. Печальные, запущенные дома скрыты темными деревьями. За час нашей поездки мы не увидели ни одной машины. В полях пусто, овцы с ярко-синими отметинами стоят без движения.

Поговорил с соседом Брайаном о разрушительном влиянии Шекспира на средневековую историю. Очень сложно видеть прошлое не сквозь линзы его пьес.

Очередная бессонная ночь; брошенный в жернова тревоги, я ворочался много часов, пока не взмолился об отдыхе. Нечто ужасное охватывает меня ночами; я дрожу, словно безвольная тряпичная кукла. Встал, чтобы успокоиться, но безуспешно.

Утром огонь в камине погас. Съел тарелку каши, медленно вытягивая себя из трясины ночи.

Отчаянное письмо от Рона Пека, у которого гораздо больше сложностей с его фильмами, чем я думал. Кино приносит в нашу жизнь одни лишь печали. Солнечные моменты очень редки, и чем больше мы пытаемся уйти в сторону от прямолинейного, ограниченного британского кино, тем меньше получаем.

С Тодом и Тимом дошли до моря, где я бросил в волны гипсовую статуэтку Христа. На обратном пути Дерек нашел

на пляже человеческую бедренную кость, и мы похоронили ее вместе с самодельным крестом.

Простуда меня достала, и я сижу над дневником, хрипя и кашляя. Еще один нерешительный день: просмотр съемок, небольшая законченная картина.

Все идеи вышли. Если бы только я мог передать рассвет, вордсвортианское «блаженство бытия».

Мой детский сад, где головки гвоздик, поникшие от тяжелой утренней росы, лежали на дороге — все цветы, что цвели тогда так ярко. Блестящие маки, смятые, как праздничные колпаки. Пионы, ирисы, ваза с тюльпанами, рассыпавшими свои лепестки по бабушкиному столу. Желтая, как масло, лимонница летает над большим зеленым газоном. Впереди целое лето.

Наступила ночь. После жаркого летнего дня, когда газон подстрижен, и солнце хорошо прогрело землю, и если вечером должен пойти дождь, мягкий, теплый, стучащий так, словно каждый цветочный лепесток и древесный лист превратился в барабан, то кажется, будто сад глубоко дышит и притягивает приятную прохладу.

Потом, после дождя, вновь приходит теплая ночь, и нагревшаяся земля пахнет, пахнет свежескошенная трава, и все деревья и цветы набираются сил, пока воздух не наполнится ароматом, который, желая дать ему наилучшее имя, я назову ароматом благодарности.

Бэкон.

В этом году я потерял много друзей, но больше всего мне не хватает Говарда. Без него мне некому довериться, ничто не заменит его надежную поддержку. Смерть Говарда в апреле омрачила все лето. Октябрьским утром тихо умер Пол.

Канун

Нового

года

С утра меня позвал на кухню глухой стук. Выглянув в окно, под шиповником в четырех футах от стены я увидел пустельгу. Поначалу я подумал, что она ударилась о стекло

и оглушила себя, но через минуту она взлетела с воробьем в когтях.

АЭС отметила уход старого года ревушим облаком пара. Говорят, есть планы строительства вокруг нее огромной бетонной дамбы.

В восемь заглянул к Дереку. Он приготовил спагетти, а затем уселся в окружении бутылочек, похожих на набор юного химика, чтобы смешать цветочные настойки Баха.

Ушел еще до полуночи, унося с собой три бутылочки, перед сном проглотил несколько капель настойки против меланхолии и не стал трижды стучать головой о подушку, загадывая новогоднее желание.

1-е, понедельник. январь 1990

На завтрак приехал Дерек Болл с Тодом и Тимом, а я еще не успел проснуться. Это всё настойки, сказал он, розовые фиалки пошли тебе на пользу.

За чаем читал «Penguin Book Of Homosexual Verse».

Завтрак нарушила пустельга, преследовавшая воробьев вокруг моей кормушки, превратившейся в жертвенный алтарь.

Я рассказал Тиму, любителю сплетен, о своей первой встрече с Робертом Мэпплторпом. Однажды летом моя подруга Улла познакомила нас на Кингс-роуд. Он привел меня в студию, где тогда жил, и показал множество снимков мужчин, прикованных, подобно Прометею, к скалам на берегу Тихого океана. Мы провели в постели три дня.

Роберт был откровенно амбициозен. Много лет спустя, став знаменитым фотографом, он подошел ко мне ночью в клубе и без всяких предисловий сказал: «Я получил все, что хотел, Дерек. А что получил ты?» И ушел, не став ждать ответа.

Тогда я видел его в последний раз.

Роберт был проницательным дельцом от искусства.

Первую «взрослую» камеру он получил за обедом от Сэма Вагстаффа. Сэм, обладавший одной из лучших в мире кол-лекций фотографий, стал его покровителем.

Роберт скрылся за своим фотоаппаратом и славой, все больше походя на рептилию. Его кровь стала холодной. Его фотографии мертвяще благовоспитаны — в них нет ничего,

что заставило бы вас смеяться или плакать. Жизнь и смерть диско. Бледные, серебристые, никаких затемнений и черных пятен. Шутка с хлыстом из задницы, чтобы пощекотать простату. Никогда не понимал его популярности.

Но когда я встретил его впервые, все это было в будущем — в те времена он был полон любопытства. Вместе мы провели много часов, болтаясь по блошиным рынкам в поисках вещей, из которых он мог бы сделать свои фетишистские украшения — черепа, красные стеклянные кубики, кости. Мы сделали кольцо с двумя черепами с алмазными глазами, которое я носил много лет.

Два парня в походе за драгоценностями, секс и блеск. К сожалению, сейчас я больше не ношу украшений, хотя строгий серый костюм и три нитки материнского жемчуга мне бы пошли.

Новогодний ландшафт холоден, тишину нарушают лишь крики чаек.

Позвонил Аласдеру и Кристоферу, пожелал им счастливого нового года. Кристофер провел церемонное Рождество в своем загородном доме в Нортхэмптоне. Аласдер всю ночь ссорился со своим бойфрендом Барри.

Дерек уезжает в Лондон. Я вновь остался один.

Еще один час (жизни) я посвятил просмотру эпизодов для нового фильма. Съемка отвратительная и неумелая — неудивительно, что я заболел. Как выбраться из этого болота?

2-е, вторник, январь 1990

Еще одна ужасная ночь растворилась в солнечном дне. Над морем встало кроваво-красное солнце. Белый туман висит в нескольких футах над галькой, которая после ночного дождя сверкает, словно бриллианты.

Встал с трудом, почти не спал. Сварил кашу. Глотать так больно, что для разминки горла пришлось говорить с самим собой. Никогда еще у меня не было столь отвратительной простуды; она распространилась на глаза, нос, уши — все заложено и болит. Это Рождество, никогда не бывшее для меня хорошим временем, стало самым печальным.

Единственное утешение — я никого не заразил, оставаясь наедине с дневником.

Этим солнечным днем рыбацкие лодки возвращаются домой в окружении неисчислимых туч чаек.

3-е, среда. январь 1990

Кролики едят все что найдут. Особенно они любят маки. Дикая смоковница разодрана в клочки, большие ветви повалены и сгложены до белой мякоти. Возможно, у нее сладкая кора.

Остатки куста полусжеваны, как тростник, и к концу зимы от них мало что останется. Хотя смоковница вновь прорастет из ствола, ничего удивительного, что она выросла всего на три фута.

Перечитал «Эдуарда II» Марло. Грипп стал чуть лучше.

4-е, четверг. январь 1990

Очень холодно. Очередная бессонная ночь: грипп оставил горло и перешел в грудную клетку. Пропотел и встал очень поздно, в одиннадцать.

Думаю о том, чтобы купить новую акустическую систему. Никогда ими не интересовался, относился к кассетам как к книгам и мало что переслушивал. Лучший подарок — чей-нибудь сборник. Я очень редко покупал их сам, если только для работы.

В пятидесятые отец привез из Штатов долгоиграющую пластинку, первую, которую я увидел. Это была «Моя прекрасная леди», предмет всеобщего увлечения. Я поставил ее на свой старый проигрыватель, и игла начала сдирать пластик.

После страшного скандала я купил одну из тех больших квадратных «вертушек», чей корпус делался из кремовой пластмассы. С ней я прожил все шестидесятые.

В моем детстве было очень мало музыки. Мы обходились старыми наборами классики на пластинках в семьдесят

восемь оборотов, коллекцией симфоний Сибелиуса, и ко времени приобретения собственной стереосистемы я не был особо впечатлен Hi-Fi. Мне до сих пор странно видеть, как люди носятся со своей аппаратурой. Хотя звук в кино, разумеется, другое дело.

В четыре мы собрались, заперли дом и уехали в Лондон.

5-е, пятница. январь 1990

Встреча с врачом в 17:00, впервые за два года. У меня не было собственного терапевта с тех самых пор, как Арнольд Линкен покинул Университетский центр здоровья.

Качественный центр в Шортс-гарден, его дружелюбная атмосфера и новый терапевт сразу мне понравились. После осмотра выяснилось, что никаких структурных изменений нет — это просто бронхит.

Днем встретились с Колином Маккейбом, и он пригласил нас с ХБ на чашку кофе в Британский киноинститут, где мы поговорили об Эдуарде II. Колина интересовала тайная служба, государство в государстве, которая эффективно отслеживала и избавлялась от инакомыслящих даже в семидесятые, с падением Гарольда и провалом Джереми.

Агенты работали в мире сексуальной двойственности. Мир, в котором аристократка, узнав, что ее сын гей, воскликнула: «Он уступил».

Однажды в фойе Театро Коммунале на премьере «Питера Гримса» Бриттена я встретил Джереми, изо всех сил старавшегося быть незаметным.

За свою неверность тайный агент Марло был убит ударом клинка в глаз.

В Эдуарде меня интересует то, что его поведение было не менее сумасбродным, чем поведение Марка Антония. Эдуард и Гавестон — любовники, потерявшие мир. Но даже сейчас это невозможно передать; параметры любви крайне ограничены Дидоной, Клеопатрой и Еленой.

Долгая прогулка с ХБ в Музей современного искусства на выставку «Новых современников». Все слишком благообразно. Ничего подобного «Молодым современникам» моих студенческих лет, где амбициозные, громкие работы штабелями складывались друг на друга, образуя беспорядочные джунгли. Здесь же все оказалось холодным до безразличия.

В Сент-Джеймс-парк цветут первые белые камелии.

Аббатство было закрыто на службу, поэтому мы зашли в Дом собраний и осмотрели окуренных благовониями ангелов. Затем через Вестминстерский мост перешли на южный берег, где нас остановила покрашенная дама средних лет, которая сказала: «Как я рада, что вы живы, Дерек. В газетах говорят, вы страшно больны». Это откровенное приветствие стало началом беспорядочного десятиминутного разговора, закончившегося тем, что мне протянули ксерокс с заголовком «Графиня Вероника». Графиня подсчитала, что четыре сотни лет ее гения были потеряны, найдены, украдены и присвоены папами, политиками и Тойей Уилкоккс. Когда мы расстались, я вздохнул с облегчением.

В доме Феникса полил растения в горшках, выстроенных вдоль перил. Жасмин усыпан желтыми цветами.

8-е, понедельник. январь 1990

Какое влияние отказывает сексуальная открытость и создание гей-фильмов на ваши возможности?

Этот вопрос задают мне едва ли не в каждом интервью. Сегодня, когда я на него отвечал, зазвонил телефон, и Аласдер сказал, что только что от заражения крови умер Иэн Чарлсон. Странно, что это случилось именно в тот момент.

В шестидесятых и семидесятых, до политической реакции следующего десятилетия и пришествия СПИДа, «каминг-аут» играл положительную роль и помогал сообществу. В октябре 1976-го на первый показ «Себастьяна» у кинотеатра «Гейт» собрались толпы народа. Отзывы были хорошими.

Все мои друзья стали открытыми геями еще в начале шестидесятых, когда появился Дэвид Хокни. Для меня это не было каким-то особым шагом. «Себастьян» просто признал то, что уже и так существовало.

В 1977 году я предложил Иэну сняться в моем втором фильме «Юбилей»; это была его первая кинороль, и он играл гея. В течение десятка лет мы оставались близкими друзьями. Затем все изменилось. Дэвид Паттнем, который в некрологе *Independent* хвалит Иэна за смелость признаться перед смертью, когда-то посоветовал ему вычеркнуть из резюме его работу со мной. Так первым его кинофильмом стали «Огненные колесницы».

Иэн извинился передо мной, но тем не менее уступил. Еще два года назад, давая интервью желтой прессе, он отрицал свою сексуальность и нашу дружбу, стремясь защитить репутацию. Невольно Иэн выступил на стороне оппозиции, которая принесла Возрождение Британского Кино и миссис Тэтчер.

Сегодня все хвалят его силу и честность. Я — единственный, кто считает иначе. Даже Аласдер вчера вечером сказал: «Дерек, не начинай все сначала, он умер хорошей смертью». Боюсь, что я так не могу. У меня пять лет не было работы, поскольку мои проекты были «гей-проектами», гонимыми руководством Иэна. Поступи он иначе, это меня бы подбодрило.

Однако он делал вид, что мы не знакомы, настолько он был смущен. Со стороны семьи Иэна действительно было смело рассказать о причине его смерти, но насколько смелее было бы, если б правду сказал он. Но нет; испуганный, он стремился к победе.

Я не собираюсь писать некролог для *Pink Paper*, поскольку мало кто поймет мою точку зрения. Для всех это просто старая киноссора. Но увидеть мир в песчинке... кино в моей жизни — тот песок, что позволяет передавать увиденное на сцене и за кулисами. Это мой микрокосм. Молчание Иэна не принесло ничего хорошего. Стройный «гетеросексуал», стирающий свое прошлое и настоящее на тот случай, если вдруг по пути к Оскару или Королевскому представлению в нем обнаружат какой-то незначительный изъян.

После «Огненных колесниц» он сидел и ждал звонка из Голливуда. Но Иэн не был Мэттом Диллоном и так и просидел у телефона все десять лет, все глубже погружаясь в наркозависимость. Вполне логично, что актеры собираются учредить мемориальную стипендию Иэна Чарлсона.

10-е,

среда.

январь

1990

Пришло анонимное письмо с цитатой из Будды Гаутамы:

А самое главное — не теряй желание ходить. Каждый день я привожу себя к здоровью и увожу от болезни. Я веду себя к своим лучшим мыслям и не ведаю тяжелых размышлений, от которых невозможно уйти... сидя на месте. Чем больше человек сидит, тем ближе он к болезни. Если продолжать двигаться, все будет хорошо; ты не сможешь идти по пути, пока сам не станешь путем.

На обед приехал Рон Пек. Мы поговорили о последних пятнадцати годах жизни. Он пересматривает свой старый фильм «Ночные птицы». В те дни он пешком ходил на обеды с инвесторами, так мало было у него денег.

Рон написал сценарий по мотивам убийств Нильсена. Он прочел имена участвовавших в «Ночных птицах», чтобы узнать, был ли там Нильсен. Я рассказал ему о своей дружбе с массовым убийцей Мишелем Лупо. Рон ужаснулся, поскольку видел все судебные фотографии — они были очень жестокими. Когда я знал Мишеля, он был ярким и общительным.

Работая менеджером в магазине Ив Сен-Лорана на Гайд-Парк-корнер, он завел органайзер, наполняя его именами и адресами богатых и знаменитых. Иногда он приходил ко мне провести ночь. Ничего из того, что он делал в жизни или в постели, не намекало на мрачную развязку. Возможно, это была мина замедленного действия; кто-то говорил мне, что узнав о своем диагнозе ВИЧ, он начал мстить.

Однажды утром я увидел в газете его фотографию: Мишеля обвиняли в совершении нескольких убийств. Молодой человек, с которым он жил и с которым у меня тоже была связь, ничего об этом не знал до тех пор, пока посреди

ночи к нему не приехала полиция, арестовала его и допрашивала три дня.

Вчера у нас была первая рекламная встреча относительно «Сада». Возвращаясь в монтажную, где Питер и ХБ работали над пленкой, я встретил Джина Октобера, с которым работал на «Юбилее». Широкая улыбка Джина способна проглотить Сохо.

11-е, четверг. январь 1990

Был в Королевской академии искусств на выставке Франса Халса. Встретил Питера Блейка и Тома Филиппса.

12-е, пятница. январь 1990

Сегодня вечером в British Screen состоялся прием. Я чувствовал себя призраком на пиру — слишком много людей интересовалось моим здоровьем. Мои заверения никого не убедили. Все отметили кашель.

Обед в галерее Центральной школы искусств, зал из гранита и византийского сумрака. Самыми веселыми были Майк Ли и Аманда Донохью, которая рассказала, как в шестнадцать лет вскарабкалась по крыше дома на Марчмонт-стрит, чтобы проникнуть на первый показ «Юбилея».

Весь вечер я пытался выглядеть довольным и счастливым, но смерть Иэна Чарлсона окутывала мрачной пеленой все разговоры. Ушел в полночь вместе с Джеймсом; на улице — проливной дождь. Без терпения Джеймса ни один мой фильм восьмидесятых не был бы снят.

13-е, суббота. январь 1990

В зале M&S сплошные английские пудинги: фруктовое пюре из крыжовника со взбитыми сливками, летний пудинг, хлеб с маслом, а вот королевского пудинга нет; по словам ХБ, он был бы самым популярным. На выходе — проверка, как на входе в гей-диско.

14-е, воскресенье. январь 1990

Пошел в Тейт, но выяснилось, что все ЗАКРЫТО.

Присоединился к давке на Тернеров в диссонирующей пристройке Джеймса Стирлинга, расписанной в цвета муниципального приюта. Потом поспешил домой.

На пиццу заглянули Спад и его приятель Джонни в блестящих украшенных стразами куртках. Я примерил куртку Спада, насмешив ХБ.

16-е, вторник. январь 1990

Приехал Джулиан Коул. Мы поужинали какой-то неудобоваримой пищей, которая рассыпалась в духовке. К полуночи я задышался от кашля. Так, задыхаясь, лег в постель.

17-е, среда. январь 1990

Теплый, солнечный день. Сады Эдвардс-сквер полны яркой форситии, камелии и айвы. Обедал в студии Ричарда.

Вернувшись в дом Феникса, увидел, как ХБ опасно свисает из окна над Чаринг-Кросс-роуд, проводя глобальную весеннюю чистку.

Отправился в Роуни, где купил масляную краску; на стене Ричарда висела замечательная картина Ауэрбаха с изображением стройки Shell. Это вдохновило меня взять кисть и завязать с коллажами.

Подумываю написать АЭС позади сада и портрет ХБ. Он был не против и спросил, могу ли я сделать рисунок. Не знаю. В Слейде за рисунок я получил степень с отличием, но думаю, это был трюк. Тогда я удивился, поскольку не верил, что умею рисовать — просто черкал и стирал.

Мои больные легкие стали очень чувствительны к сигаретному дыму; когда сегодня утром, работая над музыкальным сопровождением, Саймон Тернер закурил свой «Житан», я едва не задохнулся. Мы сделали план «Сада», который можно предъявить, если вдруг он кому-то понадобится.

Сегодня умер мой друг Джони Хант и замечательный Пол.

Вечером у выхода из квартиры со мной заговорил мужчина; сперва он тараторил на меня, потом сказал: «Вы теряете вес, вы определенно теряете вес», после чего удалился, сжимая папку с бумагами. Я пошел в Comptons и выпил два стакана воды.

18-е,

четверг.

январь

1990

Нью-йоркский агент по рекламе «Военного реквиема» звонит в расстроенных чувствах — все идет не как надо. Для прессы ему дали две черно-белых фотографии! А потом потеряли статьи и рекламные обзоры. Вечером сделал несколько звонков, чтобы ему помочь.

Позвонили из *Guardian* и задали вопрос о шотландском судье, которого уволили после признания своей гомосексуальности. Почему сексуальность должна вторгаться в процесс судопроизводства? Никто ведь не скажет, что суд Микеланджело был неудачным.

Все еще нервничаю и думаю о том, чтобы проконсультироваться у другого врача относительно своей грудной клетки. В итоге решил подождать до следующей недели. Без пенициллина и отхаркивающего средства мне лучше, но все равно задыхаюсь.

По пути из банка встретил Арнольда Линкена, своего друга и врача, занимавшегося мной много лет. Он шел мне навстречу, поэтому я развернулся и пошел вместе с ним.

Мы остановились выпить кофе. Он рассказывал о художнике Ките Вогане, его пациенте. Воган был настолько умным и скромным, что с ним было почти невозможно разговаривать.

После того как два года назад Арнольд вышел на пенсию, мне очень не хватает его острого глаза и убедительного голоса.

На чай зашли Дженни Ховарт и Теренс Дэвис; ХБ купил в Maison Vertaux фруктовый пирог. Теренс, постукивая своими безупречными коричневыми туфлями по полу, наполнил

квартиру живым историями, блестящими сценками и крупными планами. Он рассказал, как представил себя один знаменитый актер: «Тик с вечеринки».

Теренс разгромил «Черноглазку» Денниса Поттера: ему надо смотреть больше фильмов, прежде чем заявлять, что он новатор.

Он изобразил встречу с Патрисией Хейс, где она защищала его до синяков, как ведьма Уолта Диснея. Разозлился при упоминании о Дженет Стрит-Портер, которая, показав прошлым вечером свой воистину ужасный дом, заявила, что основанием для него были «дрянные фильмы Орсона Уэлса». Гений, говорит Теренс, просто гений. Как она посмела — и еще Мюриэль Грей, сказавшая о «Далеких голосах», что «это очередной британский фильм с кучей героев, которые всю войну поют».

19-е, пятница. январь 1990

В Чаринг-Кросс сел на поезд до Эшфорда. Серый унылый день. Меня встретил Дэвид, и мы поехали через болота, яркие, изумрудно-зеленые под темными небесами.

Хижина Перспективы такая же, какой я оставил ее две недели назад, — сопротивляется ветру, который нале-тает и быстро исчезает до наступления ночи. Разжег огонь и вынул новые краски, чтобы набросать три эскиза АЭС позади сада в сумерках. Телефон звонил без конца.

20-е, суббота. январь 1990

Великолепный рассвет с фиолетовыми и темно-розовыми полосами. Разноцветное сверкание и переливы в облаках над морем скоро исчезли, и сквозь них пробилось бледное зим-нее солнце. Но сад выглядит великолепно, в низком свете все камни резко подчеркнуты.

У края моря зимние ветра вырезали в гальке глубокие бухточки — они похожи на зубы спины дракона, протянувшиеся вдоль всего Несса.

После завтрака на крышу слетели два потерявшихся голубя, сделавшие коттедж своим домом, и начали шумно расхаживать.

В саду начинается рост. Вылезли первые крокусы, хотя ветра их нещадно треплют. Выглянули нарциссы, проросли семена катрана, фиолетовые бутоны старых растений стали более заметны.

Бузина начинает осторожно распускать листья, ее сосед розмарин покрыт яркими голубыми цветами.

Проросли маки, но кролики сгрызли их до основания. Первые бутылочно-зеленые побеги выпустил барвинок.

На фиолетовом шалфее греется божья коровка, похожая на драгоценный камень.

Зима берет свою дань: укроп и ромашка погибли, увяли несколько кустов лаванды. Но на каждое погибшее растение приходится несколько новых. Проросли семена смирнии, которые я когда-то разбросал, активно растет коровяк.

Я ищу лопух, васильки и нивяник, но нахожу только красную валериану.

В три начинается дождь, и все затягивает тучами.

21-е, воскресенье. январь 1990

Бледное белое солнце похоже на привидение среди серых летящих облаков; скоро его скрывают тучи. За мадригалами Джезуальдо, этими странными продуктами контр-Реформационного психоза, применявшегося к художественной форме Позднего Средневековья, слышится рев ветра.

И все же не важно, что он весь раздроблен на куски. Целое дезорганизовано. Но каждый индивидуальный фрагмент — упорядочен, он представляет Высший Порядок. Высший Порядок превалирует даже в распаде. Тотальность представлена даже в сломанных частях. И даже, может быть, более явно, чем в полностью осмысленной работе. По меньшей мере, вас не ублаживает чувство ложной безопасности от какого-то просто человеческого, просто сфабрикованного порядка. Вам нужно полагаться на свое непосредственное восприятие окончательного порядка. Поэтому в некотором смысле, распад может обладать своими преимуществами⁷.

Хаксли.

Гуляя вдоль пляжа, собрал кремь для сада. Дерек запускар воздушного змея. Проходя сквозь ракетник, я заметил большую гусеницу коконопряда, свернувшуюся вокруг ветки; она выглядела слегка потрепанной, но вполне живой.

Возвращался в Лондон, когда солнце пускало огненно-красные отсветы по всему Нессу.

22-е, понедельник. январь 1990

Перед началом монтажа просматривал последние материалы.

23-е, вторник. январь 1990

В десять записывали программу в Бридж-хаус в Паддингтоне для вооруженных сил о «скрытой гомосексуальности». По пути назад вымок под дождем.

Разрушенный, провонявший мочой переход на станцию Тоттенхем-Корт-роуд под Центр-пойнт привел меня к осажденному со всех сторон билетному автомату.

Деньги в кармане, мелочь раздаю — у меня никогда не было ни кошелька, ни банковской карты. Не в силах заполнять все эти формы. Без тревоги не могу даже уличный телефон использовать.

Злюсь, стоя перед списком станций, подхожу к киоску, покупаю билет у унылого кассира, вставляю его в турникет, и тот выбрасывает его обратно мне в лицо. Здесь больше нет эскалаторов; приходится спускаться по ржавеющим спиральным пожарным лестницам мимо блевотины и заплесневелых стен, блестящих от гнилостного разложения, проходить мимо психического увядания, воплощенного в жалкой мозаике Паолоцци, и входить на центральную платформу под далекое звучание утопической песни шестидесятых, эхом разносящейся по коридорам. Задыхаясь, едва чувствуя под ногами пол, я подхожу к последнему вагону, где запачканная обивка покрыта слоем серой грязи, и через какое-то время оказываюсь на свободе, на улицах Ланкастер-гейт.

Что случилось с метро? Грызуны-пассажиры, злобные мертвые глаза, вонь сырой зимней одежды, скомканные газеты, размазанные усталыми пальцами мировые проблемы.

Телефонный разговор с моим учителем рисования Робинот Носко, который сказал, что в школьном журнале появился мой некролог.

Глубокой ночью ХБ приснился сон о боксе, и он так сильно ударил подушку рядом с моим лицом, что я почувствовал это даже во сне. Он промахнулся всего на дюйм. Я заорал: «Ты что творишь?» — и разбудил его.

В доме Робина на Коул-хилл просвещалось целое поколение школьников. Там мы выучили наш архитектурный словарь. Когда «Би-би-си» попросили меня рассказать об архитектуре двадцатого века, я подумал о Гарден-хаус, выстроенном нашим учителем в пятидесятые годы, погруженном в заросли камелий.

Днем сходил в Буш-хаус на радиоинтервью перед американской премьерой «Военного реквиема». Остаток дня читал еще одну биографию Эдуарда I.

24-е, среда, январь 1990

Яростная буря сдула несколько участков крыши. Выходя на улицу, глядел вверх на случай, если оттуда что-то свалится. Ливень и вихри у Центр-пойнт. Поздно вечером вернулся от Ричарда Салмона — выпил бокал вина, первый алкоголь за два месяца.

В панике позвонил Дерек: в Дангенессе порывы ветра достигают ста двенадцати миль в час. Крыши срывает, всюду летает мусор. Его пристройку сдуло, а когда он со мной говорил, вырубилось электричество.

В три, несмотря на предупреждения Дерека, мы отправились в Кембридж на выставку Пола Рейнольдса. Потратили три часа, чтобы от центра города добраться до М11, а потом почти сразу же застряли в пробке еще на три часа. Наконец в десять вечера мы съехали с Восьмого съезда вместе с сотнями других запутавшихся и растерянных водителей и повернули назад в Лондон. Везде перевернутые грузовики.

Время скрасил Второй концерт Бетховена и симфония Брамса. На шестом часу поездки Рик мрачно сказал: «Это длиннее Махабхараты».

Сидя в машине, мы вспоминали последние четыре года. Пол рассказал несколько морских историй из Картахены, где он завершал исследование римской керамики с видом на знаменитый бордель. В полночь мы приехали домой, очень усталые.

26-е, пятница. январь 1990

Буря нанесла Дангенессу серьезный урон. Телефонный столб у моего окна сломался и теперь болтается на ветру, держась только на проводах. Новая теплица лишилась стекол; гараж у дороги, принявший на себя удар урагана, сломался и сгорел. По замерам военной базы, порывы достигали ста двадцати миль в час.

Мой сад стал плоским. Не меньше половины деревянных столбов упали, один из металлических буйков вообще исчез. Сам дом остался цел, но тяжелый зонт печной трубы улетел, словно диск, приземлившись на гальку целым и невредимым.

Многие камни, образующие круги, перевернуты. Но наибольшие потери среди растений, сожженных соленым ветром; выглядят они очень печально.

Я смотрю на мир сквозь окна, плотно покрытые солью.

Сегодня в три часа дня из АЭС с ревом вырвались клубы пара, поплывшие над Нессом, и раздался жуткий грохот, словно одновременно взлетала сотня самолетов. За несколько секунд огромное здание скрылось из виду, в темных облаках замелькали искры.

— Боже, она сейчас взорвется, что делать? — воскликнул Дэвид, обегая дом. Я мигом собрал сумки.

— Я звоню ХБ! — крикнул я. Тем временем Дэвид схватил камеру и начал снимать. Я позвонил ХБ. «Убирайся оттуда немедленно», — сказал он. Между башнями с треском проскочила еще одна огромная искра. Я набрал 999; оператор была спокойна, взбесив меня еще больше. Она спросила:

- Где, вы говорите, это происходит?
 - Дангенесс. Атомная электростанция сейчас взорвется!
 - Вы можете назвать адрес?
 - Дангенесс!
 - Я имею в виду, точный адрес.
 - Да мир сейчас взлетит ко всем чертям, люди отсюда до Амстердама и даже до самого Чернобыля могут погибнуть!
 - Пожалуйста, выражайтесь точнее.
 - Атомная электростанция в Дангенессе.
- Весь дом дрожит. В ярости я швыряю трубку. Звонит ХБ; практичный, как всегда, он позвонил на станцию.
- Они сказали, что у них контролируемое аварийное отключение: при порыве ветра молния повредила линии электропередачи.

Паника постепенно ушла. Мы с Дэвидом сидим за кухонным столом, приходя в себя. Отсюда вспышки молний похожи на серию взрывов, а раскаты грома усиливают рев пара: невероятная иллюзия, которую, возможно, видели только мы. Через десять минут свет погас, оставив нас в темноте со слипшимся полуприготовленным обедом.

27-е, суббота. январь 1990

Серый ветренный день. Вымыл пол и стер пыль, которую ветер надул в дом сквозь щели. Продолжил писать картину АЭС и покрыл позолотой записную книжку для «Эдуарда II».

Днем закончил читать биографию Эдуарда I и поработал в саду, восстановив сбитые бурей колья.

На пляже нашел почерневшие доски от старой лодки, слишком тяжелые, чтобы сдвинуть их с места.

Вечером приехал Питер, установил видеокамеру и целый час записывал.

Погода испортилась, всю ночь дул сильный ветер, так что дрожал весь дом.

28-е, воскресенье. январь 1990

Яркий солнечный свет и сильный ветер. После трех дней работы восстановил сад. Все растения сильно повреждены: желтофиоли выглядят так, словно их облили кипятком; даже лаванда завяла, а бутоны крокусов съежились. Очень жаль, но лавандовые кусты пришлось обрезать.

Под ивами в Лонг Питс увидел первую в этом году примулу.

29-е, понедельник. январь 1990

Весь день шел дождь. От нечего делать купил биографию [Аллена] Гинзберга, улегся в постель и целый день читал.

30-е, вторник. январь 1990

В 8:30 миновал толпы спешащих на работу людей, перешел мост Хангерфорд и виадук Ватерлоо и сел на поезд до Пула. Едва ли не единственный, кто ехал в том направлении; меня едва не сшиб поток людей: меня то и дело пихали вдоль узкого тротуара, пока лондонские пассажиры, похожие на крыс с прищуренными злыми глазами, шлепали по лужам на работу.

В Гарден-хаус нас с Рут Розенталь встретили Робин и Фил Носко. Приятный аромат масляной краски и древесной золы. На улице шел ливень, а Робин рассказывал о многочисленных соснах, в том числе о веллингтонии, упавших во время бури. Аромат сырого костра, огонь, мерцающий во мраке Кэнфорда. Большинство старых кедров повалилось или лишилось ветвей.

В художественной школе Робина много подросших детей. Мы вернулись в Борнмаут под проливным дождем, обсуждая планы десятиминутного фильма об этом доме.

31-е, среда. январь 1990

Длинное замечательное письмо от тети Мойры. Новые семейные истории: по ее мнению, портрет моего отца точен, но он не был эгоистичным, поскольку ухаживал за моей матерью,

когда она умирала от рака. Мой дядя Эдвард родился в пик первого рывка Германии на Лондон, в 1915 году, и был переправлен на корабле, который преследовали подводные лодки, к бабушке в Калькутту. Во время этого долгого путешествия пассажиры умирали от гриппа, как мухи.

Три часа провел в Сент-Мэри, проверяя легкие. Атмосфера дружелюбная, но я волновался. Итог — все в порядке. Врач сказал, что для моего возраста легкие в прекрасном состоянии.

Питер и ХБ с головой ушли в монтаж. Понятия не имею, что они там делают.

Мой день рождения.

1-е, четверг. февраль 1990

Телефонный звонок. Мне рассказывают, что старые друзья разносят слухи, будто я очень болен. Отметил это, сходя к стоматологу и выдрав зуб. Интересно, как все это на меня повлияет? Думаете, найти деньги на фильм легче, когда ваши знакомые так о вас говорят?

Вполне естественно хотеть, чтобы те, кто сомневается в нашем добром здравии, сами бы скопытились: большое здание превращается в пепел, полотно порезано, дерево упало, прошлое исчезает ради будущего. Маленькие смерти. Все мы испытываем удовлетворение в своем темном уголке.

Сегодня умер мой друг Алан.

2-е, пятница. февраль 1990

Мне очень хочется вновь начать рисовать.

Вчера в полночь приехал Джон Севедж, и мы отправились на восток через пустынный Доклэндс. Миля за милей зажатые в тесноте между домами, на улицах никого. Отважный новый мир восьмидесятых.

Периодически мы проезжали места, где я снимал «Юбилей»: сад Безумного Макса все еще на месте, гномы выглядят печальными.

Лил дождь, и видно было плохо; только гипнотический свет, отражавшийся в каждой луже.

Выбравшись из машины, мы дошли от «Катти Сарк» до Королевского военно-морского госпиталя. Никого. Затем на Собачий остров — Леголэнд гиблых дел: голливудская архитектура, над которой, словно виселицы, возвышаются молчаливые подъемные краны.

На моих картинах инициалы IHS HIV.

Сегодня фильм сдвинулся с места, из хаоса начала вырисовываться структура.

Джон рассказал, что дал Джули Берчилл адрес АСТУР; ДБ — самодовольная уродливая журналистка, строившая из себя панкушку, чтобы заполучить собственную колонку. Она сказала, что предпочитает мягкотелых гомосексуалов, одетых в бархат, как Оскар Уайльд, и терпеть не может новых педиков с их политическими амбициями и стилем мачо. Джон заметил, что мы должны положить конец гомофобии среди жертв моды с мозгами величиной с горошину.

В среду вечером, во время беседы на встрече гей-сообщества в Лондонском университете, один из его преподавателей сказал, что открытые гомосексуалы среди профессоров всегда находились под серьезным давлением. Положительный отзыв о работе студента-гея вызывал в комнате отдыха шушуканья и намеки. Он чувствовал, что должен следить за каждым своим словом и скрывать личную жизнь.

Пока я сидел в очереди в Сент-Мэри, ко мне подошел врач, который одновременно является пациентом. Мы поговорили о сложностях, с которыми он сталкивается. Он спросил, как на меня повлияло публичное заявление о своем ВИЧ-статусе. Можно с уверенностью сказать, что люди, которых я встречаю на улице, смотрят на меня как на мертвеца. Я вынужден подчеркивать, что со мной все в порядке, однако это их не убеждает.

С другой стороны, желание выжить во мне еще сильнее — найти пролом в тюремной стене, которую соорудило

вокруг меня общество, перепрыгнуть через нее. Я сказал, что у меня не было выбора — только откровенность, я не скрытый человек. Любой, кто доверяет мне секреты, делает это на свой страх и риск.

Мне советовали ничего не говорить, хотя знали, что молчать я не буду; мне повезло, что я смог нарушить тишину. Если я не сумею заработать денег как режиссер, у меня остаются кисти и краски.

Все близкие меня поддержали. Слава Богу, они не спрашивают о моем здоровье при каждой встрече.

Прессе это было неинтересно — я не публичная фигура и не поп-звезда.

Хотя в прошлом году, когда я работал с Pet Shop Boys, ситуация изменилась: «Жертва СПИДа ставит шоу PSB». Откровенность принесла облегчение и укрепила защиту. Я не расстраиваюсь из-за того, что всех интересует мое здоровье, но в подобных обстоятельствах такой вопрос лучше обратить к небесам.

3-е, суббота. февраль 1990

Отнес в чистку полосатый костюм, который носил всю неделю, и стащил у ХБ его синий комбинезон. В нем гораздо удобнее. ХБ говорит, что не успевает он отвернуться, как я начинаю копать в его одежде. Носить чью-то одежду гораздо проще, не надо ничего выбирать. ХБ выглядит безупречно, говорит, что я украл его образ. Мне идет — черное и синее.

Льет дождь, омывая пустые улицы. Владельцы магазинчиков на Бервик-стрит опустили жалюзи и хмуро стоят в дверных проемах.

Вернулся домой, держа промокшую *Independent* и рогалик. Написал письма, взял биографию Гинзберга и с головой погрузился в сороковые на Манхэттене, где комнаты без горячей воды.

Утомленный, вялый и обессиленный после выходных. В фотобудке YMCA сделал четыре уродливые фотографии на паспорт: красноглазый, лопухий, похож на съезженный конский каштан. Результат крайне неприятный. Люди показывают друг другу свои паспортные фото так, словно раскрывают грязные секреты. Дайте посмотреть вашу.

Субботний вечер: прислонившись к стене в Comptons и держа в руке двойную водку, обсуждал со Стивеном «Эдуарда II» под «Tainted Love» Марка Алмонда. Напротив, рядом с баром, ослепительно улыбается бритый парень. Он ссорится со своим любовником, сидящим ко мне спиной; его рука — на синих джинсах парня. Тот продолжает улыбаться и бросает на меня долгие взгляды.

Король мог пересказать пьесу Марло как Шехерезада: девяносто минут воспоминаний и соблазнов, сексуальный палач, как тот бритоголовый, который потягивается и поворачивает задницу в моем направлении. Жестокая фаллическая смерть Эдуарда от раскаленной кочерги.

Наконец, его любовник замечает мое присутствие. Может, Изабель должен играть мужчина? Пирс и Мортимер отходят на задний план; черный пепел — «Отец скончался», скомканная записка из прошлого, поднятая с пола сточного колодца тюрьмы.

Целый час я служил объектом сексуальной провокации. Когда я брал выпивку, разозленный бойфренд утащил его из паба, и я остался наедине с пьесой.

Прошелся по Лондону с Дагмар Бенке из немецкой телекомпании ZDF: сперва в музей сэра Джона Соуна, затем в Темпл. Ее поразило, что древнюю Коллегию все еще населяют адвокаты, их имена написаны от руки на георгианских дверных коробках.

Несмотря на элегантную воздушную архитектуру Рена, в церкви Клементы Денса царит мрачная атмосфера. Доска

почета с именами погибших летчиков стала поводом для долгого разговора о традициях и британском истеблишменте.

И о том, как в конце шестидесятых я встретил этот истеблишмент, будучи художником, а не режиссером.

Зашли в Hackett, магазин одежды в Коvent-Гарден, созданный по образу и подобию портных Сэвил-Роу, где продается не одежда, а Прошлое, и в клуб Garrick, где видели стариков, наощупь бредущих вверх по ступеням. Говард Брукнер рассказывал, что в США музеи курируют власть имущие. Искусство и деньги лежат в одной постели.

Однажды в перерыве балетного Королевского представления Джейкоб Ротшильд мрачно сказал мне, что капитализм стоит одной ногой в могиле.

По словам Говарда, Дэвида Паттнема убрали из Columbia после того, как он отвернулся от человека, подарившего Лос-Анджелесу его музей современного искусства. Он довольно резко отказался от приглашения, заявив, что занимается кино, и у него нет времени на искусство. Искусство развернулось и укусило его.

Если вы думаете, что создание фильмов не имеет политического аспекта, почему тогда перед тем, как в Парламенте разразились дебаты о «Юбилее» и «Себастьяне», на съёмочную площадку «Караваджо» пришел министр культуры, а позже за обедом говорил со мной о финансировании короткометражек? Старый истеблишмент никогда не шокировало кино. Возможно, утомляло, но не шокировало.

Может ли «Сад» быть богохульным? В Германии, как и здесь, существует закон о богохульстве, сказала Дагмар. Я-то думал, мы единственные. Один человек, которого я знал, шепнул за обедом цензору на ухо, и «Себастьян» вышел на экраны без вырезанных сцен. Шекспир, «Сонеты», «Караваджо», «Реквием» Бриттена — нет ничего более традиционного, что можно было бы выбрать для съёмок. Но некоторые до сих пор считают меня угрозой.

Винсент Кэнби, ненавидевший все мои фильмы, а больше всего — «Бюрю», вновь изничтожил меня сегодня в *New York*

Times. Вероятно, мне должно нравиться читать вот такое: Дерек Джармен снял фильм эпической бесполезности, которая, когда оказывается на высоте, просто чрезмерна... Мистер Джармен, снявший «Себастьяна» и «Караваджо», имеет склонность к барочной зрелищности, совершенно не имеющей отношения к делу. И, наконец: Мистер Джармен в своем фильме настолько же художник, насколько и режиссер.

Большинство фильмов представляют собой эпическую бесполезность, средство, переходящее границы разумного в очень немногих руках, а значит, мне можно не волноваться. Только дураки ожидают найти в конце этой радуги что-то особенное.

8-е,

четверг.

февраль

1990

Всю ночь до самого рассвета ревел сильный ветер, залетая в мои сны. В полночь с приливом налетела буря. Каминные раскалились добела. Если дождь и был, я его не слышал. Ворочался всю ночь, в животе пустота. С каждым порывом ветра мое сердце едва не останавливалось.

В три вышла луна, бледное пятно в свинцовом небе. Размытый призрачный свет. Ветер стих на час, потом вернулся, завывая. Старые деревянные стены громко трещали и стонали. Я спал час, а проснувшись, увидел в безоблачном небе солнце, от которого заболели усталые глаза.

Вчера, когда мы с Джерардом ехали сюда в серой мороси, буря только надвигалась. Меня не было десять дней, в доме сыро. Дождь шел почти без остановки, вода в Лонг Питс поднялась до краев, болота украшены свежей зеленью.

Джерард уехал, несмотря на предупреждение в новостях, где дикторы просили людей оставаться дома. По пути сюда мы видели «мини», съехавшую с дороги и погрузившуюся в отводной канал до самой крыши. Ветви деревьев, упавшие колпаки дымовых труб и улетевший шифер отметили прохождение последней Великой бури две недели назад.

Середина дня

Слепящий свет, всю тьму сдуло ветром. Быстро распускаются крокусы, ярко-желтые лепестки широко раскрылись

уже к полудню. В тених — фиолетовый и белый. Вылезли подснежники, а перед тем, как солнце зашло за дом, раскрылся первый нарцисс.

Весна приходит, несмотря на жесткие ветра, сжимающие листья нарциссов, будто шпинат. Сегодня солнце сияет, изменяя пейзаж, превращая море из угрожающе свинцового в ярко синее. Гуляя в одиночестве по пляжу, я смотрю на бесчисленное множество ангельски белых чаек, парящих над темными волнами. В воздухе чувствуется легкость, Несс наполняется жизнью. Пробивается катран, розы выпускают бутоны.

В пять часов над проливом взошла полная луна, отражаясь в песчаных равнинах, сверкающих, как перламутр.

9-е,

пятница.

февраль

1990

Вечером полная луна светила так ярко, что дом отбрасывал на гальку тень, отдельную от тени садящегося солнца. В пять я стоял у окна, выходящего к морю.

Проснулся от странного сна. Разговор в красном автобусе с обнаженным юношей, заявившим, что он — бог Дионис, который направляется на оргию в его честь. Идя по пустой, мрачной улице, я миновал огромный разрушенный дворец с зеленой черепицей, дворец Чаушеску — наполовину ступа, наполовину офисное здание тридцатых годов. Страшно устав, я забрался в дом какой-то старухи и заснул. Она нашла меня, но не разозлилась, хотя очень хотела записать мой адрес. По пустой улице маршировало несколько сотен мальчиков в скаутской форме.

Сегодня солнце невероятно яркое, как угол улицы у де Кирико — резкие четкие тени. Крокусы яркие, словно огонь, горящий на гальке.

Пересадил грядку катрана, впервые в этом году занявшись садом. После начал разбираться с закадровым голосом фильма.

Днем прошелся к морю и обнаружил, что буря смыла гальку, обнажив катран. Я собрал несколько крупных экземпляров и посадил в переднем саду.

Над морем всходит темно-золотистая полная луна; на песках появилась светящаяся дорожка, которая

становилась все более яркой по мере угасания дня. На этой золотой дорожке в свете фонарей два рыбака копали себе наживку. Скоро в бок луны начало медленно вгрызаться затмение, и в девять она исчезла.

10-е, суббота. февраль 1990

Серый ветренный холодный день. Пока шел дождь, сочинял стихи. Постепенно образовались лужи. На заходе дня выглянуло солнце, и мокрая галька Несса заискрилась под его лучами.

11-е, воскресенье. февраль 1990

Сильный ветер принес холод. Я встал, поеживась, и окатил лицо теплой водой, которая почти сразу замерзла на щетине. Приготовил кашу и кофе, но они быстро остыли.

Закончил завтрак на диване, укрывшись старым бабушкиным пледом, читая воспоминания Дентона Уэлча. Кристально ясные описания, пронизательные наблюдения. Хотел бы я, чтобы и мои тексты возникали с такой же естественностью.

Вчера вечером мы с Дерекком съездили в Хастингс, в маленькую аскетичную забегаловку, единственное открытое в городе место. Затем остановились в Джури Гэп, где встретили шестерых лондонских парней, арендовавших дом на выходные; все они приклеились к телевизору, где шло «Свидание вслепую» с Циллой Блэк. Дерек сказал, что они уже смотрели телевизор, когда он звонил им с утра.

Холодный февраль в Ромни Марш — на любителя. Рыба с картошкой оказалась ничего: белые ломтики, формика, бледные овсяные печенья. Теплый липкий чай.

Позже пошли в Blades, единственный местный гей-бар, спрятавшийся за пабом на дальней улочке. Все та же оглушающая диско-музыка. Мрачная алая комната с зеркальным шаром, на который направлен оранжевый натриевый прожектор; четыре вращающихся лампы — синяя, зеленая, фиолетовая и оранжевая, — над квадратом красного линолеума, на котором энергично танцуют несколько клонов. Здесь

же четыре шикарные лесбиянки. Прически в стиле Зигги Стардаста, жилеты. На одной был костюм-тройка и свитер. Все они носили ковбойские ботинки или остроносые мужские туфли. Мужчины были ни то ни се: выжженные алкоголем и децибеллами, в неряшливых джинсах на обвисших задницах. Около часа мы сидели в нише, пока музыка не достала нас окончательно, и мы вернулись к утесам в Фейрлайт.

Что если бы сегодняшний вечер был последним?
Твоя любовь задыхается под садящимся солнцем,
Умирает под луной,
Больше не поднимается.
Трижды
Ее отрицает петух
В первом проблеске зари.

В десять утра большой лис беспечно прогуливается по гальке прямо перед домом. Заметив меня, он быстрой рысью припугивается к лесам у Лонг Питс.

Вышло солнце. Волны с белыми барашками и фиолетовыми пятнами — тенями проходящих облаков — приобрели песочно-желтый цвет.

Приближается черная туча: ветер свистит над подорожником, взвизгивает, словно испуганный кролик. Дождь бьет по земле, образуя маленькие водовороты, густой пеленой рушится из клубящихся облаков, ударяет по стеклу. Льет все сильнее. Горизонт исчез.

12-е, понедельник. февраль 1990

Неожиданно приезжает Робин. Прошло пятнадцать лет с тех пор, как он был в Лондоне: он живет в Торонто. Оказалось, у него полно студийных фильмов, снятых в 1972–1973 годы, запись с Мисс Мира Эндрю Логана и даже открытие Viba.

По его мнению, Лондон очень изменился — богатый, чистый, отмытый; это сильно отличается от точки зрения нас, его жителей, считающих, что город разрушается и страдает от пренебрежения. Впрочем, даже он не мог поверить, что реконструкция линий метро все еще не завершена.

Закончил биографию Гинзберга, которая постепенно становилась депрессивнее, словно мантра, ом мани падме хум, секс, наркотики, стихи. Список наркотиков и бойфрендов.

Сегодня я злюсь, покрыт сыпью, которая чешется до безумия. Мне нравится «Вопль», но все же я не могу не думать, что на самом деле это пустая болтовня, Америка, изучающая собственный пупок, битники, творящие миф о самих себе. Обыкновенная компания, всерьез развивавшая стройные легенды. Меня одолевает очередной прилив зуда.

Пошли в Скала смотреть «Сало» в убитой версии MGM. В оцепенении вышел на холод, в пустоту Кингс-Кросс. Меня охватывает гнев. Жалкая природа британской жизни: ни Пазолини, ни Жене, ни Барта — никого здесь нет. Только «Влечение» в Национальном театре, где все друг друга поздравляют. Британский театр нудный: трагики Стоунволла капитализируют свои ужасные связи с истеблишментом. Заснул в слезах. «Сало» как приют для мальчиков Кинкора.

13-е,

вторник.

февраль

1990

Статья в *Mail* «Гей-Иисус: назревает скандал» привела ко мне толпу журналистов в поисках жареного. Они называют Лоррейн, моему агенту, и Кейт, издателю «Военного реквиема». Я охладил их пыл.

Фильм выглядит неплохо. Посмотрел его и внес финальные исправления в закадровый голос.

Ужасный зуд продолжается. Принесли американский журнал *Outweek* с моей фотографией на обложке. Выгляжу неплохо — немного угрюмо, но для сорока семи вполне сойдет.

Статья в *Outweek*: «Джармен — один из самых недооцененных художников последнего десятилетия, особенно среди геев и лесбиянок». Ситуация в США выглядит поворотной, хотя, конечно, там у меня нет коммерческого успеха, что ставит меня в очень слабое положение. Статья о «Военном реквиеме», ВИЧ и сложностях с финансированием режиссера — открытого гея. Если вы «натурал», как Стивен Фрирз

(«Моя прекрасная прачечная», «Навострите ваши уши»), ситуация будет иной. Гей-фильмы отдают гетеросексуальным режиссерам, поскольку они кажутся более безопасными и коммерческими.

Хорошо ли это? Если гей-фильмы коммерческие, то больше фильмов на гей-тему получают финансирование — но увы, правда и обратное.

Зуд меня дико раздражает и портит настроение. Я не чувствую себя гонимым, однако мое положение всегда было не лучшим; исключая «Караваджо», у меня никогда не было стабильности в работе.

В четыре позвонила Сэнди. Вчера вечером во сне умер Пол.

16-е, пятница. февраль 1990

В Кэмдене записывали голос Майкла Гофа. Ему очень понравились стихи.

Другой ученик, кого любил Иисус,
Спал, но его сердце пробудилось в ночи.
Слышишь, стучит мой возлюбленный.
Открой мне, моя любовь,
Мой голубь, мое совершенство.
Мои волосы влажны от росы,
Мои кудри в каплях ночи.

Нико сказал: «Небо сегодня такое высокое». Когда мы возвращались домой из музея сэра Джона Соуна в Линкольнз-Инн-Филдс, стоял прекрасный солнечный день. Иногда небо бывает таким низким, что давит на макушку.

Позже просматривал середину «Сада», который начинает обретать форму и расцветать. Вечером чувствовал себя гораздо лучше.

Вчера вышла печальная программа с христианскими сектами, обсуждающими «проблему». В мучительной увертке епископ Монтефиоре принял облатку и сказал нам, что мы ущербны, а позже — что ущербность некогда была в почете. Церковь Англии демонстрирует, что истинным грехом

Содома было негостеприимство. Глупые возрожденные фундаменталисты — большинство из них черные, — обнажали дно собственного невежества, но и епископ не ушел от них далеко. Программа должна была повеселить нас, выставив христиан глупцами, но эти бестолковые, невоспитанные умы приведут к нашей гибели, и мы должны продолжать сражаться.

17-е,

суббота.

февраль

1990

В одиннадцать приезжает Стивен и говорит, что слышал, как Пэдди Эшдон по радио спрашивает об «аварии», случившейся в Дангенессе 26 января. О подобных инцидентах необходимо говорить, а об этом умолчали.

Прошлись по Сохо и Мэйфейр и посмотрели фотографии Херба Ритца. Мне они показались слишком шикарным, идеальным для фойе или ресторана. Фотография члена в фас — единственная без красного стикера. Фотографии стоят от тысячи фунтов. Наверное, здесь полно дизайнеров интерьеров с мелочью в кармане.

Когда мы уходили, случилось нечто странное. Хорошо одетая и очень нервная молодая женщина схватила меня за пуговицу и попросила пойти с ней. Она спросила меня о фильме, снятом нами во время аварии АЭС в Дангенессе — не можем ли мы передать запись в «Гринпис»? О происшествии она знала довольно много. Радар снесло бурей и едва не разрушило какой-то важный трубопровод. Такой удар мог бы привести к катастрофе.

«Меня не должны видеть рядом с вами». Потом она внезапно исчезла. Она говорила, что вероятность подобного происшествия считалась ничтожной. Учинить такое мог бы только самолет, врезавшийся в реактор. Однако это произошло. Дангенесс был на волосок от катастрофы.

Сейчас, когда я это пишу, я все еще встревожен нашим разговором. Это было похоже на шпионские встречи в фильмах сороковых годов. Откровенность и очевидная искренность с элементом истерии. У меня создалось впечатление, что она знает довольно много, и для нее последствия этого события могут оказаться довольно серьезными.

18-е, воскресенье. февраль 1990

Вокруг радара АЭС выросли строительные леса. Сияет солнце. Фрэнк Синатра поет «What a Guy, What a Fool am I». Чем бы заняться?

Проросли нарциссы.

Можно ли назвать ядерную индустрию гнилью в сердце демократии, вокруг которой собираются, словно бабочки, призрачные тайны? Я сказал об этом своим соседям, но они только посмеялись. Что мы можем сделать? Какая информация у нас есть?

Позже я сходил к Сильвии, и она подтвердила, что радар во время бури упал.

19-е, понедельник. февраль 1990

Я насчитал семьдесят семь ранних нарциссов, посеянных два года назад. Они размножаются очень медленно. На краю моря прорастает катран. У него мелкие темно-фиолетовые листья двух-трех дюймов в длину.

Бури полностью изменили береговую линию. Прошлым летом здесь была прямая галечная полоса; сейчас она глупо изрезана гребнями и бухточками, в которых собираются кучи мусора.

Телефонный звонок из Нью-Йорка: «Военный реквием» закрылся через неделю проката.

20-е, вторник. февраль 1990

Позвонила Энни Леннокс по поводу песни Кола Портера, которую она хочет исполнить для благотворительности. Думаю, ей, как и мне, не нравится такой метод сбора денег больным людям, которые не должны зависеть от благотворительности. Как бы мы чувствовали себя, оказавшись в подобной зависимости? Я готов это делать, пока есть «официальное предупреждение о вреде здоровью».

Вчера вечером умер Майкл Пауэлл, чьи фильмы поражали и удивляли нас. The Late Show попросило меня сказать о нем несколько слов. По мнению ХБ, идея хорошая, поскольку множество людей продолжают спрашивать, как я себя чувствую. Если они увидят меня по телевизору, слухи, будто теперь на очереди я, сойдут на нет.

Вечером начал делать серию гуашей для обложки книги Джона Севеджа о панках и Sex Pistols.

На телесъемке я должен выглядеть наилучшим образом, поскольку чувствую себя неважно. Это одна из кратких депрессий после тех смертей, что меня окружают. На прошлой неделе умер Кит Херинг, художник из Нью-Йорка. Похороны Пола, которые я пропущу, будут в четверг.

Сегодня похоронили миссис Ойлер, мою соседку — она называла нас «мои мальчики». Майкл Пауэлл прожил больше восьмидесяти лет, хотя его карьера оборвалась годы назад. Все это не вселяет оптимизма, особенно в короткие зимние дни.

Кристофер рассмеялся по телефону: «Ну вот, теперь ты сделаешь свой ВИЧ-статус публичным. Люди спрашивают о тебе полупрошепотом».

Пообедал в китайском ресторане на Лайсл-стрит, притворяясь, будто я мертвец, призрак на унылом банкете.

Будучи «мертвым», я настолько погрузился в себя, что дошел до ресторана, совершенно не замечая, как перехожу дорогу. Сел напротив молодого человека с длинными заплетенными волосами, который ел, поглядывая на меня. Я смотрел в окно, пока не принесли еду, и, нервничая, никак не мог управиться с палочками. Вся сцена проходила будто в замедленной съемке, как страшный сон.

Обед изнурил меня.

Вернулся домой, звонит телефон: Дерек, ты в порядке? Ты так говоришь, будто простудился.

Нет, нет.

Остаток дня прошел в тишине. Почти ничего не делал, просто слушал, как мимо проезжают машины.

Мне себя не жаль, но я в ловушке обстоятельств — лежа на кровати, глядел на белую краску на потолке, пока тускнел уличный свет.

22-е,

четверг.

февраль

1990

Сел на самолет Polish Airline с дурными предчувствиями и одновременно с восторгом. До Варшавы два часа. Заметил, что был единственным пассажиром без багажа.

В полете подслушал разговор об Англии, которую мы оставляли за спиной, между полькой, эмигранткой лет пятидесяти, и молодым финном. Все началось с трудностей при покупке дома, которые финн связал с нашей долгой историей, создавшей множество институтов и никогда не упрощавшихся принципов. В Финляндии вы просто платите наличными и забираете документы из муниципалитета. Полька сказала, что в Великобритании она всегда ощущала себя в безопасности, а англичане обладают редким чувством личного пространства. Оба они отметили красоту сельского пейзажа и пришли к выводу, что миф о холодной, туманной Англии — всего лишь миф. Как ни странно, финн считал, что так хорошо не готовят ни в одной другой стране. Он похвалил индийские, итальянские и китайские рестораны Вейбриджа.

Тем временем внизу проплывала огромная европейская равнина, где в лучах солнца купались аккуратные квадратные поля.

Варшавский аэропорт оказался размером с аэропорт в Лидде. Таможенные формальности были краткими, хотя мы очень долго ждали у ленты багажа.

В старом красном университетском фургоне меня ожидала Аня с двумя молодыми киношниками, Витеком и Юреком. Мы помчались в Варшаву, пригороды которой были одинаково серыми, что, судя по всему, является отличительной чертой «империи зла». Завеса пыли укрывает потрескавшиеся фасады домов и побитую мостовую, по которой, словно тени, бродят люди. Первое впечатление — пустые улицы.

Старая Варшава — маленькая, домашняя, оазис в центре серости. Человеческие фигуры подчеркнуты солнечным светом. Тайна солнечного дня.

Прекрасное летнее время, но даже здесь все наполняет серая пыль — можно прочертить пальцем полосы на мостовой. Магазины стараются не выделяться; вы едва замечаете их и должны долго разглядывать витрины, чтобы разобрать, что внутри.

Малик, водитель автобуса и организатор недели кино, носит длинные окрашенные хной волосы и синие джинсы. Он очень стесняется, показывая нам кинотеатр на четыреста мест, который одновременно является и театральной сценой. Судя по старым постерам, здесь были Боб Уилсон и Санкаи Юку.

В кабинете, ожидая прибытия первых зрителей, мы угостились домашними пончиками и белым вином.

У меня возникло ощущение обделенного социума. Заглянув в ванную гостиницы, я обнаруживаю, что там нет пробки. До сих пор мне казалось, что это шутка западной пропаганды. Я знал, что просить ее невежливо, как и вообще что бы то ни было, поскольку, если вещь найдут, моим хозяевам это влетит в копеечку.

Показ прошел отлично, но, к сожалению, звуковая система слишком тихая, и музыкальные фильмы выглядят не очень. Однако аудитория пришла в такой восторг, что на технические детали никто не обращал внимания. Люди съехались со всей Польши, и нам пришлось искать настилы и свободные кровати. Атмосфера напоминает старые дни в Arts Labs: энтузиазм берет верх над обстоятельствами. Мой полет оплатила газета «Солидарность», а фильмы дал Британский киноинститут.

После показа мы отправились в ресторан союза журналистов и наткнулись на политический митинг, который, как и любая форма протеста, должен был использовать церковь. Это оказался их первый «публичный» вечер, и изменение места играло большую роль. Рядом вертелись телевизионщики.

Пожилые, весьма прилично выглядевшие мужчины и женщины стояли в очереди за своими пальто. Юрек сказал, что среди них — пара сенаторов. В Варшаве вы можете встретить сенатора в очереди в гардероб. Сложно поверить, что такое происходит.

Девушка, сидевшая за ужином рядом со мной, редактирует письма в газете «Солидарность». Обсуждали будущее миссис Т., чье утверждение начать революцию на Востоке принимается здесь почти всерьез... а не произошла бы она в любом случае? Я объяснил, что их достижения означают наш проигрыш. Но мне никто не поверил.

23-е, пятница. февраль 1990

Аллергия выглядит ужасно — я весь в зудящих красных пятнах. Сегодня они покрыли каждый дюйм моей спины и активно завоевывают руки.

Гостиница, где я живу — старое здание, из окна которого виден жилой дом восемнадцатого века со свинцовыми статуями четырех ветров, каждая с пчелиными крыльями. Здание окрашено в неаполитанскую желтую; в шесть утра, когда выглянуло солнце, вокруг летало облако каркающих черных ворон.

В 10:30 приехала Аня, и мы отправились в Старый город; яркое весеннее утро подчеркивало тускло-желтые и бежевые цвета зданий, покрытых лепниной и штукатуркой. Сегодня они сияют как картины Каналетто, с которых их восстанавливали после войны.

Польская столица больше похожа на крупный провинциальный город, чем на метрополию. В этом Варшава очень отличается от тяжелой роскоши Будапешта, в котором я побывал год назад.

Варшава — это здания небольшого размера. В них нет ничего грандиозного, созданного, чтобы впечатлять. Старый город полон обычных туристических магазинов с распятиями и деревянными троллями, фальшивыми иконами и кошмарными картинами местных художников — это международная черта.

В кафе мы выпили замечательный кофе с пончиками, погуляли еще час и уселись на лавку с видом на реку.

В два зашли в крошечную студию художника-графика Стасиса, который приготовил нам чай. Его работы изображают печальных пустоглазых кукол, распятых птиц и домовых. Сюда он приехал из Вильнюса. За теплым отношением я чувствовал печаль и даже скрытую зависть к той свободе, с которой мы приходим и уходим.

Отправились по магазинам. Магазины не пустые, но люди ничего не могут себе позволить. Витрин нет. Продукты навалены некрасивыми кучами. Аня купила килограмм сосисок, и я заметил приподнятые брови продавца. В очереди за хлебом практически никто не покупал целый батон. Яйца продаются поштучно. Десять фунтов — сто пятьдесят тысяч злотых — недельный заработок. Очередь в алкогольный отдел состоит исключительно из мужчин.

В кинотеатре мы сделали бутерброды, и я больше часа говорил с аудиторией о «Себастьяне».

Смастерил затычку для раковины из бутылочной пробки и сумел достать полотенце — прошлым вечером пришлось вытираться занавесками; надеюсь, на той стороне улицы никто за мной не следил. Вода в туалете не спускается, сток забит газетой коммунистической партии «Каждый».

24-е, суббота. февраль 1990

Солнечный день. На углу улицы старушка продает букеты вербы. Дети с серебристыми веточками выглядят чрезвычайно мило.

Этим утром в кафе никого. Скучавший персонал из кожи вон лез, когда мы появились. Такое впечатление, что это место пустует неделями. Кофе и пирожки стоили нам около восьми тысяч злотых на троих — пятьдесят пенсов. Зарплата Витека — триста тысяч в месяц. Вечером, когда мы вышли из театра с несколькими сотнями других людей, поймать такси не составило труда. Не надо даже бегать.

После обеда я дал интервью настойчивому молодому студенту киношколы, пишущему о Кене Расселе и религии. Он говорит о Бубере, французских философах... возможно ли представить «Дьяволов» таким образом? Не знаю, как ему

сказать, что многие тогдашние решения были совершенно спонтанными. Мы с Кеном никогда не обсуждали ни религию, ни церковь.

Позже отправились на встречу гей-группы «Ламбда». Пару недель назад организация получила легальный статус, а значит, им больше не надо было встречаться подпольно; возможно, они смогут организовать кафе. Все здесь до сих пор принадлежит государству или партии.

Я говорил с полчаса, и тут появилась съёмочная группа «Би-би-си», которая побывала три минуты и исчезла. Странно, как телепрограммы продают свою работу, словно мыльные пузыри, и держатся за собственное узкое видение. Программа была о молодых поляках. Они совершенно не удивились моему присутствию на встрече здесь, в пригороде Варшавы, в старом студенческом общежитии. На их месте я бы сделал кадр для истории.

Тут нет гей-баров и клубов; кроме парка, сауны и гостиничного бара, который никто себе не может позволить, встречаться негде. Десятого марта собираются устроить большую вечеринку.

Встреча напоминала ранний Фронт геев и лесбиянок; один едкий гомосексуалист перебил меня: «Вы обсуждаете все, кроме самого главного: что будет в моде летом?» И это в аудитории, где люди едва могут позволить себе хоть какую-то одежду.

Членство смешивает поколения. Здесь есть пожилой актер, который помнит, как в шестидесятых смотрел пьесу Патриот для меня в театре Royal Court.

Обсудили проблему ВИЧ и СПИДа. Ситуация здесь отчаянная, нет никакой информации, и с этой темой связывают исключительно негатив. Врачи не собираются никого лечить. Один из этажей министерства наполнен пациентами с положительным анализом. Шприцов нет, презервативы выпускают без смазки. Правительство в ситуацию не вмешивается — у него масса других проблем, и СПИД остается маргинализован.

«Ламбда» надеется это изменить, но у них совершенно нет денег. Единственная надежда — Запад: финансирование ВОЗ или голландских гей-групп.

После встречи мы прошли через парк к театру посмотреть изящную, но бесконечно скучную работу Кантора. Здание театра — смертельная ловушка с огромной толпой и одним маленьким выходом; клаустрофобия на все сто. Аня едва не потеряла сознание. Уже два дня мы живем на кофе и пирожках.

25-е, воскресенье. февраль 1990

Славек и его приятель Юрек отвезли меня в Национальную галерею на выставку Микоши.

Здание в ужасном состоянии; кажется, его забросили со времен постройки в тридцатые годы: разрушенная, потрепанная архитектура прямо с чертежной доски Шпеера. Внутри — выставка сотен портретов кисти экспрессионистов. Микоши подписывал свои работы наркотиками, кокаином и кофе. На одной «Музыка и пиво». На других давно забытые стимуляторы.

Выставка готической скульптуры четырнадцатого века из раскрашенного дерева, фигуры большие, неестественной величины. Самое мучительное распятие, какое я только видел, похоже на грудку гниющего мяса.

В старом городе поели вкусной индейки. Остаток дня провели в кино.

«Юбилей» прошел с большим успехом: фраза «Это трагедия, что социализм и свобода невосместимы» вызвала одобрительные возгласы, а «Пятьдесят миллионов копий „Paranoïa Paradise“ проданы в Москве» — аплодисменты. В конце я был убежден, что, как говорил мой доктор Арнольд Линкен, это лучший британский фильм семидесятых. Гораздо более осмысленный, чем неуклюжий «Себастьян».

Остаток дня смотрел фильмы на Super 8, которые мне принесли студенты, и дал длинное интервью Славеку о том, как быть, если у вас положительный анализ на ВИЧ.

Здесь столько нужно сделать, и так мало для этого требуется. Кампания за безопасный секс стоила бы всего восемь тысяч фунтов.

Подошел прекрасный темноглазый актер, не говорящий по-английски, и встал рядом. Надо будет до отъезда узнать его имя.

26-е, понедельник. февраль 1990

Завтрак в старом городе, великолепный сок из красной смородины. На станции рядом с Дворцом культуры мы встретились с операторской группой. Этот «свадебный пирог» был подарен Варшаве Сталиным, гигантский готический каприз с классическими портиками, статуями и трафаретным граффити: «Валенсу — в Кремль, Гавела — в Сибирь, Кастро — в Ад».

Станция в последней стадии разрушения: разбитые лампы и мостовая, всюду граффити. На огромном знаке написано: «Ливерпуль говно». Все проходы заняли уличные торговцы, которые продают пиво и сигареты. Группа старых музыкантов что-то играет; люди на костылях, пьяные хулиганы.

Затем переходы превратились в площадь отеля «Маркофф»: яркие, чистые валютные магазины и швейцар, запретивший снимать это богатство. В Кингс-Кросс все наоборот: полиция убирала бродяг подальше от камеры, утверждая, что они разрушают корпоративный образ.

Мы сняли старые фургоны, с которых продавали яблоки и сигареты. На станции случился забавный инцидент: когда оператор направлял камеру на белый лист бумаги для выравнивания белого, за ним оторопело наблюдали две цыганские девушки. Они решили, что он ее снимает.

Через дорогу — посольство Британии: расписанные стены и ковры, столы, папки, плакаты в рамках, туалетная бумага.

Позже в кинотеатре я дал перед камерой часовое интервью. Затем показали «Angelic Conversation». Потом второе интервью для популярной программы, и еще одно, с молодым студентом киношколы, а следом — фотосессия с Вайдой, который пришел посмотреть «Караваджо». Он широко улыбался. Сейчас он сенатор и говорит, что молодежь вернет кино к жизни.

Симпатичный студент-актер очень хочет, чтобы я пришел на встречу. Он критикует Вайду. Оказалось, мы оба знаем французский на школьном уровне, и зовут его Петр Субодник.

Он везет меня темными дорогами к группе высоток, где отключено электричество. Мы забираемся на шестнадцатый этаж и прибываем в полночь. Кружится голова, мысли путаются. Меня усаживают в кресло, и вновь начинаются вопросы: фильмы, Польша, Германия, объединение, политика. Они все «политические», но никакой партии не принадлежат.

Разговор заканчивается на ВИЧ — тему затронул я сам. Это рождает смущенную тишину, улыбки исчезают. В два часа утра, когда горит свеча, а в окно стучит яростный ветер, они похожи на потерявшихся детей. Внезапно зажигается свет, и напряжение исчезает.

Подобных встреч с обменом идеями в Лондоне почти нет. Музыка здесь настолько громкая, что никто больше не слышит слов.

Позже музыка гремит в такси. Водитель говорит, что он — единственная дискотека Варшавы. Мои друзья соглашаются: ночью здесь совершенно некуда пойти. В два часа улицы пусты.

На углу буянит пьяный старик, а его укутанная жена покорно за ним наблюдает.

27-е,

вторник.

февраль

1990

В девять начинаем снимать в Национальном музее.

Пожилой куратор, работающий здесь сорок пять лет, потрясен моим интересом к скульптуре. Он рассказывает

о средневековых английских алебастровых скульптурах — у них есть одна, — и это удивительно, что мы хотим снять выставку, которая так ему нравится. Он находит книгу о польском готическом искусстве и с поклоном вручает ее мне.

Погода изменилась — Метек говорит, что здесь больше гроз, чем на Западе. Я сижу на садовой скамейке перед университетом и даю длинное интервью о ВИЧ и эмоциональном влиянии собственного положительного анализа. Когда мы заканчиваем, я весь продрог.

За университетскими воротами кипит жизнь: со стендов продают некогда запрещенные книги, по улице с барабаном в руках марширует молодой человек, идя перед старой побитой машиной; надписи на ней утверждают, что это коммунистическая партия.

Сегодня в университетском союзе встреча Plas и «Ламбды», где мы обсуждаем положение ВИЧ-инфицированных в Польше. За четыре часа парламентских дебатов о СПИДе гомосексуальность упоминается четыре раза. Здесь ее не признают. Восемьдесят процентов инфицированных — наркоманы. Положение геев скрыто, исключено из статистики.

Католицизм, презервативы; эти милые люди пытаются найти свой путь в новом мироустройстве, подыскать слова, сформулировать планы. Мысль о том, что надо действовать, здесь в новинку. Как? Против кого? Где? Нет финансирования. Plas надеется открыть хоспис.

Когда встреча закончена, мы возвращаемся в театр, где я отвечаю на многочисленные вопросы.

28-е,

среда.

февраль

1990

Встал в пять, чтобы успеть на самолет.

Вернувшись домой, свалился с головной болью и спал с перерывами весь день. ХБ после монтажа пришел в два часа ночи.

В десять приезжает Дики Салмон, и мы ужинаем в греческом ресторане. Айзек Джулиен создал в США целое событие вокруг приема «В поисках Лэнгстона». Семья Лэнгстонов возражала против фильма.

1-е, четверг. март 1990

Питер и ХБ почти закончили предварительный монтаж. Еще два дня.

Большая часть просто замечательная, но какое же облегчение, что все закончено. Нам надо переснять два эпизода, испорченные ужасными съемками; это породило споры о некомпетентности работавшей над фильмом команды. Все улыбаются, но на самом деле орут друг на друга.

Разгреб гору почты и в девять завалился спать.

2-е, пятница. март 1990

На поезд в Эшфорд. Ветер восточный, холодный солнечный день. Жаль оставлять ХБ за монтажным столом.

Утром обегал все магазины, закупая продукты, и оставил половину того, что собирался взять. Оставшееся потащил на станцию. В поезде без особого удовольствия читал *Independent*. И письма. Прекрасное письмо от вдовы Майкла Пауэлла, благодарящей меня за появление в *The Late Show*. Еще одно письмо от тети Мойры с рассказами о детстве:

Думаю, мне следует рассказать тебе кое-что еще. Когда Беттис (моя мать) была молодой, ее воспитывали в строгости согласно нравам того времени. Ей не разрешали оставаться наедине с мальчиком, пока того не одобряют отец и мать. Поэтому выбор был очень мал, и твой отец — практически первый и единственный ее друг. Мне повезло избежать такой жизни, поскольку после войны все очень изменилось.

Твой папа был очень странный человек. Тебя действительно было невозможно накормить, и он заставлял тебя есть насильно, поэтому завтраки, обеды и ужины часто становились настоящими сражениями.

Интересно, что ты так много помнишь об Италии. Мы с Беттис использовали тебя как переводчика. Когда ты увидел Колизей в первый раз, то сказал, что его «разбомбили».

В Эшфорде я сел в такси с водителем-индусом, который встревожил меня своими настойчивыми разговорами о радиоактивности. Он сказал, что никто не заставит его поселиться в Дангенессе — жизнь дороже. Подъезжая к реактору, он сбросил скорость и медленно двинулся к Хижине Перспективы.

В доме очень холодно. Я разжег огонь и вышел в сад. Нарциссы съежились от ветра. Катран чуть подрос, на бузине во второй раз начали распускаться почки.

Растения в зимней осаде. Пока меня не было, ветра заморозили и иссушили их. Несмотря на дождь, они выглядят сгоревшими.

Недолго пел жаворонок, потом солнце исчезло.

Я сделал несколько телефонных звонков, чтобы связать с «Ламбда» и Plas различные организации, занимающиеся СПИДом. Наступила темнота. Лег до девяти, спал урывками.

3-е,

суббота.

март

1990

Еще один холодный солнечный день. После завтрака прогулялся вдоль берега.

Этим утром второй осмотр сада показал, что за последние десять дней здесь ничего не изменилось. Розмарины на подоконнике покрыты цветами. На передней клумбе расцвели гиацинт и гадючий лук.

Большинство диких цветов чувствуют себя неплохо: глауциум, скабиоза и нивяник в цвету. Пророс лопух, у пижмы и тысячелистника новые листья. Полынь и наперстянка, как и многие маки, пережили заморозки. У ирисов и лаванды новые листья.

В три часа на своем маленьком красном автомобиле приехал Тоби. С Дерекком прошлись по пляжу, потом заехали в питомник. Ничего не купили: погода переменчива, и шок от пересадки будет слишком сильным. Подождем еще месяц.

4-е,

воскресенье.

март

1990

Несс обдувают холодные ветра.

Сегодня утром лучше. После ночной лихорадки матрас насквозь промок. Вчера весь день тошнило — вероятно, реакция на суматошные дни в Польше. Я знаю, что не болен, хотя очень подавлен. Я так ждал тепла в эти выходные, но чувствую озноб даже в теплой куртке с капюшоном и со всеми зажженными каминами. Из-за тупой боли в животе неприятно есть.

13-е,

вторник.

март

1990

Десять дней я был в лихорадке, по всему полу разбросаны мокрые футболки. В два ночи я честно проглотил антибиотиков, но пять дней температура была тридцать восемь и восемь, затем начала падать по градусу каждый день вплоть до этого утра, когда я проснулся весь мокрый с температурой тридцать семь и на восемь килограммов легче.

Бритва скоблит кости на моем лице. Кажется, даже сами кости съезжились. Руки выглядят вполовину меньше обычного размера. Живот болит и болит.

После трех часов в Сент-Мэри: кровь, рентген. Несолоно хлебавши. Невероятная вялость, хоть я и оделся — не могу больше лежать в постели, какое положение не приму, все начинает болеть. После десяти дней в этих сумерках я чувствую, что утратил контроль над ситуацией.

Просьба поговорить о СПИДе и гражданских свободах ввергла меня в панику. Я позвонил и сказал, что не могу, потому что у меня съемки. Услышал холодное недоверие — эти организации довольно наглые. Я просил не упоминать меня среди докладчиков: не такой я знаток, как Саймон Уотни и остальные. Но все же они меня заявили. Их письмо разозлило. Подобно вирусу, связанные с ним организации могут крепко вас зацепить.

Телефонный звонок от фотографа. Я сказал, что не буду фотографироваться в таком виде. Лицо покрыто сыпью от бритья.

Болезнь стала жестоким ударом. Связана ли она с ВИЧ, или это просто чертова инфекция?

Так или иначе, когда температура под тридцать девять, ты борешься за жизнь. Часть меня говорит, что с меня хватит, другая возражает — болезнь настолько отвратительна, что я просто должен ее победить.

Прекратил волноваться, утопая в поту.

14-е,

среда.

март

1990

Вторая бессонная ночь. С десятком футболок, которые хоть выжимай, я встал около шести, принял ванну и выпил чашку чая. Живот покрасневший; сам я очень слаб. Сел на кухне и около часа пил мятный чай, дав ХБ немного поспать. Он свернулся в молчаливый клубок.

Этим утром лихорадки нет, температура почти нормальная. Если б только эта чертова дрянь стабилизировалась. А. в той же лодке, заехал вчера вечером на час. Он страдает от летаргии и чувствует отстраненность от всего и всех.

Связана ли тяжесть моего состояния с ВИЧ? У меня все классические симптомы — ночной пот, потеря веса. Или же это просто вирус, который я подцепил в Польше? Больница, полагаю, склоняется к последнему.

Сдал целое ведро крови, сделал рентген. Грудная клетка в порядке, туберкулеза нет. Осмотрели глаза. Слегка увеличена печень. Часть меня говорит, что спустя десять дней пора бы этому закончиться.

Решил действовать. Не могу сидеть и жалеть себя, хотя взбодриться тоже тяжело. Следует найти равновесие, чтобы не утомить себя.

Дошел до Британского музея. Едва забрался по лестнице, чтобы посмотреть выставку подделок.

Некоторые из них вполне очевидны. Картина Ван Мегрена ужасных подводных оттенков выглядит как декоративная работа двадцатого века. Невозможно представить, чтобы кто-то на нее купился. Другие прекрасны — например, хрустальный череп из Южной Америки.

О, небеса, мой маленький жемчужный реликварий

двенадцатого века из Шотландии, самый драгоценный предмет в музее. Он столь изящен, что поддельность не умаляет его достоинств.

15-е, четверг. март 1990

Ночью немного поспал. На рассвете вновь образовалась стопка из пяти мокрых футболок, температура вернулась к норме. Все суставы болят, особенно бедра и поясница. Садиться и ложиться очень неприятно.

Сижу и думаю, чем заняться. Не могу сосредоточиться на чтении. В конце концов принял решение и лег спать, проспав до часа.

16-е, пятница. март 1990

Проснулся с температурой, которая утром снизилась. Все суставы страшно болят. Сегодня чувствую себя слабее обычного. Должен смириться, иначе ночью расплавлюсь.

Надо сказать, все начинают беспокоиться. Видимо, мне понадобится не меньше недели, чтобы прийти в себя, и еще больше, чтобы набрать вес.

В углу красуется большой букет роз от Линн.

Приезжает Джерард. По комнате летает большая трупная муха, черная и зловещая. Он убивает ее.

Лежать слишком больно, поэтому я сажусь перед камином и сижу так до часа. Вернувшись в постель, лежу абсолютно спокойно, пока боль не стихает, а затем всю ночь исхожу потом.

17-е, суббота. март 1990

Врач сказал приходить в Сент-Мэри, если дела пойдут хуже.

Я больше не принимаю антибиотики, идя по лезвию бритвы. Встал в половине седьмого, умылся, побрился, заварил мятный чай. Твердую пищу видеть не могу.

С тех пор, как я заболел, прошло две недели. Малейшее давление, физическое или ментальное, ощущается словно паровой каток. Когда ХБ поворачивается в постели, у меня

все болит. Хуже всего дезориентация: не могу читать или сосредотачиваться, просматривая газеты.

Джеймс принес *El Europeo* с великолепными фотографиями Дангенесса. Счастливое прошлое лето. Цветы в горшках, которые я выращивал для сада, гибнут на подоконниках. Хотелось бы съездить туда на день, но не отважусь.

Из Дангенесса позвонила моя соседка Сильвия и сказала, что они образуют группу против подушного налога. Восемьдесят фунтов за железнодорожные вагоны без удобств превратились теперь в триста восемьдесят. Я могу себе это позволить, но мои соседи? Большинству из них и так нелегко. Полный хаос. Только такая слепая крыса, как миссис Т., могла это выдумать. Я обещаю увидеться с Сильвией, как только у меня получится.

Середина дня, температура нормальная. Не знаю, что делать, вставать или лежать? Все еще не могу сосредоточиться, концентрации хватает только на газетную статью.

В жаркой комнате распустились розы Линн; у них тонкий, нежный аромат. Их двадцать четыре.

19-е,

понедельник.

март

1990

Бессонная ночь, температура тридцать восемь. В десять поехал в Сент-Мэри.

Поездка в такси до больницы — настоящее мучение, чувствую каждую рытвину и бугор на дороге, каждый светофор — вечность. Врач привел меня в свой маленький кабинет: покалывание, постукивание, яркий свет в глаза. Чувствую слабость и беспомощность. Он оставляет меня в больнице — какое облегчение. У меня вновь взяли анализы крови и отвели на рентген брюшной полости. Девушка-рентгенолог удивлена — с просвечивания грудной клетки прошла всего неделя.

Ежась от холода, я возвращаюсь в клинику, и одна из медсестер ведет меня в палату.

Больница похожа на лайнер, есть на что посмотреть. Люди ходят с капельницами, словно машинки на автодроме.

С одной стороны греческая семья устроилась вокруг больного родственника; в другом углу молодой канадец читает книгу о литургии, а рядом с ним — полный энтузиазма священник.

Я лег в постель, и ко мне пришли знакомиться медбратья Джеральд и Брайан. Затем бесконечные вопросы: ближай-шие родственники, возраст, адрес. Снова кровь — особенно неприятно, когда берут артериальную. Больно. Снова прос-тукивание, рефлексy, свет в глаза.

Проходит день. Все повторяется. Занавески задернуты, надо собрать мочу в бутылочку. Чувствую заботу — настоя-щее облегчение после двух недель домашней борьбы.

Часы на стене сломаны. Не зная об этом, ждал ХБ до десяти; оказалось, всего семь. ХБ принес мне цветы и эле-гантную пижаму.

Почти не ужинал. Позже, проглотив две таблетки пара-цетамола, какие-то антибиотики и огромную изумрудную таблетку снотворного в форме мяча для регби, я лег и начал страшно потеть. Кровать промокла насквозь. В полночь меня неожиданно усадили в кресло и повезли по пустому коридору в отделение радиологии, где снова сделали рентген. До рас-света пролежал без сна, пока медсестра не принесла еще один зеленый мяч.

Вторник

Этим утром температура очень высокая; проглотил параце-тамол, потел час, затем забрался в ванную.

Все, кто здесь работает, добры и деятельны. Я не разо-брался, кто чем занимается, но все медсестры носят зеленую форму, которая выглядит удобной — никаких викторианских крахмальных одежд и лоска. Палата тихая, все разговари-вают шепотом, даже телевизор на самой низкой громкости.

Греческая семья этим утром раздобыла кресло.

Удивительно, насколько они близки.

Мое лекарство называется метроиндозол или что-то в этом роде.

Открытая палата постоянно удивляет: раздается звя-канье — это канадец со своей капельницей на колесиках

носится туда-сюда, словно в супермаркете. Все здесь готовы помочь. Врач говорит: «Вам не ставили диагноз СПИД?» Нет. Возможно, они думают, что вирус воспользовался моей поврежденной иммунной системой.

Вокруг кроватей — занавески, которые можно задернуть и раздернуть; это как смотреть на развешенное белье, подсматривать там и сям. Сейчас десять, я расслаблен.

Хотя я сказал врачу, что никогда не был в больнице, это не совсем так. В одиннадцать лет прямо перед каникулами я свалился с желтухой. Через две недели после их начала меня посадили на старый паровой экспресс до Йорка в сопровождении женщины из лазарета святого Иоанна. Во время путешествия на мне появлялись огромные тепловые пятна, которые она отчаянно смачивала каламином, тревожась все больше. Лето я провел в больнице Йорка на строгой безжировой диете. Тогда из Новой Зеландии приехал мой дед, замечательный эlegantный старик, похожий на Леонарда Вулфа. Я пропустил почти весь его визит.

Пришла медсестра, сказала, ее зовут Дороти. Может, она верующая?

По палате ходит продавец газет; я купил *Independent*. Потом пришла женщина, везя большую тележку с книгами. Что дальше? Уборщицы в изумрудной форме моют полы.

Я тревожусь о своем саде; отростки розмарина, за которыми я так тщательно ухаживал, погибнут. Джерард говорит, что съездит в Дангенесс и привезет туда старую больничную кровать, которую мы использовали в фильме — я больше не могу спать на полу.

Звонит Гэй, моя сестра.

Изумрудные уборщицы ставят знак с падающим человечком в треугольнике: на нем написано «Скользкий пол». Добродушный канадец одет в красно-белый полосатый свитер. Бедняга грек с ужасным кашлем болеет желтухой. На его фоне я чувствую себя здоровым до неприличия.

Пациентам с диабетом ставят капельницы; один мужчина прикреплен к большому кислородному контейнеру — больничный персонаж с картин Босха.

Сестра приносит баночки с солью и перцем, на подходе обед. Жаль, что я выбрал в меню почки и мясо: когда мне их принесли, с трудом удержался от рвоты.

После обеда приехал Кристофер Хоббс, и мы поговорили о фильме. Потом пришел старик, продающий почтовые марки.

Когда Кристофер ушел, появилась медсестра, и мы начали готовиться к потению. Волнуюсь, что в это время могут приехать Тильда или другие друзья и застанут меня в столь неприглядном виде.

Потею.

Приходит Дженни, мой врач, берет еще кровь. Дыхание чуть быстрее нормы, в груди обнаружили инфекцию.

6:40, приходит продавец *Evening Standard*: «Вечерние газеты! Вечерние газеты!» Ужин начался и закончился, я немного поел. Дженни оставила меня с иглой в руке, поскольку утром мне собираются вводить антибиотики.

Медсестры всплескивают руками, измеряя мне температуру. Их градусник в цельсиях, и я понятия не имею, насколько моя температура высока. Сейчас она 40. Джерард просидел здесь пару часов. Читал *Independent*. Тихо, да особо и нечего сказать. Он спрашивает, волнуюсь ли я. Нет, не очень, просто надеюсь, что не ослепну и не сойду с ума. Лучше просто угаснуть, как Пол.

Пришла Тильда и опрыскала меня колокольчиковыми духами.

Среда

Бессонная ночь; лежал, наблюдая за походами по тихой палате. Этим утром завершилось обследование легких — я подышал в машину. Все происходило на другом конце больницы, и я долго трясся в кресле-каталке.

Вчера вечером ХБ был очень грустным — думаю, я пробуду здесь гораздо дольше, чем ожидалось.

Замечательная Нен с Филиппин заметила, что у меня нет сегодняшней *Independent*, и обещала принести газету.

Приехала моя сестра — выглядит потрясающе, отличный загар. Она была у старшего сына в Швейцарии, где Сэм изучает французский, подрабатывая посудомойщиком на лыжном курорте.

Когда она уехала, я подремал, но меня разбудили новые проблемы. Вновь начался понос. Я придумал простой метод не пачкать туалет, напихав в унитаз туалетной бумаги. Почему я раньше до этого не додумался?

Поддержать меня приехал Конни Джианнарис. Невероятно обаятельный человек, чья теплота очень успокаивает. Температура вновь растет.

После был очень неприятный осмотр кишечника и взятие проб. Не мог удержаться от стога.

Парацетамол — единственное, что сбивает температуру.

Я потел до приезда ХБ и Питера Картрайта с фильмом. Не знаю, была ли это моя адская температура, но на середине показанного мне хотелось закрыть глаза: все новые идеи Саймона относительно музыки не так интересны — он заменил прекрасную простую фортепианную мелодию, которая заканчивала фильм, сборной композицией. Музыка была такая замечательная, что пусть бы он оставил ее как есть.

Приехала Лоррейн Гамильтон, Салли Поттер и Тильда с букетами прекрасных цветов и изящной ароматной розой в горшке. Мы весело пообщались. Когда выключили свет, я вновь начал потеть и поплелся по темноте в ванную. Потом сел с медсестрами в их комнате поболтать о свете и небесах Шотландии.

Подремал, проснулся весь мокрый, все повязки съехали. Побрился. Температура в норме.

Вчера я практически ничего не ел, тошнит от одного вида еды. Врачи так и не нашли причину. Я полагаюсь на их добрую поддержку.

Надеюсь, я держу себя в руках — какой смысл поддаваться темным приступам депрессии?

Мистер Горбачев принял Доктрину Синатры. Моя доктрина — Дорис Дэй, «Que Sera Sera», которую мы напевали в пятидесятые.

Четверг

Целый час разговаривал с женщиной, которая обучается на терапевта, о влиянии вируса на мое эмоциональное состояние, о боли и смерти. Сейчас, когда я об этом пишу, не могу вспомнить, что говорил. Температура стирает все воспоминания.

Удивительно, насколько я усох. Нет, я не превратился в старика, но, принимая ванну, слышу, как кости скрежещут об эмаль и угрожающе потрескивают. Бритье — исследование неизвестной территории, каждый поворот и угол в новинку. Я до сих пор обливаю лицо горячей водой, чтобы смягчить щетину. Это ритуал. По какой-то причине я считаю до шестидесяти восьми. Тогда я себе говорил, что каждое обливание — год жизни.

Мыслями я в Дангенессе — как бы мне хотелось сейчас сажать семена. Возможно, еще не поздно посадить их в апреле.

Тильда говорит, что каштаны отлично чувствуют себя в Киммерхейме. Вчера вечером к моей радости здесь собрались друзья. Встретились с Салли — она прекрасно выглядит... или стоит сказать — чувственно? Закончил биографию Ламба; Литтен, Оттолин, Вирджиния, Стэнли — все они терпеть друг друга не могли. Надеюсь, о нашем времени не напишут в таких тонах. Хотя у меня есть враги, я не желаю им болезней.

Прошлым вечером вообразил большой публичный концерт — Девятую Бетховена, Иерусалим и так далее, — чтобы отпраздновать падение Маргарет Тэтчер. Во всех газетах

огромные объявления. Ночь радости; каким же скандалом были восьмидесятые. Знаю, мой выбор довольно консервативен, но мы могли бы спеть пару гимнов, чтобы усилить впечатление.

Концерт превысил бы все лимиты, мы бы водрузили монумент, обелиск, рассказывающий будущим поколениям о тех мрачных вещах, что происходили в наше время: шпионы, Бельграно, Westland, и так далее. Ради свободного общества, а не этого растоптанного. Возложите цветы, чтобы стереть воспоминания о царившей невероятной жадности.

Пришла Дженни: «Выглядите невеселым». Это не совсем так, просто я позволяю себе временную роскошь чувствовать себя отвратительно. Позже я взбодрюсь.

Роза, которую принесла Лоррейн, источает аромат. График моей температуры похож на детский рисунок акульих зубов. На секунду выглянуло солнце и согрело мне затылок.

Салли принесла мне книжку сигаретных карточек от Wills: полевые цветы, то что надо.

Провел превосходный вечер с ХБ, который помог пропотеть и искупал меня.

Моменты близости дарят силу, и поздно вечером я чувствовал себя полностью умиротворенным. Он принес омят, но для меня это было слишком, я не смог его проглотить — это как второй кусок пирога, который уже не помещается.

ХБ, любимый.

Чуть раньше мой врач Тони Пинчинг вселил в меня надежду. Он умеет говорить так ясно и уверенно, что мне становится гораздо легче. Он собирается проверить мои легкие, завтра принесут результаты анализов кишечника, а из-за антибиотиков у меня стоматит. Я в хороших руках. Пытаюсь сделать из всего этого приключение.

Снова плаваю в поту — *I Know Where I'm Going*. Пейзаж из текущих ручейков, брызгов капель, большая темная пещера, сталагмиты, сталактиты, кап-кап-кап. Поменяли простыни.

Пятница

Этим утром мое сознание гораздо более ясное; мысленно сажаю сад, сею фенхель и календулу. После потения моя температура вернулась к тридцати шести. Медленно брожу по палате.

Низкая температура приносит слабость.

Вчера вечером рассказывал ХБ о своей бабушке. Когда после долгой болезни умер мой дед, она переехала из Мэнор-коттедж, который больше не могла себе позволить, в унылый плоский блочный дом тридцатых годов, стоявший на главной улице рядом с веткой метрополитена в Нортвуде. Надо было подняться на пять пролетов по зеленым композитным ступеням, вонявшим дезинфицирующей жидкостью, которую постоянно разливала «хозяйка лестниц»; ее я запомнил как вечно молчавшую женщину.

В квартире Мозель было три маленькие комнаты, кухня, ванна и таинственная темная гостиная, где тикали черные мраморные часы деда в форме храма.

Бабушка была маленькой, довольно полной, носила вязаный жакет и свитер бледно-голубого цвета с жемчужными бусами. У нее были милые пушистые седые волосы.

В годы войны к ней приходила миссис Пичи — маленькая, хрупкая, с пучком на голове.

Пичи и бабушка образовывали дуэт: вытирая пыль, Пичи разбила маленьких нефритовых поросят, тигра из слоновой кости и трех обезьянок на каминной полке, без конца ругаясь. Бабушка склеила их замазкой, похожей на ириски. Пичи и бабушка вытирали пыль, разбивали вещи, набрасывали на стол в гостиной сатиновую скатерть персикового цвета и полировали графинчик из сапфирового стекла с серебряной крышкой.

Вытирай между пальцев, Деки, не то они отвалятся.

Бабушка присматривала за мной, когда я заболел воспалением барабанной перепонки; горячее молоко со столовой ложкой брэнди, чтобы я уснул. Пришел врач, усыпил меня эфиром и дренировал ухо.

Я сидел на балконе, смотрел на проезжавшие поезда, а за мной следила большая керамическая лягушка. У Пичи

была щетка из перьев — еще одна катастрофа: нога нефритовой свиньи укоротилась, и теперь фигурка покачивалась.

Много лет спустя Пичи приехала к нам с сыном, сделавшим состояние в Австралии. Девяностолетняя старушка, она привезла своему Деки вино. Вечером мы сидели в саду, она вспоминала прошлое и говорила, как скучает по Мозель. «О, мисс Бетти» — вместе с моей матерью они с удовольствием предавались воспоминаниям.

Обед. Страшно проголодался, но ел с осторожностью. Впервые съел больше, чем обычно. Этим вечером ХБ меня спас — промокнул лоб, с нежностью искупал, мы немного поплакали. Поздно вечером он оставил меня в спокойствии.

Удивительный разговор с врачом о моей грудной клетке. Она спросила, были ли у меня в детстве какие-то заболевания. Я ответил отрицательно, но в процессе разговора вспомнил астму, которая одним летом стала настолько тяжелой, что бабушка увезла меня на десять дней в Истберн, на свежий воздух. Еще были приступы сенной лихорадки, которые заканчивались продолжительным курсом уколов, когда мне было пятнадцать.

Пришли медсестры сменить простыни, и я попросил, чтобы они убрали с подоконника цветы — бабушка никогда не ставила цветы рядом с больным, утверждая, что они крадут кислород.

Только медсестры привели в порядок мою постель и начали убирать первую вазу, как она зацепилась цветами, перевернулась и потянула за собой вторую, вылив всю воду на кровать и вызвав у нас истерический хохот.

Возможно, это аллергия, так что все цветы унесли.

Пришел Джон, и мы провели замечательные полчаса.

Суббота

Я назвал свой вирус генералом Ярузельским. Генерал наслал на меня четыре приступа поноса (русские танки). Затем, поскольку гражданин Антибиотик уехал на выходные, я пропотел, но температура продолжала расти. Запаниковав,

я спросил, можно ли поговорить с доктором Дженни. Она назначила мне капельницу с физраствором.

В десять вечера Ким, Хилари и доктор Дженни подключили меня к капельнице. По руке побежала холодная вода. В два ночи температура вернулась к норме. Генерал скрылся в животе.

Ночью не спал, дремал и думал об «Эдуарде II».

Утром проснулся с ясной головой. Неужели у нас получилось? Меня отсоединили от капельницы, я принял ванну и побрился со скоростью улитки и тщательностью солдата. Пришла Гэй с йогуртами. ХБ принес отличную пижаму, Тильда — синеву небес. Сегодня я вполне себе в норме, одет в белую футболку и пижаму цвета берлинской лазури и кармина.

ХБ лежал рядом до полуночи и помог принять ванну.

Воскресенье

Часы обманывают, но время здесь летит. Сбивая температуру, я превращаюсь в жонглера утра и вечера. Я сгоняю ее тремя таблетками аспирина, а когда с меня начинает лить пот, притворяюсь, что нахожусь в Фейрлайт, в прекрасном лесу, где цветут колокольчики, или на утесах за Винчелси, под огромными старыми деревьями, где танцуют и сверкают ручьи, растет мох и сотни диких цветов.

На этой неделе я исследовал свое тело, познакомившись с ним впервые в жизни. Я научился расслаблять каждую мышцу, чтобы нигде ничего не напрягалось.

Сегодня я контролирую генерала, хотя температура выше тридцати девяти. Ел немного, но все же ел; йогурты, которые принесла моя сестра, успокоили желудок.

Так или иначе, я в хорошей форме. Невероятная любовь моих друзей и их советы помогают мне держаться.

Тина, которая сегодня утром меняла мне повязки, родилась в Фолькстоне и отлично знает Дангенесс.

Понедельник

Все как во сне. Днем увезли на бронхоскопию. Сперва усадили на кровати вертикально прямо; обезболивающую жидкость, розовую, со вкусом старого пива, пришлось вдыхать через обе ноздри, чтобы она прошла в горло. Эффект онемения был мгновенным. Затем мне сделали серию коротких уколов, дали валиум и снотворное, чтобы я расслабился, но не уснул. Пробу брали через нос — все так суетились, что я ожидал худшего, но ощутил просто странную щекотку там, где меньше всего ее ожидаешь.

У прибора был еще один глазок, и мне дали посмотреть. Удивительное дело — заглядывать внутрь легких, следуя поворотам бронхов; обезболивающая жидкость стекала вниз, и мимо проплывали пузырьки. Затем врач сказал: «Сейчас вы увидите, как бьется ваше сердце». И точно! Хотел бы я, чтобы оно билось подольше.

Вторая половина дня прошла довольно вяло. Мне не нравятся галлюциногенные лекарства, и когда к вечеру валиум прекратил свое действие, я вздохнул с облегчением.

Приехал ХБ, и мы прекрасно провели время. Не унываю.

Вторник

В палате работают дружелюбные люди, которые общаются с нами без всяких формальностей. Если вы не хотите чего-то делать, никто не будет на вас давить. Все улыбаются и смеются.

Я очень слаб, едва пишу. Все чувства и ощущения усилены. Когда мою голову, замечаю пузырьки в воде; они кажутся мне галлюцинацией. Как и пища — кукурузные хлопья, йогурт и черника; я ел ягоды по одной, такие они вкусные.

Люди приходят и уходят. Врачи до сих пор не нашли причину происходящего, все тесты с отрицательными результатами. Антибиотики медленно снижают температуру: сейчас у меня тридцать восемь, а было сорок.

В день я потею два раза, выпивая аспирин на пустой желудок. Последние две таблетки сбили температуру до тридцати шести. Постель вся мокрая, но я решил радоваться,

а не бояться. Это как наслаждаться дождем, не прячась в укрытии.

Среда

Очередное потение в предрассветные часы. Сегодня будет ультразвуковое сканирование, поэтому никакой еды и питья. Над кроватью знак: НЕ КОРМИТЬ.

Я похож на арлекина — ХБ купил мне множество ярких пижам. Сегодня я в сине-зеленой. Вчера был в розово-голубую бледную полоску. Он сказал, что принесет еще.

Сумел прочесть газету от начала до конца. Продолжаю приходить в себя.

НЕ КОРМИТЬ. Голодное утро.

Приехала Линн, счастливая, улыбающаяся, рада вновь побывать в Лондоне. Она здесь на неделю вместе с детьми, принесла мне прекрасные гиацинты.

Ультразвуковой сканер проходит над всем телом; меня обильно намазали смазкой, чтобы аппарат легко скользил, и — о чудо — возникает изображение печени и селезенки. Врач был поглощен работой, и я с ним не разговаривал.

В палате я лег, опираясь на подушки, а температура продолжала расти. Сейчас она тридцать девять, и я начинаю вскипать в вечернем бреду. В восемь я принял три таблетки аспирина и начал потеть. Приехал ХБ. Я вымылся, расслабился, и в одиннадцать, когда он ушел, вновь чувствовал себя человеком.

Врачи смеются, когда я говорю, что эта болезнь психосоматическая, но я уверен — ее началом послужило письмо Мойры. Она рассказала о невероятно жестоком поведении отца: в четыре года он кормил меня насильно, с криками и воплями, топаньем ног, а один раз даже выкинул из окна, пока мама, белая от страха, протестовала: «Лэнс, хватит». Теперь я понимаю, почему большую часть времени проводил с бабушкой. Все, чтобы сломать модель.

У меня всегда был неважный желудок: его обследовали, но так ничего и не нашли. Насыщенная поездка в Польшу, а по возвращении — срыв. Теперь все хуже; возможно, абсцесс?

Старую рану открыло письмо Мойры: теперь я лучше вижу прошлое. Прежде эти эпизоды оставались подавленными, никаких воспоминаний. Я рассказал эту историю Юэну, молодому доктору-шотландцу. Он сказал, что возможно все.

Четверг

Приехал Ричард Салмон. Наш долгий душевный разговор очень ободрил. Он принес гору журналов и оставил меня с улыбкой на лице. Я спокойно сидел, ожидая, когда температура начнет подниматься. К семи она была 39.

Пришел Тони Пинчинг с замечательными новостями, хотя окончательного понимания еще нет. Он сказал, что болезнь не связана с ВИЧ, но ультразвуковое сканирование пока не расшифровано.

Появился ХБ; прекрасный вечер, пот, ванна и объятия.

Пятница

Неожиданный визит Теренса Дэвиса. Двадцать минут он рассказывал смешные истории и сравнил поиск денег на новый фильм с пинанием футбольного мяча в патоке.

Температура вновь взлетела. Пришли Мэттью и Энди; затем началось потение, которое было настолько мощным, что когда все закончилось, я не мог идти без посторонней помощи. Руки тряслись, как у паралитика, бриться было почти невозможно. Никак не мог вычислить, куда опустить бритву.

Сегодня годовщина свадьбы моих родителей. Как мне их вспомнить? Я испытал облегчение, когда они умерли, были похоронены и больше не могли за мной подсматривать. Но и теперь, когда прошло столько времени после их смерти, они остались как эхо в тишине моей личной жизни. Я могу писать о них с симпатией, не сказав о том, как радовалось мое сердце их последнему дыханию. Прошлое хранит свои секреты, его всегда трактуют неправильно, и никто не может видеть по ту сторону могилы. Когда я сейчас пишу о них, я пишу о себе.

Бунгало, где случился убивший его инсульт, называлось Меррифилд — уже второй дом с таким названием. Мать сшила тюль; за ним не было истории. Отец взял ее пепел из крематория и спрятал. Ковры и кресла привозили по почтовому заказу? Картины — из магазина подарков? Пистолеты, секстанты, барометры — все казалось новым и не использовалось. Столы и стулья выглядели случайными; в саду ничего не росло.

Дверные колокольчики звенели на фоне прогноза погоды для судов; Доггер, Гельголанд, серые холодные волны. Мой отец вышел из дома загоревший, подтянутый, в шортах и футболке; ему было почти восемьдесят. Через год его прах пересек мир в заказном конверте, направляясь к дому детства.

Разбирая вещи, я почти ожидал, что найду в спальне пепел матери, но если он там и был, то я пропустил его и мог выкинуть вместе с остальным мусором отшельника. Возможно, он его где-то разбросал. Дом отца хранил множество тайн.

В войну мой отец честно летал на бомбардировщике Веллингтон, не страшась зениток врага. Его боялась вся команда — отец часто терроризировал тех, кто был к нему близок. Он поднимался в горы, боксировал, ходил под парусами за ВВС, а позже мучал молодых моряков, экзаменуя на сертификат капитана дальнего плавания. Пресыщенный, он обучал астронавигации в Политехнической школе. Он носил шляпу-котелок и сжимал плотно стянутый зонт, который не открывал никогда, даже в грозу.

В 1928 году молодым человеком он покинул дом в Новой Зеландии с зашитыми в пояс двумя сотнями золотых sovereignов, и устремился к новой жизни в Старом Свете. В ночь его приезда Лондон был окутан туманом; он спал в Кеннингтоне, в Талбот-хаус.

Следующие десять лет он жил жизнью молодого офицера ВВС; у него был собственный самолет, быстрые автомобили, ему не нравился Лоуренс Аравийский, он дружил с Сири Моэм, рисовал для нее, играл на фортепиано, делал великолепные фотографии и снимал фильмы. На Ближнем Востоке он использовал свои таланты, снимая недоступные древние

руины для Археологического общества, а в Кении следил за леопардом.

Печальные послевоенные кварталы для женатых, окрашенные бледной камуфляжной расцветкой посреди ветреного пустого аэродрома, более пустынного и чуждого, чем любые муниципальные кварталы — там блеск увядал. Моя мать, на которой он женился в 1940 году, «возлагая большие надежды» — их фотография оказалась во многих национальных газетах «тем ветренным мартовским днем», — смеялась, невзирая ни на что.

В четыре года он выкинул меня из окна; споры становились все ожесточеннее. Такими они были все мое детство.

Разговоры умерли. В этот вакуум вошло телевидение и прогноз погоды, который мы смотрели в полном молчании. В любую свободную минуту он выходил под парусами в Уэлш-харп. Чем холоднее, тем счастливее он казался.

До этого мы путешествовали: 1946-й — Рим, 1947-й — Кембридж, 1948-й — Абингдон, 1949-й — Лонг Хэмборо, 1950–1951-е — Кидлингтон, 1952-й — Йоркшир, 1953-й — Сомерсет, 1954-й — Пакистан, Карачи. Инвентаризация, разбитая посуда и никаких вещей, кроме альбома с марками, чтобы путешествовать налегке.

Когда мы с матерью переплывали Суэцкий канал — были ли это последний корабль? Мы знали, что не встретим его, когда вернемся: он наблюдал за испытаниями водородной бомбы в Неваде. С того момента воцарилась тишина. Мы общались, только чтобы узнать, кто где находится.

В 1960-м я окончил Кингс-колледж в Стрэнде, получив степень по истории, истории искусств и английской литературе, а затем — диплом изящных искусств в школе Слейд. Я редко приезжал домой; мать болела раком, первая операция прошла успешно, но следующие восемнадцать лет она чувствовала себя все хуже, пока не умерла в 1978 году.

Отец присматривал за ней, подсчитывая яблоки для своего ежедневного яблочного пирога. Мы возвращались домой, чтобы фотографироваться на все более строгих фотографиях: все напряжены, волосы тщательно причесаны.

Он стриг газон прямыми линиями, проклиная каждое дерево и растение, нарушавшее решетку его тюрьмы. Затем он вез меня обратно в Лондон на скорости сорок пять километров в час, не быстрее и не медленнее. Он ругал каждого мотоциклиста, сбивавшего его с ритма. По шоссе он полз, как улитка, на Риджент-стрит был лихачом.

Он водил машину, ходил под парусом, а его усы, закрывавшие маленький шрам, придавали ему пугающий вид. Он никогда не говорил о прошлом — для нас оно было закрыто.

В 1978 году он переехал из Лимингтона в Хэмпшир. Там он прожил еще восемь лет, один, в уродливом одноэтажном доме из красного кирпича под названием Меррифилд. Я приезжал к нему лишь раз. Встретив меня на станции, он первым делом спросил: «Когда ты уезжаешь?» Он позволил мне ненадолго войти в дом, выпил со мной чашку чая за столом на газоне, после чего мы пошли обедать в местное кафе.

«Добрый день, коммодор, как поживаете?» Отец разглядывал меня в монокль, смотрел, как я ем, а потом посадил на поезд в Лондон.

В следующий раз, когда я его увидел, он с гордостью сказал: «Дерек никогда и ни о чем меня не просил».

В ночь, когда он умер, мы с сестрой разбирали вещи в его доме; зазвонил телефон, и нас вызвали к его постели. Несколько месяцев он находился в больнице Саутгемптона после инсульта, парализованный, но на его лице была улыбка, которую я видел впервые. Было ли это облегчение человека, который никогда и никого к себе не подпускал? А теперь внезапно стал зависимым во всех своих нуждах?

Тихое приветствие в доме престарелых, подъем по лестницам, чтобы увидеть его без сознания; надо ли мне с ним говорить? Нет, слишком поздно; малейшая эмоция стала бы мелодрамой. Для эмоций в этом пригороде не было места, а теперь слишком поздно их изобретать.

Внизу мы организовывали похороны, разговаривая с женщиной за стойкой, которая едва могла скрыть отвращение из-за скорости, с которой все это делалось, и того, что мы с сестрой оставили все на них.

Когда мне исполнился двадцать один год, отец подарил мне счет в банке, аттестат и оплаченные счета за образование, которое сделало меня «англичанином». Я вырос в традиции, которая высмеивала жителей колонии. Акцент? Отец утратил свой в юности, летая и сражаясь, чтобы спасти Старый Свет — первая бомбардировочная миссия войны, крест «За боевые летные заслуги» с планкой.

Впрочем, отец верил в свою неполноценность, поэтому всегда стремился выигрывать. Сотни серебряных и оловянных трофеев не приносили удовлетворения и складывались в темный чулан под лестницей. А еще был чердак — почему бы не взять то, что было уже у кого-то взято? Отец «коллекционировал» древности и продавал их с выгодой в Phillips, но отличие состояло в том, что коллекционирование моего отца было тайным. Деньги не переходили из рук в руки; он воровал — воровал у своих друзей и родственников. Все, что блестело или что было дорого.

Обручальное кольцо моей матери.

Свадебные подарки моей сестры.

Игрушки внуков.

Меррифилд был полным хаосом, за занавесками скрывался невероятный бардак: бутылки виски, шоколад, туалетная бумага, все, что можно было выгребсти из ящиков и шкафов — хоть смейся, хоть плачь, — но за это мне удалось полюбить своего отца.

Бесконечная скука Нортвуда стала единственной опорой моего взросления. До пригорода не долетало эхо разгневанных молодых людей. Только шум газонокосилок и разбрызгивателей в жаркие летние вечера.

Наступал закат тщеславных имперских амбиций, что возвели эти дома у Шато де Мадрид, ныне ядерной штаб-квартиры НАТО, где друзья моего отца занимались Кнопкой и следили за обратным отсчетом.

Болячки на коленях от приключений, катание на коньках под звуки Штрауса на Уэмбли — наше самое дальнее путешествие; нас сдерживало незнание, никак не связанное с высокими и низкими оценками, которые мы получали в августе. По телевизору шли «Билко» и «Люси», в кинотеатре

«Эсольдо» — «Разрушители плотин», сома, за которую умирало его поколение.

Моя мать любила цветы, но не интересовалась садоводством; самыми любимыми были ландыши, которые она выбрала для свадебного букета, и болотная мята, в честь которой она едва не назвала один свой дом, в конце концов передумав и назвав Меррифилд, в честь летного поля в Сомерсете, где она провела свое самое счастливое время.

Меррифилд был построен в старом саду. Под деревьями я посадил мяту, и она разрослась по всему газону. Мать выстлала открытый дом коврами от стены до стены и украсила диваны ситцем со стилизованной розой на зависть соседям, которые им восхищались. Она без устали стирала пыль со сверкающей французской полированной мебели «под старину».

Пока мать жила в доме, он был уютным и пустым. Здесь не было книг — они чересчур тяжелы, чтобы их паковать, хотя она входила в общество библиотеки Бутс. В доме имелось две картины: написанное маслом пустое море и угол дворца Мальтийских рыцарей в Салита дель Грилло — обе привезены из Рима. У нас не было граммофона и телевизора еще долго после того, как они появились у всех наших друзей; я едва помню радио. В Рождество мы ходили на пантомимы, видели в Оксфорде «High Hazel» и несколько мюзиклов: любимыми были «Salad Days» и «Hernando's Hideaway».

Друзья матери разговаривали мало. Женские встречи, работы мужей, браки, никаких смертей — в Нортвуде никто не умирал, хотя кладбище закрывало собой весь холм. Парикмахерская, перманент, одежда — моя мать ходила в Singer, всегда следовала моде и носила норковое пальто или накидку с хвостами зверей, свисающими с плеч, что выглядело довольно зловеще. Она была неизменно дружелюбной и приветливой: за обедом всегда могло найтись свободное место, а то и два-три. Мы спорили, кому мыть посуду. Мать говорила: «Как жаль, что вы с сестрой не унаследовали нашу отзывчивость». Она была практичной и нетронутой расизмом и снобизмом пригородов пятидесятых. Она родилась

в Калькутте. По ее словам, у нее было все, чего она хотела. Я ей верил. Она продолжала следить за собой все годы, что болела раком — ни тени на лице, всегда улыбающаяся Бетти.

Сейчас мне кажется, что улыбка и обаяние были несчастьем ее времени и класса; сохранять лицо тогда считалось героизмом.

С моей точки зрения, брак матери был счастливым: я не помню, чтобы родители ссорились, и мои споры с отцом — единственная тень; возможно, они нарушали собой монотонность постоянных сборов и распаковки вещей, инвентаризации, случайных «сборищ» в парадных костюмах и вечерних платьях. Большую часть времени мы с сестрой проводили в интернате.

Нортвуд был прост и погружен в обеспеченный эгоизм. Моя мать казалась полной жизни, но я понятия не имею, как она выживала в таком мире. Девочкой она училась в школе искусств Хэрроу и работала для кутюрье Нормана Хартнелла вопреки желаниям своих родителей. Она встретила моего отца — ее первого приятеля, — на танцах в Нортхолте. Брак, дети, война. После этого она готовила и стирала, стирала и готовила, смотрела, как мой отец уходит на работу, а потом заболела.

Мать любили все, кто ее знал, отмечая спокойствие и мудрость, которые, как она говорила, были подарком ее лекарств. Болезнь никогда ее не шокировала. Она улыбалась даже на своем смертном одре.

Суббота

К моему удивлению, ночь я спал, температура была тридцать семь, и утром я не стал ее сбивать. Хоть что-то для разнообразия.

Врачи все еще не нашли инфекцию, и в понедельник меня ожидают новые тесты. Медбратья Джеральд и Шон обращаются со мной очень вежливо.

Вечером приехали Нил Теннант, Линн Ханке, Майк и Джейн О’Прей — все разом. Провели полчаса с Нилом, у которого было прекрасное настроение. Он изобразил Грейс Джонс и ее публичное саморазрушение. Поскольку

она абсолютная подделка и в реальности не существует, это вполне логично. Нил отправляется в Германию записывать пластинку и подарил мне прекрасную книгу Симеона Соломона. Линн, к сожалению, возвращается в Америку.

Температура начала расти, и в 7:30 приехал Джерард, чтобы меня поддержать.

Внезапно я услышал, как кто-то поет тихую, спокойную, глубокую песню, которая то нарастает, то убывает, словно блуждающий огонек. Я позвал медсестру и спросил, кто это поет. «Милдред, уборщица». Истекая потом, я приоткрыл занавеску, чтобы лучше слышать. Когда она проходила мимо, я позвал ее, и она подошла. Я сказал: «Вы поете замечательную песню», и она, улыбнувшись, ответила, что это спиритчуэл, который называется «Дух Бога живого». Она положила руки мне на плечи и тихо запела голосом невероятной красоты. Это было так трогательно, что я не смог сдержать слез. Она улыбнулась, благословила меня и продолжила работать.

Звонки от ХБ: он застрял на Чаринг-Кросс-роуд из-за марша против подушного налога, превратившегося в полный бардак. Два друга все это время спасались в квартире. Через несколько часов, когда он все же приехал, то описал царивший хаос: все уличные витрины были разбиты и разграблены, мусорные баки перевернуты. Самым невероятным оказалось разграбление музыкального магазина: поток гитар передавался по рукам словно гигантская гусеница, переползавшая дорогу.

1-е, воскресенье. апрель 1990

Меня разбудил продавец газет. ХБ так и не появился — я думал, он приедет сегодня утром. Ничего не понимаю.

Спросил Джеральдин, не могла бы она позвонить ему и узнать, как он добрался домой прошлым вечером. Полиция ничего бы не сказала. Тревожась, я лежу в постели и минут пять тихо говорю с ним. Где ты? Я тебя люблю. Внезапно звонит телефон — он услышал.

В 3:30 Линн Ханке, моя близкая подруга из Америки, которая показывала своим детям пяти и шести лет яркие огни

Лейчестер-сквер, наткнулась на погромщиков. Она поймала такси, но его сразу окружила толпа и попыталась перевернуть. Примчавшаяся полиция начала оттеснять каких-то других погромщиков, и эти немедленно вернулись к машине, однако Линн успела сбежать. Не лучший день для завершения отпуска.

Разграбление Чаринг-Кросс-роуд было на удивление организованным — не пострадал ни один книжный, в том числе магазин моего друга Яна Шипли. Автомобильному салону повезло меньше, как и Foyles — из-за правых взглядов Кристины: музыкальные магазины, ювелирные и банки.

Очень устал и ослаб.

Понедельник

Переезд в новую палату занял весь день. Каждую вещь, все холодильники, шкафчики, кровать и приборы завезли в битком набитый лифт. На время я позабыл об огорчении из-за того, что результаты сканирования не будут готовы до вторника. Сейчас я лежу в большой, просторной палате с видом на юг Лондона и Альберт-холл. Внезапное одиночество принесло облегчение.

На кинофронте полный хаос. Джеймс ничего не говорит и приглашает людей снимать пропущенные эпизоды, не связываясь со мной.

День прошел под знаком переезда, а я поглощен температурой. Множество пациентов выглядят глубоко больными и грустными: на лицах беспомощность, отчаяние. Один молодой человек в лифте едва не задохнулся от кашля, и я ничем не мог ему помочь, разве что поддержать его дрожащую руку. Никто не нарушает ничьих границ, разговоры сводятся к «Доброе утро, Билл, сегодня лучше?», но не более; если только краткий диалог.

Я уснул; потом меня разбудила медсестра, и я не узнал Питера Логана, одного из своих лучших друзей — назвал его Кит. Мы вместе учились в Слейде. Он сказал, что волновался: во сне я выглядел очень больным.

Мы поболтали о прошлом; гости меня ободряют. В 7:30 приехал Джерард и сидел рядом, пока я сбивал температуру. Потом приехал ХБ, и они вымыли меня, устроив соревнование, у кого лучше получится. Они решили, что у меня есть все, чего я заслуживаю: два симпатичных молодых человека вытирают меня полотенцем. Ни одному римскому императору так не везло.

Вторник

Сканирование. Ночью я спал в море пота — простыни меняли трижды. В результате утром я шатаюсь, едва могу ходить и хватаюсь за мебель, чтобы пройти по комнате.

Невероятный поворот. Моя температура весь день ниже нормы. Я лежу в трансе, в сознании появляются и исчезают образы: леопарды, волны, звезды. Я решил, что смогу войти в контакт с матерью, и поговорил с ней. Должно быть, она очень далеко — я так ее и не встретил. Вспоминаю ее прекрасное лицо — она улыбалась всегда, что бы ни происходило.

Эндрю Логан принес мне свою скульптуру «Гуру», раковину в сверкающем золоте и синем стекле; у ее основания сидит маленький Микки-Маус, сделанный из найденного им кактуса. Лучшее, что случилось сегодня. Теперь скульптура стоит рядом с кроватью под лампой.

Среда

Я совершенно потерял счет времени. Утром испугался, обнаружив, что все перепутал и пропустил сканирование. Худший день болезни. Расстроенный, я проснулся с температурой на один градус ниже нормы и мерз почти три часа (это было сегодня... нет, наверное, вчера.. или нет, сегодня).

Температура опять взлетела до сорока, я весь горел, не мог есть, и когда вошла Дженни, так вздрогнул от неожиданности, что пролил апельсиновый сок. Она успокоила меня, сказала, что все в порядке.

Вечером приехал ХБ и вывел меня из депрессии. Я все перепутал, забыл, что и когда происходило — сегодня это было или вчера? Оказалось, все же сегодня.

Временами я теряю концентрацию. Когда приходят гости, я сосредотачиваюсь и говорю довольно четко. Язык у меня не заплетается, хотя я позабыл несколько имен.

В два часа приехали Ричард Салмон и Кристофер Хоббс. С Ричардом обсудил каталогизацию своих картин и попросил связаться с адвокатом, чтобы в завещании сделали приписку, дающую ему единоличное право ими распоряжаться.

В самый холодный день в году Кристофер снял «Снятие с креста» с ХБ и Джонни. Они были не против, и когда была возможность, он их укрывал. Он сделал раскадровку, которой четко придерживался. Все снималось с треноги. У него был полароид, что выглядело замечательно. Он в полном восторге, поскольку впервые находился за камерой, и ждет не дождется результатов.

Ричард отправился в магазин и купил мне шесть бутылок воды «Эвиан» — я пью ее литрами, постоянно хочу пить.

Когда они ушли, появился доктор и тщательно меня осмотрел. Он сказал: «Мы сужаем поле, посмотрим что завтра покажет сканирование. В предыдущих анализах есть два странных микроба. Это может быть разновидность туберкулеза. Вероятно, мы начнем вас лечить, не дожидаясь результатов, поскольку для развития культуры потребуется восемь недель — она растет очень медленно».

В середине шоу Спайка Джонса из пятидесятых приехала Тильда. Мы посмотрели его вместе. Она говорит, что Хрущев и Чехов, два каштана, стали более липкими, чем обычно.

Четверг

Разбудили рано и увезли на КТ. Это большая пластиковая белая арка, через которую вас медленно провозят, а компьютер в это время создает изображение желудка. Голос невидимого врача говорит: «Вдохните», «Выдохните», «Не дышите», «Дышите нормально».

Когда сканирование подходило к концу, раздалась пожарная тревога, и я спустился по лестнице на улицу, где кто-то привез мне кресло. Десять минут мы просидели под солнечными лучами. Тревога оказалась ложной.

В 3:30 мне нанесла визит Вирджиния Боттомли, младший министр здравоохранения. Я сказал, что нахожусь здесь уже три недели, что сканирование было назначено на 18 апреля, но я был так болен, что врачи сумели сделать его за восемь дней, хотя это все равно долго. Больнице очень нужны деньги. Она ответила, что работа с такой большой организацией, как Национальная система здравоохранения, неизбежно имеет свои обратные стороны. По ее словам, правительство вкладывает в здравоохранение миллиарды, перестраивает больницы в пригородах и сносит старые центральные лондонские госпитали.

Чувствую себя ужасно. Лекарства, которые я принимал перед КТ, сделали меня заторможенным. Чтобы снизить температуру, принял аспирин, но он не помог.

В восемь на еженедельный обход пришел Тони Пинчинг. Он сказал: «Это туберкулез желудка, который, скорее всего, был у вас много лет». Прекрасные новости. Завтра меня начнут лечить. Чувствую себя плохо. Принял еще аспирин. В 10:15 приехал ХБ и вымыл меня. Ужасно устал. Диктую текст, ХБ записывает.

Пятница

Этим утром я проснулся расслабленным. Едва дождался первых таблеток от туберкулеза, представляя войну в стиле комиксов: Бац, Шмяк, Шлеп.

Врач направил меня на биопсию печени. Мне дали местное обезболивание и взяли две пробы. Все говорили, что будет больно, но я едва почувствовал.

После этого мне надо было четыре часа лежать на боку без движения. Когда пришло время переворачиваться, я был словно ледяная статуя. Пришлось лежать на спине еще два часа, и только потом принесли таблетки. Представьте мою радость после всех этих долгих недель ожидания. Я проглотил их и немедленно почувствовал себя лучше;

настоящее облегчение, когда знаешь, что лекарства попали в цель. Уверен, температура не поднималась из-за таблеток. Тридцать семь и семь, сегодня никакого аспирина.

В семь пришла медсестра и через нос опустила мне в желудок трубку. Я почувствовал щекотку. Она сказала, что я лучший пациент из всех, что у нее были. Теперь жду рентгенологов, которые посмотрят, правильно ли она расположилась.

Приехали Джефф, Стивен и Теренс Дэвис; мы отлично провели время. Теренс сказал, что по словам мистера Гринуэя в Англии лишь два художника, и он — один из них. Почему, спрашивал Теренс, все в кино ведут себя так, будто это спортивное соревнование?

После их ухода явился Ричард Хеслоп и рассказал о погромах. Бесстрашный Ричард забрался на леса на Трафальгарской площади и стоял там, пока снизу ему не крикнули: «Мы их сейчас подожжем!» Какой-то мальчишка лет пятнадцати бросил на стоявшую внизу полицию огромный кусок бетона. Чудо, что никто не погиб. Самая горькая сцена — человек, одетый как Чарли Чаплин, рыдает перед горящей машиной. «Зачем вы это делаете? — говорил он. — Прекратите, прошу вас».

Суббота

Температура тридцать шесть! Спал! Принесли таблетки! Сразу же их проглотил. Питание, идущее по трубке, похоже на кофе. Ужасно рад. Туберкулез, с ума сойти, старомодная болезнь, дама с камелиями. Надо сходить в оперу. Бактерии прищучены. Желудок не дает о себе знать.

Пишу неразборчиво и все еще не могу читать. Текст плавает перед глазами. Не помню, о чем только что прочел. Постоянно смотрю телевизор — он совершенно бессвязный, и я на той же волне.

В палату вошел Жан Марк Пруво, с которым я жил много лет назад, и в первую секунду я его не узнал. Три часа вспоминали прошлое. Удивительно, после стольких лет у нас все еще столько тем для разговоров. Обменялись адресами и обещали увидеться, как только получится.

Есть не могу, каждый кусок приходится запивать водой, чтобы он успел пройти в желудок до первого рвотного позыва. Сейчас я вешу примерно пятьдесят шесть килограммов — наверное, я был слишком толстым при своих обычных семидесяти двух.

Врачей тревожит мой вес: они говорят, что не выпишут меня, пока я похож на скелет.

Я пробуду здесь еще три недели. Меня это радует, я привык к заботе и долгим ночным разговорам с медсестрами, когда все рассказывают друг другу свои секреты.

Национальные скачки — невероятно увлекательно.

Приехал Спенсер Ли, и мы поболтали большую часть дня. Спенсер только что вернулся из Нью-Йорка, говорит, там все дороже. Он посмотрел все самые последние фильмы и принес мне несколько значков Марка Маккормака: «Да пребудет мир на земле».

Я пропустил начало весны. Привыкнув к теням, глаза не могут видеть свет. В деталях распланировал сад, еще успею посадить летние семена — я начал менять садовые цветы на дикие растения Дангенесса: капусту, фенхель, валериану, маргаритку.

Воскресенье

Приехали Лайам и Симус. Рассказал им о страшном путешествии в Гибралтар, когда мне было 15 лет.

Отец заявил, что я могу съездить на каникулы в Гибралтар, если надену форму ВВС и выдам себя за ординарца какого-то маршала (он умер неделю назад).

Я надел кадетскую форму, в Бовингтоне мы поднялись на борт самолета, меня посадили за штурвал и велели держать курс на юг. Мы пересекли Европу. Добравшись до Рока, отец отправил меня в бараки с восемнадцатилетними новобранцами, которые крайне интересовались, почему вместе с ними находится пятнадцатилетка. Это было ужасно.

Вечером он вернулся и забрал меня на встречу с полковником авиации Ревиллем, у которого были забавные усы, типичные для ВВС того времени. На ужин мы поехали

в Испанию — ветчина, сухой белый херес. Невероятный Ревилль без конца говорил о матадорах и быках.

Обратно самолет улетел без меня, оставив в одиночестве на шесть пугающих дней. Робкий, как мышь, я боялся и не находил себе места.

Вечером приехал ХБ и показал новые эпизоды. Они меня удивили. ХБ и Питер утверждали, что получилось ужасно, но это не так. Съемка в Дангенессе его и Джонни — один из самых прекрасных моментов фильма, хотя, к сожалению, немного не в фокусе.

Ложусь спать, температура нормальная. Очень счастлив.

Воскресенье

Проснулся рано, в 5:30. Немного напряжен. Пришла Тина и отсоединила меня от капельниц с едой и водой, что оказалось не так-то просто. Побрился, принял ванну. Тина сказала, что туберкулез — непростое испытание, и температура может вернуться. Впереди десять недель таблеток. Не представляю, сколько я проглотил этим утром — наверное, штук двадцать. Когда принесли завтрак, я сказал, что уже сыт по горло.

Во второй половине дня приехала Тильда и целый час делала мне массаж стоп. Я это едва заметил. Появился уставший ХБ; долгие объезды и полдозы снотворного. В 12:30 проснулся в поту. Желтая пижама промокла. Остаток ночи почти не спал, просто лежал с закрытыми глазами.

Понедельник

Сегодня утром мне гораздо лучше, хотя от таблеток тошнит. Врач сказал: «Давайте-ка уберем часть этого яда».

Приехала сестра. Меня отключили от капельницы, побрили и вымыли. Я набрал килограмма полтора; дозу в капельнице подняли до девяноста. Довольно плотно пообедал. Не могу читать книгу Джексона Поллока — слишком тяжелая.

Пришли Джо и Тильда, сделали массаж. Спал хорошо, ноги ожили, да еще как!

Вторник

Пью и мочусь как обычно. От таблеток тошнит. Их надо принимать в 7:30.

Посмотрел ранние новости, позавтракал. Отключили от машины питания (через нос), чтобы я побрился и умылся. Сегодня я чувствую себя увереннее, вернулся аппетит. Могу сосредоточиться на чтении.

Взял книгу Поллока, а потом написал двадцать писем на больничной бумаге, отвечая на почту последних трех недель. Приехал Жан Марк, выглядит расслабленным и привлекательным. Завтра отправляется в Италию. Как хорошо встретиться после всех этих лет! Спросил, сколько ему исполнилось — 33. Всю встречу улыбались.

Обед: суп, салат, рольмопс, манная каша и фруктовый сок. Вернулся к телевизору и Поллоку.

Все рады моему выздоровлению — только сейчас я понял, в каком помрачении находился последние пять недель; ощущение времени совершенно исчезло. Этот дневник создает неверное впечатление, он слишком последователен. Я словно пробуждаюсь от странного сна.

Сегодня время имеет определенность. Ближе к вечеру приехали Нико и Тильда — Нико привез огромную миску с фруктами и копченого лосося. Капельницу убрали, я вновь голоден. Еда в эти недели была настоящим кошмаром. Сегодня я хотя бы сумел что-то проглотить.

Из-за таблеток моча ярко-желтая, я то и дело прыгаю на стульчак. Понос продолжается. Ароматерапевт Линда сделала мне массаж маслом вербены. Во время сеанса я спал. Потом, расслабленный, я вернулся в постель. Свет выключили, вновь ввели трубку через нос. Попытался мастурбировать — совершенно ничего.

Бессонная ночь с периодической лихорадкой, хотя температура в пределах нормы.

Среда

В шесть принесли таблетки; включил телевизор. Опять проблемы с кишечником: вставал раз пять. В восемь утра завтрак, затем отключили от капельницы — это как быть на цепи. Начался еще один день.

Утро развивается стремительно, приходят врачи: если хотите, вы можете уйти в понедельник. Планы, планы, столько планов — теперь все изменится: убраться в квартире, послать документы в Национальный киноархив. Отдать картины благотворительным организациям, перебрать заполненные книжные полки в Хижине Перспективы. Полностью убраться в доме Феникса — избавиться от всего, больше никакого хлама, — начать писать картины, приступить к «Эдуарду II». Посадить растения в саду.

Эти таблетки я буду принимать еще десять месяцев. Инфекция в печени и лимфатических узлах; на противотуберкулезных препаратах мне придется быть до конца своих дней. Врачи рады моему выздоровлению. Я ем! Рассыпал по полу черный перец — крышка не была завинчена. Дни все равно кажутся галлюцинациями — возможно, из-за лекарств. Я набираю вес, прибавил уже три килограмма. Врач говорит, надо набрать еще шесть. Все меняется — следующие три месяца я проведу в покое, перепоручая работу другим, как паша.

12:30. Мочился стоя — впервые за все проведенное здесь время! Пожевал фрукты.

3:30. Отсоединили от капельницы — больше никаких трубок. Появилась Иоланда Зоннабанд с прекрасными садовыми цветами. Не мог оторваться от копченого лосося Нико, ел и ел. Желудок успокаивается.

Четверг

Проверка зрения. Одно из моих лекарств может вызвать слепоту. Все в порядке. Я буду принимать его еще три недели. Будьте внимательны: вы можете утратить цветное зрение, но это, к счастью, обратимо.

Вышел на улицу. Глазные капли сделали окружающий мир психоделичным. Люди тарашатся, рабочие шутят, я словно в полусне. На солнце едва вижу.

Вернулся, принял ванну.

Питание все еще небольшая проблема.

Ночь была очень беспокойной: строил планы.

Пришел Кен, принес журналы.

Книга Джексона Поллока — настоящий подарок, но слишком тяжела для больничной постели. От нее болят руки.

Эндрю принес чеснок — прогоним прочь микробов. Позже приходят Спринг и Роберт.

В понедельник меня выписывают. Спал гораздо лучше, хотя стопы парализованы от боли из-за массажа Тильды и сильно воспалены пролежни. Вечером был ХБ. Страшно устал.

Пятница

Встал в шесть, сам сделал завтрак, надел брюки, свитер и под дождем, по холоду, отправился за газетой.

Тощий, как кочерга, я едва плелся по улице — думаю, зрелище было еще то.

Ослеп от недель телевизора, в памяти не задерживаются даже научно-популярные программы. Тупые, бесконечно повторяющиеся новости и реклама.

Расстройство желудка продолжается, внутри болит и крутит. Остальное сегодня в норме. Могу есть, хотя это настоящая пытка.

Пришел Дики и повез меня прокатиться. Глаза сверкают, но воспаленные пролежни болят и чешутся.

Пасха.

Планирую домашнюю революцию.

Хижина Перспективы — последний из долгой череды «волшебных замков», которые я начал строить в детстве в дальнем уголке сада: дома из травы, ароматного сена, которое медленно становилось коричневым и начинало гнить; песчаные замки, торфяная хижина, где едва можно было

развернуться; дом из металлолома и веток, вмержший в острые ледяные поля, по которым я когда-то бродил.

За ночь стекла покрывались морозными узорами, хризантемы застывали в замерзшей воде — розовое со льдом.

Долгими дождливыми вечерами я сидел со своими кактусами, возводил кристальные сады из набора юного химика и запускал в ванне бумажных рыб, которых потом приклеивал к стенам.

Долгие дни в Уотфорде, когда я возвращался из лавки старьевщика с маркой, книгой или маленькими рисунками. Там меня учтиво обхаживала древняя, близорукая и седая, как простыня, хозяйка, похожая на Панча.

Вечером на автобусе мимо газового завода и старых гидротехнических сооружений с их выцветшим камуфляжем.

Альбом с марками я потерял, кактусы отдал.

На Уэмбли катался на коньках, по выходным ездил с отцом, у которого было плохое настроение. Дни юности незрелой. Вечера в саду, где я рисовал углем цветы или изображал Армагеддон в виде римского тимпана, полного извивающихся фигур.

Никаких мыслей о сексе — лишь неопределенные подруги. Чудовищная скука. Только цветы, горечавки и прекрасный семпервивум.

Выходные в Сивью, нет хуже печали. Плавать было здорово, но остальное — посиделки со странными загорелыми яхтсменами и утомительные визиты в Блэкганг Чин, где однажды я видел гадюку. Над крышами домов пролетают «Вампиры» ВВС — однажды пилот перевернул самолет и рухнул в море.

По ночам стреляли кроликов в свете фар.

Сбивали ворон из пневматики — невероятно об этом жалею. На моем счету две.

Удалили гланды в Холтонском госпитале ВВС, в палате, где лежали вернувшиеся из Кореи солдаты без рук и ног.

В Пакистане сад стал *fauve*, фиолетовый и алый от бугенвиллий; огромные бабочки, алые с черным махаоны.

Я коллекционировал бабочек, но однажды ночью целая армия муравьев проглотила их вместе с чучелом павлина, привезенного с севера. Последнее крыло исчезло на полу. Вечерами я наблюдал за черепахами, которые выбрасывали фонтаны брызг, перебираясь через волны. Никаких животных; отец ненавидел собак, хотя у меня была черепашка, которая скоро умерла.

Я рисовал, но не мог читать. Стеснительный, необщительный, с несколькими близкими друзьями, очень закрытый, никакого секса.

Кинематограф пятидесятых, телесериалы, «Скайлон» в Лондоне, открытые планировки, постель. Кухонные приборы «атомной эры».

Отец наблюдал в Неваде за ядерными испытаниями. Мы сидели дома и смотрели «Я люблю Люси». «Дик Бартон», «Тайны Кена» — вот и неделя прошла.

Вернувшись домой, мы с Ричардом привели в порядок картины.

Суббота

Цветы детства, темно-красные пионы, склонившиеся под тяжестью росы вдоль дорожек в Карри-Малет. Узоры плюща на фиолетовом с белым крокусе, желтые тычинки для картин. Будлейя покрыта многоцветницами, бабочками павлиний глаз и языканами. Фиолетовые тутовые ягоды — их можно есть? Алые герани, жасмин, аромат левкоя, *Aloe variegata*, камелия — экзотика в феврале; вистерия на старых каменных стенах, дикая желтофиоль, бросающая вызов засухе, коричнево-фиолетовые бальзамические тополя, чистотел с желтыми каемками, вспыхивающий на газоне.

Сухие птицемлечники, посланные через весь мир, чтобы расцвести на Рождество. Гюта; елка сверкает свечами. Петунии, левкои, таинственные пики люпина в школьном саду. Бирючина и лайм. Охота за ночными бабочками в ванной посреди ночи: горностаевая моль и бронзовая бабка. Коконопряды, странные языканы, разноцветные шелкопряды, на берегу — гусеницы вилохвостов с раздвоенными

дьявольскими хвостами, древоточцы толщиной с палец. Все эти дикие луга давно исчезли.

Сирень в вазе. Кремово-белая роза, прорастающая сквозь старые яблоки. Сбор трав в Холфорде. Большие монастырские тополя у ручья.

В Килве серые ископаемые на илистых рифах у пляжа. Ветер, большой тис, камыши в канаве, высокие итальянские тополя.

Семена и запах бутеня, боеприпасы плюща. Украденные морковь и редис. Кресс-салат в ванной. Созревшая кукуруза, которую поедали в хижине у поля. Вдоль бордюров — ароматные белые гвоздики с зубчатыми лепестками. Стыдливая дикая аквилегия в лесу. Прогулки над деревьями в вышине.

Мой кактусовый сад. Широкие алые французские бобы для засолки. Никакой цветной капусты. Шпинат, редис и латук Мальчик-с-пальчик.

Все это я вспоминаю в 12:30 после ночного пота.

Ричард рассказал, как о его окно билась влетевшая пчела. Утром она лежала на подоконнике полумертвая. Он налил рядом немного воды. Она не пошевелилась. Тогда он капнул меда. Длинный хоботок развернулся, и через десять минут весь мед исчез. Пчела стала блестящей, ярко-черной, глаза замерцали, и внезапно она стрелой умчалась в солнечный день.

Назад, домой, к моему саду.

12-е, четверг. апрель 1990

Вчера ночью с яростной бурей набежали холодные восточные ветра; утром туман рассеялся, принесся яркий, но облачный день. К вечеру похолодало.

Ужасные январские ветра оставили после себя одни разрушения: раkitник погиб, за атомной станцией увяли и пожухли листья приморской армерии; наперстянки вообще не видно. Посреди моря колокольчиков стоит старый бункер времен войны — выглядит потрясающе. Бетон разрушился, но цветы живут в память о тех терпеливых добровольцах,

что пятьдесят лет назад смотрели отсюда в сторону Франции.

Срезал несколько штук фиолетового ириса, который когда-то рос в центре розовой клумбы.

Какую же радость приносит солнечный свет. Цветут примула, вероника, крестовник, крушина, маргаритка, утесник, дикая груша, фиалка. Примерно пятьдесят маленьких растений, белых и желтых, образуют отдельное пятно — крестовник, песчанка, барвинок — разнообразие, наполнившее ивовые леса; скромные бледно-голубые звезды, ранние незабудки, такие маленькие, что их едва можно различить.

Множество собачьих фиалок, яснотка, вика узколистная, герань. Журавельник.

Маленькие розовые цветы покрыли собой весь берег — монция, пятнистая люцерна (выросла на почве, которую привезли сюда, чтобы строить дорогу для рыбацких лодок), крупка, смирния и еще одно изолированное скопление из десятка растений вдоль обочины — яснотка и колокольчики.

Великая

суббота

Тянутся долгие пасхальные выходные. Боже, как я устал от телевизора... Запутался в бесконечных деталях перипетий книги Джексона Поллока. Делать нечего. Звонит Ричард, он в том же состоянии.

Ричард влюблен: все выходные сосредоточены на его безответной любви.

Я счастлив. Из-за таблеток я слегка не в себе и оттого напеваю мелодию Дорис Дэй «Que Sera Sera». Потерял ощущение времени и весь день отстранен от происходящего.

Мы поехали в Плейстоу, где Джерард держит ключи от дома Феникса. Старый запах кожи и полированного дерева автомобиля Ричарда; мы скользим вдоль пустых серых улиц Ист-Энда, отмечая архитектурные жемчужины шестидесятых, обособленно стоящие в море постмодернистского «классицизма». Руфус сидит с Лили, кошкой породы корниш рекс, которая выглядит так, словно в ужасе выскочила из ванной. Пьем чай, потом снова в путь, назад в дом Феникса.

Квартира пуста. ХБ в Ньюкасле. Спагетти с песто в Вгупа, обычно бесвкусные, вкушал как манну небесную — после недель без еды я снова голоден. Меня останавливает темноглазый Оливер, игравший в фильме Джулиана о Пазолини. Я шатаюсь от одной стороны улицы к другой. Стероиды.

Начинаю разбираться с последними десятью годами, когда все места в доме заполнялись картинами и книгами о фильмах. Мы обнаруживаем картины среди одежды, за кроватью, за банками с вареньем и кофе на кухне. К семи все картины, подаренные или купленные, сложены — я собираюсь избавиться от всех них.

Ричарда удивило качество этой сотни полотен и литографий. В шесть мы поехали обратно в Сент-Мэри.

Выглянуло солнце. Мы отправились в долгую поездку взглянуть на здания и сады и приехали в семь. Договариваюсь встретиться с Ричардом утром и, усталый, ложусь в постель. Стопы жжет от боли, кожа трется о выступающие кости. Решаю выписаться утром и не ждать понедельника.

Пасхальное

воскресенье

Утро воскресенья, ХБ читает лекцию «Матфей 23» в Бернхоуп, а я сижу в окружении черных пластиковых пакетов, наполненных (его) одеждой для Оксфам. Под стулом обнаруживаю шесть пар своих коричневых кожаных ботинок, покрытых пылью, которые я купил в секонд-хенде и которых хватит мне до самой смерти. ХБ давно невзлюбил мои пыльные ботинки, но я, прибираясь, заметил, что его коллекция значительно превосходит мою: у него целая батарея Doc Martens и аэродинамические Travel Fox, которые он очень любит.

Разбираю ящик под старым готическим электрокаминном, который замыкает и искрит, каталогизирую бумаги для киноархива и сотни пленок Super 8 семидесятых годов для Джеймса. Может, мы сделаем из этих обломков фильм, «Glitterbug». Джон единственный, кто понимает, насколько точно это название: «Glitterbest, Glitterati, Glitterbugger».

Вернувшись в больницу, я выписываюсь и возвращаюсь домой, чтобы провести очередную бессонную ночь, ожидая рассвета в легком поту.

Понедельник

Светлой

седмицы

Дангенесс

Десять минут я следую за большой пчелой вдоль дороги, разделяющей лес за домом: она жужжит, перелетая с цветка на цветок.

Сад пересажен с помощью соседских детей, которые взяли на себя самое трудное — вскапывание.

Дни солнечные, я загорел, стал цвета кофе.

Несс прекрасен, когда над ним поют жаворонки. На новый CD-плеер поставил «Lark Ascending» Вогана Уильямса и сел перед домом, едва вода ручкой в чистом блокноте. Прерываюсь, и на мою тощую руку садится муха.

Маленькая бабочка-червонец исследует желтофиоль, а я смотрю на первые расцветающие колокольчики — белые и вычурные, словно викторианская невеста.

Слезы

Из-за туберкулеза проливаю целые водопады слез. Этим днем я плакал из-за общего положения дел, слушая рахманиновский фортепианный концерт. Сильвия вынуждена отдать двух своих драгоценных коз, поскольку не может заплатить налог. Они стоят дорого. Теперь она перешла на работу на полставки.

Следуя своей звезде в этом Раю, я плакал весь четверг, глядя на небо и море. Я плакал вечером с ХБ над своими фильмами. Никто и представить не может те сотни мельчайших решений, что создают их или разрушают. Это было вечером. Я плакал над садом, таким одиноким посреди этой галечной пустыни. Дорогой Жан [Кокто] — неужели я единственный, помимо тебя, чьи фильмы основаны на собственной истории?

Великолепный фильм Йориса Ивенса? Мало кто встал на этот путь. Денежные заборы, неподвижные звезды.

22-е, воскресенье. апрель 1990

Среди камней скачет крошечный крапивник, я едва его вижу. Их два! Перешагиваю через серебристый куст карри. Сотни божьих коровок целеустремленно карабкаются по моим растениям. В этом году тля погибла из-за поздних морозов.

Прогулялся до Лонг Питс: курганы обглоданы кроликами до мшистого бархата и украшены бесчисленными звездами голубых незабудок.

Сад постоянно дарит новые сюрпризы. Сегодня в лаванду нырнула ящерица, а большой уж, гревшийся у края мусорной кучи, изящно извиваясь, уполз прочь.

Alastair

Little's

Alastair Little's — любимый ресторан Джеймса. Его знают все официанты. Майкл — мой старый приятель. Еда великолепная, клиентура богатая, лучшего сорта, несгибаемо несущая бремя успеха. Если вы хотите видеть уродство, притворяющееся нормой, идите в Сохо. Дни Мюриэль Белчер, «французского», эксцентричности и творчества давно ушли. Рестораны сейчас так дороги, что никто не может позволить их себе без большого счета в банке. Помните дюжину стульев у мадам Моры? Розовая свинка в окне, ее дочери готовят овощи и лучшие фруктовые пироги. Там могли есть даже студенты.

Все ушло. Это не упражнение в ностальгии, это факт. Старые магазины закрыты. Vinogio за ставнями. Ползучее «облагораживание» уличных тумб и пешеходных участков; брусчатка Йорка покрывает старые выбоины.

Таблетки и эйфория после застенков больницы пробудили во мне яркие образы. Майкл спрашивает, как мои дела.

«Отлично», — говорю я, но потом начинаю рассказывать о состоянии государственной системы здравоохранения. Когда мой вес упал ниже шестидесяти килограммов

и я каждый день потел, пришлось ждать три недели, чтобы сделать сканирование, а милая Вирджиния Боттомли, младший министр здравоохранения, присев на кровать, сообщает, что все становится только лучше, не слыша советов, что дают ей те, кто здесь работает. И как такая обаяшка может быть такой глухой?

Я кричу это на весь ресторан — клиенты замирают, подсчитывая медицинскую страховку: хватит ли им на лондонскую клинику?

Возвращаюсь домой, покачиваясь и едва переставляя ноги, но рад, что устроил эту сцену. Таблетки освобождают — никто не стал делать мне замечаний.

Здесь страшно холодно, ветер меняет направление на северное. Читаю прекрасные письма Хораса Уолпола, живые и полные хорошего настроения:

Я разжигаю большой огонь и чувствую тепло, глядя на улицу, убеждаясь, что лето в Англии ограничивается этой уютной комнатой.

Парниковый эффект оставил нас во власти холодных ветров и морозящих дождей.

27-е, пятница. апрель 1990

Около пяти пьяница, идущий по Олд-Комптон-стрит в слепящем солнце, останавливает меня и, улыбаясь, говорит: «Сынок, я хочу дать тебе два шиллинга». Я очень удивился, поскольку моя рука уже шарилась в кармане в поисках мелочи. Он дал мне два шиллинга, я поблагодарил, и он сказал: «Хороший денек». «Да, — сказал я. — Солнечный».

5-е, суббота. май 1990

Сверкая зелеными глазами, ХБ выскочил из машины Джона, словно чертик из табакерки, и начал швырять камни во все, что попадалось в поле его зрения. Потом он намазался бергамотовым маслом, лег загорать, и все ползающие и летающие создания немедленно устремились к нему.

Неделя прошла без единого облачка. На рассвете катран — пена из белых цветов, — покрыт маленькими, медного цвета бабочками, пьющими нектар. Они замирают, когда на них падает моя тень. Зацветает все больше растений, хотя жестокие январские ветра сломали раkitник, и поэтому Несс выглядит призрачно серым. Цветов очень мало, так что золотистое сияние прошлого года в этом уже не повторится.

Смолевка приморская покрывает гальку мелкими белыми цветками, трепещущими на ветру; рядом растут сладко-горький паслен, маргаритки, подорожник, клевер, птицемлечник, лютик ползучий, очный цвет, боярышник, лапчатка, чернокорень и сурепка обыкновенная.

В середине дня поднимается ветер, мимо пролетает черно-красная кровохлебка, белая капуста клонится к фиолетовому ирису. Яркое обжигающее солнце медленно садится за лесами Лонг Питс, где кукует кукушка.

Льнянка с плющевидными листьями у лодочной станции всеми силами цепляется за смолу и камни, разбросанные после дорожных работ. У дороги вырос козлобородник луговой. Хотя земля сухая, большинство растений справляются с засухой.

Полил передний сад.

Я становлюсь крепче, если не считать ужасного зуда из-за стероидов. Все попытки от него избавиться ни к чему не приводят. Дерек Б. принес мирру, а вчера вечером — ладан для миндального масла, но кроме запаха, как в старой церкви, ничего не вышло. Придя с ладаном, он сказал: «Следующее — позолота».

Все вернулись в Лондон. Машины, приехавшие на берег в выходные дни, исчезли. Остался лишь один рыбак, который ничего не поймал. Тишину нарушает только петух Сильвии, кукарекавший на приезжих. Туман над башнями АЭС плывет, словно пар из чайника. Я скучаю по ХБ; он угрожает покрыть себя татуировками ящериц, на которых охотится в саду.

Вечер

Дэвид и Энди развели в дюнах огонь, чтобы завершить съемки «Скитальца». Позже мы уселись смотреть эпизоды «Сада».

9-е, среда. май 1990

Рано утром из Америки позвонил обеспокоенный Донни, друг Говарда, слышавший о моем туберкулезе.

Солнце почти исчезло за облаками. Приветствую прохладу. Прогулялся по Нессу и принес с собой кучу металла и палок, чтобы украсить сад. Рыбаки вытянули сеть большой древний якорь и принесли его мне. Сад становится достопримечательностью. Сильвия пришла полюбоваться ирисами, и я подарил ей отросток розмарина.

10-е, четверг. май 1990

Всю ночь шел дождь, внеся в пейзаж цвет. Я прошелся до Лонг Питс. Появились первые желтые ирисы, колючий воловий язык, чертополох курчавый, а у АЭС — щавель, покрывший землю темно-красным цветом.

Кристофер наслаждается мозгами, которые покупает в Сохо, хотя их уже давно запретили к продаже. Он ничего не знает о коровьем бешенстве. Я представляю его больным губчатой энцефалопатией: он ползает по студии, расписывает из баллончика древние шкафы и хрусталь; исторические реликвии перевернуты и разбросаны по персидским коврам; он испускает дух, как дикая ведьма, безумный шляпник, в лужице пенящихся клеток.

Он пишет, что я свихнулся, но в старой Англии все больше людей прекращают есть говядину. Хотя прошлым воскресеньем в пабе Лидда Нил Теннант и Джон Севедж ели ее с удовольствием. Нет, спасибо, я выбрал свинину.

Аромат

мая

Аромат катрана густой, медово-сладкий. На рассвете, когда я поливаю сад, его разносит ветер. Семена, которые

я посадил три года назад и которые пытались взойти все первое лето, превратились в растения полутора метров в диаметре — кипы белых цветов, как у спиреи, растущей вдоль границы болот. В прошлый вторник на закате я ехал здесь по пустым дорогам, глядя на колыхание белых цветов, букет для наступающего лета.

11-е,

пятница.

май

1990

Пальто не снимай, пока не кончится май. Установился северо-восточный ветер.

Сегодня мне лучше, но всю неделю я чувствовал себя неважно. Печень болит, нервные окончания воспалены таблетками, из-за чего я полыхаю жаром, словно плита; моча стала темно-оранжевой. Волосы торчат во все стороны, как у кошки Лили, корниш рекса. Они стали тонкими и растут под дурацкими углами. Зуд не прекращается: чешется под подбородком и по сторонам ног. Я глотаю пять розовых таблеток и две голубых цвета посуды, которую продавали в Корфе во времена моего детства.

Приезжает Стивен Макбрайт на своем старом почтовом велосипеде; он купит мне газет и вернется к чаю. Я развожу огонь и отваживаюсь отойти от двери на несколько футов. Жара и холод неприятны. Горячая ванна обжигает, оргазм наполнен болью.

Прошлым вечером я пытался читать Шелли, но он ускользал от меня, сосредоточиться невозможно, хотя в последние дни я читал Трелони и Бьяджи. Обратился к истории растений, которая в магазинах Джона Адриана стоит целое состояние. Хотя он выпустил сотни книг, цена многих из них сейчас превышает сто фунтов, поэтому сто двадцать не кажется заоблачной. Так и не купил.

Над Хижиной Перспективы завывает восточный ветер. Громко играют «Торжественные и церемониальные марши» Элгара. Позвонили из Королевского балета и сообщили, что в октябре в Гала они восстановят «Джазовый календарь».

Еще один долгий разговор с Энни Леннокс о песне Кола Портера. Я никогда ее не встречал, но мы беседовали, как старые друзья; увидимся в понедельник.

Разозлился из-за показа «Сада» инвесторам: Джеймс использовал редакторскую копию, чтобы сэкономить деньги! Там отсутствуют целые эпизоды, а пленка разрушилась из-за постоянных остановок для озвучания.

Звонит Лоррейн: радио хочет провести со мной «углубленное» психологическое интервью. Хорошо.

Работаем над «Эдуардом II».

Этим днем закончил картину. Прометей. Печеночное.

Сине-серый пушечный металл моря, белые барашки. Восточный ветер разогнал облака. Я сижу позади дома, хорошо от него спрятавшись.

Звонит Аласдер: у Спада Джонса нашли рак. Потом позвонил Филип: умер его друг Питер.

19-е, суббота. май 1990

Чувствую себя неважно. Целый день спал на диване. Дул страшный ветер, неся депрессию. Разве сирокко не сводил неосмотрительных с ума? Солнце сияет словно в насмешку: сегодня очень холодно. Но вид из окна в семь утра прекраснее, чем когда-либо. Море цвета индиго, почти черное, с белыми барашками, а дальше у пролива сверкают белые утесы.

20-е, воскресенье. май 1990

За домом и у озер растет наперстянка — всего три. В прошлом году их были тысячи.

Звонит Аласдер: Спаду удалили опухоль. Ни дня не проходит без того, чтобы мне не рассказывали о болезнях. Это нервирует. И собственное затруднительное положение никак не помогает.

Все мои новые картины подписаны температурой. Дерек Б. поставил диск с кошмарной оперой Пуччини «Сестра Анжелика»: великолепный сюжет для Кена Рассела с язвительными девами и настоятельницей — гинекологом-любителем.

У Стивена случилась ночь литтлстоуновского секса. За бильярдным столом в The Jolly Fisherman он познакомился с парнем и пригласил в El Rey на полуночное барбекю. Больше он такого делать не будет.

22-е, вторник, май 1990

Чувствую себя все хуже. Концентрация слабеет. Полицейские сирены отдаются вибрацией в зубах и вызывают тупую головную боль. Слыша эти сирены в Нью-Йорке, я понимал, что они едут спасти кого-то от преступников; здесь же полицейские обычно отправляются кого-нибудь избивать.

Прекрасный рыбный магазин в Сохо стал теперь отвратительным пип-шоу.

Итальянский магазин деликатесов Vinogio превратился в тускло освещенную закусную цвета тунца с телевизором на полке.

23-е, среда, май 1990

Поехал в Дангенесс с Дональдом и Джульеттой, исследовательницей для психологической программы. В середине дня я настолько устал, что голова кружилась после обычного похода по коридору, а от сильного кашля за столом едва не задохнулся.

Очень беспокойная ночь с лихорадкой, волосы холодные и мокрые, хоть выжимай.

Ночью снова поднялся ветер.

24-е, четверг, май 1990

Солнце сияет, но ветер все равно холодный. Прошлись со Стивеном к ивовым лесам.

Там мы просидели час, наблюдая за двумя ястребами, которых я раньше никогда не видел — черно-белыми, как сороки. Болтая друг с другом высоким мяукающим смехом,

они летали, выделявая сумасшедшие петли так быстро, что стоило мигнуть, и вы теряли их из виду; словно выдры, они разворачивались, вращались и скользили над землей. Глядя на них, я забыл о своих заплетающихся ногах, вялых шагах и затрудненном дыхании. Они подняли мне настроение. Нужен Мэнли Хопкинс, чтобы почтить их безрассудный полет. Может, это были чеглоки, не знаю, но из всех птиц, которых я видел, эти были самыми потрясающими.

Такаши сказал, что фильм вызвал у него слезы, особенно пейзажи в конце. Ужасные события, случившиеся с двумя юношами, трансформируются, становясь морем и небом.

Я чувствую это. Глядя на Несс большими глазами, я замечаю выжженный ракичник, исчезновение наперстянок, низкорослые маки в ярком солнечном свете. Даже ивы, выжженные дочерна, трещат, как мертвые кости. Только черно-белые птицы в вышине продолжают делать петли и повороты, ни о чем не тревожась.

Фотограф

Фотограф Клайв пришел сделать несколько снимков сада и остался на утро. Он пофотографировал меня, глядящего в камеру, — первые фотографии этого года. Было очень холодно. У меня еще недостаточно веса, чтобы сдерживать скользющую по шее дрожь; холод, как и солнце, обжигает раздраженную кожу.

Море стало нефритово-зеленым, с миллионами белых барашков.

Позвонил ХБ узнать, как я. Он сказал, что чеглоки — очень редкие птицы.

Поздно вечером мимо нас прошел симпатичнейший парнишка, сгибаясь под тяжестью ноши, которую обернул тряпкой. Мы смотрели, как он идет по пустой дороге, и в конце концов я уговорил Стивена подвезти его груз на велосипеде.

Когда через пару минут Стивен вернулся, то рассказал, что страшно напугал незнакомца — он тащил старый мотор,

который наверняка где-нибудь украл. Когда Стивен спросил, может ли он чем-нибудь помочь, парень прыгнул с дороги, накрыл одеждой свою добычу и пробормотал, что с ним все в порядке. Мы оба о нем помечтали.

Собрал несколько свежих луковиц чеснока. Разложенные на столе, они придают кухне профессиональный вид.

Я сижу, как страдающая запором вдова. Яйца болезненно чувствительны, и я присаживаюсь на самый краешек стула.

Цветут полевой клевер и смолевка. Смолевке нравится сухая погода, но распутившиеся маки маленькие и невысокие. Расцветают другие растения: стальник, льнянка, ромашка, белый и красный клевер, аистник обыкновенный, сладко-горький паслен, ястребинка волосистая, лапчатка, очный цвет и повилика.

26-е, суббота. май 1990

Приехал Джулиан с тремя студентами из Оксфорда, которые взяли у меня интервью для *The Word*. Я кашлял и выплевывал слова, не все из них слишком вежливые. После мы поели в Demetrio.

Сегодня я едва открываю глаза. Ветер стих. Я встал в одиннадцать и все утро стучался о мебель под музыку Фрескобальди. В три свалился в постель еще на три часа. Не брился. За стеной напевал Стивен, у него очень приятный голос. Сейчас вечер, половина восьмого, и солнце светит так ярко, что на запад невозможно смотреть. Море аквамариново синее, фарфоровое небо пронизано розовым.

Целый день разговоры крутились вокруг парникового эффекта и ВИЧ. Мы со Стивом знаем несколько пар, которые занимались сексом, пока не заразились оба. Кто за кого должен нести ответственность? Как это ни ужасно, ответственность всегда на тех, кто достаточно смел, чтобы сделать анализ. Получается, всегда они виноваты?

Ночной пот, волосы мокрые, голова к утру замерзла. Сил нет совсем. Попытался выкопать погибшее растение и свалился. Дойти могу только до конца сада.

Сад выглядит ярким и веселым. Калифорнийские маки пере-ливаются на солнце, темно-синий шалфей, гвоздики. Растут капуста и люпин. Стивен разделся до пояса. Я мерзну в зим-нем свитере и куртке.

Звонил Аласдер, у него полный хаос.

Задыхаюсь, как столетний дед.

Из куколки вылез красный адмирал и летает подле кухон-ного окна.

В пять Дерек Б. повез меня обратно в Лондон. Чтобы дойти от церкви Святого Эгидия до двери дома мне понадобилось десять минут. От станции я бы дойти не смог. Звонки в дверь, телефон не умолкает.

Палата

Алмрота

Райта

Я вижу словно в замедленной съемке, как падает стакан, разлетаясь на тысячу осколков. Невероятно долго. Идут дни. Это петля или клип?

Йорис Ивенс, задыхаясь, бредет по пустыне в поисках ветра. Астматик. Детская астма привела меня на берег моря в Бексхилл, к бабушке Мозель. Едва дышал в гостинице.

Сейчас я не могу двигаться. Если пошевелюсь, начну кашлять так, что дыхание остановится, и начнется паника. Воспаление легких играет на шипящих и скрежещущих тру-бах. Саймон Уотни говорит, что это «последствия слабости». Чего еще надо? Воспаление легких и туберкулез. Смогу ли я это выдержать?

Призрачные летучие мыши одышки устраиваются на ночлег в моих легких. Кислород свистит в носу, как вода в кабине стоматолога. Нет ничего более ужасного, чем задыхаться во время кашля. Охваченный бархатными крыльями мышей, я отбрасываю одеяло. В конце фильма Йорис находит в пустыне ветер. В мою руку вливают септрин, укол в артерию для забора крови жалит, как пчела. Пневмоцистис — пока они найдут, в чем дело, вы успеете от этого умереть. Я мог бы просто потерять сознание от асфиксии.

«Вам нужно время, чтобы поправиться». Внизу туберкулез, наверху пневмония, батарея таблеток растет. Химическая свадьба. Малейшее движение угрожает отключкой. Я лежу, глядя в потолок. Не могу повернуться ни влево, ни вправо. Сплю, словно покойник.

Слава Богу, что не увидишь собственные похороны. Не закончится ли все это безвкусным белым мрамором или куском черного парбекского, как те старые гробницы в церкви Ромни с тонкими буквами от руки? Пробегают медсестры. Здесь не хватает персонала. Врач волнуется, что солнце исчезнет до выходных. Я говорю: не стоит беспокоиться — до выходных оно успеет надоесть.

5-е, вторник. июнь 1990

На краю постели сидит огромный ХБ, щекочет мне ноги, ест орехи и фрукты. Розовые пионы в большой вазе распространяют по палате приятный аромат.

Майк О'Прей получил заказ от Колина Маккейба из Британского киноинститута написать книгу о моих фильмах.

Замок спящей принцессы

На пересечении Грин-лейн и Рикмансворт-роуд в доме, которым управляла мать-тиран, жили тети Фил и Ви. По слухам моего детства, их мать очень обрадовалась новостям о крушении «Титаника», поскольку на нем утонули женихи ее дочерей.

Волосы Фил поседели и стали серыми, волосы ее сестры побелели, приобретя желтоватый оттенок. Маленькие, похожие на птиц, они говорили дуэтом, час за часом полируя огромную мрачную гору, к которой оставались прикованы всю свою жизнь.

Тети Ви и Фил были обаятельными, но очень аскетичными и острыми на язык. Я боялся у них останавливаться. Высокая викторианская мораль отражалась в зеркальной полировке гостиной из красного дерева, которая никогда не использовалась — три четверти дома были пусты, кроме маленькой спальни рядом с передней дверью и большой кухни, оставшейся неизменной с 1880-х годов. Она располагалась вдоль смежной стены из серой плитки. Четыре этажа из красного кирпича венчались чердаком, полным пугающего мрака.

Полировка, полировка, полировка сверху донизу. Ни луча света. Двери с витражами придавали передней мрачную церковную атмосферу: церковь, посвященная Матери-рабовладелице.

Фил и Ви были хрупкими, как бабочки, но осторожно! — их сердца были жесткими и практичными. Вся жизнь — борьба. И внезапно возникал дикий, почти вульгарный смех над рискованной шуткой. В конюшне они держали «богемного» живописца: Габи был похож на персонажа фильма «Устами художника», непредсказуемый, как Хэнкок, небритый, болтливый и всегда пьяный.

Сад дома отражал странную испорченную геометрию места: угловая площадка, напоминающая смятый трехпенсовик, в окружении высоких темных деревьев. Здесь ничего не цвело, но если зацветало, то весьма произвольно. Только жимолость наполняла воздух густым ароматом.

Во время каникул, когда родители были в Пакистане, я болтался по дому и саду, надеясь, что Габи пригласит меня ради чего-нибудь интересного. Фил и Ви ругали Габи за его бутылку джина, а потом делали глоток из собственной карманной фляжки.

Фил и Ви отрицали время. Они увядали, словно старые солдаты; их волосы становились блее, разговоры — все более вздорными и отвлеченными. В двадцать они выглядели на пятьдесят, а в шестьдесят — на девяносто.

Дом исчез, но одна из них дожила до ста лет.

Можно ли представить пропуск сведения звука собственного фильма? Я пропускаю его, лежа здесь, в Сент-Мэри. Я не был на монтаже и не смогу побывать на премьере в Японии; врачи говорят, это слишком рискованно.

ХБ сидит со мной весь день, печатая, прыгая туда-сюда, щекоча мне ноги, сверкая зелеными глазами и поигрывая мышцами; кажется, что его татуировка с ящерицей ползет. Он смешил меня целых три часа. Без него я бы со всем этим не справился — он такой непоседа.

Все мои тети были маленькими, но самой маленькой была тетя Гвен, которая десять лет сидела в кровати и ела шоколадки. Она присматривала за моей кузиной Беверли. Центром и гордостью ее обветшалого сада был куст аспарагуса. Похожая на воробья Гвен все время сутилась по пустякам.

6-е, среда. июнь 1990

Спустя семь дней я дошел до ванной и вернулся назад. Снова на ногах.

7-е, четверг. июнь 1990

Во второй половине дня оделся и пошел в магазин. Вновь открываю для себя дыхание. ХБ рядом.

9-е, суббота. июнь 1990

Позвонил Стивен и сказал, что после дождя цветы вокруг Хижины Перспективы выросли и расцвели. Я встал, меня освободили от кислородного баллона, но я все равно слегка задыхаюсь. Утром работал над сценарием Эдуарда II. Он становится все более якобинским, сексуальным, жестоким. Мы заимствовали ссылки на классику: Аполлон, триумф в Риме, Прометей. Думаю, сможем пойти и дальше.

11-е, понедельник. июнь 1990

Завтра, после двух недель лежания на спине, мне разрешили вернуться домой. Я увижу летние цветы Дангенесса, маки и люпины. Я очень слаб, мое физическое «я» подверглось настоящему разгрому. Хотелось бы поправиться — у меня всегда было хорошее здоровье. Выстою ли я, несмотря на обстоятельства?

12-е, вторник. июнь 1990

Выписался. Красный день календаря.

14-е, четверг. июнь 1990

Я смог пройтись по Сохо, не теряя сознания. Купил картину битвы при Анцио в Birch and Conran, потом подстригся.

15-е, пятница. июнь 1990

Весь день в студии Ричарда давал японцам интервью.

16-е, суббота. июнь 1990

Джулиан, ХБ, Стивен и я поехали в Дангенесс. Ветра нет, великолепное солнце; в вечернем свете гоняется друг за другом стайка красных адмиралов.

17-е, воскресенье. июнь 1990

Тихий, приятный день; встало солнце, легкий ветерок. Прогулялся до Лонг Питс. В саду пылают маки, работа последнего года: алые, темно-красные, полевые, белые и фиолетовые опиумные маки. Из-за калифорнийских маков, которые рассеивают себя сами, словно местный вид, мой сад похож на ярмарку.

Пока гулял, считал цветы: раakitник, утесник, трилистник, клевер, погремok осенний, льнянка, щетинистый воловик,

марь цельнолистная, подорожник, чернокорень, кукушкин цвет, кипрей узколистый, просвирник мускусный, репейник, алкана, вьюнок полевой, смолевка приморская, очный цвет полевой, чина приморская, валериана, шалфей, очиток, шиповник, бузина, лапчатка, крестовник, чертополох, желтый мак, дрема.

Работал весь день. Подпольный полив (шланги запрещены). Пришла Сильвия со свежими куриными яйцами.

Прогулялся по дороге к морю. Здесь я нашел стальник, скабиозу, тысячелистник, подмаренник, красный и белый клевер, хохлатую чину, черную горчицу и ромашку. Принес металлические и деревянные детали для новых скульптур.

18-е, понедельник. июнь 1990

С утра на ногах; солнце скрыто за облаками. Приехал Стивен, готовит на завтрак яичницу с ветчиной. Начинаю нелегальный полив. Большие белые гусеницы с желтыми и черными пятнами уничтожают коровяк.

К середине дня маки сдуло, а солнце исчезло за облачной грядой. Поднялся ветер, но все равно душно и жарко. Стивен прополос камненные круги перед домом. Цветет бледно-желтый бессмертник, выделяющийся на фоне лаванды.

Тихо и пустынно — только я и ласточки.

После сытного обеда взял «Уолден» Торо. За окном начался дождь. До нас долетает далекий гром орудий на полигонах в Лидде.

19-е, вторник. июнь 1990

Пасмурный день с прояснениями. После дождя пейзаж позеленел, мох под ногами влажный и пружинистый. В переднем саду никак не успокоятся четыре сороки.

Джерард подвез меня на мотоцикле до Дангенесса А, где мы набрали критмум и, вернувшись домой, посадили. В стеклянных банках рядом с собранным чесноком он выглядит очень необычно.

Дует теплый ветер, можно ходить с короткими рукавами, день выдался спокойным. Торо, пенни за идею. Откуда, по-вашему, это пришло? Почтовая оплата в один пенни.

Приехал Лайам на старом желтом ситроене Де шво. В пять выглянуло солнце. Съездили в питомник и купили фиговое дерево.

«Энигма-вариации» Элгара. Бедный Элгар — музыка украдена для «Страны надежды и славы», текст он ненавидел. «Энигма» поддержала меня во время прополки. Стивен с соседскими детьми собирал белую гальку для переднего сада. К концу дня мы зажгли ветряные светильники. Выглянуло золотистое солнце и оставалось до тех пор, пока тени не сделали гальку призрачно-белой.

Ванная комната окрашена в розовый цвет.

Однажды мой отец встречал королеву Марию на базе ВВС в Кидлингтоне. Вся авиабаза обсуждала специально установленный розовый туалет, бывший туристической достопримечательностью до тех пор, пока его не разобрали. Мне нравится розовая ванная: бледность в ней приобретает розоватый оттенок, и она очевидно (и одиозно) совершенна.

20-е,

среда.

июнь

1990

Закладкой мне служит фотография двух обнаженных молодых людей, перетягивающих канат. Снимок сделан Дональдом Хербертом в 1938 году в его нью-йоркской студии.

Рано утром я загрунтовал двадцать маленьких холстов. Сад цветет красным, желтым и синим: маки, дубник, воловик. Как средневековый гобелен. Вокруг дома поют и скачут сверчки.

Приехали Тоби, Тильда и Джулиан; мы отправились обедать в The George — в бар, поскольку зал был занят местным антикварным кружком. У АЭС собрали ритм. Вкусная местная клубника и чай.

В пять начался дождь, и мои гости отправились обратно в Лондон. Просмотрел почту: жуткие письма со сценариями

и идеями сценариев. Одно я сразу бросил в мусорную корзину: «Жизнь Страделлы можно прочесть в оригинальной итальянской рукописи, документ 200000 библиотеки Британского музея; ничего не опубликовано, вы должны сделать о нем фильм». Это, очередное насилие в юго-восточном Лондоне, наркоманы в Бате — все невероятно уныло. А снаружи прекрасный солнечный день.

21-е, четверг, июнь 1990

Этим утром Лайам отвез меня в Лондон на маленьком желтом «Де шво». Нам понадобилось почти три часа, чтобы добраться до Сент-Мэри. Движение в Западном Лондоне отвратительное. Доктор простучал мою грудь и посоветовал зидовудин — по его мнению, стоит попробовать. Когда я вставал, у меня закружилась голова, и он велел принимать кортизон.

Я сижу в отделении рентгенографии, ожидая снимков грудной клетки. По пути в больницу, проезжая мимо станции Паддингтон, я испытывал неясный и мучительный страх: что если я умру именно здесь, рядом с этими отвратительными сувенирными лавками?

Обаяние и юмор врачей не способны разогнать печаль окружавших нас разговоров.

Как вы себя чувствуете?

Неплохо, спасибо; ночной пот на этой неделе был не очень сильным.

Мы все бодримся, но иногда я чувствую себя не таким уж счастливым. Врач согласился, что сейчас мне не надо работать. Легкие действуют процентов на 70, рентген выявил множество туманных белых пятен. Я ведь еще не поправился, так?

22-е, пятница, Хижина Перспективы

Поздно вечером Джулиан привез меня назад. ХБ уехал в Ньюкасл.

У Ричарда я дал интервью японской программе. Южный сквер — очень спокойное место, комнаты растворяют депрессию. Тильда отвезла меня домой, подбросив Ричарда

до Сотбис. Он охотится за «Дуинскими элегиями» Кита
Вогана — «Кто из ангельских воинств услышал бы крик мой?»

23-е, суббота. июнь 1990

Меня переполняет депрессия — все тело болит, хотя температуры нет. К обеду ветер и солнце разогнали печаль. Дорогой Аласдер говорил со мной по телефону почти час: он в том же состоянии, мир кажется чужим. То и дело ему приходится общаться с друзьями, чьи страхи и заботы он больше не может разделять. Мы здесь беженцы.

Я отменил съемки с Энни Леннокс. Очень расстроился, не знал, как позвонить ей и объяснить ситуацию. Когда я набрался смелости и все же позвонил, ее автоответчик, хвала небесам, был включен. Ненавижу обламывать людей. Я всегда мечтал с ней поработать, был поклонником с первого ее появления на сцене. Как же глупо — конечно, я могу сделать этот фильм, но сейчас у меня своих проблем хватает: слишком сложно быть объективным.

Ричард пытается меня утешить, говорит, что благотворительность и славу совместить очень непросто — посмотри на Гилберта и Джорджа. «Конечно, — сказал Джулиан, — эти взносы должны быть частными». Я ответил, что верю в благотворительность, но пиар, необходимый для сбора этих миллионов, только мутит воду. Энни с этим согласилась, но что делать? Ловушка. Мы все время говорим «прощай».

«Сад»

Тильда сказала, что восприняла «Сад» совсем не так, как «Прощание с Англией». Она будто оказалась в моих снах. Фильм показался ей невероятно личным. Проблемы, затронутые в «Прощании с Англией», были общими, а здесь нечто иное. Я чувствую то же самое — не могу рассказывать о фильме. Это как говорить о самом себе.

Повсюду васильки — в углу сада нашел еще одно растение. На ветру танцуют маки. Джулиан сказал, что выращивать их в Калифорнии запрещено.

Сад обожжен ветрами последних дней, скульптуры упали, цветы поломаны. Фенхель склонился почти параллельно земле.

Из-за боли в желудке пролежал всю вторую половину дня.

Когда я пишу этот дневник, то понимаю ограничения и законы, которые он налагает, никогда не забывая о его грядущей публикации. Много ли он сможет поведать о нашей проблеме?

Очень огорчило известие, что друг X, на двадцать лет его младше, заразился от него вирусом. Могло ли быть иначе? Они не занимались «безопасным» сексом, но и такой секс, возможно, их не защитил бы. Мало кто из моих приятелей смог бы их обнадежить — у всех есть истории о порванных презервативах.

Многие — большинство, сказал я ему, — прячутся за отказом от теста, заявляя, что чужая проблема их не касается, однако разве они знают об отданном и полученном? X вне себя от вины и горя: «Это была моя ответственность». Что за ужасное время огорчений... где дни веселья и смеха?

24-е, воскресенье. июнь 1990

На завтрак приехал Стивен, переживший приключение «на дне», которое началось в The Seahorse и закончилось тем, что он уснул в Грейтстоуне между наркоманом и растлителем малолетних. С утра у меня все так болело, что я не мог согнуться над умывальником и был вынужден придвинуть к нему стул.

Прекрасный летний день. Солнце, легкий ветерок. Несс полон цветов.

Среди сегодняшних посетителей сада — Бет Шатто и Кристофер Ллойд. Они что-то записывали и фотографировали. Довольно быстро я осознал, что столкнулся со специалистами. Бет знала латинские названия каждого растения, а когда она представилась, я просто обалдел. Надо позвонить

Большая жаба, спавшая в зарослях декоративного мака, вытаращилась на меня, когда я проходил мимо. Без особого успеха попытался напеть ей песенку. Не знаю, чего я ожидал — что она вскочит и пустится танцевать?

25-е, понедельник. июнь 1990

Еще одна болезненная ночь. На рассвете проснулся из-за большой синей мухи, жужжащей за занавесками. Схватил *Independent* и прихлопнул ее.

В семь поставил диск с ариями Моцарта в исполнении Луции Поппи. У нее настолько сильный голос, что делается больно. Сменил Моцарта на Пуленка — вчера вечером о нем была программа. Кратко упомянули о его «спутнике жизни». Понятия не имел, что он гомосексуал; надо быть детективом, чтобы такое узнать.

Вместе со Стивеном продолжили заполнять цветник. Серый безоблачный день. Позже я улегся отдохнуть и почитать Джона Д'Эмилио «История гомосексуальных меньшинств в Соединенных Штатах Америки».

Вечером видел первую бархатницу и репейницу, только что вылупившуюся из куколки.

В пять позвонил врач из Сент-Мэри. Описал ему свои симптомы, и он настойчиво попросил приехать к нему завтра. Я быстро собрался, попрощался со Стивеном и сел на поезд в Лондон.

Перед сном меня скрутила мышечная боль. ХБ побежал за аспирином, и таблетка, к моему огромному облегчению, прекратила конвульсии. Прекрасно спал в его объятиях.

26-е, вторник. июнь 1990

Врач простучал мою грудную клетку — «легочные функции» поднялись с тридцати до пятидесяти двух. На понедельник мне назначили бронхоскопию, на пятницу — анализ крови. Пока ждал, читал книгу Ларри Крамера.

В четыре сел на поезд в Дангенесс.

27-е,

среда.

июнь

1990

Очень душно, жарко и пасмурно. Стивен на полную громкость включил Лайзу Минелли и вымыл в кухне пол. Позже мы собирали белые камни для сада.

Лайзу сменил Пуленк. Я прибрался в студии.

Боли продолжают, уровень энергии упал. ХБ прислал открытку «Я тебя люблю» — очень меня порадовал; бедняга, ему приходится иметь дело со всеми моими проблемами.

Сегодняшняя тишина — благодать. Солнце садится в молочно-белые небеса с черными тучами, идущими с запада.

28-е,

четверг.

июнь

1990

В девять приехал Лайам и начал фотографировать сад. Мы прошли по берегу и набрали белой гальки.

Центр сада почти закончен.

Яркий ветренный день.

30-е,

суббота,

гей-парад.

июнь

1990

В два начался марш от Темпла.

Было много подготовки и физической работы. Все утро я тихо сидел, читая «Рассуждения» Руссо и накапливая энергию, в осаде из рубашек от Фреда Перри и раскаленного утюга.

Марш был более многолюдным, но не таким громким, как в прошлом году. Возможно, дело в погоде — собирался дождь. Меня ожидал долгий и трудный переход от Чаринг-Кросс до Овал в окружении ярко-розовых воздушных шариков и оглушительных резких свистков, которые стихали по мере того, как участники выдыхались.

Мы прошли «Маргарет Тэтчер» и группу трансвеститов, семенящих в чайных розах, волнуя жителей Южного Лондона, что подглядывали за ними из-за занавесок. Парк был настолько переполнен, что никто не видел палаток, все натыкались друг на друга. Старые друзья исчезли.

Мы посидели с Джулианом и Гарри, пока время не вышло, и спустились в метро.

Как обычно, на марше была прекрасная атмосфера: это единственное шествие, которое достигло своих целей — солидарности и хорошего чувства юмора. Понравилось даже Кристоферу. Позже мы отправились в театр «Ройял Курт» на пьесу Николаса де Джонга, отважную попытку рассказать об эпидемии ВИЧ, а после поехали в студию Ричарда Салмона отмечать 29 день рождения Джулиана. К тому времени я очень устал и улегся на его огромном диване.

2-е, понедельник. июль 1990

Бронхоскопия в Сент-Мэри. Врач доволен, что я поправляюсь. Весь день чувствовал себя усталым и заторможенным.

«Сад» на предварительном показе у Энди. Думаю, зрителям понравилось.

Потом мы сели на поезд в Эшфорд и доехали до Дангенесса на такси.

3-е, вторник. июль 1990

Взял такси до Нью-Ромни и накупил на неделю продуктов. Прогулка до Лонг Питс не принесла новых растений, но здесь все в цвету: щавель, шалфей, мак, ястребинка, валериана — эта быстро вянет, — смолевка, крестовник, покрытый оранжевыми и черными гусеницами, воловик — самый красивый цветок Несса, — лапчатка, очиток, донник, чертополох, курослеп, иван-чай, алтей, льнянка, репейник, шиповник, хлопуща.

Стивен приготовил великолепный обед из свинины с яблоками и луком. Вечером я разбросал вокруг сада маковые семена.

4-е, среда. июль 1990

С востока пришла холодная морось. Уединился в студии с сусальным золотом и большой банкой венецианской красной. Все утро грунтовал и золотил холсты. На CD-плеере — Шостакович и Шнитке.

Вечером, на закате, прогулялся вдоль пляжа: опиумный мак, скабиоза, морской горох, белый клевер, стальник, дикая морковь, беладонна, примула, горчица, ромашка, алкана, маргаритки, шпорник, анютины глазки, львиный зев, осот, вика, клевер пашенный, герань Роберта, молочай-солнце-гляд — всё в цвету.

Ветер гуляет над волнующимися лавандой и сантолиной, похожими на желтые и фиолетовые морские анемоны коралловых рифов. Васильки невероятного синего цвета ярче, чем шалфей или воловик. На обочине дороги — красный клевер и яснотка.

Задыхаясь на ветру, собирал белые камни.

5-е, четверг. июль 1990

Всю ночь до самого рассвета дул ветер. Плохо спал из-за треска и скрипа дома. Когда ветер усиливается, начинаю опасаться очередного урагана. Он с ревом пролетает сквозь травы, вздымает волны над бледно-серым морем. Любисток у передней двери, вымахав больше полутора метров в высоту, пережил порывы, а вот тележка опрокинулась. Дождь стучит в окна, закрывая вид.

Сад погибает под ветром; через десять дней для съемок почти ничего не останется. Мак сбросил последние лепестки. Однако за ветром кроется вдохновенный восторг. Я беру тяпку и отправляюсь перебирать семена. В одиннадцать пишу два *memento mori* и заканчиваю ожерелье из камней. Не все потеряно. Список цветущих растений пополняют яснотка и вьюнок.

К часу в своем фургоне приехал Питер, и мы отправились в Рай. После закончили вытянутую фигуру из белых камней у передней двери.

6-е, пятница. июль 1990

На тропинке к морю выросла черноголовка.

7-е,

суббота.

июль

1990

Срезал отростки утесника. В 10:30 за Стивеном прибыл Алан Бек, и они уехали в Рай на праздник в честь Э. Ф. Бенсона. Я остался дома читать биографию Августина. Затем исправил кое-какие эпизоды в сценарии «Эдуарда II». В книжном Рая я нашел копию счетной книги королевы Изабеллы и читал ее до вечера, пока все не вернулись с домашним печением, которые подавали на встрече общества Бенсона.

Очередной холодный, ветренный день; над атомной электростанцией повис морской туман. В три часа до нас донесся ее грозный икающий рев.

9-е,

понедельник.

июль

1990

В Сент-Мэри на подсчет Т-лимфоцитов и беседу о зидовудине. Врачи хотят, чтобы я его принимал.

ХБ заканчивал печатать сценарий «Эдуарда», а я сидел на кровати, проверяя текст.

10-е,

вторник.

июль

1990

В одиннадцать отправился в Working Title с первым наброском «Эдуарда II». На входе встретил вечно спешащую Дебору. Сары нет — дни, когда мы вместе убивали время, давно прошли. Отдавая материалы, я стоял в трех шагах от двери. Никто не предложил ни чашки чая, ни стакана воды.

Спускаясь в лифте, я вспомнил сделанное за обедом замечание Колина Маккейба, что в кратких жизнях английских кинокомпаний существует вполне определенная модель: внезапный успех с маленьким фильмом медленно исчезает под давлением финансов. Сара однажды сказала, что хотя у них есть деньги, сложно отдать их для такого проекта, как «Эдуард».

13-е,

пятница.

июль

1990

Отправились в Дангенесс с Дерекком Б. — все пошло не так. Старый белый Ситроен едва не заглох, погрузив Дерекка в безысходное молчание. На дороге был сущий ад: в конце А20, застряв на жаре почти на час, он поставил «Мапп и Люсию» Э. Ф. Бенсона, превратив плохой сон в ночной кошмар.

Все планы о покупке еды на выходные были нарушены, однако Дерек остановился у магазина в Хедкорне и взял шесть больших бутылок вина, а на автозаправке купил кошачий корм для Бэби, которая беспокойно рыскала по заднему сиденью, на каждой остановке пытаясь выскочить в окно. В Лидд-он-Си мы заглянули в рыбный. Добравшись до Хижины Перспективы, Бэби выскочила в последний раз и исчезла за одним из моих кустов.

14-е,

суббота.

июль

1990

Ночью была сильная мигрень.

15-е,

воскресенье.

июль

1990

Я частично потерял зрение. Не смог читать воскресные газеты. Это меня дезориентирует. Я постоянно забываю об этом и беру в руки книгу. Позже я позвонил ХБ, и он приехал, бросив работу в Лондоне. Какое облегчение, что он здесь; больше никакой паники. Созвонился с врачом — встреча во вторник.

16-е,

понедельник.

июль

1990

Бессонная ночь, очень жарко и душно. ХБ просыпался из-за треска и стонов дерева, остывающего в ночи.

В десять приехала съемочная группа, делающая документальный фильм о саде. Замечательный день. В семь вечера мы собрались в Лондон. На Чаринг-Кросс-роуд встретили моего друга Питера Дочерти, и он решил поужинать со мной и ХБ. Он надеется, что «Сад» вызовет фурор. В Престо сидел

Джон Мейбери; он подошел к нам и сказал, что недавно снял видео Марка Алмонда с группой весьма сексуальных парней.

17-е, вторник, июль 1990

Наверстываю свои записи, сидя в очереди в клинике. Мое расплывчатое зрение ухудшилось еще больше. Сегодня такое впечатление, будто я пьян.

23-е, понедельник, 11:05. июль 1990

Весь «скукоженный», по выражению Милдред, в четверг я оказался в больнице для срочного сканирования мозга, который был заражен токсоплазмой, нарушившей мое зрение. С облегчением я вернулся к друзьям в палату Алмрота Райта. Жара, дезориентация — я не узнал сидящего на стуле ХБ, пока он не заговорил, — и постоянная мигрень вывели меня из равновесия. Через несколько минут Джинни поставила мне капельницу с сульфадиазином.

Кто придумывает названия лекарствам? Фансидар, трилудан и даже «дом периньон» — почему не «лепесток» или «цветок» для разнообразия?

Уже несколько дней я лежу здесь, испытывая зуд от лекарств — ни книг, ни телевизора, хотя мой сосед по палате пришел с CD-плеером, который играл отвратительно громко. Джинни спросила: «О чем вы думаете весь день?» Я не смог ответить. Сознание перепрыгивает с одного на другое.

Сколько еще выдержит мое тело? В какой момент жизнь станет невыносимой? Я тревожусь за ХБ, который меня поддерживает. Когда он рядом, я могу выдержать слепоту.

Можно ли сказать, что я несчастен? Точно нет, хотя сам бы я не поверил, если б выдумал такой сценарий. По пути сюда, перебегая через дорогу, как крыса, я держал жизнь в своих руках и без происшествий оказался на другой стороне. Это как первое глубокое погружение.

Ни книг, ни газет. О чем я думал все это время?

Я смотрел на часы.

В первый день они выглядели расплывчатым кругом; стрелки вытягивались и исчезали.

На второй день я смог увидеть красную минутную стрелку, двигавшуюся среди темноты.

На третий день я смотрел изо всех сил и в конце концов увидел обе.

На четвертый я прочел числа на циферблате; люди возникали из тьмы, кто-то моложе, кто-то старше, их контуры были наполнены причудливыми фрагментами мозаики.

«Осторожно, горячая вода» — гласит табличка над ванной. Постепенно я начинаю видеть в коридоре цифру 13. Сейчас половина двенадцатого, я написал три страницы. Почерк неразборчив. Как легко потерять зрение: головная боль в пятницу вечером, и слова сползают со страниц. За несколько дней они вообще исчезли.

Сидя в комнате ожидания глазной клиники Западного Лондона, я едва чувствовал капельницу в руке, за которой наблюдали любопытные дети. Я смотрел на мигающую в приборе лампочку и очень хотел вернуться назад в постель.

Если кто-то умирает, на палату опускается тишина. Представляю ту же атмосферу в тюрьме, когда в действие приводят смертный приговор. Слышу, как пациент говорит: «Кто следующий в холодильник?»

Этот день был кошмарным — две младшие сестры умирающего молодого человека кричали в смятении: «Доктор, сестра, помогите, помогите!» Топот ног персонала, бегущего к смертному одру. Не в состоянии двинуться с места или как-то помочь, я лежу в оцепенении — всего один небольшой сдвиг, и токсоплазмоз, маленькие одноклеточные твари, свергнут меня в смертные судороги.

«Сестра, доктор, у него припадок!»

«Дэвид умирает», — тихо говорит медсестра, проходя мимо. Беспомощность даже среди тех, кто должен помогать и кто, теряя пациента, расстраивается больше, чем показывает. Надеюсь, у моего ложа не будет истерик — по крайней мере, от этого меня избавьте.

Позже пришел священник, и мы поговорили. Такова жизнь. Ну и ладно.

Мне кажется, я должен записать больше, или глубже, но не могу...

Приходит Милдред и на секунду засыпает в кресле. Невероятная жара. Капельница выдает литры сульфадиазина. Вернется ли мое зрение? Обретет ли туманная мебель плотность, превратятся ли призраки в людей?

Два глаза лучше одного на улыбающемся лице. ХБ веселит меня, рассказывая о костре, на котором старушка сожгла пальто, сделанное из шкур семи леопардов, и о меховом бикини Дианы Дорс. Этот меховой разговор начался, когда я погладил его коротко стриженные волосы. Наощупь как норковый мех.

Мы просмеялись весь вечер. ХБ говорит, что один из его приятелей, Уильям, заметил в гей-баре епископа, подошел к нему, сел на колени и представился «дочерью Сатаны». Такие глупые истории помогают забыть о времени. Приятно, когда мне щекочут правую пятку. Я с трудом могу разглядеть, как ХБ отходит и начинает печатать.

Лицо чешется под бровями и подбородком. Глаза раздражены. На мне желтая канареечная пижама и красно-белые сандалии. Волосы отросли. Как и у ХБ. Он выглядит замечательно с приглаженным и разведенным пробором. Сегодня он в синем, что подчеркивает мышцы.

На прошлой неделе в Хижине Перспективы я сварил великолепное варенье из черной смородины, немного кисловатое. Как там Дангенесс под этими пылающими небесами?

На второй день я смог увидеть достаточно, чтобы побриться, глядя в зеркало, и порезаться до крови. Приходит другой пациент, Эдуардо, и рассказывает о смерти нашего соседа, топча вирус в боевом танце.

Я заметил, что фильм не синхронизирован. Никто этого не замечал, пока Найджел, звукорежиссер, не подтвердил это на втором просмотре.

Джинни говорит, что мои симптомы необычны, поскольку чаще всего бывает поражен только один глаз. Еще не было случая, чтобы не видели оба.

Мои симптомы — маленькая сенсация. О них напишут в *VMJ*.

В этом госпитале я чувствую подлинное гостеприимство. Хвала небесам, что я попал именно сюда.

Итак, шоколад с... тем или иным... этим утром мои глаза видят лучше. Я могу прочесть буквы на обертке шоколада. Хотя есть странные пробелы, черные пятна, где информация исчезает.

24-е,

вторник.

июль

1990

Всю ночь ворочался из-за постоянного чесания. Это лекарство меня утомило. На улице солнце. В коридоре бродят уборщицы с тихими пылесосами. Приходит Эд — он только что узнал, что у него вирус. Это изматывает. Мое воспаленное лицо горит, уставшие глаза постепенно начинают видеть предметы. Над крышей голубое небо. Эд улыбается и говорит: «Что поделать».

В соседней палате ожидается вторая смерть. Мы как тарелки для стрельбы, которые выпускают навстречу гибели, как пузырьки, движущиеся по трубке капельницы. Головная боль то появляется, то исчезает. Я вижу, как голубое небо затягивают тучи. Весь день жду приезда ХБ.

Медсестра говорит, что это, наверное, страшный опыт. Не страшный, но тяжелый — так глупо можно потерять зрение. Теперь я пишу четко и прямо, но едва вижу страницу. Сколько еще потрясений придется выдержать, пока мое тело, сломанное, иссохшее и бледное, не откажется работать? Я живу словно в постоянном похмелье после многих лет хорошего здоровья. В аппарате вспыхивает маленькая зеленая лампочка, в руку втекает холодный яд.

Звонит Лоррейн. Японские журналисты собираются принести камеру! Косоглазый и небритый. Снимки для *Marie Claire*. Не пойдет.

Глаза чешутся, мир вокруг расплывается.

Отчаяние — смертный грех, говорит Аврелий Августин.

Он нанес больше вреда, чем многие другие.

Святой Дерек Дангенесский, отшельник в пустыне болезни.

Сейчас я пытаюсь угадать свою температуру. Не подсказывайте, я и сам знаю — тридцать семь и четыре.

Джулиан предлагает, чтобы ко мне приходили друзья читать вслух. Не могу представить своих друзей, сидящих с биографией Августина и путающихся в перипетиях его войны с пелагианством во время распада империи.

Слепой, как летучая мышь, он решил найти дорогу с помощью сонара, двигаясь по пустой странице крахмальной белизны. Тихая, как соленые озера, ослепительная белизна расстилалась до самого горизонта.

Волны ледяного сульфадиазина разбиваются о далекие берега; мы прорвались сквозь метель таблеток и радужное конфетти змеиных ядов, острозубых, словно гадюка. Слова, больше не привязанные к строкам рассказа, убегают и повисают по углам в ожидании возможности выскочить из словаря, вернуть первичный хаос. Изумрудное яблоко лежит на прикроватном столике; мое воображение разрушило его совершенство — пульсирующий морской анемон в глубинах зрительного поля, призрачно зеленый на полосатом волокне древесины. Зеница ока.

Кто-то говорит, что потеря зрения — страшное дело. Нет, если у вас есть безопасная гавань в море теней. Хотя это неудобно. Если вы проснулись в темный день, сможет ли воображение, которым вы прозреваете путь, вернуть вас назад?

Весь день тикает капельница. Сульфадиазин сражается с кистами, возвращая мне второе зрение. К пяти вечера начинается мигрень. Когда я приезжаю на сканирование мозга, по радио играет тема из «Смерти в Венеции».

Комната ожидания с сотней оцепеневших людей, которые выглядят так, словно здесь состарились.

Проверка зрения. Послали в глазную клинику. Медсестра резкая и неприветливая: «В Сент-Мэри это делают слишком часто». Я не сдался и, улыбаясь, ответил: «У меня направление. Обо мне напишут статью в *BMJ*». Она неохотно вскрыла конверт и сказала: «Первый этаж».

Шли минуты, я ждал своей очереди в этой печальной комнате, испытывая замешательство. В лифте встретил Эда, он говорит: «Опять я здесь». Вчера, когда я пил чай с друзьями, у моего соседа случился сердечный приступ. По словам сестры, сейчас с ним все в порядке. В коридоре молодой человек суетится подле своего друга, которого только что привезли: «Он — моя жизнь».

Зрение вернулось, я могу читать. Хотя на периферии остались серые круглые тени, а от лекарства — дезориентация и головокружение. Фиона говорит, что меня выпишут в субботу. Я окреп, набираю вес, но чувствую себя инвалидом. Не могу поверить, что когда-нибудь снова стану здоровым. Лекарства вызывают сыпь. Я буду принимать их до конца жизни, а сколько она продлится?

Лилии, которые прислала мне Линн, простояли восемь дней.

Женщина медленно ведет слепого ребенка вниз по лестнице.

Целую вечность вы смотрите на маленькие яркие огоньки и нажимаете кнопку каждый раз, когда они вспыхивают и гаснут. Я путаюсь, мои глаза закрываются от антигистаминов. Око за око. Возвращаюсь в комнату ожидания. Ребенок переворачивает страницы книги: «Мама, что это такое? А это?» — настоящий Ад в «За закрытыми дверями». Мы ждем хирурга. Таблетки высасывают кровь, сила утекает, как песок в песочных часах. Юноша семнадцати-восемнадцати лет остановился в проходе моей комнаты. У него была передозировка. Снаружи его палаты целый день сидит медсестра с книжкой в руках.

День за днем я лежу здесь, привязанный к капельнице с сульфадиазином. Сквозь озоновую дымку сияет солнце. В шесть оно переходит на другую сторону здания и заглядывает в мое окно. Я читаю газету, страницу за страницей, скашивая глаза и расчесывая зудящие места. Парнишка, потерявший рассудок, бродит по палате и приходит смотреть на меня, без движения застыв в дверном проеме. Я закрываю жалюзи от солнца.

Приехал Ричард. Мы долго разговаривали о зидовудине и диданозине. Возможно, низкие дозы зидовудина помогут меня стабилизировать. Жаль, что я не принес видеокамеру и не записал последние проведенные здесь недели. Тридцать градусов в тени, и текст в газете расплывается. Я вновь начал смотреть телевизор, по часу каждый вечер. Выключаю его, когда возникает отвратительный «ТВ Данте» с его тошнотворными мудрецами, чьи восклицания еще более непонятны, чем сама поэма. Банальные видеообои.

Перевоорачивая

камень

«Если все повесят свои эго в шкаф, жизнь станет прекрасной», — сказал Питер, когда Нене прикатила обед.

Перевоорачивая

камень

Чего мы не видим, по тому не тоскуем. Питер рассказал, что когда он совершил «каминг-аут», ему сообщили, что он больше никогда не будет работать в Английской национальной опере. Открытость не приветствуется до сих пор, даже в искусстве.

Этим вечером я рассказывал о симптомах своего последнего заболевания группе студентов-медиков. Алмрот Райт, в честь которого названа эта палата, стремился убрать из медицины моральную цензуру. В глазной клинике мою

медсестру, носившую яркие брюки, осуждали: «Разве в Сент-Мэри медсестры одеваются подобным образом?» Я пришел ей на помощь: «Когда вы видите так, как я, цвет помогает».

Стулья, на которых сидят больные СПИДом, покрыты полиэтиленом. Мне кажется, те, кто работают в этой глазной клинике, несчастны: высокие принципы проявляют себя в разочаровании.

День нашей смерти — тайна. Я не хочу умирать... пока. Было бы хорошо видеть свой сад еще несколько лет.

«Нодди» переписали, теперь он избавлен от расизма и сексизма. Возможно, содомитам следует переписать «Ад» Данте. Предложу себя в качестве «литературного негра».

Я вижу мир пьяными глазами.

3-е, пятница. август 1990

Мне прописывают очень много таблеток. Нужно иметь ясную голову, чтобы проглотить их в правильном порядке; кроме того, все считают, что мне надо начать зидовудин, и через пару дней я добавлю его в список. Температура тридцать градусов; к половине одиннадцатого я жду ХБ, который поможет мне добраться до дома. На горизонте собираются тучи.

Пришел Питер с Лайонелом Бартом; все вместе мы зашли пообедать в Presto.

7-е, вторник. август 1990

Полная оранжевая луна тускло светит над морем, карабкаясь все выше.

В клумбе шуршит полуночный еж. Я включаю на кухне свет, и по углам разбегаются пауки. Над Лонг Питс вспыхивает зарево. В Лидде горит дом.

9-е, четверг. август 1990

Питер отвез нас в Хастингс. Купил бледно-голубую футболку и шорты. Солнце освещает полуголых парней в ярко-зеленых и розовых кислотных штанах. В ресторане мимо нас шествуют пожилые дамы в соломенных шляпках. Заказал мороженое с колой. Магазины сувениров, собрание китча, ракушек и пластмассовых Мадонн вперемешку с открытками. Все чересчур дорого.

10-е, пятница. август 1990

Силы возвращаются. Целый день собирал на пляже всякую всячину и завершил серый каменный круг — водопад. Поздно вечером вышла луна, тусклым оранжевым светом озаряя мои дольмены. Жара иссушила сад, окрасив его всеми оттенками коричневого: бледный катран, бессмертник и сантолина цвета охры, черные семенные коробочки люпина.

11-е, суббота. август 1990

Приехал ХБ со своим приятелем Мартином Джоном. Прогулялись до Лонг Питс. Диких цветов здесь почти не осталось. Ворсянка и василек, которых было полно, когда я сюда приехал, сейчас практически исчезли. На открытых лесных пространствах летают большие стрекозы.

Поздно вечером они разожгли на пляже костер и гонялись под луной за ежами.

12-е, воскресенье. август 1990

Воскресные газеты рассказывают о нефтяном кризисе в заливе. ХБ готовит себе завтрак и перемывает горы грязной посуды. Я крашу заднюю часть дома. От смолы щипет глаза. ХБ в синем комбинезоне похож на фермера; он кладет в цветы просвирника мед для пчел. Стивен и Мартин готовят на кухне овощной гуляш. Светит солнце. Позже на звездное небо выйдет яркий полумесяц.

13-е, понедельник. август 1990

Красный адмирал приземлился на мой комбинезон и сложил крылья — я не двигался несколько минут, дав ему отдохнуть. Подстриг лаванду и сантолину на передней клумбе; в каждом цветке пьют нектар маленькая медянка. На мяте я сосчитал семь.

14-е, вторник. август 1990

Собирал на пляже камни для сада. Подрезал бессмертник. Темные тучи и удушающая жара. Дождь — всего несколько капель. Забравшись на лестницу, Брайан окрашивает свой дом в черный цвет.

Миссис Ричардсон, которая родилась в этом доме через четыре года после его постройки, пришла взглянуть на сад. Ей было приятно, что Хижину Перспективы до сих пор любят.

15-е, среда. август 1990

Праздничный день. Ветер, морось. Бессонная ночь из-за аллергии. Интервью с Энтони Клэром на радио показалось честным и искренним, хотя выражать вслух свои мысли о семье и ВИЧ оказалось гораздо сложнее, чем их записывать.

16-е, четверг. август 1990

Домой в Лондон. Меня довезли Грэй и Джо. Весь день идет дождь, Ромни Марш был желтым, как Сьерра. Низко летающие ласточки вынуждали Грэй жать на тормоза.

Дома меня ожидало письмо от организаторов нью-йоркского кинофестиваля, отклонивших «Сад». Это странно, поскольку они брали все мои фильмы начиная с «Караваджо». Джон усмехнулся: «Понятно — они боятся».

Линн сказала, что нью-йоркский кинофестиваль испытывает финансовые трудности: в дверь стучат Джесс Хелмс

и остальные «возрожденные», так что надо блюсти «незапятнанный» имидж.

И все же я огорчен. Мне так хотелось отвезти этой осенью фильм в Нью-Йорк. Долгие жаркие дни, книжные магазины, бесцельное блуждание по Гринвич-Виллидж, великолепные завтраки в любой закусочной.

Телефонный звонок подтвердил, что «Сад» выпихнули, чтобы использовать это время на благотворительный вечер. Всю свою жизнь я являюсь объектом этой незримой цензуры: что финансировать, что нет, что показывать, когда и как — все это выглядит совершенно нелепо. Посмеялся, но все-таки немного жаль. Ничего нельзя доказать.

17-е,

пятница.

август

1990

Холодный солнечный день, почти осень. Пишу эти слова по пути в Сент-Мэри, сидя в такси, которое проезжает по Оксфорд-стрит мимо симпатичного парня на мотоцикле.

Сегодня Лондон в радость. Вчера, впервые за несколько месяцев, я немного выпил. Легкое, но приятное забытье.

В клинике плакат: «Спонсорский велосипедный заезд для *The London Lighthouse*». Большие суммы от Кола Портера, Гилберта и Джорджа, Яна Маккелена. Но я, сидя здесь, думаю: что бы произошло, если б мы полностью зависели от благотворительности? Слава богу, на дворе не девятнадцатый век.

Решил принимать зидовудин в низких дозах — диданозин на испытаниях, в основном для тех, у кого отрицательная реакция на зидовудин. Побочные эффекты, которых я могу ожидать: головная боль, тошнота, потеря мышечной массы. Я пишу об этом довольно легкомысленно, сидя в рентгеновском отделении Сент-Мэри, но это было сложное решение, принятое с поддержкой многих друзей.

У меня появилась новая таблетка, которую надо принимать дважды в день — пятьсот миллиграммов, самая низкая доза. Решение целиком мое — я не обязан ее принимать, если не хочу. Но все советуют это сделать.

Рентген занимает кучу времени. Ненавижу эту комнату ожидания. Старики, дети, прикованные к инвалидным креслам, мрачное терпение. Тишину нарушает трель телефона. Плакат гласит: «Приходи раньше, выиграй время». Рядом со мной — арабская женщина в абрикосовой одежде, отороченной белым кружевом, бородатый джентльмен в тюрбане и два загорелых пожилых человека, беседующих о канарейках.

Мои снимки исчезают в механизме. Улыбаюсь обаятельному медбрату, который в марте возил меня по больнице. Синий плакат гласит: «Спасите здоровье нации».

Результаты: все чисто, легочная функция улучшилась. Клиника Варфсайд — остров; звучит Альбиниони, все дружелюбны и готовы помочь. Разговоры, улыбки на лицах. Я забираю рецепты: зидовудин, ритафер, пироксидин, метамин, фолиевая кислота, трилудан, сульфадиазин, карбамазепин.

3-е, понедельник. сентябрь 1990

Болезнь вышвырнула меня в демонический диснеевский мир, где кресла и столы танцуют и дерутся, а комната вращается. Невероятная боль. Будто кто-то другой лежит на кровати с катетерами и капельницами.

Оцепеневший от боли, я возвращался в Лондон из Эдинбурга на поезде, где люди дрались за места и всю дорогу орали дети.

В субботу мне удалили аппендикс, выяснив, что вылечить или успокоить его антибиотиками невозможно. Я выбирался из сумерек с металлической молнией, проходящей сверху донизу моего живота. Травмированный кишечник, потроха, выложенные на операционный стол, вернули в живот, напряженный, как воздушный шарик. Я не могу двигаться и несколько дней лежу, глядя в потолок, как оловянный солдатик.

Ночные сновидения от производных морфия становятся все ужаснее. По комнате шныряют демоны.

Через десять дней я беру ручку, изголодавшись по записям. Прошло полгода с тех пор, как я заболел. Я потерял девять килограммов, и бритва вновь оставляет порезы на моем лице.

Дерек Джармен
Современная природа

Издатели:

Александр Иванов, Михаил Котомин

Выпускающий редактор:

Лайма Андерсон

Корректор:

Любовь Федецкая

Дизайн:

Екатерина Лупанова

Компьютерная верстка:

Марина Гришина

Все новости издательства

Ad Marginem на сайте:

www.admarginem.ru

По вопросам оптовой закупки
книг издательства Ad Marginem

обращайтесь по телефону:

(499) 763-32-27

или пишите на sales@admarginem.ru

ООО «Ад Маргинем Пресс»,

Резидент ЦТИ ФАБРИКА

105082, Москва,

Переведеновский пер., д. 18

тел./факс: (499) 763-35-95

Отпечатано в соответствии

с предоставленными материалами

в ООО «ИПК Парето-Принт»,

170546, Тверская область,

Промышленная зона Боровлево-1,

комплекс №3А, www.pareto-print.ru

Заказ № 3824/19

